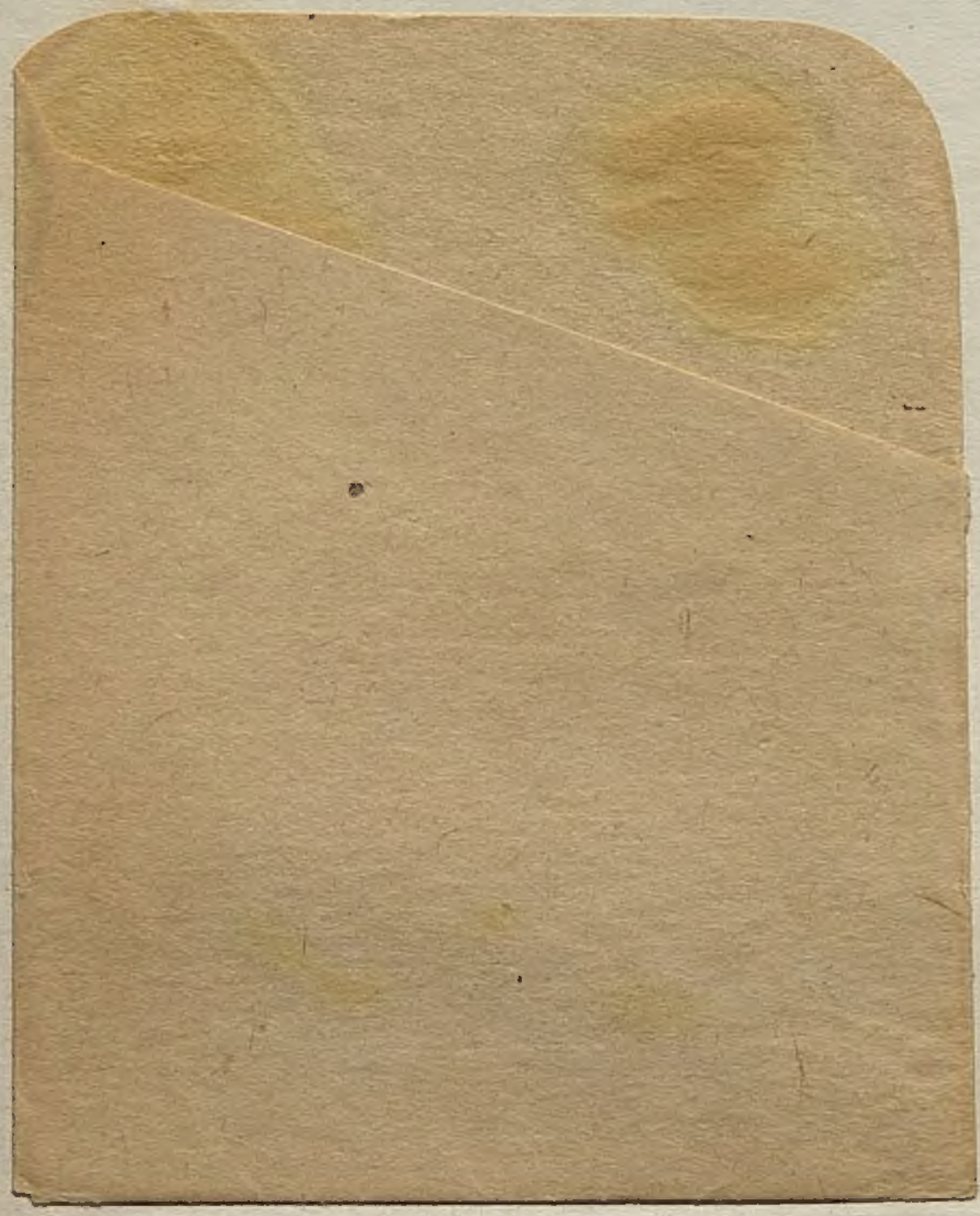
342.4C
Г-



Г. С. ГУРВИЧ

342.4С
Г

ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

88074811 Б–ка АП РФ

р/ф

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 10 000 экз.
Главлит № А — 58234.
Гиз С 70 № 35815
Заказ № 10129
21¼ п. л.

☆

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие к восьмому изданию 12

ВВЕДЕНИЕ.

Понятие конституции как основного закона . . . . . 13—35

1. Что такое конституция? — 2. Конституция есть закон. — 3. Значение конституции как закона. — 4. Конституция есть основной закон. — 5. Значение основных законов вообще. — 6. Значение основного закона государства. — 7. Две конституции и их различие. — 8. Этого различия не существует в науке права. — 9. Так ставятся вещи на голову. — 10. Где надо искать основной закон государства? — 11. Фактическая сила, действующая в государстве, как его подлинный основной закон — это экономический интерес господствующего класса. — 12. Конституция в основе своей есть отражение и выражение экономического интереса. — 13. Туман и путаница в буржуазной науке. — 14. Буржуазная конституция и буржуазный карман. — 15. Движущая сила советского государства. — 16. Экономическая необходимость власти пролетариата. — 17. Гигантское перемещение сил. — 18. Советская конституция — произведение самой жизни. — 19. Она вырастала. — 20. Ей необходимо предшествовала декларация прав. — 21. Декларации прав имеют свою, весьма поучительную, историю. — 22. Декларация прав как общее выражение нового экономического интереса. — 23. Декларации прав буржуазии. — 24. В чем смысл нашей декларации? — 25. Она — то семя, из которого выросла конституция. — 26. Некоторые исторические данные. — 27. Декларация прав и XII Съезд советов. — 28. Способность советских конституций к свободному развитию. — 29. Как вносятся поправки? — 30. Формальное различие законов основных и обыкновенных. — 31. Твердые и гибкие конституции. — 32. Оговорка о пересмотре и ее содержание. — 33. Вообще практика весьма разнообразна. — 34. Обычное свойство буржуазных конституций — формальная, т. е. законом подтвержденная, неподатливость. — 35. Причины твердости буржуазных конституций. — 36. Свидетельство буржуазных ученых. — 37. Буржуазная конституция как классовый компромисс. — 38. Буржуазная конституция как защита от возможных злоупотреблений власти. —

Стр.

39. Именно такой смысл и имеют любопытные признания, вырывающиеся иногда у буржуазных исследователей. — 40. Источники гибкости Советской конституции: а) Отношение пролетариата и крестьянства. — 41. б) Отношение власти и масс. — 42. Создавая свою конституцию, пролетариат хотел иметь в ней хороший и практичный рабочий план. — 43. Поправки и дополнения.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Государство.

Глава первая.

Происхождение и характер государства . . . . . 36—46

44. Статья первая. — 45. Что скрывается под понятием «государство». — 46. Необходимые черты государства. — 47. Всегда ли существовало государство? — 48. Родовой (догосударственный) строй. — 49. Падение первобытного коммунизма. Образование классов. — 50. Зарождение классовой розни. — 51. Вырождение родового строя. Необходимость государственной власти. — 52. Государство — средство эксплоатации. — 53. Насильническая сущность государств: а) Древний мир. — 54. б) Средневековье. — 55. в) Новое время. — 56. Настоящее историческое место государства. — 57. Оно есть отношение между людьми. — 58. От Аристотеля до наших дней. — 59. Государство в германской философии. — 60. Лассаль и его последователи. — 61. Анархизм против государства. — 62. Требуют ли анархисты разрушения государства? — 63. Неясность и незаконченность воззрений Бакунина. — 64. Анархистские определения государства. — 65. Каковы же задачи пролетариата по отношению к этому чудовищу? — 66. Борьба Маркса и Энгельса с верой в буржуазное государство. Опыт Коммуны. — 67. Критика Готской программы. «Анти-Дюринг». — 68. Предисловие к «Гражданской войне во Франции». — 69. Маркс в «Vorwärts'е». — 70. Победа идей Маркса.

Глава вторая.

Пролетариат и государство . . . . . 47—62

71. Классы — основа государства. — 72. Понимание сущности государства есть продукт капиталистических отношений. — 73. Противоречия капитализма. Перепроизводство. — 74. Общественный характер производства. — 75. Оно общественным является не только по форме своей, а и по внутреннему значению. — 76. Индивидуальный характер присвоения. — 77. Финансовый капитал и анархия производ-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ства. — 78. Неустранимость анархии производства. — 79. Пролетариат. — 80. Его экономические интересы. — 81. Его экономические задачи. — 82. Исчезновение государства как следствие новых производственных отношений. — 83. Сущность задачи. — 84. Падение власти над людьми. — 85. Переходный период. — 86. Моральное банкротство правящих классов. Этическое гниение. — 87. Конфликт личных и общенародных интересов. — 88. Цинизм и лицемерие. — 89. Апатия и эгоизм. — 90. Все это иллюстрируется текущей действительностью. — 91. Капиталисты излишни. — 92. Двусторонний кризис буржуазной государственности. — 93. Пролетарское государство — последнее государство. — 94. Его основная цель. — 95. Государство против государства. Сокрушение буржуазной машины. — 96. Что нужно сломать? — 97. Анархистские требования отмены государства. — 98. Постановка вопроса. — 99. Энгельс об отмирании пролетарского государства. — 100. Маркс о разбитии буржуазного государства. — 101. Выводы. — 102. Возражения одних анархистов теряют силу... — 103. Возражения других отпадают... — 104. Третьим необходимо кое-чему поучиться.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

Государственная власть.

Глава третья.

Власть и диктатура . . . . . 63—71

105. Вопрос о власти в буржуазной науке. — 106. Путаница понятий. — 107. Действительное содержание государственной власти. — 108. Что она защищает? — 109. Отношение власти к интересам подчиненных классов. — 110. Отношение власти к интересам господствующих классов. — 111. Разбор обычных возражений. — 112. Всеобщее избирательное право как орудие властвования. — 113. Бессилие рабочих объединений. — 114. Обоюдоострый характер кооперативов. — 115. Социалисты в парламентах. — 116. Изнанка демократии. — 117. Что значит «буржуазная демократия». — 118. Демократия, диктатура, империализм. — 119. Безраздельное господство капитала. — 120. Начало буржуазной диктатуре положено давно. — 121. Рост государственной власти за вторую половину XIX века. — 122. Расцвет буржуазной диктатуры. — 123. Что же такое диктатура?

Глава четвертая.

Диктатура пролетариата . . . . . 72—98

124. Диктатура и гражданская война. — 125. Диктатура большинства. — 126. Диктатура пролетариата выдвинута

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

была самой революционной жизнью и ею же с каждым днем укреплялась. — 127. Буржуазный ученый о революционной диктатуре. — 128. Диктатура в «Коммунистическом манифесте». — 129. Диктатура в «Борьбе классов во Франции». — 130. Как выковывалось Марксом понятие диктатуры. Поворотный «пункт». — 131. Переходный период и его содержание. Критика Готской программы. — 132. Назначение пролетарской диктатуры. — 133. Энгельс и опыт Коммуны. — 134. Диктатура как способ, определяемый целью. — 135. Отказался ли Энгельс от революционного насилия? — 136. К. Каутский и диктатура пролетариата. — 137. Диктатура и демократия в Советском Союзе. — 138. Что говорят в защиту буржуазной демократии? — 139. «Общая воля». — 140. Пролетариат и крестьянство. — 141. Буржуазный характер дооктябрьских революций. — 142. Пролетарская революция в октябре 1917 года. — 143. Правительственные мероприятия в области земельной носили социалистический характер. — 144. Пролетариат — вождь и учитель. — 145. Деревня и город в Советском государстве. Предвидение Маркса. — 146. Современное существо пролетарской диктатуры. — 147. Отношение к бедняку. — 148. Отношение к середняку. — 149. Отношение к кулаку. — 150. Старый спор буржуазии и пролетариата из-за крестьянства. — 151. Течения внутри пролетариата. — 152. Остатки буржуазных классов. — 153. Отношение пролетариата к самому себе. — 154. Умышленное замазывание шептунами действительного существа Советской республики. — 155. Диктатура над собой и для себя. — 156, 157. Отношение к интеллигентским спецам. — 158. Отношение к буржуазным паразитам. — 159. Пролетариат и его партия. — 160. Соблазны власти. — 161. Как предохранить себя от этой опасности.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

Государственная система.

Глава пятая.

Представительное правление в буржуазном государстве . . 99—131

162. Республика советов. — 163. Монархии и республики. — 164. Абсолютизм. — 165. Конституционное государство. — 166. Дуализм и парламентаризм. — 167. Непосредственная республика. — 168. Народ в представительном государстве. — 169. Распыление народа на отдельных личностей. — 170. Индивиды — основа буржуазного государства. — 171. Необходимость представительства. — 172. Народная воля и народное представительство. Руссо. — 173. Кража народного верховенства: а) Монтескье, —

Стр.

174. б) Сийэс. — 175. Верховенство народа и его воля остались пустым звуком. — 176. Как подделывалась народная воля. — 17 7. Общественное мнение как источник народной воли. — 178. Как оно создается. — 179. Кем и как оно осуществляется. — 180. Да что же оно такое? — 181. Единой общей воли не может быть в классовом обществе. — 182. Лишение народа власти. — 183. Выводы. — 184. Парламентское правление. — 185. Сложность задач современного государства. — 186. Опыт перечня этих задач. — 187. Неспособность парламентов. — 188. От деловой работы — к болтовне и интригам. — 189. Парламент в Англии. — 190. Потеря власти. — 191. В других странах дело обстоит не лучше, а хуже. — 192. Экономические причины, обусловившие гибель буржуазных представительных учреждений. — 193. В Англии власть перешла к министрам. — 194. В Америке — к дельцам. — 195. Законодатели — товар, который продается. — 196. Его продают и покупают биржевые дельцы. — 197. Что сталось с гражданскими идеалами буржуазии. Их экономический источник. — 198. Кому служила политическая свобода. — 199. Значение лозунга всеобщего равенства. — 200. Изнанка политических свобод. — 201. Распродажа «свободного слова». — 202. Свобода личности и ее классовый смысл. — 203. Все подчиняется принципу частной собственности. — 204. Как финансовый капитал упразднил промышленную демократию. — 205. Крушение политической демократии: а) Англия. — 206. Крушение политической демократии: б) Америка. — 207. Крушение политической демократии: в) Германия.

Глава шестая.

Общая характеристика советской системы . . . . . 132—161

208. Слияние власти с массами в Советской республике. — 209. Советская республика — общее дело. — 210. Советы как государственные органы. — 211. Но они остаются вполне классовыми рабочими организациями. — 212. Их разносторонность. — 213. Паразитический характер органов управления. — 214. Советские органы уже сейчас превращаются из непроизводительных в производственные. — 215. Советы — классовое представительство. — 216. Советы и классовый интерес. — 217. Советы и связь с массами. — 218. Разделение властей в буржуазной теории. — 219. Разделение властей в буржуазной практике. — 220. Советская система построена на полном отрицании такого разделения властей. — 221. Советское разделение властей: а) Съезд и ВЦИК. — 222. б) ВЦИК и СНК. — 223. в) ВЦИК и его президиум. — 224. Бесплодность сравнений. — 225. Законы и их сила. — 226. Центр и места у буржуазии. —

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

227. Она боится городского самоуправления. — 228. Характер верховной власти в Советской республике. — 229. Выводы. — 230. О роли партии. — 231. Недостатки технического государственного аппарата: а) Дороговизна. — 232. б) Вялость и медленность. — 233. в) Бюрократичность. — 234. Чем может помочь партия. — 235. Методы и способы овладения государственным аппаратом. — 236. Политические права трудящихся и единовластие рабочего класса. — 237. Возможно ли равенство между трудящимися и буржуазией. — 238. Отношения рабочих и крестьян. — 239. Право государственного строительства как основное политическое право пролетариата и крестьянства. — 240. Уничтожение частной собственности в качестве предпосылки действительной свободы. — 241. Свобода слова. — 242. Свобода собраний. — 243. Свобода союзов. — 244. Свобода школы и науки. — 245. Свобода совести.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Избирательное право.

Глава седьмая.

Понятие избирательного права . . . . . 162—183

246. Предварительные замечания. — 247, 248. Зарождение народного представительства одновременно с зарождением буржуазного государства. — 249. Ограничения избирательного права. — 250. а) Имущественный ценз. — 251. б) Ценз оседлости. — 252. в) Образовательный ценз. — 253. г) Возрастной ценз. — 254. д) Половой ценз. — 255. Борьба пролетариата за всеобщее избирательное право. — 256. Избирательные права как средство классовой борьбы. — 257. Буржуазия и права меньшинства. — 258. Упразднение открытого имущественного ценза. — 259. Неравенство избирательного права. — 260. Косвенные выборы. — 261. Обеспечение тайны голосования. — 262. Активное и пассивное избирательное право. — 263. Пассивное избирательное право стоит больших денег. — 264. Поиски совершенных избирательных систем. — 265. Мажоритарное голосование. — 266. Пропорциональные выборы. — 267. Бессилие пропорциональной системы. — 268. «Органическая» система и ее несостоятельность. — 269. Оценка всеобщего избирательного права с точки зрения пролетариата.

Глава восьмая.

Советское избирательное право . . . . . 184—206

270. Особенный характер пролетарских представительных учреждений. — 271. Каковы представительные учреж-

Стр.

дения, таково избирательное право. — 272. Уничтожение буржуазного избирательного права. — 273. Совпадение активного и пассивного избирательного права. — 274. Ответственность депутатов непосредственно перед избирателями. — 275. Выявление не индивидуального, а коллективного интереса. — 276. «Представительство интересов»? — 277. Применение классового принципа при определении состава избирателей. — 278. Исчезновение ценза оседлости. — 279. Советский избирательный возраст. — 280. Избирательные права армии. — 281. Формирование большинства посредством советского избирательного права. — 282. Всеобщее ли избирательное право? — 283. Единство местного и центрального представительства. — 284. Выборы не прямые, но и не косвенные. — 285. Решительная непригодность старых наименований. — 286. Неравенство избирательного права. — 287. Что оно обозначает у буржуазии. — 288. Что обозначает неравенство у нас. — 289. Абсентеизм избирателей и его причины. — 290. Особенности нашего абсентеизма.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

Федерализм.

Глава девятая.

Пролетариат и национальный вопрос . . . . . 207—224

291. Разложение Российской империи на ее составные части. — 292. Пролетариат принимает многонациональное наследство. — 293. Что такое национальная общность. — а) Нация и территория. — 294. б) Нация и язык. — 295. в) Нация и раса. — 296. г) Нация и экономика. — 297. Национальная общность, как общность языка, территории и хозяйства. — 298. Классовый смысл буржуазного понимания нации: а) Национальное сознание. — 299. б) Национальный характер. — 300. Что же создает нацию в современном смысле? — 301. Интересы буржуазного рынка требуют единства территории, хозяйства, языка. — 302. В борьбе за овладение внутренним рынком буржуазия сложилась в нацию. — 303. В этом был залог национальной исключительности и соперничества. — 304. Пролетариат и принцип равенства наций. — 305. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. — 306. Интересы мировой революции и право наций на самоопределение. — 307. В чем смысл этого лозунга. — 308. Пролетариат, империализм и угнетенные нации. — 309. В государстве пролетариата нет места национальному вопросу. — 310. Превращение российского пролетариата в нацию. — 311. Что значит «державная нация». — 312. Крестьянин как охрани-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

тель национальных черт. — 313. Национальное выравнивание по линиям хозяйства, политики, культуры. — 314. Признание права на отделение — гарантия целости государства. — 315. Как воспользовались этим правом разные нации.

Глава десятая.

Автономизм и федерализм у буржуазии . . . . . 225—241

316. Формы децентрализации. — 317. Различные формы децентрализации суть лишь различные формы угнетения. — 318. Стремление крупного капитала к единству эксплоататорской власти. — 319. Суверенитет и его сверхъестественные свойства. — 320. Суверенитет и государство. — 321. Государства суверенные и несуверенные. — 322. Обожествление суверенитета и его действительная роль. — 323. Буржуазия спасает суверенитет от покушений пролетариата. — 324. Она блюдет его нерушимое единство. — 325. Учение о суверенитете есть учение о национальных интересах буржуазии. — 326. Как размежевать власть, не затрагивая ее единства. — 327. Государственное единство против самоуправления: а) «Общественная» теория. — 328. б) «Государственная» теория. — 329. Государственное единство против автономии. — 330. Единство и автономизм в Великобритании. — 331. Протекционизм и усиление централистических тенденций. — 332. Причины разнообразия буржуазных автономических форм. — 333. Государственное единство против федерализма: а) Америка. — 334. б) Швейцария. — 335. в) Германская империя. — 336. г) Германская республика. — 337. Наука освещает всевластие централизованного капитала. — 338. Задача очень трудная. — 339. Выводы.

Глава одиннадцатая.

Автономизм и федерализм в советской системе . . . . . 242—265

340. «Свободная организация по коммунам!» — 341. «Объединение действия всех коммун!» — 342. Объединение это было добровольным. — 343. Самозаконодательство и самоуправление — органические черты советских «мест». — 344. Историческая необходимость размежевания по нациям. — 345. Программа буржуазии в национальном вопросе. — 346. Советская система в национальных рамках. — 347. Области и республики. — 348. Юридическое положение автономных областей. — 349. В чем их автономность. — 350. Юридическое положение автономных республик. — 351. В чем автономность автономных республик. — 352. Как «аппердецинруется» советский автономизм буржуазной школой. — 353. Роль автономии у нас и у буржуазии. — 354. Федерализм «прирожденный?» — 355. Федерализм юридиче-

Стр.

ский? — 356. В чем суть советского федерализма. — 357. Историческое возникновение советской федерации. — 358. Ее цель. — 359. Необходимость в верховных всесоюзных органах. — 360. Эта необходимость выявилась за время существования договорных отношений. — 361. Объединение хозяйственного строительства требовалось насущными нуждами советских стран. — 362. Создание союзного государства как завершение советской демократии. — 363. Вопрос о суверенитете. Почему буржуазия упразднила суверенитет наций. — 364. Пролетариат восстанавливает национальный суверенитет. — 365. Инициатива объединения исходила от суверенных наций.

Глава двенадцатая.

Обзор союзной конституции . . . . . 266—280

366. Распределение компетенции между Союзом и союзными республиками. — 367. Предметы исключительной компетенции Союза. — 368. Предметы преобладающей компетенции Союза: а) Народное хозяйство. — 369. б) Бюджет и финансы. — 370. в) Внутренняя торговля; труд. — 371. г) Земледелие. — 372. Предметы преобладающей деятельности союзных республик. — 373. Некоторые отдельные вопросы. — 374. Соотношение союзных органов. — 375. Центральный исполнительный комитет Союза. — 376. Двухпалатная система у буржуазии. — 377. Совет национальностей и Союзный совет. — 378. Президиум Центрального исполнительного комитета. — 379. Совет народных комиссаров Союза. — 380. Федерация как переходная форма к полному единству трудящихся разных наций.

Примечания . . . . . 281—307

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа 308
II. Конституция РСФСР 310
III. Конституция СССР 326
IV. Из Инструкции о выборах в Советы 336
V. Статьи из «Положения о ЦИК СССР» 339
VI. Статьи из «Положения о народных комиссариатах СССР» . . . . . —
VII. Статьи из «Положения о СНК СССР» 340

К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ.

В восьмое издание внесен по сравнению с седьмым ряд поправок. Параграфы 144, 145, 147, 148 написаны заново.

Г. Гурвич.

3 октября 1929 г.

ВВЕДЕНИЕ.

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ КАК ОСНОВНОГО ЗАКОНА.

1. Что такое конституция? Есть много понятий, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, не задумываясь, что собственно они означают. Один ученый монах первых времен христианства на вопрос: что такое время?—ответил: когда меня не спрашивают, я знаю. То же, пожалуй, принуждены будут ответить и многие из так называемых образованных людей, если их спросить, что такое конституция. Сказать: конституция—это основной закон, значит сказать очень мало, почти ничего, ибо этим только вводятся два новых понятия: основы и закона, которые в свою очередь нуждаются в разъяснении. А этого разъяснения нет и в науке. Много конституций создала буржуазия, много потрачено времени и сил на изучение конституционных законов—этим занимается особая наука, наука конституционного права—и все-таки напрасно было бы искать в этой науке верного понимания того, что такое конституция вообще.

2. Совершенно верно, что конституция есть закон. Она исходит от государства, от которого исходят законы вообще. Она имеет силу закона: соблюдение конституции обязательно для всех, нарушители ее караются. Отменяться или изменяться она может только в законодательном порядке. Все это признаки закона. Законы—вот общая группа, общий род явлений, к которым относится и конституция. Но ведь всякое определение так именно и создается, что сначала ищут общий род (например: человек есть животное, относится к роду животных), а потом улавливают признак, выделяющий определяемый предмет из общего рода (например, человек есть животное общественное; неспособность человека жить и развиваться вне общества—вот отличительный признак человека среди других животных). Имеет ли конституция, как закон, такой отличительный признак, вы-

деляющий ее из массы других законов? И в чем он заключается?

3. Значение конституции как закона. В странах буржуазной демократии рядовой обыватель в создании законов не участвует и очень плохо о них осведомлен. Законы пишутся чуть ли не каждый день, и толстые томы действующего законодательства множатся десятками, но обыватель узнает о законе лишь тогда, когда закон непосредственно его коснется. И можно прожить долгую жизнь, не имея понятия о законах своей страны. Но существует испытанное средство привлечь внимание к закону и сделать его в случае надобности крайне непопулярным: объявить, что он не согласуется с конституцией. Пусть заговорят об этом газеты, пусть заспорят об этом то здесь, то там, и в короткое время можно создать великий шум вокруг этого действительного или мнимого «покушения на конституцию».

4. Конституция есть основной закон. Таким образом искони повелось, что в сознании буржуазии конституция не просто закон. Она несравненно выше и важнее всякого другого закона. И не только широкая публика, так же смотрят и ученые правоведы и государственные деятели; и они-то, составляя конституцию, устанавливают особый порядок ее изменения или дополнения. Всякий закон, будь он даже исключительной важности, изменяется и отменяется обычным порядком: это производит то законодательное учреждение, которое вообще уполномочено издавать законы. Но если жизнь требует изменения конституции, хотя бы самых незначительных поправок, тогда приходится преодолевать огромные искусственные препятствия, нарочно придуманные для того, чтобы нелегко было дотронуться до конституции,—тогда приходится учреждать особый временный законодательный орган специально для пересмотра конституции (см. §§ 28 и сл.).

Как же понять такое отношение к конституции? Повидимому, она не просто закон, она глубже всякого закона и выше всех законов, вместе взятых. Повидимому, в ней сосредоточивается некая основа всей государственной жизни, это—фундамент, на котором покоится государство. Короче, это—основной закон.

5. **Значение основных законов вообще.** Но что же это собственно значит и следует ли так дорожить основой? Нетрудно ответить на это. Ведь то, что имеет основание, отличается, во-первых, прочностью, во-вторых, перестает быть случайным. Цель всякой науки состоит именно в открытии основных объединяющих законов, от которых зависят явления жизни. Можем ли мы чувствовать себя спокойно, если не знаем основного закона, управляющего, например, движениями планет? Если земля вращается около солнца, а луна—около земли, то ведь непременно возникает вопрос: что же, это движение—случайно?—и тогда каждую минуту можно ожидать мировой катастрофы: или же оно имеет основание, не допускающее его быть иным,—и тогда мы можем не опасаться за ближайшее, по крайней мере, будущее. Притягательная сила солнца—вот основной закон, действующий во вселенной и делающий движения планет не случайными, а необходимо такими, какими мы их наблюдаем. И пока не потухнет солнце, движение это не изменится.

6. **Значение основного закона государства.** Нет никакого сомнения, что и государство покоится на некой основе. Должна быть и наверно существует какая-то деятельная сила, направляющая все то, что происходит в государстве. Как идет производство, как организовано распределение, как действует предприниматель, как живется рабочему, как судит судья, как думает законодатель, как управляет администратор, как учит учитель,—все это не может быть случайным, все это подчинено необходимо действующей силе, основному закону. Такой деятельной и направляющей силой буржуазная наука и считает писаную конституцию.

7. **Две конституции и их различие.** Но неправильность такого воззрения бьет в глаза. Ведь лист бумаги, на котором написано «Конституция», очевидно, совсем не сила. Это всего только выражение в словах и знаках той силы, о которой идет речь. И сила эта нисколько не изменится сама по себе, если мы даже сожжем или иным каким-нибудь способом уничтожим бесследно все экземпляры конституции. Сила эта останется и попрежнему в любую минуту даст себя чувствовать. Нужно, следовательно, строго различать две вещи: конституцию материальную и конституцию формальную; ту фактическую силу, ко-

торая действует в государстве, и от которой зависят все явления жизни этого государства, и документ, акт, бумагу, в которой выражены свойства и характер этой силы.

8. Этого различения не существует в науке права. Но буржуазное конституционное право блещет именно такой наивной верой в лист бумаги. Товарный фетишизм, определяющий психологию буржуазного общества, сказался здесь с разительной наглядностью. У Еллинека конституция есть порядок, согласно которому создается и исполняется воля «постоянного союза, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему» [1]. Далее мы узнаем, что «общее правило составляет у культурных народов порядок, санкционированный правом, составляющийся из совокупности правоположений, и что такая совокупность правоположений и образует современную конституцию—писанную—или конституцию в формальном смысле. А далее уже все время речь идет именно о конституции писанной. Именно лист бумаги наделяется чудодейственной силой создавать, ограничивать, регулировать и т. п.,—одним словом, управлять, о различении же конституций материальной и формальной в указанном выше смысле нет и речи, а тем более нет ни потребности, ни попытки понять и определить ближе ту силу, которая создает самую конституцию, как лист бумаги, и является действенным всенаправляющим фактором государственной жизни. В этом отношении еще непосредственнее и наивнее выражается Брайс: «Когда мы говорим о конституции какого-нибудь государства или какой-нибудь нации, мы разумеем под этим словом те правила или законы, которыми устанавливается форма правления и которыми определяются права и обязанности правительства по отношению к гражданам и граждан по отношению к правительству» [2].

9. Так ставятся вещи на голову. Как видим, общество покоится на законах, а не наоборот. Государство по конституции, а не конституция по государству! Но ведь всякая конституция есть прежде всего клочок бумаги или собрание таковых. Каким же образом клочок бумаги может являть собою «порядок», создающий «волю постоянного союза»? Как может он «устанавливать» «форму правления»? Здесь мы вступаем в область истинных чудес, которые, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказываются обыкновенным шпагоглотательством буржуазных ученых. Ибо к чему же иному, как не к обоготворению листа бумаги, может привести занятие идеями, как самостоятельными сущностями? [3] Ведь на этом листе запечатлены идеи! Детская вера авторов подобных определений в магическое действие типографских знаков. если они сверху имеют сакраментальный заголовок «Конституция», а внизу украшены соответствующими подписями и печатями, неизбежно вытекает из догматического утверждения суверен-

пости мышления, определяющего бытие, из постоянной недооценки, а то и полного игнорирования единственно реального—экономического—базиса социальных явлений. Действительное фактическое существо конституций остается тайной для буржуазного мышления.

10. Где надо искать основной закон государства? Легко открыть эту фактическую силу. Всякая писаная конституция, будь то единый акт или ряд разрозненных документов, источником своим имеет материальные условия человеческой жизни. Прежде чем мыслить и рассуждать, «погружаться в искусства, науки, предаваться мечтам и страстям», человек должен обеспечить себе кров, пищу, одежду, защиту от стихий и от диких зверей. И так необходимо бывает не только на первых порах существования человеческого общества: то, что производится в данном обществе, как производится и как распределяется производимое, всегда составляет основу. Эта основа—экономический строй общества—порождает все общественные отношения, порождает самое государство и все то, что в государстве происходит. В ходе хозяйственного развития появилось деление на свободных и рабов, на имущих и на неимущих, на знатных и простолюдинов, на управляющих и управляемых. Каждая эпоха знает свои хозяйственные потребности в зависимости от степени развития производительных сил, и каждая эпоха ставит определенные классы на место господствующих.

11. Фактическая сила, действующая в государстве, как его подлинный основной закон, это—экономический интерес господствующего класса. В государстве буржуазном коренная потребность управляющих классов общеизвестна: частная собственность на орудия производства. С этим тесно связана необходимость свободы хозяйственной деятельности. Буржуа должен иметь развязанные руки в области хозяйства: он требует свободы торговли во всех ее видах. Ему нужен наемный труд, он не может существовать, не эксплоатируя чужого труда, т. е. не выжимая из рабочего прибавочную ценность,—и он требует личной свободы для трудящихся масс.

12. И всякая буржуазная писаная конституция в основе своей есть отражение и выражение экономического интереса собственников, как коренного закона

буржуазного государства. Изучая характер капиталистического производства, мы находим полное соответствие между потребностями этого производства и теми общими политическими положениями, которые провозглашают буржуазные писаные конституции. И понять эти конституции можно, только уразумевши особенности хозяйственного строя капитализма. И много ли смысла в надеждах, возлагающихся на писаную конституцию, как на самостоятельную силу? И что же удивительного в разочарованиях, всегда сопровождающих такие надежды?

13. Туман и путаница в буржуазной науке. С этой точки зрения необыкновенно характерно исполненное пессимизма заявление Дайси: невозможно «для добросовестного мыслителя думать, что в мире воображаемом или действительном можно открыть какую-либо совершенную конституцию, способную служить образцом для исправления недостатков существующих государственных форм» [4]. Блестящее признание! Но тщетно думать, что «добросовестный мыслитель» сделает еще один шаг и откроет, что конституция вообще ничего не исправляет в государственных формах по той простой причине, что она есть всего лишь более или менее хорошее зеркало этих государственных форм. Этот один шаг стоил бы ему очень многого: полного разрыва с приемами и навыками буржуазного мышления. В свое время историческая школа заявила, что «настоящий правовой строй народа состоит не в паре листов законов о конституции, а в экономическом состоянии сил» [5]; но интерес класса, который эта школа защищала, заботливо предохранил ее от понимания ее собственного заявления. В этом отношении ближе всех к существу дела подошел Лассаль со своим определением материальной конституции, как фактических соотношений силы [6], но под силой он—по крайней мере в данном случае—разумеет не чистый экономический интерес, а действие оружия и финансовых средств, что с марксистской точки зрения совершенно неправильно: все эти наивные «теории насилия» в свое время высмеял Энгельс, доказав, что и деньги и оружие определяются экономикой, что в частности «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот» [7]. Что же касается буржуазных ученых, то самые авторитетные из них и в наше время продолжают, как Дайси, бродить вокруг да около и впадать в жалостные противоречия с самими собою; и отдельные трезвые голоса безнадежно тонут в этом водовороте заблуждений и недоумений. Так, увенчанный премией Боржо, с некоторым даже азартом возражая католическому покойнику Жозефу де-Местру, признает, что конституция не результат импровизации (большой успех в сравнении с вышеприведенной знаменитостью, Дайси, который, повидимому, лишь

в благодетельных последствиях таких импровизаций разочаровался!), по источником конституции считает «предсуществовавшее государственное право». Знает ли он, какое такое «предсуществовавшее государственное право» послужило источником хотя бы французской конституции 1789—1791 гг. или американской 1787 года? С другой стороны, тот же исследователь, отказывая конституциям в способности создавать новые формы правления и весьма неискусно обходя навязывающийся вопрос, что же именно, если не конституция, создает эти новые формы,—приписывает им—листам бумаги—способность «освещать и закреплять» эти новые формы [8]. Какие пустые и жалкие фразы! Как много нужно шаманской веры в вещи, чтобы утверждать, что буржуазные конституции, ежечасно нарушаемые и попираемые, что-то закрепляют и освящают!

14. Буржуазная конституция и буржуазный карман. Но вера в творческую роль писаных конституций—именно, в творческую—остается все же господствующей. Она умрет лишь вместе с буржуазией, как родилась с ней. Американский публицист во французской конституанте, Томас Пэн, обмолвился крылатым словом о конституции, которой нет, если ее нельзя положить в карман. Молодому, начинавшему жить буржуазному обществу такое открытие пришлось в высшей степени по вкусу: как часто после этого буржуа клал в карман конституцию, как свою священную, неотъемлемую собственность, лишь только пролетарий протягивал к ней руку! И этот своеобразный фетишизм листа бумаги идет через весь XIX век,—век писаных конституций. Как может буржуазный ученый вполне отречься от веры в движущую и созидающую силу записанных норм и правил, запечатленных идей? Ведь только в том случае, если они записаны, их и можно положить в карман.

15. Движущая сила советского государства. Все сказанное выше о конституции формальной и материальной и об их различии применимо и к Советской конституции. В нашем социалистическом государстве деятельной силой, создающей и определяющей его строй и отношения, служит хозяйственный интерес господствующего класса, т. е. пролетариата. Сила эта сложилась и выросла независимо от воли отдельных людей: рабочий класс властвует не потому только, что он этого хочет, или что этого хотят его вожди. Хозяйственный интерес собственников во всем капиталистическом мире перестал быть господствующим; противоречия капитализма выступают с особенной очевидностью; буржуазия из организатора и руководителя производства явственно превратилась в тунеядца и паразита; следствие: буржуазия не может больше управлять.

16. **Необходимость власти пролетариата.** Но результат этот ярче и скорее, чем где бы то ни было, сказался в России.

Перефразируя слова Маркса о Германии его времени, можно сказать, что российская буржуазия очутилась на уровне европейского упадка, хотя она никогда раньше не стояла на уровне европейской эмансипации [9].

После губительного во всех отношениях хозяйничанья помещиков и чиновников в России довоенного времени, после разорительного трехлетнего участия в мировой войне, обогатившей отдельные группы предпринимателей, но довершившей обнищание широких трудящихся масс, особенно сельских, наша буржуазия—еще молодая, неорганизованная и хищническая—явно неспособна была заново организовать производство и наладить хозяйство. Вольно или невольно, но при дальнейшем руководстве класса собственников Россия неминуемо должна была бы подпасть под неограниченное влияние империалистического Запада, стать его покорной данницей, его колонией, из которой высасывают соки, ничего взамен не давая. Это—участь Индии, Ирландии, Кореи. Наши капиталисты не так уж много потеряли бы от этого, но над трудящимися классами нависло бы иго экономического рабства, более тяжелое, чем в худшие времена царизма. А превращение в эксплоатируемую колонию такой огромной и богатой всяким сырьем страны влило бы новые силы в умирающий капитализм Запада.

17. **Те восемь месяцев, которые протекли между Февральской и Октябрьской революциями, были временем гигантского перемещения сил.** Во время революций история движется быстро; революции суть ее локомотивы,—сказал Маркс [10]. В этот период обостренной классовой борьбы, по мере того, как обнажались от всех покровов классовые противоречия, приобретали разительную ясность и выпуклость экономический и политический интересы страны. И становилось все более очевидным, что интерес изнемогающей страны и интерес пролетариата, как класса, совпадают. Задолго до Октябрьского переворота, уже в первые месяцы после Февраля, можно было предугадать, что остаться буржуазной революция

не сможет, ибо «дошло до невиданных размеров разорение, которое потребует (хочет ли этого кто-либо или нет),— потребует шагов вперед, к социализму. Ибо иначе итти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе облегчать муки трудящихся и эксплоатируемых нельзя» [11].

«Никакая новая структура не может родиться прежде, чем она стала объективной необходимостью. Капиталистическое развитие и крах капитализма завели общество в тупик, прекратили производственный процесс,—самую основу существования общества. Возобновление производственного процесса стало возможным только при господстве пролетариата...» [12].

18. Советская конституция—произведение самой жизни. Таким образом советская власть стала необходимостью. И она возникла. С весны 1917 г. до осени 1918 г. шла организация советских государственных форм. Больше года Советы—органы новой социалистической власти—строились и жили без всякой конституции. И во второй половине июля 1918 г. центральные и местные советские организации уже окончательно сложились во всех своих основных существенных чертах. Конституция РСФСР, ставшая 10 июля законом, ничего не создавала. Это был более или менее точный фотографический снимок с того, что уже есть. Если оставить в стороне агитационно-пропагандистские цели, которым она должна была удовлетворять, то ее главное назначение: подвести итог сделанному, охватить и осмыслить завоевания революции и тем самым дать примерный план, черновой набросок дальнейшего революционного строительства. В последующем, по мере восстановления и укрепления советской власти в Белоруссии, на Украине, в Туркестане, на Кавказе, в Крыму, она послужила образцом для конституций союзных и автономных республик. Ни одна из них, конечно, не копирует ее, но все они нашли в ней и заимствовали из нее ряд общих и частных формулировок, вполне соответствовавших положению этих республик. Таким образом, Конституция РСФСР приобрела значение типичной советской конституции.

Более всего приложимо к нашей Конституции то, что сказано в «Коммунистическом манифесте» о теоретических положениях коммунистов: она, как и они, «не основывается во-

все на идеях, на принципах, изобретенных или открытых тем или иным исцелителем мира». Она является «лишь общим выражением действительных условий существующей классовой борьбы, совершающегося на наших глазах исторического движения» [13].

19. Она вырастала. И так как Конституция эта «не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии», а «вырастала из хода классовой борьбы по мере созревания классовых противоречий» [14], то она лучше всякой исторической конституции схватила и запечатлела тот фактический основной закон государства, ту движущую, действенную силу, о которой говорилось выше: жизненный экономический интерес нового господствующего класса.

20. Ей необходимо предшествовала декларация прав. Знаменательно, что этот интерес получил ясную и точную формулировку еще до появления Конституции. 16 января 1918 года ВЦИК опубликовал, а 23 января III Всероссийский съезд утвердил «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа».

21. «Декларации прав» имеют свою весьма поучительную историю. Средневековый мир их не знал, как не знал вообще права, равного для всех и обязательного для всех. Разделенное на профессиональные, политические, социальные группы средневековое общество располагало не правами отдельных личностей, которых не было, а правами сословий и корпораций, отделенных от государственного целого и конституировавшихся, как особые общества в обществе [15]. Это были привилегии и многочисленные хартии сословий, городов, корпораций, цехов, монастырей,—были, если можно так выразиться, применяя более поздний термин,—«декларациями привилегий». Но уже эти «декларации» выражали и воплощали не что иное, как определенный экономический интерес то одного, то другого «общества в обществе», что особенно подтверждается историей тех хартий, которые американские колонии Англии получали от английских королей или от своих частных владельцев. Происхождение их от торговых привилегий весьма бегло отмечает Еллинек [16], но заметим здесь кстати, что именно эти хартии и бывали впоследствии превращаемы в конституции отдельных штатов, что они значительно повлияли (в смысле готовых образцов) [17] на конституционное законодательство Франции эпохи Великой революции и еще ранее—на конституцию федеральную. Впрочем, американцы уже давно и торжественно засвидетельствовали, что их конституцию вызвал к жизни торговый интерес [18]. В сущности—это почти экономический материализм! Но, как известно, со времен Мольера,

не всякий говорящий прозой знает, что он говорит прозой. И справедливость требует отметить, что до этой прозы доросли весьма немногие: большинство ученых все еще созпательные поэты, которые именно из исторического исследования деклараций прав выводят заключение о «роли идеалов в истории»[19].

Буржуазия уничтожила феодальную раздробленность средств производства. Еще раньше, чем «вырвать из-под ног промышленности национальную почву», она вырвала из-под ног промышленности почву сословную и корпоративную. «Декларации привилегий» потеряли смысл: феодальное общество было разложено до самой своей основы,—до человека, и новое общество создалось на почве нового экономического интереса—свободы индивидуальной хозяйственной деятельности. Этот новый интерес требовал измышления новых прав—«droits naturels inaliénables et sacrés de l'homme»,—они были измышлены. Их нужно было выразить,—они были выражены в «Декларации прав человека и гражданина».

«Декларация прав», как общее выражение нового экономического интереса. Когда новый общественный класс ходом хозяйственного развития принуждается взять в руки политическую власть, он совершает это дело не сразу. Свои экономические потребности, как законы своего существования и развития, он должен предварительно формулировать, сказать о них во всеуслышание. Высказанные, они приобретают осязаемую яркость и конкретность, становятся достоянием массы. Мало иметь потребность—нужно еще осознать и осмыслить ее,—нужно, чтобы молния мысли, выражаясь словами Маркса, ударила в наивную народную почву.

23. Декларации прав буржуазии. Такими-то озаряющими молниями и являются «декларации прав». Во время Великой французской революции «третье сословие»—буржуазия, когда почувствовала, что должна из ничего стать всем, выразила свой назревший экономический интерес в «Декларации прав человека и гражданина». Но непосредственно к политической власти пришла она лишь спустя пять лет: через крушение монархии, провозглашение республики и падение Робеспьера. Эта декларация лучше и прежде всяких конституций провозгласила определившиеся нужды нового господствующего класса. Революционные конституции сменяли одна другую, но «Декларация прав» вплоть до самого 1799 года непрерывно возглавляла каждую из них. И в наше время, хотя она и не предше-

ствует основным законам 1875 года,—«кто же однако осмелится утверждать, что она не входит в состав действующей конституции республики?» [20]

24. В чем заключался смысл нашей декларации? «Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа» отделена была от Конституции РСФСР промежутком в шесть месяцев. Но между этими двумя разновременными актами существовала самая тесная внутренняя связь. Декларация впервые суммировала все великие завоевания революции. Она выявила все революционные достижения, в немногих словах (четыреста девяносто три слова) охватила их целиком, показала их смысл, необходимость и планомерность. Впервые в точных и твердых выражениях закона прошли перед массами дела и лозунги революции. После этой декларации классовый интерес пролетариата, его конкретные нужды, его намерения, экономический и политический строй его государства, его международная политика—все это приобрело видимую ясность и определенность, столь необходимые как для самых сознательных, так и для самых несознательных членов класса.

25. Она—то семя, из которого выросла Конституция. И, сравнивая ее с Конституцией в собственном смысле, с теми положениями, которые заключались в ст.ст. 9—90, легко увидеть, что она в скрытом виде содержала в себе все эти положения. Она предвосхитила их так, что все они, одно за другим, последовательно и неизбежно вытекали из нее. Конституция 1918 года помимо воли и, так сказать, без ведома ее составителей оказалась естественным продолжением декларации, ее развитием, ее истолкованием, рядом практических норм к ее общим положениям, и V Съезд советов, соединяя в одно целое два разновременных акта, руководствовался их несомненным и действительным единством.

26. С этой точки зрения не лишены интереса следующие исторические данные: Комиссия при ВЦИК для написания Советской конституции выделила из своей среды три подкомиссии, которые работали совершенно независимо друг от друга (хотя и по общему плану), не сообщаясь между собой и приходя в соприкосновение лишь на пленарных заседаниях комиссии. Одной из этих подкомиссий и было поручено специальное задание: составить проект «Декларации прав и обязанностей трудящихся». Выработанный этой подкомиссией (состоявшей,

кстати, из одного только лица) проект, после весьма обстоятельного рассмотрения в нескольких заседаниях пленума, решено было в окончательном виде предложить Съезду. Но в комиссии Съезда декларация была пересмотрена и отвергнута,— и правильно. Ибо проект подкомиссиц, при всей безупречности формы и богатстве содержания—основой его послужила классическая марксистская литература, главным образом Коммунистический манифест,—представлял из себя все-таки «сочинение». Это было книжное произведение, небольшой выдержанный трактат чисто теоретического характера, которым он неминуемо оставался, несмотря даже на включение в него в восьми пунктах перечня революционных мероприятий, вполне или частично осуществленных к тому времени. Понятно, что при невольно явившемся сравнении его с тем сухим, сжатым и сильным, как боевая команда, документом, который III Съезд обнародовал под именем «Декларация прав трудящихся и эксплоатируемого народа», преимущество последнего бросилось в глаза. Ведь это был голос самой революции, ведь это был ее собственный рассказ о ее собственных деяниях!—Вопрос решался сам собою [21].

27. Декларация прав и XII Съезд советов. Тем не менее, со времени принятия V Съездом первой Советской конституции произошло столь многое, что явилась потребность внесения ряда изменений в Конституцию 1918 года. И одним из важнейших в этом смысле событий было образование Союза советских социалистических республик (см. §§ 358 и сл.) и утверждение Союзной конституции, в связи с чем все члены Союза обязались произвести соответствующие изменения в своих Основных законах. XII Всероссийский Съезд советов в 1925 г., как и XIV Съезд в 1929 году, руководствовались при внесении поправок в Конституцию РСФСР не только необходимостью согласования ее с текстом Союзной Конституции, но и желанием поддерживать ее всегда на уровне политической жизни советского государства: должно существовать не приблизительное только, а полное соответствие между фактическим укладом этого государства и содержанием его Конституции (ср. § 42). Между тем бесспорно, что некоторые чисто конкретные положения декларации уже не совпадают в наше время с опередившей их действительностью (напр., указания на рабочий контроль, на начатие вывода войск из Персии,—см. Прилож. 1), что нисколько, однако, не колеблет непреложности основных начал,—ею впервые провозглашенных и ставших уже непосредственным до-

стоянием пролетарской политической мысли. Поэтому изменяемая Конституция, не содержа в себе текста «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», с полным правом подтверждает в первой же статье, что она исходит из основных положений этой декларации.

28. **Способность советских конституций к свободному развитию.** Но эта легкость, с которой конституции наши в любой момент воспринимают изменения, диктуемые не стоящей на месте жизнью, есть их характерная черта, мимо которой нельзя пройти, не отметить ее. Рассматриваем ли мы конституцию СССР или РСФСР, или любую из других союзных республик, мы видим, что документы эти никогда не омертвевают, всегда растут и развиваются, всегда говорят голосом живым, созвучным современности. Конституция, например, РСФСР много раз пересматривалась, изменялась и дополнялась, обнаруживая тем самым свой характер все обновляющегося организма. Рабочая конституция, конституция революционного класса,— она не хочет и не может превратиться в пышную декорацию, в почтенного покойника, присутствие которого среди живых и страшно и смешно: она должна каждую минуту сохранять свое значение рабочего плана, руководства, отражая экономический интерес господствующего пролетариата не как нечто отвлеченное, застывшее, для всех времен и обстоятельств данное, а как практическую задачу, решаемую различно в зависимости от тех или иных исторических условий.

29. **Как вносятся поправки?** Но для этого нужно, чтобы поправки, требуемые экономической и политической обстановкой, могли вноситься в основной закон без особых затруднений. Такому требованию Советская конституция удовлетворяет вполне: согласно ст. 16, Всероссийский Съезд советов может внести любое изменение как в ее основные начала, характеризуемые ст. 1*), так и во все второстепенные положения; менее же существенные поправки могут производиться и по предварительному решению ВЦИК с окончательным утверждением их на съезде. Таким образом 1) Конституция изменяется обычными зако-

*) См. об этом § 44.

подательными органами, 2) эти органы, изменяя Конституцию, не связаны никакими исключительными правилами и условиями (вроде специальных сроков, особого состава и порядка заседания, квалифицированного большинства голосующих и т. п.).

В этих двух положениях выражается то свойство Конституции, которое в буржуазной науке носит формальное наименование гибкости и которое у нас служит внешним проявлением некоторых очень важных особенностей пролетариата и его государства. Это свойство не служит, конечно, отличительной чертой Конституции РСФСР в ряду других советских конституций: оно принадлежит им всем. И Союзная конституция в ст. 2 предоставляет исключительному ведению съезда утверждение и изменение основных начал, не связывая его при этом никакими формальными условиями, если только изменения не касаются ст.ст. 4 и 6. Отсюда же можно заключить, что второстепенного характера поправки могут вноситься ЦИКом Союза.

30. Формальное различие законов основных и обыкновенных. В тридцатых годах XIX ст. знаменитый либеральный мыслитель Алексис Токвиль, рассуждая об организации судебной власти в САСШ, коснулся слегка вопроса о порядке изменения французской, английской и американской конституций и пришел к заключению, что английская конституция не существует, ибо парламент в Англии совмещает власть законодательную с властью учредительной[22]. С поверхностной формально юридической точки зрения он был совершенно прав, и напрасно Лоу бросил ему упрек в раздражении и нетерпении[23]: спустя семьдесят лет авторитетнейший теоретик права подтвердил, что «существенный правовой признак конституционных законов заключается исключительно в их квалифицированной формальной законной силе»[24], и где нет затруднительных формальностей, придуманных для ограждения ненарушимости конституций, там «законы, называемые конституционными, с точки зрения государственного права, ничем не отличаются от других»[25].

31. Твердые и гибкие конституции. Конечно, эта формально-юридическая точка зрения есть только неминуемое следствие того разрыва между экономикой и идеологией, которое совершается в головах юристов-теоретиков и о котором говорил Энгельс[26]. Непригодность таких и им подобных схоластических построений и их оторванность от фактов бьют в глаза: английская конституция все-таки существует! И вот Брайсу, больше практику, чем теоретику, пришла счастливая мысль, подсказанная, впрочем, тем же Токвиллем: на разделении учредительной и законодательной власти построить разделение

конституций на гибкие и неподатливые[27]. Классификаторам конституций он дал в руки столь недоставшее им довольно прочное основание деления, а попутно открылось, что Токвилль был введен в заблуждение именно необыкновенной гибкостью английской конституции.

32. Оговорка о пересмотре и ее содержание. Действительно, буржуазные конституции обычно содержат в тексте своем так называемую «оговорку о пересмотре», определяющую те условия, при соблюдении которых только и может совершиться пересмотр, или «ревизия», конституции.

И смотря по тому, простой или сложный устанавливается порядок пересмотра, можно (в очень формальном и условном смысле, как будет показано ниже) говорить о твердой или гибкой конституции.

Так, иногда ревизия предполагает роспуск парламента и новые выборы; иногда требуется образование особой чрезвычайной палаты народных представителей специально для ревизии; иногда для этого нужно прибегнуть к непосредственному народному голосованию. Часто палата, изменяющая конституцию, связана рядом более или менее стеснительных формальностей, например, необходимостью определенного большинства голосов или требованием многократного голосования в нескольких законодательных собраниях, следующих в известном порядке друг за другом.

33. Вообще практика весьма разнообразна. Первую французскую конституцию 1791 года запрещено было изменять в течение ближайших 10 лет (хотя она просуществовала всего несколько месяцев, однако как типичная буржуазно-монархическая конституция имела огромное влияние в смысле образца на ряд европейских конституций первой половины XIX столетия). Основные статьи греческой конституции 1864 года (действовавшей еще во время войны) забронированы были от пересмотра на вечные времена. То же—директориальная конституция 1795 года. Современная конституция Франции может быть изменена лишь «национальным собранием», составляющимся из палаты депутатов и сената; швейцарская и австралийская (как и в некоторых штатах С. А.) требуют обязательного всенародного голосования каждой поправки; конституция республиканской Германии (1919 год) требует для своего изме-

пения усиленного кворума палаты и усиленного большинства голосов, к тому же—рейхсрат может поставить огромное препятствие проведению поправки, принятой рейхстагом, потребовав народного голосования (ст. 76).

Американская конституция 1787 года поставила почти непреодолимые препятствия для своих изменений; не говоря уже об особых трудностях, которыми обусловлено предложение и принятие поправок в законодательном собрании САСШ, поправки должны быть утверждены тремя четвертями всего числа штатов, т. е. они неосуществимы, если одна четверть штатов плюс один штат (хотя бы самый незначительный) отвергнут ее. В результате, конституция эта, «действующая» и поныне, на протяжении 135 лет восприняла 19 поправок. Из них первые десять сделаны немедленно вслед за утверждением конституции и представляют скорей приписку к ней, чем изменение ее содержания [28].

Значит, девять поправок за время всего XIX и четверти XX века,—за время колоссальных экономических и политических перемен и потрясений! Спрашивается, что осталось в действительности от этой «действующей» конституции? И где настоящая конституция Штатов: в доступном ли всем акте 1787 года, который можно прочесть вслух в двадцать пять минут, или в бесчисленных фокусах и уловках юристов, совершенно недоступных для обозрения так называемого народа [29]?

34. Таким образом обычное свойство буржуазных конституций—формальная, т. е. законом подтвержденная, неподатливость. Те из них, которые вовсе молчат о способах пересмотра, тем самым в сущности только подтверждают свою предполагающуюся неизменность и незыблемость [30]. И открытое, легальное, по закону совершающееся изменение текста твердых конституций есть, сплошь да рядом, дело чрезвычайно трудное, в известных условиях просто невозможное. И если они не погибают от удачной революции, то их медленно, но верно сводит на-нет практика жизни: парламентское законодательство, судебные решения, толкования юристов, административные постановления, обычай,—есть сотни способов «преобразовать» конституцию так, как это нужно господствующему классу, оставляя ее незыблемой, священной, нетронутой в глазах общества. Но полезно

заметить, что и формально гибкие конституции по существу обнаруживают ту же неподатливость, что и их твердые сестры [31]. Ряд политических условий, в которых живет буржуазное государство, превращает и их текст в пустую и выхолощенную букву, в бутафорскую принадлежность полицейско-парламентской комедии. Следовательно, как общий закон, можно установить, что буржуазные конституции неподатливы по существу, а в большинстве случаев, и по форме.

В глазах немногих буржуазных авгуров они в лучшем случае—величественные памятники прошлого, монументы на могиле былого энтузиазма, некогда охватившего на одну минуту все общество, в худшем—клочки бумаги, которые однако чтит наивная народная масса и которым она приписывает целебную силу. Пусть. Это заблуждение полезно поддерживать.

Никто в мире так не гордится своей конституцией, как именно американцы. Только три книги, говорят они, равны по возбужденному ими вниманию и удивлению мира: Дигесты, Коран и... Федеральная конституция.

35. Причины твердости буржуазных конституций. Их договорный характер. Но очевидно должны быть глубокие причины, заставляющие буржуазию делать из своей конституции неприступную крепость? Раскрытие этих причин не поможет ли нам осмыслить ту деловую простоту, с которой мы в стране Советов «прикасаемся» к нашей Конституции, чтобы ее переделать? Чем объяснить, в самом деле, непостижимую на буржуазный взгляд доверчивость Советской конституции, ничем не забронировавшей себя от вольного обращения?

Тайну своих конституций нам выдают сами буржуазные ученые. Они, как известно, отнюдь не склонны признавать классовую борьбу движущей силой всех движущих сил. Это потому, конечно, что познание движущих сил общественного развития вообще скрыто от их взоров. Самым проницательным из них доступны только результаты движения и только те видимые внешние формы, в которых это движение протекает. Такими внешними формами служит борьба идей, в частности—партийных лозунгов. И ученые с редким единодушием признают, что конституция,—всегда результат столкновения противоположных течений, форма временного соглашения, договор, полный взаимных уступок, добро-

вольных и вынужденных, определяющийся данным соотношением породивших его сил, одним словом,—компромисс.

36. Свидетельство буржуазных ученых. «Конституция каждого отдельного государства есть компромисс, примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве»[32]. Высшая мудрость государственных гениев, создающих конституцию, сказывается в наибольшей жизненности и целесообразности придуманных ими комбинаций и сделок, поэтому: «создание конституции заключается, главным образом, в создании практических компромиссов»[33], и самое государственное право,—«записанное государственное право почти всегда является соглашением между двумя или несколькими борющимися из-за власти и преимуществ партиями. При этом вполне естественно, что одна партия постоянно норовит обмануть другую»[34]. Всякая буржуазная конституция двойственна по самому происхождению своему: это—результат торга, коммерческая сделка, равнодействующая спроса и предложения. «По своей природе учредительный акт является двусторонним; это акт между двумя сторонами, которые взаимно дают и получают»[35]; естественно, что он «должен быть не чем иным, как компромиссом между разнообразными интересами и стремлениями»[36]. И чем демократичнее общество, тем резче и ярче сказывается в его конституции эта печать компромиссности, потому что «демократия», как совершенно справедливо замечает Эд. Бернштейн, «есть высшая школа компромисса»[37]. Ему, конечно, в руки все книги и все конституции, он неоспоримый знаток и мастер демократических обманов, сделок, торгов с переторжками, всех форм и видов соглашательства.

37. Буржуазная конституция как классовый компромисс. Всякая буржуазная писаная конституция есть результат более или менее ожесточенной классовой борьбы, наиболее заметный, бросающийся в глаза эпизод этой борьбы, когда каждый из борющихся классов стремится подытожить прошлое, подчеркнуть свои завоевания, затушевать свои потери и выговорить себе наиболее выигрышные позиции для того, чтобы завтра же возобновить бой до следующего этапа. Когда промышленная буржуазия вырывала первые уступки у землевладельческого капитала, она спешила закрепить их в конституции; когда реакционеры одерживали верх и принуждали буржуазию умерить аппетиты, они точно так же торопились запечатлеть в конституции этот классовый компромисс; наконец, история Англии являет нам особенно много примеров того, как верхушки рабочего клас-

са, подкупленные буржуазией, заключали с ней недостойную сделку, часто за счет зверски эксплоатируемых рабочих низов, и эта сделка входила составной частью в конституцию. Но если конституция—договор враждебных сторон, где каждая стремится захватить другую врасплох и, пользуясь ее слабостью или простодушием, навязать ей те или иные условия, то что же удивительного в том, что более сильная сторона, а иногда и обе, стремится утвердить этот договор, как нечто незыблемое, и заранее гарантировать ему нерушимость? Тогда конституция выступает в ореоле «закона законов», тогда ее, как святые дары, носят в церковных процессиях [38], тогда она превращается в святыню, чуть ли не в божественное откровение, она—это земное дитя слишком земных страстей и интересов. А для ограждения выгодного договора от нарушений и служат все эти «оговорки о пересмотре». Буржуазные конституции тверды потому, что компромиссны. И тем более в них твердости, чем больше в них обмана, чем больше натянут компромисс. Потому-то очень твердые конституции—пышные здания, рассчитанные словно на века,—взрываются и летят прахом часто на другой день.

38. Буржуазные конституции как защита от возможных злоупотреблений власти. Но этим не исчерпываются причины твердости конституций.

Буржуазное общество находится в состоянии непрестанной внутренней войны. Война идет не только между основными классами. Сама буржуазия разделена на отряды, объединяющиеся в те моменты, когда острая опасность грозит всему классу собственников, и возобновляющие борьбу, когда опасность перестает быть грозной. Выражением и отражением этой классовой борьбы, разносторонней и разнообразной, проникающей во все поры буржуазного общества, общества, построенного на частной собственности, на стяжании и погоне за прибылью,—служит само государство, в частности,—государственная власть. Ближайшее назначение государственной власти—создавать и поддерживать законные нормы общественного поединка, держать в границах порядка классовую борьбу [39]. Но этот судья не может быть беспристрастен. Будучи настоящим прообразом классового судьи собственнического общества, он сам то и дело бросается в борьбу, и со всей своей организованной силой вы-

ступает на стороне то одного, то другого класса, нередко решая исход борьбы. Немудрено, что классы буржуазного общества с недоверием и страхом относятся к той самой власти, которая является их неизбежным и необходимым порождением. Не имея сил уничтожить ее, они требуют гарантий и контроля. Безгранично нуждаясь в этом грубом телохранителе, который штыками и тюрьмами защищает их от ярости пролетариата, буржуазные классы стремятся обеспечить себе максимум свободы от его вмешательства, его посягательств, его дерзости и причуд. Этой цели и должны служить твердые конституции, где оговорки о пересмотре играют роль проволочных заграждений с электрической сигнализацией.

39. Именно такой смысл и имеют любопытные признания, вырывающиеся иногда у буржуазных исследователей. Оказывается, что народ, формулируя свое конституционное право, заботится всегда об одном: «чтобы это право было для него реальным оплотом против всякого покушения на его свободу»[40]. От кого же могут исходить эти покушения? О, они грозят бедному буржуазному «народу» отовсюду. В монархии—от исполнительной власти, в республике—от законодательной. «Законодательная власть в представительных демократиях наиболее часто стремится к суверенному проведению»[41]. Больше того: «Законодательная палата жадна и скупа... управляют ею страсти ее членов»[42], а отвращение к исполнительной власти—одна из любопытнейших особенностей английского народа[43] (только ли английского?). Вообще и везде «народ презирает власть, но он боится ее»[44]. И к страху буржуазии перед властью присоединяется еще страх перед массами: «в передовой демократии народ должен защищать себя от собственных увлечений»[45].— Последнее признание особенно пикантно: буржуазия, оберегающая массы от вредных увлечений. Впрочем, давно известно, что «буржуа суть буржуа в интересах рабочего класса»[46].

Вообще буржуазные конституции имеют достаточно причин быть твердыми. Бывает и так, что роли на время меняются, и сама государственная власть, теснимая восставшими классами, создает себе баррикаду в виде конституции[47]. Так или иначе, причины прочности этих бумажных баррикад коренятся в классовых отношениях.

40. **Источники гибкости Советской конституции: а) отношение пролетариата и бедняцко-середняцкого крестьянства.** После этих необходимых разъяснений становится совершенно очевидным, что несравненная гибкость Советской конституции не есть что-то случайное и маловаж-

ное. Это признак и выражение очень существенных внутренних особенностей пролетарского государства. Здесь отсутствует главное условие твердости конституции: торгующиеся, договаривающиеся и подсиживающие друг друга классы. Пролетариат и бедняцко-середняцкое крестьянство—не попутчики, вынужденные и внутренне чужие, а естественные союзники в борьбе с помещичьей реакцией и буржуазной эксплоатацией (см. §§ 140 и сл.). «Эксплоатация крестьян отличается от эксплоатации промышленного пролетариата только по ф о р м е. Эксплоататор один и тот же: капитал» [48]. Но в то время, как в буржуазном государстве крестьянин и рабочий—каторжники, прикованные к общей тачке и порой ненавидящие друг друга за тяжесть не ими созданых цепей, в советской стране они—равноправные хозяева жизни, идущие к общей цели. Классовым чутьем, которое не обманывает, бедняк и середняк поняли, что «красная республика—это диктатура их союзников» [49]. Крестьяне не хотят, чтобы их, распыленных мелких производителей, объединяла и повела за собой буржуазия, они видят в пролетариате вождя, учителя и защитника и доказали это годами сознательных величайших жертв в пользу пролетарского государства. Таким образом Конституция наша—продукт законного единовластия пролетариата. На ней не лежит ни тени разномыслия, противоречия, половинчатости. Она оказалась логичной, выдержанной и последовательной с начала до конца. Как же и зачем могла явиться мысль об этих бутафорских замках, которые навешиваются на конституцию и ключ от которых трусливый, неуверенный в завтрашнем дне, сомнительный собственник кладет в карман? С о в е т с к а я к о н с т и т у ц и я г и б к а п о т о м у, ч т о ч у ж д а к о м п р о м и с с о в.

41. **б) Отношение власти и масс.** Но она гибка еще потому, что в Советской республике власть не отделена от масс и не противостоит им, а составляет с ними неразрывное целое (§§ 208, 217). Как легко противопоставить буржуазный парламент распыленному, неоформленному «народу»! Но как противопоставить советы—рабочим и крестьянам, организованным в этих советах? В обстановке Советского Союза с его пролетарской государственностью какой курьезной нелепостью прозвучали бы слова о «скупой и жадной законодательной власти», о «хищной и коварной испол-

нительной власти»! Мы слишком далеки от этих уродливых изломов буржуазного общества. Много лет тому назад талантливый и искренний человек мечтал о таком политическом порядке для России, «который не шарлатански, как это не раз случалось в Европе, а искренно и честно заинтересует собой миллионы»[50]. Такой политический порядок оказался возможным только при диктатуре пролетариата, осуществляемой в советах.

42. **Создавая свою Конституцию, пролетариат хотел иметь в ней хороший и практичный рабочий план.** И он оставил широко открытыми двери, через которые должны входить в эту Конституцию все нужные, диктуемые действительностью изменения и дополнения. Он не самообольщался. Известно, что поколение, создававшее конституцию САСШ, считало ее весьма несовершенной, но «чтобы сделать ее популярной, превозносило ее, само мало веря в ее достоинства»[51]. Пролетариат поступил иначе: не считая себя непогрешимым, он при самом рождении Конституции объявил, что она может быть во всякое время изменена согласно требованиям жизни[52]. Это дало ему возможность не лицемерить, так, как лицемерили другие, «нарушавшие конституцию для того, чтобы сохранить ее»[53].

43. **Поправки и дополнения.** Тем не менее, при всей легкости изменения Конституции, советское конституционное законодательство отнюдь не сливается с обыкновенным. В РСФСР, напр., учредительной властью располагает только Всероссийский Съезд и ВЦИК (см. §§ 220 и сл.). Поэтому нельзя считать изменениями или дополнениями Конституции акты СНК, если только они не подтверждены Съездом или ВЦИК в качестве актов, изменяющих или дополняющих Конституцию. Точно так же не могут быть отнесены к конституционному законодательству и положения, истолковывающие и развивающие Конституцию, от кого бы эти положения ни исходили.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕР ГОСУДАРСТВА.

44. **Статья первая конституции РСФСР.** Понять наши конституции—значит разобраться в учении марксизма о государстве, о роли пролетариата в революции, о государственной власти и о других вопросах, большинство которых советские конституции непосредственно затрагивают в своем тексте. Так, основной закон РСФСР открывается статьей, говорящей об обеспечении диктатуры пролетариата «в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». (Разд. 1, гл. I, ст. 1.)

45. Эти строки нуждаются, конечно, в ближайшем рассмотрении, и прежде всего нужно выяснить, **что скрывается под понятием «государство».** «Вопрос—о государстве—теперь, во время начала социалистической революции во всем мире, и как раз во время победы революции в некоторых странах, когда особенно обострилась борьба со всемирным капиталом,—вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности» [53а].

Буржуазные руководства и учебники государственного права придерживаются в этом отношении раз навсегда установленного шаблона: сначала делается попытка определить государство, ответить на вопрос, что такое государство. Затем обыкновенно рассматривается юридическая природа государства, как организации правой, как юридического отношения, и, наконец, исследуется вопрос о происхождении государства. Иногда еще к этому присоединяется более или менее обширная экскурсия в область гаданий о задачах и целях государства,—и этим общая часть исчерпывается.

Казалось бы, что раз ставится вопрос о происхождении государства, то правильное разрешение этого вопроса даст

возможность без труда ответить и на то, что такое государство, как явление социальное, и на то, каковы его цели и задачи. Происхождением государства следовало бы, значит, заняться прежде всего, памятуя, что все остальное приложится. Но дело в том, что изыскания буржуазных ученых в этой области столь шатки и малообоснователыны, выводы, к коим они приходят, столь малопоучительны, что ими, действительно, никак нельзя обосновать ни существа государства, ни задач его. Мало того, приходится еще иногда завершать научную эквилибристику учением об основании или об оправдании государства. Тщетный труд! Ничего не зная о происхождении государства, нельзя знать что-нибудь о существе его. А если так, то всегда будет вставать неразрешимый вопрос, зачем оно существует и, главное, почему оно существует:.

Правильное определение государства не должно ограничиться указанием на чисто внешние, хотя бы и необходимые, черты государства, каковы: территория, население и власть. Оно должно исходить из познания действительного внутреннего существа государства, как общественного явления. А это познание дается прежде всего и главным образом изучением происхождения государства. Только этим путем и можно осветить истинное значение территории государства, неизбежно классовый характер населения и необходимо насильственную роль власти.

46. Необходимые черты государства. Действительно, соединение людей по земельному—территориальному—признаку, а не по какому-либо другому (например, на основании кровного родства или тесной дружбы), есть первый отличительный внешний признак государства. Рождение и проживание на определенном земельном участке служат для человека основанием ряда прав и обязанностей по отношению к государству [53б]. Совокупность таких участков и областей составляет территорию государства, которую оно резко отмежевывает от территории других государств.

Рассматривая, далее, любое собственническое государство, нетрудно видеть, что порядок, установившийся на его землях, нуждается в охране, которую, однако, не может нести все население. По причинам, которые рассмотрим ниже, нужна о с о б а я сила, надлежащим образом вымуштрованная и снаряженная. Эта сила—регулярная армия и полиция различных видов—хотя и берется от населения, но рядом искусственных мероприятий отрывается от него и противопоставляется ему. По тем же причинам аппарат упра-

вления—многочисленные и разнообразные чиновники—тоже служат тем же целям охраны государственного порядка, тоже берутся от населения и тоже противопоставляются ему. Для содержания же вооруженной силы и аппарата управления со всеми его придатками (тюрьмы и проч.) нужны значительные средства. Они берутся с того же населения путем принудительного обложения. Налог—источник жизни государства. Правительство и налог—одно и то же [54].

Все эти черты делают государство, без них нет государства.

47. Всегда ли существовало государство? Зная, чем отличается государство от всякого иного общественного образования, можно задаться вопросом, как и когда возникло оно. Государство далеко не извечно. Человеческое общество существует не менее 200 000 лет, государству же не более 3 000 лет. Предшествующей ему формой общежития был родовой строй, основанный на чисто личных отношениях, на кровной связи *). Несколько родов образовывали братство, несколько братств—племя.

48. Родовой (догосударственный) строй. Общественный уклад родового строя крайне прост и несложен. «Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, нет ни судей, ни темниц, ни процессов» [55]. Род—мужчины и женщины—избирает старшину и военачальника, которых в праве сменить во всякое время. Военачальник распоряжался только на войне. Власть старшины не опиралась ни на какие принудительные меры и средства, тем не менее он пользовался огромным авторитетом и всеобщим уважением. В каждом роде собирался совет, сходка всех взрослых членов рода без различия пола. Этот совет—верховная власть рода.

Простота и стройность этой общественной организации питались простотой и согласованностью экономических отношений. Труд по необходимости был общим. Этого требовали разные условия: отсутствие совершенных орудий труда, бедность опыта и знаний, враждебные, непонятные первобытному человеку силы природы, опасность со стороны хищных зверей. Что производится и употребляется сообща—дом, огород, лодка,—то составляет и общую собственность.

Родовое хозяйство носит коммунистический характер.

*) Действительной или воображаемой.

49. Падение первобытного коммунизма. Образование классов. Однако дальнейшее развитие производства требовало разрушения первобытного коммунизма. Производительность труда непрерывно росла. Вместе с тем, росло общественное разделение труда, которое до того времени наблюдалось лишь между мужчиной и женщиной. Было три великих разделения труда: сначала от земледельца отделился пастух-скотовод, потом ремесленник; возникает и развивается правильный обмен продуктами производства—между потребителем и производителем; выростает посредник-купец. Повышение производительности труда и рост разделения труда сопровождаются нарождением и развитием частной собственности. Как следствие первого общественного разделения труда явилось рабство: первое расчленение на классы. Следствием второго разделения труда было появление имущих и неимущих—второе деление на классы. И, наконец, продуктом этого классового общества, непосредственным произведением его нездоровой атмосферы является новый класс, который, ничего не производя, распоряжается всем производством: это—купцы.

50. Зарождение классовой розни. Интересы рабов и господ, богатых и бедных, продающих и покупающих противоположны. В новом классовом обществе прежнее единство превратилось в противоречие, во вражду и антагонизм. Вместе с тем торговля, новые способы приобретения, обмен участками привели к подвижности и изменчивости местного населения. Члены родов перемешались друг с другом и с чужеземцами. Общественные отношения непрерывно усложнялись. Управлять, законодательствовать, судить становилось все затруднительнее.

51. Вырождение родового строя. Необходимость государственной власти. Могло ли сохраниться родовое устройство?

«Родовой союз родился из такой общественной формы, которая не знала никаких внутренних противоречий, и сам он не был приспособлен к господству над этими противоречиями»[56]. Новому, раздираемому несогласиями обществу как бы предоставлялось на выбор: либо непрерывная открытая «война всех против всех», либо нарождение особой власти, которая подавила бы эту открытую борьбу, допуская ее лишь в экономической области. Так явилось государство.

Но уже раньше органы родового быта выродились. Народный военачальник стал постоянным чиновником. Благодаря учащению грабительских войн усиливаются власть и значение его и других военачальников. Каста воинов становится экономической необходимостью, ибо некогда земледельцу или ремесленнику заниматься военным делом. Он предпочитает снабжать средствами особый класс людей, давая им возможность предаваться военному ремеслу без ущерба для их хозяйства. То же происходит и с общественным управлением, законодательством, судом. Иногда эти дела берут на себя те же воины, иногда особая каста—жрецы. А с неминуемым ростом их общественного значения росла их власть, и «органы родового быта из исполнителей народной воли обращаются в самостоятельные органы притеснения и господства»[57].

52. **Государство—средство эксплоатации.** Но вот возникает государство. Так как оно рождается среди классовой борьбы, то власть, конечно, сосредоточивается в руках сильного экономически класса. Долженствовавшая, казалось, быть надклассовой, созданная для примирения классовых противоречий, государственная власть оказывается сама прекрасным орудием эксплоатации, от пользования которым господствующий класс не имеет основания отказаться. «Рабство есть первая древнему миру свойственная форма эксплоатации. Ей соответствует крепостничество средних веков и рабочий класс нового времени». Поэтому древнее государство было прежде всего государством рабовладельцев для подчинения рабов; феодальное государство—организацией землевладельцев для подчинения крепостных крестьян; современное—орудие насилия капиталистов над рабочими.

53. **Насильническая сущность государств: а) древний мир.** Характер государства, его действительная роль и назначение выступают с наглядной явственностью в моменты переживаемой им опасности. Античное государство было основано на рабстве; античное хозяйство питалось рабским трудом. И в те времена, когда экономические основы Греции и Рима не были еще изжиты, трудно было под блестящей культурной внешностью античного государства открыть его насильническую и эксплоататорскую сущность. Но уже в I веке «до Р. Х.» экономический перелом обозначается довольно ясно; рабское хозяйство приходит в упадок; античный государственный порядок бли-

зится к своему концу. С этим-то переломом и совпадает огромное восстание порабощенного класса, пытающегося раньше времени разрушить свою тюрьму—государство. В течение двух лет—с 73 по 71 год до начала х. э.—весь почти бассейн Средиземного моря находился в неслыханном кипении. Полчища рабов под предводительством фракийца Спартака наносили одно поражение за другим испытанным римским легионам. Эти два года—время смертельной опасности древнего классового государства. И в борьбе за свое существование государство это встало перед нами во весь свой рост. Спартак был уничтожен. Рим уцелел. Но рабовладельческая сущность древнего мира, классовый характер античного государства, как орудия эксплоатации, как огромной машины угнетения и подавления, сказались с очевидной ясностью.

54. б) Средневековье. Такие же моменты классовой опасности, позволяющие распознать действительные цели и смысл государства, переживал и феодальный мир. Уже четырнадцатый век знал два крестьянских движения на чисто экономической основе: во Франции—жакерии, в Англии—восстание Уота Тэйлора. В шестнадцатом же веке гуситы в Богемии, анабаптисты в Германии, Швейцарии и Нидерландах шли не только против феодальных баронов и помещиков, а и против государства и государственной церкви. И крепостническое государство, видевшее себя на краю гибели, защищалось с той свирепостью, которой блещут только классовые войны. И князья, и епископы, и рыцарская конница действовали так рьяно, с таким одушевлением; кары, которые обрушивались на восставших, были столь объективно несоразмерны с их преступлением; пытки и мучения, которым подвергали крестьян, и виновных и невиновных, отличались такой изощренностью, как будто государство в этой борьбе против эксплоатируемого класса иной целью и не задавалось, как только подчеркнуть явственнее свою эксплоататорскую сущность, крепостничество, как жизненную основу своего существования.

55. в) Новое время. Для нового времени таким пробным камнем современного государства может послужить хотя бы борьба его с Парижской коммуной. Коммуна объявила себя и была действительно живым отрицанием буржуазного государства. Она уничтожила конскрипцию и постоянную армию, она сделала ненужным чиновничество, и этими двумя мерами она подсекала в корне государственную налоговую систему. Коммуна уже не была государством. И буржуазное государство прекрасно поняло, что на карту поставлено его бытие, как определенной классовой организации. Борьба пошла не на живот, а на смерть. И в этой межклассовой войне, перед ужасами которой потускнели эксцессы только что кончившейся междугосударственной войны, французское государство—типичное буржуазное государство [58]—показало свое настоящее лицо, лишившееся всех «надклассовых» личин. Капиталист схватился за свое государство не как за «организм свободы», не как за «воплощение нравственной идеи», а как за организацию наси-

лил, за воплощение и средство классовой эксплоатации. И жестокая машина, освобожденная от всех покровов, которыми окутывают ее в обычное мирное время, заработала на виду бесстыдно и открыто, не заботясь о том, что она выдает сокровенные тайны своего устройства: в минуты классовой опасности не до надклассовых прикрас!

56. Но из того, что мы знаем о происхождении государства, уже нетрудно вывести определение его и вместе с тем, указать **его настоящее историческое место.** Первое уже отчасти сделано выше. При этом характеристика государства с внешних, более или менее формальных, точек зрения нас здесь мало интересует. Оставив в стороне вопрос о населении, территории и власти, как о составных элементах государства, а также о характере государственной власти—последнее особенно интересует государствоведов,—мы ограничимся указанием на существо государства.

57. Государство есть отношение между людьми. И буржуазная наука знает уже, что государство есть прежде всего общественное явление[59], отношение между людьми. Но нужно еще определить, какое явление и какое отношение. На это ответ вытекает из изложенного. Так как оно явилось на известной ступени развития общества, то оно есть неизбежный продукт этого общества. Не прихоть человеческая, не ошибка и случай создали государство: оно возникло, как экономическая необходимость. В известный момент общество распалось на непримиримые классы; в борьбе этих классов и родилась особая организация—государство—с его постоянной армией, чиновничеством и налоговой системой.

В этом смысле государство есть общественное явление.

В то же время оно есть отношение между людьми. Выделившись из общества и ставши над ним, государство однако не стало выше общества. Напротив, оно приняло самое непосредственное участие в той классовой борьбе, из которой возникло, став на сторону сильнейшего. Оно призвано было быть беспристрастным судьей, а оказалось само и заинтересованной стороной и исполнителем своего же решения. Да иначе и быть не могло. Как и всякое общественное явление, оно могло быть лишь отражением того, что происходит в области производ-

ства. А в области производства мы видим неустанную борьбу собственников с несобственниками: здесь экономически сильные присваивают себе продукт чужого труда, труда экономически слабых. Государство «в целом есть только отражение в сложной форме экономических потребностей классов, господствующих над производством» [60]. Следовательно, государство не есть отношение плодотворного сотрудничества, равновесия, гармонии,—оно есть отношение власти, с одной стороны, и подчинения, с другой,—отношение господства и рабства [61].

58. От Аристотеля до наших дней. Буржуазных определений государства—великое множество. Привести их здесь нет ни надобности, ни возможности. Замечательным однако является то, что через все эти определения, как ни различаются они друг от друга и по форме и по содержанию, красной нитью проходит трогательная любовь к государству. Еще Аристотель слишком 2 000 лет тому назад объявил величайшим благодетелем человечества того, кто первый придумал государство. А в наше время ученый профессор Collège de France, Изуле, в одной из глав своего сочинения «Современное государство» с совершенно серьезным видом свидетельствует, что если у нас есть душа, то этим мы обязаны государству. Неудивительно, что буржуазный ученый стремится польстить государству, от которого он получает если не душу, то во всяком случае присвоенное содержание; удивительно, что в этом стремлении он с разбегу становится чуть-чуть не историческим материалистом!

59. Государство в германской философии. В деле превознесения государства и культивирования какого-то «суеверного почтения к государству и ко всему более или менее связанному с государством» [62] особенную роль сыграла, как отмечает Энгельс, германская философия. Это Гегель облек мистическо-философским туманом полицейское государство Германии. Правое крыло гегельянцев не преминуло увидеть в нем «высшую материальную форму личности» [63]. С тех пор огромная литература посвящена глубокомысленному изучению благодетельных свойств государства, провозглашенного логической категорией.

60. Лассаль и его последователи. Все эти теоретические упражнения были бы довольно безобидны, если бы не сопровождались двумя нежелательными последствиями. С одной стороны, идеология эта, не лишенная известной доли обаятельности, оказала свое немаловажное влияние на государственные концепции социалистов. С легкой руки Лассаля в государстве увидели «единство личностей в одном нравственном целом»,—единство, умножающее в миллионы раз силы всех отдельных личностей, входящих в это единение, бесконечно увеличивающее индивидуальные силы каждой из них» [64].

Сообразно с этим целью государства сочли «развитие свободы, развитие рода человеческого в направлении к свободе» [65]. В частности лассальянцы внушали рабочим вредную веру, что добиться лучшего будущего они смогут скорее и легче всего с помощью и при содействии того самого государства, которое сейчас выступает в роли эксплоататора и угнетателя.

61. Анархизм против государства. С другой стороны, отчасти те же неумеренные и приторные восхваления вызвали резкий отпор со стороны анархистов: ведь уже философия Штирнера должна быть отнесена к крайнему крылу молодого гегельянства. Но многочисленные и талантливые теоретики анархизма перегнули палку в другую сторону. Государство в их красочном и увлекательном изложении приняло черты зловещие, фантастические и туманные, менявшиеся в зависимости от темперамента и стилистического или ораторского дара того или другого автора. Далеко не все удостаивают даже признать государство исторической необходимостью. Многие недалеки от признания его случайной фантасмагорией, какой-то роковой игрой враждебных сил, умственным туманом, в который нечаянно оступилось человечество и из которого оно вынырнет, как только «одумается».

62. Требуют ли анархисты разрушения государства? Тщетно было бы вообще искать у анархистов сколько-нибудь ясной концепции государства. Здесь у них царит более или менее художественный беспорядок. По свидетельству Эльцбахера, анархизм в сущности не отрицает ни права, ни правового принуждения—по крайней мере, ни у Прудона, ни у Бакунина, ни у Кропоткина, ни у Тукэра ничего этого нет. Неверно тоже, будто Бакунин и Кропоткин не желают государства ни в какой форме: «Говорят, что анархизм требует разрушения государства, хочет смести его с лица земли, не хочет государства ни в какой форме, не желает никаких правительств. Если это правильно, в таком случае учения Бакунина и Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархистские, которые только предвидят устранение государства, а не требуют его, нужно счесть неанархистскими» [66]. Выходит, что весь спор с анархистами основан на легком недоразумении, на непонимании их учений. На самом же деле «все, как у нас» в благонамеренной и скромной доктрине анархизма.

63. Неясность и незаконченность воззрений Бакунина. Вряд ли однако все, как у нас. Нет сомнения, что бакунинские, например, взгляды на государство отличались чрезвычайной туманностью и эклектичностью. Бакунин не раз отмечал, что государство исторически необходимо. Но оно у него «исторически родилось во всех странах, как плод брачного союза насилия, грабежа и опустошения,—одним словом, войны и завоевания», и притом «вместе с богами, последовательно рожденными теологической фантазией наций» [67]. Здесь все требует расшифровки и еще ненаписанных комментариев, в особенности—рождение государства вместе с богами и нацией [68]. В другом сочинении государство характеризуется у него одновре-

менно как кладбище всех проявлений жизни, алтарь заклания свободы и абстракция, пожирающая жизнь [69]. Нельзя не признать, что точность и ясность мышления здесь явно закалываются на алтаре бойкой и хлесткой фразы, где и находят себе вполне конкретное кладбище.

64. Анархистские определения государства. Так или иначе, государство выступает в виде какого-то апокалиптического зверя. Оно совсем не «высшая материальная форма личности», а «самое вопиющее, самое полное отрицание человечества» [70], и это относится, конечно, ко всякому государству, даже и пролетарскому. «Государство—это шайка разбойников на работе». «Государство—самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно, и эта ложь медленно выползает из его пасти: я, государство, я—народ» [71].

65. Каковы же задачи пролетариата по отношению к этому чудовищу? Так как в самой сущности государства—«препятствие для социальной революции,—самое серьезное препятствие для развития общества на началах равенства и свободы» [72], то первым делом восставшего пролетариата должно быть упразднение государства. Это—необходимое и достаточное средство для возникновения свободных союзов, действительно вызванных насущными потребностями и действительно удовлетворяющих им. «Разрушьте государство,—и на его развалинах вырастет федеративное общество; это будет общество единое и неделимое, вполне свободное и истинно солидарное в силу своей свободы» [73].

66. Борьба Маркса и Энгельса с верой в буржуазное государство. Опыт коммуны. С этими двумя прискорбными последствиями приходилось бороться марксизму. На доказывание истин простых и очевидных потрачено было много сил и времени. Немецкие социал-демократы времени Готской программы (1875—1890 гг.) излюбленным лозунгом своим выставляли «свободное народное государство». В сущности, это—то самое «народное трудовое государство», которое усиленно рекомендовалось А. Менгером в начале XX столетия и которое он предполагал возможным «ввести» не только «мирным», нереволюционным путем, но даже с соблюдением полной преемственной связи с «традиционными понятиями о праве и государстве» [74]. Уже в 1875 году Энгельс в письме к Августу Бебелю по поводу проекта Готской программы прямо указывает на опыт Парижской коммуны, после которого следует бросить праздные разговоры о свободном народном государстве: ведь Коммуна—этот первый опыт пролетарского захвата власти—уже не была государством в собственном смысле. Разве не доказано, этим на деле, помимо и независимо от всяких теоретических построений, что путь преобразования общества на социалистических началах лежит не через какие бы то ни было модификации буржуазного государства, а через разрушение его и замену чем-то принципиально иным?

67. «Критика Готской программы». «Анти-Дюринг». В том же самом году Маркс в своей критике той же программы резко

подчеркивает, что «несмотря на свою демократическую трескотню, программа вся насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство»[75]. А два года спустя, в 1877 году, Энгельс в «Анти-Дюринге» строго и точно резюмирует несостоятельность этой «государственной» точки зрения. Государство всегда было, должно быть по природе своей, и будет орудием подавления слабого экономически класса,—может ли быть речь о «свободном государстве»? Но «как скоро не один общественный класс не будет находиться в угнетении... не будет никакой надобности в такой репрессивной силе, как государство»[76],—какой же смысл в словах о «народном государстве»?

68. Предисловие к «Гражданской войне во Франции». «Последним же словом марксизма»[77], направленным против суеверной веры в государство, оказалось предисловие Энгельса от 18 марта 1891 года к марксовой «Гражданской войне во Франции». Вновь и вновь подчеркивается характеристика буржуазного государства, сделанная в «Анти-Дюринге» и еще раньше, в «Коммунистическом манифесте»: современное государство представляет лишь организацию, созданную буржуазным обществом с целью защищать все формальные условия капиталистического способа производства против посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов: оно даже и с формальной стороны является по существу капиталистической машиной, государством капиталистов, идеальным представителем всех общих интересов капитализма[78]. «Современная государственная власть—это только комитет, заведующий общими делами всего класса буржуазии»[79]. И демократическое государство—такая же машина насилия, как и любая военная аристократия. Поэтому рабочему классу так же незачем ждать чего-нибудь реального от демократической республики, как и от самодержавной монархии. «И в лучшем случае государство есть зло, которое пролетариат, одержавший победу в борьбе за классовое господство, получит себе в наследство»[80].

69. Маркс в «Vorwärts'е». Не лишним представляется отметить, что взгляд на государство, как на зло, Маркс принял уже в 1844 году, еще в пору своего знаменитого «лиияния». В этом году в парижском журнале «Vorwärst» он видит в самой сущности государства зло. Государство, если оно хочет уничтожить пауперизм, должно уничтожить самого себя, ибо зло в нем самом[81].

70. Победа идей Маркса. В конце концов с верой в государство удалось в общем покончить. Мираж «свободного народного государства» был развеян, и это доказала уже в 1891 году Эрфуртская программа, не упоминающая больше о государстве. В этом отношении программа знаменовала окончательную победу идей Маркса.

Но одновременно с борьбой против социалистических почитателей государства шла борьба против анархических упразднителей его. Об этом ниже.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОЛЕТАРИАТ И ГОСУДАРСТВО.

71. Классы—основа государства. Итак, государство возникло как результат появления частной собственности и деления на классы. Во все времена оно было орудием эксплоатации в руках господствующего класса. Следовательно, уничтожить классы значит уничтожить государство, сделать его ненужным и невозможным. К этому и стремится пролетариат в наше время, об этом он и заявляет в своей Конституции.

Но как же он это сделает, и почему именно он призван сделать это?

72. Понимание сущности государства есть продукт капиталистических отношений. Да, этого не мог бы сделать ни один порабощенный класс прежних времен, даже если бы он понял действительное существо государства и преисполнился бы желанием разрушить свою тюрьму. Но даже и понимания этого не могло явиться в прежние докапиталистические времена. Для того, чтобы такое открытие было сделано, нужно было возникновение особенных производственных отношений—капиталистических; нужна была реальная почва в экономике.

73. Противоречия капитализма. Перепроизводство. Экономический уклад нашего времени обладает весьма существенными особенностями, свойственными ему одному. Из них главная—противоречие между производительными силами общества и способами производства. Это значит, что средства производства в современном мире достигли огромной силы и с каждым днем все расширяются и не могут не расширяться. А между тем продукты производства, те горы товаров, которые выбрасываются безостановочно на рынок, общество не в состоянии потребить. Почему? Да потому, что продукты эти принадлежат тем, кому принадлежат земли, фабрики, заводы и мастерские,

т. е. небольшому, сравнительно, кругу людей. Эти продукты можно приобрести только за деньги; деньги же опять-таки не у общества находятся, не у рабочих, которые вырабатывали товар на фабриках и заводах, и не у крестьян, возделывающих поля,—а у этих самых собственников орудий производства. Но производство не может остановиться. Капиталист во избежание убытков и разорения должен производить, должен поддерживать и даже расширять свое дело, а сбывать товар некому. С первого взгляда может показаться, что общество просто-напросто произвело больше, чем ему нужно; но ничуть не бывало: в деревнях и городах от непосильной работы и голодного истощения вымирают целые семьи; люди сходят с ума и кончают насильственно жизнь от голода, холода и отчаяния, а рядом склады и магазины ломятся от товаров, и капиталисты мечутся в поисках рынков сбыта: продавать некому.

74. Общественный характер производства. Происходит же это от того, что орудия производства находятся в частной собственности капиталистов. Теперь нет того, что было раньше—в средние, например, века,—когда каждый производил для самого себя из своего же обыкновенного материала. В наше время огромные массы людей сосредоточиваются в крупных производственных организациях под наблюдением и руководством капиталистов, а еще чаще—их приказчиков. Уже не самопрялка действует, не ручной ткацкий станок, не простой кузнечный молот, а прядильные машины, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо крошечных мастерских, где работали сами на себя один, двое, трое, и только разве случайный излишек несли на рынок,—теперь колоссальные фабрики, требующие тысячи рук и производящие исключительно на сбыт. То работал один человек у своего станка для своих нужд,—то было, следовательно, личное, индивидуальное производство. Теперь работают на одном месте тысячи людей, так что к каждому продукту каждый так или иначе прикладывает руку, и никто в конце концов не может сказать: это сделал я, это мой продукт. Производство, значит, стало общественным.

75. Но оно общественным является не только по форме своей, а и по внутреннему значению. В наше

время весь культурный мир есть один цельный хозяйственный организм. Пар и электричество сокрушили все границы между отдельными странами. Все части этого организма, тесно друг с другом связаны и друг от друга зависят. Тут—сырье одного рода, там—другого рода; здесь—нужда в таких-то продуктах, там—в иных. Таким образом производство затрагивает общественные интересы, интересы всего человечества. Мы говорим: оно сделалось функцией общественной.

76. Индивидуальный характер присвоения. А между тем продукт этого общественного труда принадлежит не всему обществу, а капиталисту. Он присваивает себе предмет общей собственности. И так как производство направляет частный человек—предприниматель,—то он сообразуется только со своим интересом, а не с нуждами и потребностями всего общества. А ведь его интерес один: прибыль! И этот интерес велит ему производить как можно больше и продавать как можно дороже, но так как это интерес каждого капиталиста, то отсюда—бешеная гонка, конкуренция, перепроизводство одних ценностей, недопроизводство других, разорение предпринимателей, бедствия потребителей и рабочих. Нет планомерного руководства, нет точно рассчитанной схемы, по которой производилось бы только то, что нужно, и в таком количестве, в каком нужно.

77. Финансовый капитал и анархия производства. В наше время финансовый капитал создает обманчивую видимость такого планомерного руководства. Концентрация производства, непрерывно возрастая, переходит в монополию. Гигантские монополистические союзы, производя передел мира, приходят к необходимости приблизительного учета размеров переделяемого рынка. «Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране...» [82]. Но наряду с этим бурно развиваются и другие не менее важные явления, неразлучные с капитализмом, как с определенной хозяйственной системой. А среди них самую выдающуюся роль играют противоречия капитализма, которые не только не ослабляются, но умножаются и усиливаются, заставляя говорить о все растущей анархии производства в

пределах любой из передовых буржуазных стран. Уже по одному тому, что самая монополия распространяется внутри страны далеко не равномерно, захватывая не все отрасли промышленности одновременно и к тому же одни—больше, другие—меньше, она сама «усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» [83]. Остается и, по правилу, усиливается разнобой в развитии промышленности и земледелия, возрождается на более высокой ступени борьба крупного и мелкого капитала, несравненно усиливающийся гнет монополиста вызывает и более яростное сопротивление широких пролетаризующихся масс.

78. Неустранимость анархии производства. Таким образом никак нельзя говорить о какой-то растущей организованности или «связанности» капиталистического хозяйства внутри данной страны,—напротив, современный капитализм не только не выигрывает в организованности, но становится все хаотичнее, накапливая все более взрывчатого материала. И капиталистическая конкуренция, принимая международный характер, превращаясь в яростные схватки гигантских монополистических союзов,—вовсе не уходит из внутреннего капиталистического оборота данной страны. Союзы капиталистов—все эти рынги, картели и тресты, в особенности тресты,—сообщают конкуренции более систематический, а следовательно, более суровый и непримиримый характер. Не только между отдельными трестами,—внутри самого треста отношения основаны на соображениях силы, и только силы. Знаменательна характеристика треста, исходящая из такого компетентного источника, как американский миллиардер Гульд. Это, по его словам, группа непримиримых врагов, которые «собрались в одной тесной комнате, ярко осветили ее, держат друг друга за руки, и только поэтому не убивают один другого. Но каждый из них зорко ждет момента, когда можно будет напасть врасплох на временного и невольного союзника, обезоружить, уничтожить его, и каждому друг рядом с ним кажется опаснее врага за стеною».

Так обобществление производства достигает высоких степеней, оттеняя еще разительнее основное противоречие между обобществленным характером труда и индивидуальным характером присвоения. Непосредственным же отраже-

нием противоречий капиталистической экономики служит современная классовая борьба: антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

79. Пролетариат. Так как капитал создается прибылью, а прибыль предприниматель выжимает из рабочего, то ясно, что буржуазия не может существовать без наемного труда. Эксплоатация наемного труда—один из главных жизненных интересов буржуазии. Во времена докапиталистические наемный труд наблюдался лишь в виде исключения. Теперь он—общее правило, рычаг всего производства, он превратился в единственное занятие рабочего Постепенно у рабочего были отняты все средства производства. У него не осталось ничего, кроме рабочей силы, которую он и продает предпринимателю. Но армия пролетариев—людей, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу,—неудержимо растет, в то время как класс капиталистов численно убывает. Порабощенный класс, как и производство нашего времени, имеет истинно общественный характер: он рекрутируется из всех слоев общества. И разорившийся, не выдержавший конкуренции предприниматель, и прогоревший купец, и обедневший крестьянин—все они делаются пролетариями.

80. Его экономические интересы. Интересы этого класса прямо противоположны интересам буржуазии. Пролетарии лишены собственности; нет такого рода частной собственности, на котором основывалось бы благополучие пролетариата, как класса; они, следовательно, вынуждены хотеть уничтожения частной собственности на орудия производства. Лишенные собственности, они и не заинтересованы в эксплоатации чужого труда; напротив, пока труд не станет делом всеобщим, до тех пор не исчезнут пролетарии, как класс. И более кого бы то ни было страдают они от анархии производства; их интерес, следовательно, велит им стремиться к упразднению свободной хозяйственной деятельности и к замене ее планомерной организацией производства и распределения.

81. Его экономические задачи. Но первая и непосредственная задача пролетариата—обобществление орудий производства. Сделать это он должен не только потому, что того требует его классовый интерес, что для него нет другого средства выбиться из униженного положения, но

и потому, что этого требует объективный процесс производства. В наше время уже достигнута та ступень, на которой способ производства восстает против способа обмена. Производительных сил избыток: орудия, припасы, рабочие руки,—все это требует использования, но не может быть использовано, пока не превратится в капитал. И вот, так как отдельные капиталисты не в состоянии совладать с этими общественными производительными силами, то само государство принуждено все чаще и чаще вмешиваться: оно берет в свою собственность сначала крупные средства сообщения—почту, телеграф, железные дороги, а потом и средства производства, наиболее ему нужные: оружейные и оружейные заводы.

82. Исчезновение государства как следствие новых производственных отношений. Таким образом подобно тому, как социализм зреет в недрах капиталистического общества, так и пути осуществления социализма тоже заранее указываются еще при капитализме: надо превратить средства производства сперва в государственную собственность. Конечно, для этого пролетариат должен предварительно произвести революцию и взять государственную власть. Но если уничтожена частная собственность на орудия производства, то исчезает всякая основа для разделения общества на эксплоататоров и эксплоатируемых, постепенно исчезает деление на классы и гаснет классовый антагонизм. Что же станется тогда с государством? Не ясно ли, что и оно должно исчезнуть? Ведь само по себе оно не имеет никакого значения, и само по себе оно никому не нужно. Оно явилось в процессе классовой борьбы, как хорошее средство подавления классовых противников, когда же некого и незачем будет подавлять,—государство растает, развалится, исчезнет постепенно и незаметно. Ко времени исчезновения государства и орудия производства перейдут окончательно в общественную собственность, в распоряжение всего трудящегося общества. Они находятся в руках государства лишь в течение того переходного периода, пока пролетариат—господствующий класс—применит свою власть для организации производства по-новому, для подавления остатков враждебного класса и привлечения на свою сторону промежуточных классов. Конец этой работы будет концом государства.

83. Сущность задачи в следующем: признать, что современные производительные силы имеют действительно общественный характер, и что поэтому производство, присвоение и обмен должны тоже иметь общественный характер. Это и значит овладеть силами природы, которые с этого момента перестанут действовать слепо и разрушительно, а будут подчинены разумной воле и руководству человека.

84. Падение власти над людьми. Тогда исчезнет власть товаров над товаропроизводителями, и сам человек перестанет быть товаром, т. е. вещью. Тогда и управление людьми перестанет быть не только нужным, но и возможным, а это означает конец политической власти, замену власти над людьми, властью над вещами.

Это и означает замену государства учетно-счетно-контрольной организацией, назначение которой: руководить только социалистическим хозяйством, социалистическим производством и распределением.

85. Переходный период. Но между капиталистическим государством и социалистическим обществом лежит переходный период,—период полугосударства. Это время наполняется и политической и хозяйственной работой. Политический аппарат государства,—аппарат власти, подавления и устрашения,—направлен против вчерашних эксплоататоров, еще сохраняющих силу сопротивления; хозяйственный аппарат организует и увеличивает производительные силы страны; все-вообще усилия государства направляются на привлечение к управлению широких пролетарских масс. Научить каждую кухарку управлять государством [84]! Этим путем воспитывается новое поколение, которое возмужает уже в новых условиях и сможет спокойно отказаться от подавления, принуждения, устрашения. Но к тому моменту, когда созрест эта возможность отказа, государства уже не будет.

86. Моральное банкротство правящих классов. Этическое гниение. Итак, пролетариат должен завоевать государственную власть. В наше время для этого готовы все экономические предпосылки, а следовательно, и мотивы морального свойства. Уже Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» отмечал политическое и умственное банкротство буржуазии [85]. Действительно, класс, потерявший экономический суверенитет, переставший быть кормильцем и поильцем общества, еще долго может сохранять политическую власть: его поддерживает сила инерции, благоприобретенные воля и навык к власти,

бессознательное доверие и уважение масс, привыкших видеть в нем хозяина. Но неуклонно совершается однако в нем процесс этического гниения, который подтверждается наблюдателями с самых различных точек зрения и который есть не что иное, как отражение его экономического падения. «...Капитализм заходит в тупик не во внутреннем моральном отношении... Капитализм быстрыми шагами идет к своему идейному кризису»,—говорит И. А. Покровский [86]. Касаясь, между прочим, внутренних движущих сил революции, Л. И. Петражицкий делает мимоходом характеристику господствующего класса, не договаривая, правда, до конца свою мысль и сопровождая ее разными оговорками, характерными для буржуазного ученого: революция «обыкновенно ускоряется и облегчается тем, что пользующиеся существующим правовым строем, извлекающие из него материальную пользу (например, из рабства, как это было до соответственной американской революции, из феодальных привилегий, как это было до французской революции) [87] или поддерживающие его по каким-либо иным расчетам и соображениям без этической санкции со стороны интуитивно-правовой совести, без веры в святость и справедливость своего дела или даже вопреки противоположным указаниям своей интуитивно-правовой совести—подвергаются неизбежному этическому отравлению и упадку; происходит этическое гниение соответствующих верхних слоев общества и государственного механизма, появляются и распространяются компрометирующие злоупотребления, замечается недостаток честных и выдающихся, действующих с верой и энтузиазмом людей и т. д.» [88].

87. Конфликт личных и общенародных интересов. Вспоминая слова Фихте, что чем выше сословие, тем больше в нем безнравственности, Лассаль объясняет это явление постоянным конфликтом между нравственным долгом и личным интересом, который переживает высшее сословие и в котором верх берет именно личный эгоистический интерес: «Развитие народов, дух истории с давних пор приводит ко все большему и большему уничтожению привилегий, гарантирующих высшим сословиям их положение, как высших, господствующих сословий. Поэтому желание сохранить это положение или личный интерес побуждает каждого члена этих сословий стать в принципиально-враждебное отношение к развитию народа, к распространению просвещения и науки, к успехам культуры, ко всем веяниям и победам исторической жизни... Это противоречие между личным интересом высших сословий и культурным развитием нации и составляет причину глубокой и неизбежной безнравственности высших сословий. Стоит только представить себе, в какие условия ежедневно ставит их такое существование, чтобы понять необходимость глубокого нравственного падения их... Это вечная жизнь, говорю я, как во вражеской стране, и врагом этим является свой же собственный народ, и нужно еще постоянно хитрить и скрывать, что ты смотришь и относишься к нему как к врагу... Присоедините сюда

необходимость или делать все это против голоса собственной совести и собственного разума, или заглушить в себе навсегда этот голос, чтобы он больше не смущал, или наконец никогда не знать его, никогда не знать ничего лучшего, кроме религии своекорыстия. Такая жизнь... целиком губит в нас все нравственные начала в одной всепоглощающей жажде своекорыстия и наслаждений» [89].

88. Цинизм и лицемерие. Тот же конфликт видит Каутский, когда он говорит: «чем дальше однако унаследованные моральные положения сохраняют свою силу при наличности экономического развития и возникновения новых общественных форм, которые требуют новых нравственных норм, тем больше становится противоречие между господствующей моралью общества и жизнью и стремлениями его членов...» В результате «в гибнущих классах, в зависимости от занимаемой ими исторической позиции, развивается либо цинизм, либо лицемерие. Но одновременно в этих классах, как мы видели, легко исчезает сила социальных инстинктов вследствие усиления обособленности интересов, а также возможности выставлять вместо себя в решительной борьбе наемников и избегать необходимости ставить на карту свою собственную жизнь. Все это порождает в консервативных господствующих классах то явление, которое принято обозначать именем нравственного упадка» [90].

89. Апатия и эгоизм. «В то же время,—говорит Каутский уже непосредственно по поводу близкого завоевания пролетариатом политической власти,—в рядах противников (т. е. противников пролетариата), благодаря сознанию, что в их среде господствует испорченность и бездарность, сеется малодушие и апатия. Они не верят больше в свое дело и в своих вождей, которые как раз теперь, когда затруднительность положения становится изо дня в день все значительнее, все более обнаруживают свое бессилие и свое полное ничтожество». «Их интерес к крупным вопросам угасает и храбрость их не возбуждается больше...»! «У государственных деятелей и идеологов класса и государства, которым не приходится больше бороться за великие дела,—у этих людей бескорыстный интерес к общим заданиям класса и общества вытесняется интересом к своей собственной личности» [91].

Нельзя сомневаться в правильности наблюдений, исходящих из столь различных источников и выражающихся однако в словах почти тождественных.

90. Это иллюстрируется текущей действительностью. И действительно, примеров такой исключительной и вместе с тем вполне естественной испорченности довольно у нас на глазах: жалкое метание изувеченной русской буржуазии между немецким вахмистром, английским торгашом, французским ростовщиком и польским авантюристом, открытая беспринципность антантовской буржуазии, готовой облобызать кого угодно, лишь бы этот кто угодно спас ее от большевистской опасности,—все это достаточно яркие иллюстрации.

Увы! Ничего не помогает. Все эти яростные усилия направляются против самой буржуазии. И в наивном огорчении, в полной растерянности ее же собственный психолог констатирует, что какой-то «вихрь безумия ослепляет ныне буржуазию, ибо она без устали потрясает самые солидные основы общества, ее защищающего... Она теряет сознание своего превосходства, своего могущества и своего достоинства» [92].

91. Капиталисты излишни. Но особенно важно, что в связи и параллельно с моральным и умственным вырождением буржуазных собственников совершается неуклонное отстранение их не только от верхов государственного аппарата, от «высокой политики», но и от руководства промышленностью. И там и тут собственника заступает и заслоняет его приказчик. Личность капиталиста играет все меньшую и меньшую роль [93].

Существование класса капиталистов становится все более ненужным, его господство все менее прочным. Вернейший признак его неминуемой близкой смерти—пропасть, которая все резче отделяет его от классов противоположных. Маркс говорил, что господство класса тем прочнее и опаснее, чем более он способен принимать в свою среду выдающихся людей из угнетенных классов [94]. В наше время правящая буржуазия обособлена на высокой и тесной скале, с которой можно свалиться, но на которую невозможно взобраться. Это видят все. «Нашему теперешнему обществу грозит опасность все более и более уподобиться лестнице, в которой сверху и снизу много ступенек, а средние ступени прогрессивно исчезают [95].

92. Двусторонний кризис буржуазной государственности. В конце концов оба стоящие друг против друга класса—и класс, правящий еще, и класс, не правящий юридически, но уже действительный «король политического порядка» [96],—оба они охватываются своеобразной политической индифферентностью. Формы своей государственной власти буржуазия уже не уважает и не ценит ни во что. Она извернлась во все политические режимы, уже не способна не только найти, но искать новые конституционные формы, и трусливо хватается за диктатора. Где найти в наш век политического скепсиса такие конституционные учреждения, которые способны поднять энтузиазм?—меланхолически вопрошает буржуазный ученый [97]. И рабочему классу этот политический упадок духа передается, но передается не совсем так, как бы это хотелось буржуазным идеологам: он тоже ставит крест над государственностью, но только над государственностью буржуазной. Чуждый буржуазного бессилия, полный новых возможностей и нового духа, он подходит к политической власти с тем, чтобы сообщить ей совершенно новое содержание и принципиально иные цели.

93. Пролетарское государство—последнее государство. Из сказанного следует, что задачи пролетариата по отношению к государству резко отличаются от задач буржуазии, да и всякого вообще другого класса. Буржуазия,

господство которой основывается на собственности, на классовом разделении общества, нуждается, конечно, в государстве, как в постоянно действующем орудии угнетения. Она склонна поэтому считать государство вечным, ибо ей приятно тешить себя мыслью, что царствию ее не будет конца. Мы же, напротив, утверждаем в своей Конституции, что господство пролетариата временно, и что государство его—организация переходного периода, за которым последует безгосударственное состояние.

94. Основная цель. Понятно, что пролетарское государство, одна из целей которого—стремление к собственному уничтожению, органически отличается от государства буржуазного. Это прежде всего—господство организованного большинства над меньшинством. Экономические основы этого меньшинства—частная собственность, наемный труд, вольная хозяйственная деятельность—с каждым днем ослабевают; меньшинство это должно, следовательно, неуклонно таять.

Во-вторых, государство это чуждо желания кого бы то ни было угнетать и порабощать. Государственная машина и в руках пролетариата остается машиной насилия и укрощения, но самый смысл насилия, очевидно, меняется. Воспользоваться своей властью для вмешательства в буржуазные имущественные отношения, наладить социалистическое хозяйство, уничтожить основы классовой эксплоатации, решительно и систематически пресекая всякое сопротивление в этом деле, осуществить в результате действительно всеобщий интерес,—вот смысл этого насилия. Нужно ли доказывать нравственную разницу между насилием, которое предпринимает бандит, грабящий путника на большой дороге, и насилием, цель которого—лишить бандита возможности грабить, сделать самое существование бандита невозможным. Первое—насилие, применяемое буржуазным государством, второе—пролетарским. «Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся» [98].

Вот что означают слова ст. 1 о подавлении буржуазии и уничтожении эксплоатации человека человеком.

95. Государство против государства. Сокрушение буржуазной машины. Очевидно, что пролетариат, завладевая государством с тем, чтобы в конечном счете упразднить его, как бы направляет государство против государ-

ства же. Нет ли в этом противоречия? Можно ли в данном случае клин клином вышибать?

Ведь вот верхогляды из буржуазных ученых, которые слышали звон о том, что марксисты «хотят» уничтожить государство путем завоевания пролетариатом государственной власти, утверждают с ходульной высоты своей ложной и лживой науки, что в этом великая несообразность. «Марксу и Энгельсу представлялось, что политической властью можно овладеть на краткий срок, воспользоваться ею для нанесения смертельного удара старому строю и затем сдать ее за ненадобностью в музей. Но в этом представлении заключается, с точки зрения науки права, величайшая неясность мысли» [99]. Профессору права кажется, что он проник наконец в построения Маркса и Энгельса. Но ничего, в действительности, не зная и не понимая, не дав себе даже труда добросовестно овладеть темой, он неясность своей собственной убогой мысли приписывает Марксу и Энгельсу. На самом деле, и Маркс и Энгельс, особенно после опыта Коммуны, представляли себе дело совсем иначе, хотя, конечно, не считались с «наукой права», предоставляя ей считаться с ними.

Конечно, нельзя клин клином вышибать. Завладеть буржуазным государством и просто повернуть эту громоздкую машину,

«эту исполнительную власть, с его громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона. Этот ужасный организм-паразит, обвивающий, точно сетью, все тело французского общества и затыкающий все его поры...» [100],—

так, чтобы она служила своей собственной гибели, пролетариат не может. Государство его должно быть полугосударством, пригодным к постепенному отмиранию. На такую роль буржуазная государственная машина никак не подходит. Пролетариат первым революционным делом разбивает, ломает старое государство. Тут, конечно, нельзя дробить и крушить смаху: нужно ударять по тем винтам и рычагам, которые играют в государстве ответственную роль.

96. Что нужно сломать. Именно такими винтами-рычагами являются армия, чиновничество. Именно с помощью армии и чиновничества или, вернее, в лице армии и чиновничества государство всегда было машиной для угнетения. В государстве древнего типа армия заботливо охранялась от проникновения в нее рабов, в государство

средневековом роль постоянной армии играла рыцарская конница,—сила опять-таки чуждая порабощенным народным массам и всегда готовая служить против них. Когда же короли научились пользоваться наемниками из среды самого народа, то и эти наемники превращались в специалистов военного дела, привязанных к своему вождю. Он увлекал их победами, жизнью, полной рискованных приключений и славы, возможностью награбить и разбогатеть, во всяком случае пожить весело. Оторванные от народа, эти солдаты (от слова Sold—жалованье, значит—получающие плату) легко научились смотреть на него с презрением и ненавистью. Буржуазное же государство не имеет уже нужды заманивать отдельных добровольцев из народа деньгами и обещанием развеселой жизни. Теперь машина настолько сильна, настолько могущественна, что может просто принудить граждан выделять каждый год потребное число рекрутов, которые будут служить не за совесть, а за страх. В строю молодого крестьянина ждет отупляющая муштровка, жестокая палочная дисциплина, мучительные и унижающие наказания. Он оказывается бесправной вещью в руках офицера. А чистота командного состава блюдется строго. Туда не проникнуть ни крестьянину, ни рабочему. Таким образом и современную армию ничего не стоит направить против народа, на карательные экспедиции, на расстрел забастовщиков.

Разрушение царской армии, т. е. государства, начала буржуазная революция. Пролетариат только овладел этим движением, и благодаря ему старая армия не наделала, рассыпаясь, непоправимых бед.

Всякий рабочий, всякий крестьянин знает, что такое же дело угнетения, надувательства и издевательства вершило и чиновничество,—вторая главная сила государства. Февральская революция этой силы не затронула, но Октябрьская—сбила и чиновничество с позиции, покончила со старой бюрократией, и если и правда то, что создалась бюрократия новая, то все-таки она уже по одному тому лучше старой, что находится на службе у народа и ему непосредственно подотчетна. А главное, советская система сама по себе—отличный противовес и самой плохой бюрократии. Но об этом, как и о других существенных особенностях советского государства, скажем в своем месте.

97. Анархистские требования отмены государства. Лишь выяснив себе задачи революционного пролетариата по отношению к буржуазному государству, можно сознательно разобраться в старом споре с анархистами по вопросу пресловутой отмены государства как организации авторитетной вообще. Как упоминалось выше *), требования анархистов сводились и сводятся к немедленному упразднению государства, лишь только революционные массы одержат верх: отменить государство «с сегодня на завтра», как с прошлой формулировал эту политическую программу Энгельс.

98. Постановка вопроса. В вопросе этом, как во всяком, впрочем, самое важное—его постановка. Правильная же постановка дана Лениным в его книге «Государство и революция». Обычная дискуссионная формула: «мы де признаем государство, а анархисты нет!», в которую долженствует вылиться вся якобы суть разногласий, по справедливости характеризуется Лениным, как мещанство и пошлость. Спор такой формулой не разрешается, не исчерпывается и даже не определяется. И та и другая стороны сходятся на необходимости конечной гибели государства, и в этом отношении марксисты так же мало «признают» его, как и анархисты. Но какое именно государство погибнет и погибнет, не оставив преемников? Какое именно, чье государство будет «отменено», если и не декретом, то ходом событий, которые посильнее, конечно, декретов?

99. Энгельс об отмирании пролетарского государства. На оба эти вопроса давно даны исчерпывающие ответы. К ним только почему-то мало прислушивались. Рядом рассуждений, сила которых ничем пока не ослаблена и правильность которых никем пока не отвергнута, Маркс и Энгельс доказали, что пролетариату нужно государство революционной и преходящей формы для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии. И в «Анти-Дюринге», и в «Происхождении семьи», и в предисловии 18 марта 1891 г. к марксовой «Гражданской войне во Франции» писал Энгельс об известном периоде «засыпания» или «отмирания» государства после перехода власти в руки пролетариата,—власти, которой он воспользуется для экспроприации производства, «для ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство». «Пролетариат овладевает государственной властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. Но тем самым он прекращает свое существование, как пролетариата, уничтожает различия классов и их антагонизм, а также само государство как государство» (цитируется из «Развития социализма от утопии к науке» по прекрасному переводу В. И. Засулич) [101]. Здесь именно только слово «овладевает» (в подлиннике «ergreift») выражает действие однократное, мгновенного характера. Слова же «превращает» и «уничтожает» (в подлиннике один термин дважды: «hebt» [102]) харак-

*) См. § 62 и сл.

теризуют ряд последовательных фактов, длительное состояние властвования. С несравненной же определенностью выразился Энгельс в предисловии к «Гражданской войне во Франции». Учитывая опыт Коммуны и исходя из анализа Коммуны Марксом, он констатирует, что «рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей *) старой государственной машиной» [103].

100. Маркс о развитии буржуазного государства. И это только подтверждение и дальнейшее развитие указаний Маркса, сделанных и в «18 Брюмера» и в «Гражданской войне» [104] и подчеркнутых им же в 1871 году в письме к Кугельману: разбить, сломать старую бюрократическую военную машину. Все революции только совершенствовали ее, народная ее сломает. На ее место нужно поставить нечто органически иное и этим нечто была Коммуна—не форма угнетения по существу, как все прежние правительства, а «весьма растяжимая государственная форма» [105].

101. Выводы. Таким образом, государственная машина буржуазии, конечно, должна быть и будет уничтожена и даже, если угодно, «с сегодня на завтра»,—это зависит от успешности революционной атаки, мешать этому кто же захотел бы? Но та государственная форма, которая станет на ее место, не подвергнется ни мгновенному насильственному уничтожению, ни отмене: она сама растает, когда для этого придет время. Она не будет в тягость пролетариату, она не превратится в паразитический нарост на его трудовом теле,—за это ручается массовый характер этого государства большинства, его типические черты «полугосударства» (отсутствие постоянной, в буржуазном смысле, армии, сменяемость, выборность, подотчетность народу всех чиновников, вознаграждаемых как средний рабочий). А что оно действительно отомрет, об этом заранее свидетельствует его уже сейчас видная Марксу растяжимость.

102. Возражения одних монархистов теряют силу... При такой постановке проблемы никто не может пожаловаться на неясность. Теряют прежде всего всякий смысл ламентации хотя бы Кропоткина, вроде следующей: «...нам все еще продолжают повторять, что завоевания государственной власти народом будет достаточно для совершения социальной революции. Нас хотят уверить, несмотря на все неудачи, что старая машина, старый организм, медленно вырабатывавшийся в течение хода истории с целью убивать свободу, порабощать личность, подыскивать для притеснения законное основание, отуманивать человеческие умы, постепенно приучая их к рабству мысли,—каким-то чудом вдруг окажется пригодным для новой роли: вдруг явится и орудием и рамками, в которых создастся новая жизнь, водворятся свобода и равенство на экономическом основании, наступят пробуждение общества и завоевание им лучшего будущего!» [106]. Двери раскрыты, и незачем в них

*) Очевидно, для сказанного превращения и уничтожения.

ломиться: никто не хочет использовать старую машину, и менее кого бы то ни было ждут марксисты «чудес» от этой машины, да еще «вдруг».

103. Возражения других отпадают... Но больше того: из спора немедленно должны выпасть те анархисты, которые, как Прудон, чуждаются насильственного уничтожения государства, будучи вообще одержимы страхом перед революцией. Ведь они верят в силу идей, которые постепенно завоюют человечество для будущего федералистского строя! Нет особенных оснований длить спор с какими-нибудь индивидуалистами, вроде Тэкера или Маккая: они тоже отрицают насильственный переворот, но все же надеются на переворот и притом мгновенный. Что ж! Их можно утешить тем соображением, что историк будущих времен все-таки сумеет положить грань между безгосударственным обществом и государством переходного типа; оглядываясь назад, он авторитетно укажет водораздел между ними, назовет какой-нибудь последний официальный акт умирающего государства, и этот момент можно будет, пожалуй, назвать и переворотом, и даже мгновенным. Чем бы дитя ни тешилось...

104. Третьим необходимо кой-чему поучиться. Останутся, следовательно, одни бакунисты. Эти будут, так сказать, посолиднее. Они ждут гибели государства от катастрофического и насильственного переворота, который,—есть все основания думать,—вызовет обильное кровопролитие. В этой кровавой революции и должно сгинуть бесследно государство.

Но дело-то в том, что с ними вообще спора быть не может, так как нет общего языка. Как упомянуто выше (§ 62 и сл.), их представления о возникновении государства далеки от ясности. Надо не смутно догадываться, а точно знать, что государство не явилось, как «бог из кулисы», что не извне навязано оно обществу, а возникло на известной ступени развития экономических и семейных отношений,—тогда будет ясно, что уничтожить его сразу, еще до изжития породивших его предпосылок, нельзя. «...Бакунин утверждает: *государство* создало капитал, капиталист обладает своим капиталом только *благодаря милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то нужно прежде всего уничтожить государство, тогда и капитал сам собою погибнет. Мы же говорим наоборот: уничтожьте капитал—сосредоточение всех средств производства в руках немногих, тогда само собой отпадет государство» [107]. Итак, доказывать им приходится не конец государства, а его начало. Но это уже переносит спор из одной плоскости в другую.

Впрочем, они, как сказано, ждут бесповоротной гибели государства от своего рода кровавого потопа. Быть может, размеры этого потопа будут таковы, что уж ни одного анархического ковчега не пощадит он? В этом случае государство, конечно, будет уничтожено сразу и окончательно. Но только в этом случае...

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЛАСТЬ И ДИКТАТУРА.

105. Вопрос о власти в буржуазной науке. Временное пролетарское государство, как и всякое государство, есть организация *властная*. Если государствоведы и юристы-философы прежних времен пытались определять государство, как «соединение людей под законами права» (Кант) или «организм свободы» (Иеринг), то в наше время обостренной классовой борьбы и гражданских битв нельзя не видеть, что государство есть, главным образом, и в первую очередь, отношение властвования и подчинения: душа государства—власть, это наиболее существенный его признак, и один знаменитый французский юрист выдвигает этот признак на самый первый план [108].

Если это столь важная черта государства, то юристы, понятно, хотят выяснить ее существо. Закипает длинный и бесплодный спор: что такое государственная власть? По мнению одних—это воля государства, как особой личности; по словам других—воля, но не государства, а людей, входящих в состав государства; по заверениям третьих—сила, основывающаяся на том, что одни люди чувствуют себя зависимыми от других; по воззрению четвертых—просто сила, факт обладания наибольшей силой.

106. Путаница понятий. При этом юристы в своих исследованиях обращаются с понятием власти в высшей степени неряшливо. Они, например, сплошь да рядом смешивают власть политическую (государственную; политический—значит государственный [109]) с властью вообще, с тем, что в общежитии известно под названием влияния: власть (влияние) сильного характера над слабым, высоко развитого интеллекта над ограниченным, хитрого человека над простодушным; любимого над любящим. Именно на этом смешении и основывается идущее

от немецкого ученого Бирлинга и распространенное в русской, напр., науке (Коркунов, Лазаревский) мнение, что источник власти—в сознании не активной стороны—самих властвующих, а пассивной—подвластных. Отчасти же это смешение понятий, отчасти характерное для буржуазного юриста стремление представить государственную власть в виде неизбежного элемента всякого человеческого общества—заставляют Дюги, вопреки всем данным генетической социологии, утверждать, что «не существует по природе никакой разницы между властью начальника орды и властью современного правительства, слагающегося из главы государства, министров, палат»[110]. Немудрено, что в конце концов, «проблема государственной власти кажется безнадежно темной, и нужно сделать какое-то геройское усилие, чтобы распутать туго завязанный узел содержащихся в ней контроверз»[111].

107. Действительное содержание государственной власти. Все это, конечно, пустое словопрение. Надо знать, что государство есть организация господствующего класса. Основное дело государства—защищать и расширять условия эксплоатации подчиненных классов. То, что государство предпринимает для выполнения этой задачи, и есть проявление государственной власти, и те органы, через которые действует государство, суть органы государственной власти. Это—армия, полиция, суд, тюрьмы. Значит, государственная власть есть прежде всего насилие. Господствующий класс не просто властвует: властвуя, он угнетает и подавляет. Поэтому и не годятся такие определения, как «воля», «сила»: они не исчерпывают предмета. Не всякая воля непременно давит, не всякая сила непременно насилует, между тем как государственная власть есть орудие только угнетения[112].

108. Что она защищает? Во все времена существования государства делом политической власти было защищать интерес господствующих классов. Мы знаем содержание экономического интереса буржуазии. Не ясно ли, к чему сводится деятельность органов власти в буржуазном государстве? Пусть пытаются рабочие экспроприировать фабрику,—они узнают, что на страже буржуазной собственности стоит власть. Пусть рабочий, которого голод вынудил подписать явно-грабительский контракт с работодателем, попробует не выполнить его,—пред ним встанет угроза штрафа, неустойки, и он узнает, что эксплоатацию наемного труда защищает власть.

Пусть рабочие посягнут на новые машины, лишающие их заработка, делающие их ненужными, пусть они попробуют восстать против тех или иных технических усовершенствований, позволяющих предпринимателю сократить рабочие кадры,—они узнают, что на страже нетесняемой хозяйственной деятельности стоит власть. Во всех этих случаях они, если зайдут достаточно далеко, последовательно познакомятся с полицией, судом, тюрьмой, а то и с армией.

109. Отношение власти к интересам подчиненных классов. Никогда и ни в каком случае не может государственная власть считаться с интересом подчиненных классов и не считается с ним. Правда, бывали моменты, когда рабочий класс выигрывал ту или иную выгоду, отвоевывал ту или иную позицию. И тогда, при поверхностном взгляде на дело, могло, пожалуй, казаться, что государственная власть приняла беспристрастный «надклассовый» характер: ведь она допустила такую меру, которая противоречит интересам экономически сильного класса! Но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что добрая воля государства тут ни при чем: шла борьба между землевладельцами и промышленниками, и в этой борьбе рабочий класс, предлагая свой союз то одной стороне, то другой, получал временный выигрыш. Следовательно, государственная власть только по видимости «уступала» рабочим, только по видимости шла навстречу их интересу: в действительности она удовлетворяла притязания того из имущих классов, который одерживал верх и с которым на этот раз оказывались рабочие. И успех бывал обыкновенно более или менее кратковременным.

Как только аграрии и промышленники находили почву для соглашения, тотчас же усилия власти направлялись на то, чтобы свести на-нет завоевания рабочего класса.

110. Отношение власти к интересам господствующих классов. Всегда в ее глазах только экономические потребности господствующего класса заслуживают внимания и удовлетворения [113]. Все, противоречащее этим потребностям, объявляется противным закону, нравственности, здравому смыслу, а то и просто—невозможным, утопичным. Рабовладелец искренно возмущался, если ему говорили, что

раб его такой же человек, как он, и потому так же, как и он, нуждается в личной свободе. И государственная власть попытки рабов освободиться почитала деянием противозаконным и карала за них по соответствующим статьям закона. Буржуа, которому нужен свободный рабочий, не владеющий средствами производства, нашел рабство безнравственным, бесчеловечным,—и власть похерила крепостное «право», объявив его бесправием. Тот же буржуа находит требование экспроприации орудий производства вредной, гибельной для общества бредней,—и власть спешит издать законы против социалистов, хватает рабочих вождей, душит рабочую прессу. В советском государстве интересы пролетариата требуют планомерной организации хозяйства, обобществления орудий труда,—власть борется с так называемой свободной торговлей, лишает гражданских прав эксплоататоров.

Политическая власть следит за тем, чтобы классовый интерес господствующего класса не просто властвовал бы, а безраздельно бы властвовал [114]. Она уничтожает его соперников, она подготовляет удобный момент для боя, в решительную минуту она пускает в ход вооруженную силу, она действует всеми средствами, зная, что классовый интерес все оправдает и освятит.

Ограничена ли эта политическая власть какими-нибудь законами? Конечно нет. Ведь законы создает государство т. е. господствующий класс, и, создав, ставит их под охрану власти. Это значит, что власти предоставляется применение и истолкование законов. Таким образом, если бы и случилось, что правящий класс обмолвился законом, вредным для его интересов, он может его отменить, если же это почему-либо неудобно, он может его исказить, перетолковать, а то и просто обречь на бездействие. Законы классового государства—это узда в руках всадника. Ограничивает ли всадника узда?

111. Обычное возражение, которое в таких случаях выдвигается, следующее: может быть—говорят—в государстве деспотическом это и так. Там правящие классы знают только свой интерес, и всякий другой просто задавливается. Но это неверно в применении к современному демократическому обществу. В современном конституционном государстве при всеобщем избирательном праве, при свободе слова, печати, союзов,

собраний и т. д. нет безраздельного властвования одного какого-либо интереса. Пожалуй—скажут—интересы буржуазии первенствуют, но и интересы рабочих тоже уважаются законом, их защищают сами рабочие в своих союзах, за них ратуют депутаты-социалисты в парламентах, о них кричит рабочая пресса. При наличности всего этого как же можно говорить о безраздельном властвовании интереса?

Все эти возражения настолько ходки, что на них нужно остановиться подольше.

112. Всеобщее избирательное право как орудие властвования. В самом деле, если бы буржуазия пожелала осуществлять свой интерес диктаторски, зачем бы она мирилась со всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом? «Почему во Франции и в Соединенных штатах экономически господствующая буржуазия терпит всеобщее голосование, способное по меньшей мере причинить ей большие хлопоты?» [115].

Но в том-то и дело, что только близоруким дурачкам или явно недобросовестным подголоскам буржуазии может казаться, что буржуазия мирится со всеобщим избирательным правом и «терпит» его. Она как раз и не мирится с ним в действительности и не терпит его. Подробный анализ этого института не раз с ясностью показывал, что нигде в буржуазных демократиях не существует всеобщего избирательного права в смысле такой системы голосования, которая давала бы трудящимся массам фактическую возможность выявить свое лицо. То, что в буржуазном государстве слывет под именем всеобщего избирательного права, есть на деле прекрасное орудие господства над массами, которым буржуазия с успехом пользуется (см. раздел IV).

113. Бессилие рабочих объединений. Но как же рабочие союзы? Уж их-то буржуазия могла бы просто запретить, закрыть, разгромить вооруженной силой? Но зачем, спрашивается, пошла бы буржуазия на такой шум и гром? К ее услугам современная социал-демократия, которая в том видит свое назначение, чтобы овладевать рабочими союзами и выхолащивать из них всякий революционный дух. Буржуазия располагает и другим не менее действительным оружием: это предпринимательские союзы. Опыт показывает, что, соединяясь в союзы, капиталисты легче и успешнее справляются с потребителем и мелким конкурентом, а попутно бьют и рабочих. По свидетельству умеренного и аккуратного Каутского, картели или тресты «очень легко приобретают такую силу, что бороться с ними нелегко и рабочим союзам» [116].

114. Обоюдоострый характер кооперативов. Но что же кооперативы, которые приносят рабочим столько выгод? Ведь это уже кусочек социализма. Что же может быть ненавистнее для буржуазии? Однако она их терпит. И на этот счет найдется любопытное рассуждение у того же Каутского. Оказывается, что кооперативы не только не вредят крупной буржуазии, но, напротив, на ее же мельницу льют воду, так как направляются против мелкой буржуазии, с которой крупная сама находится в борьбе. Они-то и «отталкивают от пролетарского движения

некоторые, всего ближе стоящие к пролетариату слои мелкой буржуазии» [117].

115. Социалисты в парламентах. Как бы то ни было,—скажут,—а уж социалистов-то буржуазия не пускала бы в парламент, если бы утверждала свое безраздельное господство. Социалисты-депутаты много крови испортили господствующему классу, а меж тем он их терпит! И число социалистов в представительных учреждениях все увеличивается за счет буржуазных депутатов.

Вот об этом-то мог бы кое-что порассказать тот же Каутский. Именно на примере Каутского и ему подобных всякий пролетарий может видеть, что в момент, когда кровным интересам буржуазии грозит серьезная опасность, происходит резкое распадение социалистов на терпимых, и очень даже терпимых, буржуазией и совсем ею нетерпимых. И тогда оказывается, что терпит буржуазия лишь тех социалистов, которые в трудную минуту защитят ее—более или менее бескорыстно—от ее классового врага, рабочего. Для подлинных же представителей рабочего класса у буржуазии нет другого оружия, кроме разгромов, пыток, виселиц, и этим оружием она пользуется вовсю. П. Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции» один из отделов назвал так: «Социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической». Этот практик, а не краснобай, прекрасно оценил и осмыслил работу русских социал-соглашателей в период между февралем и октябрем 1917 г. Тов. Ленин в книжке «Пролетарская революция и ренегат Каутский» утверждает, что Крупы или Клемансо должны бы озолотить Каутского за его контрреволюционную деятельность. А ведь Каутский не чета Керенскому. Что же сказать о прочих терпимых социалистах?

Они терпимы. И воистину храмом, чтобы не сказать домом, терпимости стал II Интернационал!

Те, кто любят говорить про увеличение числа депутатов-социалистов в парламентах, не видят даже такого многознаменательного явления, как общепризнанное падение авторитета и силы законодательных учреждений. За последние десятилетия XIX века это стало совершившимся фактом. Сила, власть, руководство политической жизнью из парламентов ушли *). Депутатам-социалистам, проникшим, наконец, в парламент, буржуазия великодушно предоставляет танцовать после бала.

Нет, никак нельзя видеть, будто буржуазия терпит социалистов.

Что же касается так называемых конституционных свобод, которыми тоже опровергают факт буржуазной диктатуры, то их анализ дается в своем месте (см. § 197 и сл.).

116. Изнанка демократии. Современное буржуазное государство с самого своего возникновения присвоило себе название демократического. Но название это не должно бы

*) См. § 184 и сл.

никого обманывать. Правда, демократия означает много хороших вещей. Это в первую очередь—народовластие, принадлежность власти всему народу, т. е. участие всех в управлении. Далее, это—равенство всех пред законом, право каждого свободно выражать свои мнения, право каждого не подвергаться ни наказанию, ни вообще преследованию без гласного суда и т. д. и т. п. Но на самом деле все эти разнообразные права и свободы только провозглашаются, в жизнь же никогда не проводятся. Самые простые наблюдения подтверждают это. Может ли участие в управлении быть всеобщим там, где три четверти мужского населения осуждены на тяжкую борьбу из-за куска хлеба? Где массы не имеют ни времени, ни средств научиться как следует грамоте, не то что осуществлять свои избирательные права? Может ли быть действительное равенство между нищим тружеником и сытым толстосумом? Тут равенство перед законом превращается в горчайшее узаконенное неравенство. Если даже нелицеприятный судья готов будет судить по всей справедливости, сможет ли забитый бедняк доказать свою правоту? Ведь он не знает законов, не умеет объясниться и уж, конечно, не получит такого бойкого адвоката, какого наймет себе его состоятельный противник.

117. Что значит «буржуазная демократия»? Потому-то мы и называем эту демократию буржуазной, резко тем подчеркивая, что эта демократия—для господствующего класса, для имущих, для сильных. И так как демократия—участие в управлении, гражданская свобода, господство твердых, всем открытых законов—дело хорошее и выгодное и так как его целиком себе забирает правящий класс, то этим и объясняется факт, повсеместно наблюдаемый: чем сильнее развита демократия, тем крепче подчиняют себе управление (и законодательную власть—парламенты и исполнительную—министров) банкиры.

118. Демократия, диктатура, империализм. И в наше время, время широко развитых буржуазных демократий, финансовому капиталу и не нужно лучшей оболочки для своей диктатуры. Он властвует через купленное чиновничество, через союз правительства с биржей и властвует безраздельно. Он вооружает и двигает миллионные армии, он громоздит миллионы пудов трупного человеческого мяса. Он гнет свою особую, ему одному свойственную, по-

литику. И имя ей: империализм. А «империализм есть самая проституированная и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом, как орудие его освобождения от феодализма, и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталу»[118].

119. Безраздельное господство капитала. Новейшее капиталистическое развитие закрыло и путь временных успехов пролетариата. Земельная рента и капиталистическая прибыль уже пережили период вражды. Благодаря отчасти акционерной форме предприятий, аграрий в качестве акционера крепко связался с промышленностью. С другой стороны, происходит сращивание [119] банкового капитала с промышленным. В результате рента и прибыль обезличиваются, сближаются между собой под общей формой прибавочной стоимости, и интерес землевладельца, промышленника, финансиста становится единым. Государственная власть отбрасывает все прикрытия; демократия расплывается, как мираж, и все явственнее выступает господство цельного интереса,—интереса объединенной собственности. Так как интерес этот становится все более противным интересам всего общества, так как противоположность между группой финансистов и всем трудящимся человечеством все более обостряется, то власть не может уже заботиться о разных прикрасах и вымыслах. Она знает, что массы уже разгадали ее тайну, что они уже увидели произвол на месте права, своекорыстие вместо справедливости, классовый обман в виде преподносившейся им общечеловеческой истины. И, зная это, она выступает, как открытое насилие. Опираясь на захваченные крепости, на штыки и пушки, на армии наемников-специалистов, обслуживающих ее за золото, она действует явным, голым насилием, железной рукой подавляя всякое сопротивление. Это—диктатура собственности.

120. Начало диктатуре положено давно. Самый аппарат буржуазной государственной власти устроен таким образом, что в критические моменты он с легкостью овладевает показной демократией и всецело служит диктаторской сущности этой власти. В конце XVIII и начале XIX столетий великие исторические события, разыгравшиеся во Франции, отразились, по свидетельству буржуазного исследователя, весьма своеобразно на системе правления в Англии: они «придали этой системе

в ее последней фазе резко выраженный характер классового господства!» Свободомыслящий Питт, обнаруживавший чрезвычайную склонность ко всякого рода демократическим реформам,—«этот самый Питт превратился в черствого и неумолимого диктатора во внутренней политике»[120]. Правительственную политику великий адвокат того времени Эркин характеризовал как «неожиданную грозу», разразившуюся над обществом «без всякого серьезного основания[121]. Конечно, он ошибался; основание было, и достаточно серьезное. Но он не понимал его, как не понимал тот несчастный, осужденный за противопарламентскую агитацию, который безуспешно восклицал на суде: «Неужели же то, что считалось патриотическим в 1782 году, будет считаться преступным в 1793 году?»[122]. А что сталось с пресловутыми противоречиями внутри правящего класса, мешающими ему якобы осуществить диктатуру? «С настоящим энтузиазмом объединились все группы и фракции господствующего класса для борьбы с французскими идеями во всех областях политической жизни»[123].

121. Рост государственной власти за вторую половину XIX века. С тех пор прошло много лет. И государственный аппарат не стоял на месте, он прогрессировал, он неуклонно совершенствовался в этой примерно-демократической и архиконституционной Англии все в сторону наилучшего осуществления нарастающей экономической диктатуры финансовой олигархии. В 1867 году Бэджгот[124], в 1885 году Мэн[125], в 1906 году Лоу[126]—все англичане и все отнюдь не социалисты—резко констатируют последовательно растущую силу исполнительной власти, силу и власть слуг государства. Мэн, не обинуясь, говорит, что приближаются времена якобинской диктатуры...

122. Расцвет буржуазной диктатуры. И времена эти настали. Еще и не начался штурм крепостей капитала, еще одурманенный пролетариат хранил благонамеренное спокойствие и свято соблюдал все законы и заповеди «гражданского мира», а уж диктаторская, насильническая и террористическая сущность буржуазной государственной власти встала в свою натуральную величину. Отдельные диктаторы в отдельных странах рабски творили и творят волю капитала при общепризнанном ничтожестве почти или вовсе упраздненных представительных учреждений. Неважно, как персонально называется тот или иной временщик: его личность имеет мало значения. Клемансо или Пуанкаре, Макдональд или Керзон, Пилсудский или Муссолини—всех их ведет в их политике провиденциально заранее данная историческая линия: через величайшее напряжение насильнической машины—к ее взрыву, развалу и гибели.

123. Политическая власть, открыто оберегающая безраздельное господство экономически сильного класса, не ограниченная никакими законами, действующая решительно и сурово, насилием подавляющая всякое сопротивление, есть диктатура.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

124. Диктатура и гражданская война. И в Советском государстве, как и во всяком другом, политическая власть призвана охранять интерес господствующего класса—пролетариата. Выше мы выяснили историческую необходимость власти пролетариата. Остается показать, что власть эта не может быть ничем иным, как диктатурой.

Но это следует уже из одного того, что диктатура буржуазии, еще властвующей в других странах, мы ничего, кроме диктатуры же, противопоставить не можем. «Покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, так как насилие—средство для управления» [127]. Эти слова Маркса, произнесенные в 1874 году, звучат как сказанные вчера. Пролетарское государство родилось и долго жило в атмосфере *гражданской войны*. Буржуазия не побеждена еще не только на Западе, но и в Советском союзе. Сверженная *буржуазия еще сильна* своими международными связями, своим техническим, военным и общим образованием, своим навыком в управлении и волей к власти; сильна деньгами и имуществом, оставшимся в ее руках; сильна тем самым, что мы не можем обойтись без услуг и руководства буржуазных специалистов; сильна остатками еще не изжитой мелкобуржуазной стихии.

125. Диктатура большинства. Конечно, трудящиеся массы Союза составляют большинство. Зачем же, казалось бы, диктатура, т. е. голое и суровое насилие, этому большинству? Но надо различать между большинством количественным и качественным. Класс, который веками давили и угнетали, не может сразу развернуть свои силы так,

чтобы ему уже не страшны были никакие враги и чтоб он мог позволить себе роскошь добродушия. Несомненно, сила на нашей стороне. Но эту силу надо организовать, надо внушить ей уверенность в самой себе, надо поставить ее на верный путь. Как молодое дерево, имеющее все права на жизнь и процветание, ее нужно однако охранять и оберегать от губительных внешних влияний, пока она не раскинет корни широко и глубоко и не оденется толстою корою.

126. Диктатура пролетариата выдвинута была самой революционной жизнью и ею же с каждым днем укреплялась. В первые же времена Октябрьского переворота развитие революции подтвердило старое наблюдение, что побежденный класс в течение ряда лет сохраняет надежду на восстановление, делает отчаянные попытки в этом направлении и в этой борьбе обретает даже новые хоть и последние силы и новых, хоть и последних союзников [128]. Мелкая буржуазия и интеллигенция отнеслись к гибели буржуазного строя частью с ужасом, частью с недоверием. Эти промежуточные классы, постоянно колеблющиеся и нерешительные, тоже надо было стальной рукой схватить и заставить итти с пролетариями. Для того, чтобы добить буржуазию, разбить открытых противников, устрашить тайных и самому пролетариату раскрыть глаза на его собственные возможности, нужна была власть беспощадная, быстрая в своих решениях, неуклонная и безжалостная на деле. Нужна была диктатура.

127. Буржуазный ученый о революционной диктатуре. И немудрено: ведь после революции «ослабевшая монархия совершенно устраняется, и тогда возникают все громадные затруднения молодой республики, которой приходится бороться и с приверженцами прежнего порядка, и с общественной анархией, и с внутренними раздорами партий, и повсюду возбужденными честолюбиями, и наконец с неопытностью людей и незрелостью учреждений. С такою задачей справиться слишком трудно; потребность порядка приводит или к реакции, или к диктатуре. В обоих случаях свобода значительно стесняется, если не уничтожается совершенно. Такой поворот не есть признак народного легкомыслия; это неизбежный закон, результат естественного хода вещей. Но диктатура, возникшая из недр революции, служит вместе с тем и средством упрочить переворот. Революции, которые не умели выставить из себя власти,

способной сдерживать анархические стремления и восстановить порядок, остаются бесплодными, тогда, как приобретения, закрепленные диктатурой, становятся достоянием народа даже при последующих реакциях».

Откуда эта длинная цитата? Этот солидный и спокойный голос, веско рисующий неизбежность и необходимость революционной диктатуры? Так писал умереннейший либерал, буржуазный общественный деятель (московский городской голова), выдающийся ученый, профессор права, Б. Н. Чичерин [129]. Конечно, буржуазия в свое время отличалась способностью трезво оценивать положение. Она имела чудесных знатоков политики и права, которые блестяще обосновывали закономерность буржуазных диктатур. Но тем труднее ей примириться с диктатурой пролетарской.

128. Диктатура в «Коммунистическом манифесте». Эта практическая неизбежность диктатуры пролетариата прекрасно была осознана Марксом и Энгельсом, и они-то и выработали теорию пролетарской диктатуры, как формы государства переходного периода. Уже «Коммунистический манифест» говорит о грядущем «насильственном низвержении» буржуазии и «установлении господства пролетариата» [130]. Там же говорится, что, «завоевавши демократию», «возвысившись до положения господствующего класса», пролетариат воспользуется своей политической властью для «деспотического вмешательства» в буржуазные имущественные отношения [131]. Кому не известны эти строки? И можно ли под насильственным установлением господства, под завоеванием демократии, под деспотическим вмешательством в экономическую жизнь разуметь что-либо иное, кроме диктатуры пролетариата,—политической власти, железной власти, насилием завоеванной и насилием поддерживаемой?

129. Диктатура в «Борьбе классов во Франции». Далее, уже в статьях, печатавшихся в «Новой рейнской газете» и касавшихся французских событий 1848—1851 годов, Маркс говорит о «смелом революционном лозунге: диктатура рабочего класса!», который восставший пролетариат выкидывает на своем знамени [132], о классовой диктатуре пролетариата, как необходимом переходном пункте к уничтожению классовых различий вообще...» [133], а в письме, относящемся к 1852 году, утверждает, «что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких

классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» [134].

130. Как выковывалось Марксом понятие диктатуры. Поворотный «пункт». Нетрудно заметить, что Маркс времен «Коммунистического манифеста» еще не находит настоящего термина для характеристики власти пролетариата, овладевшего государством. Ему ясно только, что действия пролетариата в этом случае насильственны и деспотичны. Но спустя несколько лет,—после опыта французских событий и исчерпывающего анализа классовой борьбы, двигавшей эти события,—слово найдено: диктатура. Тиранническое насилие над классовым неприятелем, государственное самодержавие, политические шаги, быть может, несостоятельные с экономической точки зрения, но во всяком случае неизбежные,—вот содержание диктатуры пролетариата как политической категории. Ясен и смысл пролетарской диктатуры: это—поворотный «пункт», необходимое средство уничтожения классовых различий. Своекорыстие диктаторствующей буржуазии остается только своекорыстием: ее самовластие диктуется мрачным классовым эгоизмом, инстинктом самосохранения класса, построенного на рабстве и эксплоатации и держащегося лицемерием и ложью. Своекорыстие же диктаторствующего пролетариата перерастает классовые рамки, оно питается универсальными, общечеловеческими потребностями, ибо пролетариат—единственный класс, который должен и может поставить себе задачу уничтожения себя самого как класса: «тогда выступает наконец во всей своей полноте и со всею ясностью великая проблема девятнадцатого столетия—уничтожение пролетариата» [135].

131. «Переходный период» и его содержание. Критика Готской программы. А двадцать пять лет спустя, мысль Маркса, работавшая все в том же направлении и воспитанная новым и последним практическим опытом—Парижской коммуной,—достигает еще большей ясности. В 1875 году в письме по поводу партийной программы германских социалистов Маркс, подвергнув уничтожающей критике «демократическую трескотню» о «свободном» государстве, говорит: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике пере-

ходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата»[136]. «Переходный пункт»—это недостаточно характерно. Это может навести на мысль, будто пролетариату достаточно провозгласить свою власть, чтобы классовые различия быстро и сами собой начали тускнеть, расплываться, исчезать. Нет, Коммуна показала, что буржуазное общество не может без тяжких мук родить из своих недр коммунистическое, что пролетариат, не может просто овладеть капиталистической государственной машиной и пустить ее по социалистическим рельсам. Этот переходный пункт разрастается и удлиняется в целый период,—период непрестанной и последовательной ломки, коренных изменений и превращений чисто экономического характера. Движение непрерывное, беспокойное, постоянно оглядывающееся, постоянно критикующее само себя, возвращающееся вспять и снова идущее вперед, движение революционное,—вот удел и содержание этого периода. Так революционным путем превращается капиталистическое общество в коммунистическое. Отражением же этого превращения в политике, отражением экономической диктатуры пролетариата является его политическая диктатура. «Государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата». Политический переходный период, следовательно, совершенно необходим.

132. Назначение пролетарской диктатуры. И в этот период полным ходом будет пущена машина насилия—государство. Диктаторствующая буржуазия пользовалась этой машиной для доставления торжества своему классовому интересу, т. е. для подавления и угнетения трудящихся, диктаторствующий же пролетариат переладит ее таким образом, чтобы она служила, с одной стороны, для подавления меньшинства, уничтожения вчерашних эксплоататоров, еще сохранивших жизненные силы, с другой—для организации и политического воспитания масс, вчерашних рабов, еще не верящих в свои силы, еще не сознающих своих собственных возможностей,—кратко: для преодоления буржуазной демократии и завоевания демократии пролетарской. Диктатура буржуазии носила отрицательный по преимуществу характер, ее функции чисто охранительные, ее задача отвратительно элементарна;

подавлять рабочее большинство. И в соответствии с раз навсегда данным назначением своим эта диктатура может принимать устойчивые, неподвижные, сонные формы. Диктатура пролетариата—само созидание, само творчество. В начале поприща ее насильнический размах огромен и угрожающ. Только и только борьба с врагом, нападающим из каждой щели, пользующимся каждой ошибкой, не отдающим без боя ни одной пяди земли, наносящим тяжкие удары даже при бегстве и отступлении своем; потом, с течением времени, все слабее и слабее деспотический нажим, все уже и уже амплитуда насилия и все больше и шире организаторские и воспитательные функции, пока наконец «наивная народная толща» освещена насквозь и во всех направлениях. Когда демократизм достиг высшей точки своего развития, стал демократизмом для всех,—тогда преодолена и не нужна демократия. Умирает государство, перерастает забвением политическая власть.

В этом смысле диктатура пролетариата революционна.

133. Энгельс и опыт Коммуны. Окончательно ставит все точки над і Энгельс. Указывая на Парижскую коммуну, он говорит филистерам; «испытывающим спасительный ужас при словах «диктатура пролетариата»: «хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата» [137]. Этим указанием на мягкое, героическое и самоотверженное поведение пролетариата, захватившего власть, Энгельс хотел как будто успокоить милостивых государей, дрожавших от страха перед призраком кровавой диктатуры. Но тот же Энгельс склонен был «поправить Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась своим авторитетом» [138]. Вполне естественным нашел бы он, если бы Коммуна еще решительнее опиралась на «ружья, штыки и пушки» и позаботилась бы об утверждении своего господства на «страхе, который внушает реакционерам ее оружие» [139].

134. Диктатура как способ, определяемый целью. Насилие—непременный спутник диктатуры. Размер же и характер этого насилия не могут быть определены заранее: это зависит от конкретных условий времени, места, обстоятельств. Это хорошо сознавал Энгельс как в 1873 году, когда писал свои статьи против анархистов, так и двад-

цать лет спустя, в 1893 году, когда в письме к Зорге говорил: «По-моему, в каждой стране лучшая тактика это та, которая скорее и вернее всего приводит к цели» [140]. Понимал это и Каутский, писавший в 1906 году: «Конечно, нельзя указать шаблонные формы, которые должна принимать классовая борьба пролетариата в каждой отдельной стране» [141]. Что же такое гражданская война и диктатура пролетариата как не заостренная классовая борьба? Знал это и Плеханов, когда говорил: «называть фразой указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об «окончательной цели» (Endziel) и думает лишь о «движении» (Bewegung)... в сторону буржуазного социализма» [142]. Ибо, «когда люди твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели, выбор средств зависит не от них самих, а от обстоятельств. И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевать свое господство, она не может принципиально отказываться от насильственного способа действий» [143].

135. Отказался ли Энгельс от революционного насилия? Знаменитые слова Энгельса о «румяных щеках и крепких мускулах», нагуливаемых социал-демократией на «законности», написанные в 1895 г. [144] и выставляемые оппортунистами как свидетельство отречения Энгельса от революционного насилия, в действительности совсем не имеют того значения, которое им приписывают. «Введение» Энгельса показалось вождям тогдашней германской социал-демократии слишком революционным, способным дать лишний козырь правительству, подготовлявшему как раз в то время исключительный закон против социалистов. Редакторы и вычеркнули из статьи Энгельса эти опасные места. Спустя несколько лет Лафарг, а за ним Каутский опубликовали письма к ним Энгельса, из которых видно, как недоволен был Энгельс и навязанной ему редакцией и тем употреблением, которое потом делали из его «Введения». Но до наших дней оставался неизвестным полный текст этого «Введения». И лишь в 1924 году опубликован незадолго перед тем обнаруженный подлинник статьи Энгельса [145]. Мы знаем теперь, что Энгельс не только не от-

казался тогда от вооруженного восстания, от уличной борьбы, от баррикад, но еще более тщательно, чем когда бы то ни было, взвешивал условия и шансы революционного насилия.

136. Каутский и диктатура пролетариата. И Карл Каутский в свое время достаточно правильно оценивал необходимость и неизбежность не только революционного переворота, но и последующей революционной диктатуры пролетариата. В книге «Путь к власти», произведении 1909 года, можно прочесть у него следующие строки: «...они (т. е. Маркс и Энгельс) выковали понятие диктатуры пролетариата (подчеркнуто в подлиннике—*Г. Г.*), которую Энгельс в 1891 году, незадолго до своей смерти, упорно отстаивал,—понятие о политическом единовластии (подчеркнуто нами—*Г. Г.*) пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть» [146]. Это не помешало К. Каутскому, когда он отступил на позиции буржуазии в испуге перед пролетарской революцией, утверждать (в брошюре о диктатуре пролетариата, 1918 год), что мнение о необходимости и правильности пролетарской диктатуры покоится на одном «словечке» (!) Маркса. Приводя это «словечко» из «Критики Готской программы» (ср. § 131), он настаивает, что Маркс под революционной диктатурой пролетариата имел в виду не форму правления, а «состояние, которое по необходимости должно наступить там, где пролетариат завоевал политическую власть». Владимир Ильич в «Анти-Каутском» дает достойную отповедь К. Каутскому, к которой прибавлять, конечно, нечего [147]. Тем не менее, и в 1920 году в книжке «Demokratie oder Diktatur» [148] и в 1927 году в двухтомном сочинении, подводящем как бы итоги длинной научной жизни, К. Каутский с тоскливым однообразием повторяет все ту же не особенно умную фразу об «одном слове» Маркса и приводит все ту же цитату из «Критики Готской программы». По его словам, сторонники диктатуры «ссылаются на слово о диктатуре пролетариата, которое Маркс однажды произнес, но лишь случайно, не изъяснив, какую именно государственную форму имеет он в виду для этого политического состояния» [149]. Когда знаток Маркса, подобный К. Каутскому, говорит о марксовой теории пролетарской диктатуры, как

о «случайно случившемся случае», то это, наглядно свидетельствует, между прочим, о том, что умственная энергия К. Каутского, ясность мысли, сила суждения питались в его хорошие времена его близостью к пролетариату, его деятельностью рабочего вождя и оставили его, как только он перешел на сторону отживших и одряхлевших классов. В те времена он знал, что понятие пролетарской диктатуры выковано (какое чудесное слово!) Марксом и Энгельсом, а не заключается в одном мимолетно оброненном слове, и что речь у них шла именно о форме государственной власти, т. е. о государстве, а никак не о форме правления и уже, во всяком случае, не о состоянии общества. А вот теперь сознание его до такой степени затемнено, что, говоря о диктатуре пролетариата, подавляющего капиталистов, строящего социализм [150], он усматривает в этом противоречие с тем положением, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Диктатуру класса этот устрашенный и оглупевший мелкий буржуа вообще не в состоянии себе представить: в его мозгу, как на экране волшебного фонаря, застыло изображение диктатуры ставленников класса от имени класса,—и он не видит больше ничего. Отсюда его лепет о «коммунистических необакунистах» [151], отсюда неодобрительное ворчание о централизации в современном государстве [152].

137. Диктатура и демократия в Советском союзе. В Советском союзе диктатура пролетариата, больше чем где бы то ни было, есть не уничтожение демократии, как говорят враги пролетариата, а завоевание ее для широких трудовых масс. Совершенно верно, что пролетариат урезывает, ограничивает, даже сводит на-нет буржуазную демократию, т. е. демократию для имущих. Но необходимость этого может быть доказана простым соображением: интересы имущих классов противоположны интересам трудящихся; мы живем во времена обостренной классовой борьбы, а «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Можно ли рассчитывать, что имущие классы не станут пользоваться своей сохранившейся демократией, как средством политической борьбы, во вред интересам рабочих, т. е. во вред демократии пролетарской? Конечно, нет. Значит сохранение буржуазной демократии, прямо про-

тиворечило бы основной цели пролетариата: расширению демократии, распространению ее на народные массы, на всех. Остается, следовательно, одно из двух: либо признать за буржуазной демократией право на жизнь и в этом случае никогда не достигнуть демократии для масс, либо же согласиться, что борьба за пролетарскую демократию заключает в себе борьбу против всех препятствий на пути к ней, и в этом случае объявить беспощадную войну демократии буржуазной, как одному из таких препятствий.

138. Что говорят в защиту буржуазной демократии? И вообще с марксистской точки зрения на общество, как на арену классовой борьбы между имущими и неимущими, тут никаких недоразумений и колебаний быть не может. 1. Не-марксист скажет: демократия означает равенство. Марксист скажет: буржуазная демократия означает равенство в среде имущих для имущих,—равенства между эксплоататорами и эксплоатируемыми не существует. 2. Не-марксист скажет: демократия—это охрана прав меньшинства. Марксист возразит: нет меньшинства и большинства, есть эксплоататоры и эксплоатируемые,—можно ли серьезно говорить об охране прав эксплоататоров—вчерашних эксплоататоров,—сегодняшних контрреволюционеров? 3. Не-марксист воскликнет: но есть наконец просто люди, есть человеческие права, которые требуют уважения! Да, возразим мы, каждый фабрикант, помещик, купец, ростовщик, взятый вне своей фабрики, имения, лавки, банка, оторванный от своей хозяйственной сферы, от своего классового интереса, есть просто человек, но ведь таким он в классовом обществе никогда не бывает! Где то положение, где те обстоятельства, при которых буржуа перестает быть буржуа, а становится просто человеком? Разве классовая борьба не проникла во все поры общественной жизни, разве она не накладывает на все своего отпечатка? Мы же именно хотим, упразднив классы, сделать бывшего члена класса просто человеком и вернуть ему его человеческие права.

Но дело в том, что даже и не-марксисты, если только они не совсем невежественны и не совсем недобросовестны, не станут утверждать, что демократия означает равенство и защиту меньшинства [153].

139. Общая воля. Хвастливое утверждение буржуазии, что власть демократического государства основывается на «общей воле», вряд ли заслуживает здесь внимания: неправильность и несоответствие его действительности очевидны (см. § 172 и сл.). Общая воля в классовом обществе, конечно, фикция и притом—одна из грубейших фикций. Известно, на каком прозрачном софизме пытался утвердить Руссо реальность этой фикции [154], но тем не менее, в самой идее общей воли скрыто крупное зерно истины, если воспринять эту идею не догматически и абстрактно, как Руссо, а диалектически. Действительно, поскольку интересы промышленного пролетариата совпадают в конечном счете с интересами общечеловеческими, постольку его воля совпадает с волей общей. Выявить эту волю общую буржуазная демократия, по существу, неспособна, ибо она—эта демократия—живет разделением общества на классы. Пролетариат же, будучи только классом, частью общества, как и буржуазия, стремится однако к водворению бесклассового состояния, а потому пролетарская демократия основывается действительно на общей воле, и рано или поздно все действия пролетариата неизбежно получат санкцию общей воли освобожденного человечества.

140. Пролетариат и крестьянство. Диктатура пролетариата есть его исключительное господство, которое он ни с кем не делит, это «власть одного класса, класса пролетариев, который не делит и не может делить ее с другими классами», [154а], но которую он осуществляет в союзе со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту.

Нетрудно видеть, что вопрос о диктатуре пролетариата связан с вопросом о дифференциации крестьянства и об отношении рабочего класса к различным слоям крестьянства.

141. Буржуазный характер дооктябрьских революций. Но это в свою очередь приводит нас к вопросу о характере нашей революции вообще. В самом деле, пока городской пролетариат выступает в революции совместно со всем крестьянством, до тех пор революция носит буржуазный характер, так как крестьянин в массе своей—мелкий производитель, держащийся товарного производства. Такою и была неудавшаяся революция 1905 года. Такою же оставалась и Февральская революция 1917 года: пролетариат присоединил к себе все крестьянство в целом и, частью при поддержке, частью при нейтралитете

городской буржуазии, разрушил полицейско-чиновничью монархию и помещичье землевладение [155].

142. Пролетарская революция в октябре 1917 года. Если бы революция наша на этом остановилась, как того страстно хотелось буржуазии и меньшевикам, не могло бы быть речи о диктатуре пролетариата. Но в дальнейшем соотношение сил изменилось и изменилось коренным образом. С момента Октябрьского переворота началось классовое расслоение в деревне. Среди массы крестьян—мелких производителей—эксплоататоров, пользующихся наемным трудом для извлечения прибыли, не могло быть более $^1/_{10}$ общего числа. Из трудового же крестьянства значительная масса принадлежала к разряду беднейших. Это был продукт векового угнетения, завершившегося разорительной четырехлетней войной. В общем же и целом мелкий трудовой крестьянский производитель никак не враждебен социализму, он неизбежно колеблется между буржуазией и пролетариатом, как показала вся новейшая история Европы [156]. И вот революционному авангарду—пролетариату—оставалось и здесь действовать по той же диспозиции: в союзе со всем полупролетариатом (в городе и деревне), со всеми трудящимися и эксплоатируемыми, частью при поддержке, частью при нейтралитете среднего трудового крестьянства, он низпровергнул буржуазию, овладел буржуазно-демократическим государством и направился против капитализма вообще, «в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов» [157].

Так развивалась наша революция, и так из буржуазно-демократической превратилась она в пролетарско-социалистическую сначала в городе, а потом и в деревне.

143. В соответствии с этим и правительственные мероприятия советской власти в области земельной носили социалистический характер. Одним из первых же декретов от 26 октября 1917 года (ст. стиля) частная собственность на землю отменялась навсегда, и это подтверждено было в январе 1918 года «Декларацией прав трудящегося и эксплоатируемого народа» (ст. 3-а). Она же подчеркнула, что «леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием» (ст. 3-б). А «Основной

закон о социализации земли» 6/19 февраля 1918 года передал распоряжение землей и всем частновладельческим имуществом советам под наблюдением федеральной советской власти.

144. Пролетариат—вождь и учитель. Не очевидно ли, что пролетариат играл и играет руководящую роль в развитии социалистической революции? С тех пор прошли годы ожесточенной борьбы. И эти годы открыли новые перспективы для диктатуры пролетариата в крестьянской стране. Используя опыт трехлетней гражданской войны, Ленин в 1920 году указывает на те очередные задачи, которые вырастают перед пролетариатом *после* закрепления его власти. Содержание пролетарской диктатуры до того плодотворно и богато, что каждый новый день раскрывает новые непредвиденные возможности. Совпадение интересов пролетариата и трудовых крестьянских масс в первое время революции вовсе не есть случайная игра исторических сил, заканчивающаяся безвозвратно в момент общего поравнения крестьянства, переварившего полученную землю. Напротив, тогда-то и развертывается поприще для сотрудничества города и деревни: «...забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых, странах на полуварварские условия жизни, сельское население вышеназванных трех категорий*), будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь *после* того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами, с капиталистами,—лишь *после* того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на *практике*, что имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания им верного пути» [158]. Действительно, основное значение земельной реформы в том, что она, упразднив класс помещиков и уничтожив частную собственность на землю, покончила с теми особенностями землепользования, которые обусловливали упа-

*) Перед тем В. И. говорит о сельскохозяйственном пролетариате, малоземельных крестьянах и о мелком трудовом крестьянстве, не использующем в своем хозяйстве наемного труда.

док нашего сельского хозяйства в прошлом. «В итоге восстановительного периода бедняцкое и середняцкое крестьянство освоило не только свои надельные земли, но и основную часть земель бывших помещиков, переданных ему казенных и тех кулацких земель, которые были отняты у кулаков. Середняк, несмотря на развивающееся расслоение деревни, укрепился в качестве центральной фигуры земледелия» [159]. Массовая тяга к новым улучшенным формам земледелия сделалась обычным явлением в нашей деревне, где ежегодно сотни тысяч дворов стали переходить к многополью, к машинам, к культурным способам хозяйствования [160]. Эти бесчисленные мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства взывали к пролетариату как к покровителю и хозяину и не ошиблись в своих расчетах: государственная торговля, кооперация, банки, кредитные, производственные, транспортные и всякие иные организации социалистического государства направлялись пролетариатом между прочим и на то, чтобы поднять на высшую культурную ступень бедняцко-середняцкое индивидуальное хозяйство, повысить его урожайность и расширить посевную площадь. Тем не менее, между этим массовым мелким индивидуальным хозяйством и бурно растущей социалистической промышленностью обнаруживается с течением времени разрыв. Промышленность, освобожденная от оков частной собственности, оказывается способной не только догнать, но и оставить позади себя промышленность передовых капиталистических стран. Но это возможно лишь при условии, если и в области сельского хозяйства будет совершаться тот же процесс укрупнения и технического совершенствования, которому подвержена промышленность. В обстановке капиталистического хозяйства это крупное сельскохозяйственное производство создают кулаки и капиталисты, при строительстве социализма и диктатуре пролетариата развитие земледелия идет по социалистическому пути, по пути объединения мелких хозяйств в коллективы: товарищества, артели, коммуны, по пути создания зерновых фабрик—совхозов. «...Капиталистическому пути создания единоличного крупного хозяйства советская власть противопоставляет пролетарский метод создания крупного общественного хозяйства через производственное кооперирование, коллективизацию, дающие возможность мелкому

и мельчайшему хозяйству при содействии и под руководством советской власти укрепиться на началах коллективного труда и подняться на высший уровень техники и культуры» [161]. Этот рост крупного социалистического хозяйства отнюдь не сопровождается для крестьянства теми муками, которые неразлучны с капиталистическим развитием деревни. В социалистических отношениях, при диктатуре рабочего класса, разорение и уничтожение мелких крестьянских хозяйств, их «пожирание», просто невозможно. Но возможна и даже неизбежна их последовательная переделка путем потребительского и производственного кооперирования, неизбежна все расширяющаяся смычка крупного общественного хозяйства с трудовым индивидуальным на почве каждодневного показа выгод и преимуществ коллективного хозяйства, на почве конкретного обучения деревни приемам коллективного земледелия, на почве могучего вмешательства современной сельскохозяйственной техники. Возможно и неизбежно торжествующее шествие коллективизации, несущей крестьянству подъем благосостояния, освобождение от случайностей и бедствий индивидуального хозяйничанья, от его отупляющей ограниченности, от непосильного и малопродуктивного труда.

145. Деревня и город в советском государстве. Предвидение Маркса. Так складываются отношения между советским городом и советской деревней. Отказ от капиталистических методов хозяйства с самого начала революции дал пролетариату возможность по-новому строить эти отношения. Упразднением частной собственности и введением планового хозяйства пролетариат сразу открыл пути для неудержимого роста благосостояния трудящихся масс, показав, что экономическое преуспеяние советского государства так же мало предполагает эксплоатацию и разорение трудового крестьянства во внутренней политике, как ограбление малых и слабых наций—во внешней. С течением времени оказалось, что рост индустриализации настолько усилил качественно и количественно ресурсы пролетарского государства, что явилась возможность перейти к непосредственной социалистической перестройке деревни. И в том и в другом случае и в первом и во втором пятилетии революции выступает на первый план отличительная особенность советской экономики, от которой непосредственно идут и

наши политические линии: противоречия города и деревни являются в наших условиях только пережитками капиталистических отношений и суживаются по мере исчезновения этих пережитков. Связь социалистического пролетариата с трудовым крестьянством не ограничивается освобождением крестьянина от кабалы помещичьего хозяйничания, из мясорубки капиталистического оборота, но идет гораздо дальше и переходит в прямую производственную связь, когда организуется крупное социалистическое земледелие.

Стоит напомнить, что процесс этот даже до мелочей предвосхищен был Марксом. Более полувека назад Маркс лицом к лицу встретился с вопросом об отношении к крестьянству пролетариата, победившего в стране с преобладающим крестьянским населением, и Маркс отвечает на вопрос этот с присущей ему ясностью и глубиной предвидения: свою революцию рабочий класс должен сделать выгодной для крестьянства: «это значит, что там, где крестьянин в массе своей является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство... пролетариат должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится, и он сам перейдет на сторону революции; меры заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем...» [162]. Современное нам мощное колхозное движение громко говорит о том, что план Маркса приобретает в наше время значение живой действительности: методы массовой контрактации, показательная деятельность совхозов, машинно-тракторные станции, ремонтные и зерноочистительные пункты—все обращается к непосредственному хозяйственному чутью крестьянина и убеждает его в неоспоримых преимуществах крупного коллективного хозяйства.

146. Современное существо пролетарской диктатуры. Этими экономическими предпосылками необходимо определяется и политическое содержание диктатуры пролетариата. Глубочайшая ошибка троцкизма, как политиче-

ского течения, заключается, как известно, в «недооценке крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата»[162а]. Исходя из старой, еще к 1905 году относящейся, теории «перманентной революции», троцкизм в наши дни интерпретирует диктатуру пролетариата, как власть, неминуемо приходящую в столкновение с широкими массами крестьянства, причем конфликт этот сможет найти свое успешное разрешение только на международной арене, в случае мировой пролетарской революции. Здесь меньшевистская, социал-демократическая сущность троцкизма, глубокое неверие в творческие силы пролетариата, взявшего власть, полный разрыв с ленинской теорией союза пролетариата с бедняцко-середняцкими массами крестьянства—сказываются достаточно явственно. Вообще те, кто предвидят неизбежность враждебных столкновений между пролетариатом и крестьянством в Советском государстве, находятся, очевидно, под впечатлением тех отношений, которые силою вещей складываются в собственническом обществе между жадной и своекорыстной, эксплоататорской буржуазией и массой беззащитных, беспомощных, не способных к политической самоорганизации, обреченных на нищету и вымирание, мелких производителей. Но то, что нормально и необходимо в обстановке капиталистического строя, перестает быть необходимым после захвата власти рабочим классом. Пролетариат вследствие экономической роли его в крупном производстве является вождем всех трудящихся и эксплоатируемых масс, которые неспособны к самостоятельной борьбе за освобождение. Таким вождем пролетариат, конечно, не перестает быть с того момента, как он сломал собственническое государство, организовал государство трудящихся и заложил основы социалистического хозяйства. Напротив, тогда-то и создается твердая почва для его плодотворного руководительства, для широкого осуществления его призвания как вождя, защитника и наставника. Такова его диктатура. «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом,—авангардом трудящихся,—и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их,—союза против капитала, союза в целях полного свер-

жения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» [163]. Этого-то и не учитывает правый оппортунизм и оказывается в резком противоречии с ленинской концепцией диктатуры пролетариата, как особой формы классовой борьбы. Правый уклон «недооценивает силу наших врагов, силу капитализма, не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому так легко идет на уступки капитализму» [163а]. Эти роковые заблуждения правых имеют, конечно, глубокие корни в том прошлом, когда Н. И. Бухарин стал на полуанархистскую позицию по отношению к государству (срв. §§ 61 и сл.), проповедуя рабочим «принципиальную враждебность к государству» и скорбя о том, «как глубоко корни государственности проникли в души рабочих» [163б]. С такими представлениями о задачах пролетариата по отношению к государству правые оппортунисты, несмотря на уроки Ленина, оказались не в состоянии понять значение, суть и назначение диктатуры пролетариата. Не отдавая себе ясного отчета в необходимости пролетарского государства, переходного государства, правые оппортунисты неизбежно должны были притти к теории «затухания классовой борьбы», к сдаче диктатуры пролетариата, формой которой являются, по Ленину, советы, советское государство.

Так или иначе, «слева» или справа, через переоценку кулацкой опасности или недооценку ее, оппортунизм ведет к разрушению союза пролетариата с бедняцко-середняцкими массами крестьянства.

Разумеется, крестьянская толща неоднородна, как неоднороден и сам пролетариат, как неоднородна вообще та среда, в которой приходится действовать пролетариату. Сообразно с этим меняется лицо пролетарской диктатуры, в зависимости от того, к кому оно обращено: к бедняку, середняку или к кулаку.

147. Отношение к бедняку. Нетрудно видеть, что беднота представляет ту часть деревенского населения, которая всегда характеризовалась несокрушимой преданностью советской власти. Колебания, столь нередкие в середняцких слоях деревни, почти или вовсе несвойственны полу-

пролетарским ее слоям. Нет ничего, что прочно привязывало бы бедноту к старому миру, она легче середняков отрешается от косного и ограниченного мировоззрения мелкого собственника и торгаша, она, вместе с батрачеством, наиболее восприимчива к социалистическим формам хозяйства. Вот почему пролетарская и бедняцкая часть деревни оказала такую безоглядную поддержку городскому пролетариату в дни захвата власти и пошла на самые тяжелые жертвы в годы гражданской войны. Будучи по своему положению в производстве непримиримо враждебна эксплоататорским элементам деревни, беднота являет собою естественную и крепчайшую опору пролетариата в его борьбе с кулачеством. Но по той же причине она представляет и наиболее благодарный материал для социалистической перекройки земледелия, давая самые прочные колхозы, с особенной охотой и ловкостью усваивая приемы обобществленного сельского хозяйства. Отсюда следует, что в лице бедняков пролетариат имеет прямых и близких помощников своей диктатуры. Способствуя самостоятельной организации широких масс бедноты [164], оказывая им максимальную помощь при переходе в колхозы, советская власть стремится производственно и идеологически сблизить ее с городским пролетариатом, вырывая ее из-под влияния деревенской буржуазии, отрешая от собственнических интересов и превращая в непосредственного проводника диктатуры пролетариата в деревне.

148. **Отношение к середняку.** Как было упомянуто, середняк служит пока центральной фигурой земледелия. То сложное положение, которое занимает он в производстве, будучи отчасти собственником, отчасти тружеником, вызывает и сложную по отношению к нему политику. Кто видит совершающееся в наши дни движение миллионных середняцких масс в колхозы, кто знает вместе с тем, что середняк в течение долгих десятилетий эксплоатировался помещиком и капиталистом, вынес наследственную ненависть к старому строю и видит в советской власти освободителя и защитника, тот поймет, что идея *соглашения* и *союза* с середняком [165]—единственно правильная идея, принципиально чистая и оправданная всей конкретной обстановкой.

Пролетариат никогда не закрывал глаз на то, что середняки составляют *колеблющийся* класс [166]. Но мы знаем также, что амплитуда его колебаний находится в

прямой зависимости от положения бедняка и кулака. Чем организованнее бедпота, чем тверже экономическая и политическая поддержка, ей оказываемая, тем крепче и осмысленнее позиция советской власти в деревне, тем сильнее и свободнее эта власть и тем полнее доверие к ней середняка, убеждающегося в разумности и плановой последовательности ее действий. С другой стороны, чем решительнее борьба с кулаком, тем менее охоты у середняка смыкаться с ним и получать удары, предназначенные эксплоататору, тем яснее для него, что мелкое трудовое хозяйство должно оставить надежду на перерастание в зажиточное, и тем податливее он к социалистической пропаганде, к призыву колхозов, к поучительному примеру машинной техники, которую он наблюдает в совхозах, ко всем тем завоеваниям, которые осуществимы лишь в масштабе крупного общественного хозяйства.

149. Отношение к кулаку. Но правильное отношение к бедноте и середнякам уже само собою предопределяет отношение к кулаку. Надо знать, что за годы нэпа кулак материально окреп и скопил излишки, которых упорно не желает уступить рабочему государству. Напротив, он не упускает случая использовать всякое затруднение бедняка и середняка, чтобы создать те отношения зависимости между богатством и бедностью, которые, начинаясь с малого, с обычных соседских услуг, кончаются лютой и безвыходной кабалой. Те, кто воображают, что возможны какие-то иные отношения между деревенской буржуазией и трудовым крестьянством, забывают, очевидно, не только основы ленинизма, но и элементарные истины о классовой борьбе, скатываясь к плоскому либерализму и учению о сотрудничестве классов. Забывая, что диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах, они договариваются до «врастания кулака в социализм», чем, конечно, идеализируют кулака и опошляют социализм. И то и другое как раз свойственно мелкобуржуазной идеологии. В действительности беспощадная борьба с кулаком есть лишь другая сторона союза с середняком и опоры на бедняка, и кто отказывается от первой стороны, тот лишается второй[167]. А известно, что означает для советской власти возможность размычки с основными массами крестьянства. Поэтому в понятии

диктатуры пролетариата всегда необходимо заключалось не только соглашение с середняком, но и война с кулаком, объективно приводящая в наши дни к уничтожению кулачества как класса.

150. Старый спор буржуазии и пролетариата из-за крестьянина. Такой и только такой должна быть политика господствующего пролетариата в старом вопросе, приобретающем особенную остроту и важность в наши дни: буржуазия ли потащит крестьянство назад к капитализму, или пролетариат поведет его вперед к социализму? Революция 1905 года не удалась, потому что тяжелые крестьянские резервы не подоспели во-время на помощь передовым пролетарским отрядам. Героическая Парижская коммуна погибла от того, что высокомерно отнеслась к «реакционной деревенщине», не сумела или, вернее, не успела доказать крестьянам, что им во всех отношениях выгоднее поддержать диктатуру пролетариата, чем буржуазии, что «только падение капитала может поднять крестьянина; только антикапиталистическое пролетарское правительство может покончить с его экономической нищетой, с его общественной деградацией... красная республика—это диктатура его союзников»[168]. Так же точно теперь: «в последнем счете судьба нашей республики зависит от того, пойдет ли крестьянская масса за рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочим»[169]. И при современном решении этого старого вопроса надо твердо помнить о неустойчивом, постоянно меняющемся классовом положении среднего крестьянина, как труженика и собственника в одно и то же время. Крестьянство, правда, никогда не может быть и не бывает авангардом революции, но зато оно всегда—огромный резервуар, вместилище революционных сил, из которых мы можем черпать для своей революции[170].

151. Течения внутри пролетариата. При определении ближайших задач пролетарской диктатуры нужно принимать во внимание не одного деревенского середняка. Необходимо считаться вообще с классовым строением нашего общества или, вернее, с остатками капиталистических классов. Центральное место занимает авангард пролетариата—организованное ядро городских и сельских рабочих и бед-

нейших крестьян. Они объединены в партии,— наиболее сознательный и крепкий слой,—в профессиональных союзах и в советах. Это передовой отряд пролетариата, его, так сказать, командный состав, не в смысле начальствования и верховенства, а в смысле высоты классового самосознания: это он способен устоять против самых страшных ударов контрреволюции и чутьем находить путь победы в свалке гражданской войны. Вокруг него наслаиваются менее активные группы пролетариата, та «середка на половинке», которая и сочувствует, и колеблется, и увлекается мыслью о социалистическом будущем и пугается трудностей революционных войн, но, тем не менее, неудержимо растет культурно и политически: «вокруг наших низовых партийных, советских, культурных, профессиональных, просветительных, комсомольских, армейских, женотдельских и всяких иных организаций копошатся целые муравейники самочинных организаций, комиссий и совещаний, охватывающих миллионные массы беспартийных рабочих и крестьян» [171]. Повсюду равнодушные и безразличные перерастают в сочувствующих, а этот слой от чувств переходит к делу и втягивается в боевой активный авангард.

152. Остатки буржуазных классов. Рядом с этой пролетарской массой стоит техническая интеллигенция, получившая у нас собирательное имя «специалистов». С ней граничат те, кто до революции составлял интеллигентскую аристократию: это предприниматели, дельцы, «гении» промышленного и финансового мира—директора фабрик и банков, заправилы компаний, строители дворцов и путей сообщения, талантливые администраторы всех областей. Наконец, еще правее расположились бывшие паразитические слои (помещики, денежные мешки, всех родов спекулянты, рантье, живущие на доход с капитала).

153. Отношение пролетариата к самому себе. И вот, сообразно с этими группировками, пролетарская диктатура призвана действовать по трем, или, вернее, по двум основным направлениям. В общем и целом она есть организованное государственное принуждение. По отношению к рабочему классу, к правящему пролетариату она выступает как самопринуждение и самодисциплина. Понятно, что чем революционнее и сознательнее та или иная

группа, тем менее чувствуется принуждение, и обратно— в наиболее отсталых группах нажим ощущается наиболее болезненно.

154. Все эти разговоры шептунов о «диктатуре над пролетариатом», все вопли лицемерных «друзей демократии» об «аракчеевщине» и т. п.,—все это основывается на замазывании, и притом, в большинстве случаев, сознательном, умышленном замазывании действительного существа Советской республики. Не видят или не хотят видеть, что никогда еще ни одно государство не ставило перед широкими массами таких колоссальных задач, таких великих перспектив! Никогда и нигде не делалось так много в области народного воспитания, просвещения, оздоровления! И никогда ни одно государство не возбуждало одновременно столько ненависти и непримиримой вражды, с одной стороны, восхищения и участия, с другой. Но ведь все это потому, что речь идет о государстве трудящихся,—о государстве, где господствующим, правящим классом выступают рабочие и трудовые крестьяне, и то, что делают эти рабочие и крестьяне, они делают только для себя, исходя из своих нужд и потребностей. Самая умная, самая просвещенная и умеренная буржуазия, в самом демократическом государстве, делая что-нибудь для подчиненных классов, действует во имя своего интереса, исходит из своих потребностей. Если она строит школы для народа, то потому, что ей нужен грамотный рабочий; если заботится о жилищных условиях, о больницах и амбулаториях для народа, о дешевых столовых, то потому, что ей нужны здоровые и сильные новобранцы и выносливые рабочие. Ей нужно эксплоатировать массы и с наибольшей выгодой, и все—от детских яслей до парламента—превращается в прямое или косвенное орудие эксплоатации. И каждый дар буржуазии пролетариату сопровождается векселем, по которому она требует расплаты, с шейлоковской точностью и неумолимостью.

155. **Диктатура над собой и для себя.** В Советском государстве пролетариат становится наконец господином самого себя, хозяином своих судеб. Он вышел на волю из-под своекорыстной опеки буржуазии. Но разве именно эта воля, понимаемая не по-рабски, не холопски, а по-рабочему, по-пролетарски, не означает начала жестоких усилий, гигантской борьбы? Понятие, «дело великого поту»! Быть самому себе господином, значит—взять самого себя в ежовые рукавицы. Батрак, работавший раньше на барина, работает теперь на самого себя. Не значит ли это, что по-иному надо засучить рукава и по-иному взмахнуть топором? Быть хозяином своей судьбы, значит направить ее по-своему, организовать свою жизнь, подчинить ее строгому плану, все предусмотреть и предупредить, обуздать и дисциплинировать самый случай. Но ведь это и есть самопринужде-

ние, самодисциплина. Да, с такой точки зрения, единственно правильной, пролетариат диктаторствует прежде всего над самим собою, и в понятии диктатуры пролетариата неизбежно заключается диктатура над пролетариатом. «Рабочим,—сказал Марке,—придется пережить пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет гражданских войн и битв народов, не только, чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих и сделать способными к политическому господству [172].

156. Отношение к интеллигентским специалистам. По отношению к буржуазной интеллигенции пролетарская диктатура действует как принуждение чисто внешнее, как нажим со стороны. Пролетариату она необходима, так как она в большей степени вобрала в себя знания, опыт и технические навыки капиталистического периода. Эту силу он может использовать для своих нужд. Успешность же и плодотворность принуждения в этой группе находятся в прямой зависимости от успешности самопринуждения в среде пролетариата. Почему же так?

Дело в том, что буржуазная интеллигенция, как класс промежуточный, не имеет самостоятельного экономического интереса. Одним крылом она тесно примыкает к пролетариату, другим—к собственнической буржуазии, а своей почвы нет. Октябрьская революция сокрушила и смыла часть подпорок, на которых держалась интеллигенция,—именно, владеющую и властвующую буржуазию. Интеллигенция пошатнулась и одной ногой осталась висеть в воздухе. Такое легкомысленное положение она занимала однако довольно долго. Довольно долго помахивала она свободной ногой то в сторону Колчака, то в сторону Деникина, ожидая, что кто-нибудь подведет под нее обрушившиеся подпорки, и можно будет опять стать прочно. Но надежды не оправдались, и болтавшуюся ногу пришлось постепенно подтягивать налево. И теперь еще среди этой интеллигенции есть слои, идущие на активную контрреволюцию, на шпионаж, на вредительство,—бурный рост социализма вызывает последнее судорожное сопротивление самых ярых и закоренелых врагов его.

157. Небольшая и лучшая часть ее с отвращением смотрит на ту жидкую, эфемерную и пошлую «нэповскую буржуазию, которая народилась у нас после 1921 года, с которой у нее нет старинных связей и мало общих вкусов. Она одинока и волей-неволей должна присоединиться к

пролетариату. И если нет еще возможности вполне орабочить спецов, уничтожить интеллигенцию как класс, то можно и должно влиять на нее повседневным примером, выпрямлять ее хромающее сознание, создавать в ней убеждение, что, так или иначе, ее собственное благополучие связано с процветанием пролетариата и его государства. Но для этого нужно, чтобы та пролетарская толща, внутрь которой попали спецы, была сама на высоте самоорганизации, самопринуждения и самодисциплины. Уже сейчас с определенностью видно, что «там, где есть рабочая масса, там и больший процент людей, работающих для советской власти не за страх, а за совесть»[173]. По мере же того, как буржуазно-интеллигентская масса будет, с одной стороны, все теснее захлестываться пролетариатом, с другой—все больше разжижаться струями новой рабоче-крестьянской интеллигенции, процент этот неуклонно будет повышаться.

Вот замечательное предвидение Энгельса о роли техников (по нашему спецов) в пролетарском государстве и об отношении к ним пролетарской власти: «...я предвижу, что в ближайшие 8—10 лет к нам примкнет достаточно молодых техников, врачей, юристов, учителей, чтобы организовать управление фабрик и крупных поместий руками партийных товарищей для нужд нации. Тогда взятие власти явится совершенно нормальным и произойдет относительно гладко. Но если мы придем к власти преждевременно, благодаря войне, то техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только смогут; нам придется прибегать к устрашению их, и все-таки нас будут обманывать»[174].

158. Отношение к буржуазным паразитам. Что же касается третьего элемента—буржуа-паразитов, не участвовавших в производстве,—то они не имеют самостоятельного значения, и пролетарская диктатура не придерживается по отношению к ним какой-либо особой тактики. Для существования их не имеется ни смысла, ни возможности. Поэтому часть из них, наиболее вредная или даже просто бесполезная, задохнется в атмосфере Советского государства, другая—жизнеспособная в новых условиях—всосется и переработается другими группами.

159. Пролетариат и его партия. И диктатура пролетариата нисколько не теряет своей классовой чистоты от того, что руководящая роль во всех областях государствен-

ной жизни принадлежит коммунистической партии. Иногда слышится со стороны: в Советской республике осуществляется, дескать, диктатура не рабочего класса, а коммунистической партии. В такой формулировке, наиболее часто встречающейся, возражение это не имеет в сущности никакого смысла. Можно ли противополагать рабочему классу партию, которая в б о л ь ш и н с т в е состоит как раз из рабочих?

Если бы коммунистическая партия состояла из интеллигентов—профессоров, адвокатов, журналистов («академиков», как партийных интеллигентов называют в германских социал-демократических кругах),—тогда можно было бы делать существенное различие между рабочим классом и его руководителями. Но ведь этого нет. Уже после чистки 1922 года, по возможности удалившей из партии все случайное и наносное, свыше 70 процентов партийной армии составляли рабочие и крестьяне. В настоящее же время пролетарское ядро партии превышает 62% ее общего состава [174а].

Но жестоко ошибается и тот, кто говорит, что диктатура пролетариата есть диктатура партии. Именно потому, что партия эта—рабочая по своему составу, ей и незачем и невозможно было бы осуществлять диктатуру в стране советов, в государстве массовом. Там, где в политическую жизнь втянуты и втягиваются миллионные массы трудового народа, где это рабоче-крестьянское большинство законодательствует и управляет в советах, учится коммунизму в профессиональных союзах, там диктатура коммунистической партии—ненужная бессмыслица: з д е с ь н е о б х о д и м о и д о с т а т о ч н о е е р у к о в о д с т в о. «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением» [175].

160. Соблазны власти. Как бы то ни было,—говорят противники пролетарской власти,—диктатура, террор, насилие—всем этим нельзя пользоваться безнаказанно. Это—старое, ржавое оружие буржуазии, которым пролетариат, быть может, поразит своих неприятелей, но и самого себя ранит насмерть. Что хорошего, если в рабочем классе разовьется вкус к насилию, жажда владычества? Пролетарская канцелярия, пролетарский участок, пролетарская ка-

зарма все же остаются канцелярией, участком и казармой, которые дадут в конце концов новых закостенелых бурбонов—чиновных, полицейских и военных. Мы подождем, мы подождем и увидим рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, как пролетариат, отравленный ядом власти, выродится, растеряет свою честную простоту, прямую, суровую доблесть, а тогда мы возьмем его голыми руками.

161. Как предохранить себя от этой опасности? Не будем обманывать ни самих себя, ни других: известная опасность с этой стороны, действительно, грозит нам, но и преувеличивать эту опасность значило бы ныть и каркать попусту. Пролетарии—это прежде всего люди труда. И власть они берут не как дорвавшиеся, наконец, к теплым местечкам хищники и лодыри, а как рабочие, весь смысл жизни которых есть производительный труд. Пролетарии, как говорил еще Лассаль, не могут спрятаться ни за какое исключительное условие, на котором можно основать привилегированность: ни дворянства, ни землевладения, ни владения капиталом. Поэтому «четвертое сословие тождественно со всем человеческим родом» [176]. «Каждый другой класс,—говорил Каутский,—может при известных условиях сделаться привилегированным,—с рабочим классом этого не может случиться» [177]. Но для этого пролетариат и должен властвовать, как класс, всей массой своей налегая на государственный руль, не доверяя его ни на минуту в бесконтрольное управление отдельных лиц, как бы высоко ни стояли они по своему уму, опыту, знаниям и преданности. Те, которых он выделяет из своей среды для государственного строительства, должны постоянно чувствовать вокруг себя и над собой бдительный контроль народных масс, все шире и шире втягиваемых в управление, в политику. И массы каждый час должны напоминать им, что государство пролетариата и его диктатура временны и что чем дольше тянется период пролетарской государственности, тем не лучше, а хуже.

При соблюдении этих условий яд власти нам не страшен. Для исполнения же их у нас есть вполне соответствующий аппарат: Советы.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ В БУРЖУАЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ.

162. Статья вторая Конституции РСФСР определяет: «Российская республика есть Социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик. Вся власть в пределах Российской социалистической федеративной советской республики принадлежит Советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов».

Советы суть органы пролетарской диктатуры. Поэтому нужно рассмотреть ближе, что собственно разумеется под словами «Советская республика» и что являют собой самые советы.

Советская республика есть совершенно новый вид государства. Этот вид возник в процессе революции: возникнув, он с каждым днем подтверждает свою жизнеспособность: пролетарское государство может быть только Советской республикой. Но чтобы понять это, необходимо сравнить этот тип государства с другими.

163. **Монархии и республики.** И на практике и в науке удобнее всего рассматривать политическую жизнь государств с двух сторон: по форме правления и по государственному устройству. По форме правления государства распадаются на два основных разряда: монархии и республики. В первых глава государства—монарх, который свою власть, наследственную в его роде, основывает не только на «божьей воле» или «божьей милости», но и на «воле народа». Короли бельгийский и итальянский даже свои манифесты и торжественные объявления начинают так: «Мы, божьей милостью и волею народа»... Господствующий

класс в монархии, будь то родовитая знать или буржуазия, старается внушать подчиненным классам, что государь есть олицетворение надклассовой власти, власти общенациональной, всенародной, справедливой и беспристрастной. Но в действительности, все, кроме так называемого простого народа, хорошо знают, что государь есть просто первый помещик или первый капиталист.

В республике же единственным источником власти называют народ. Тут уже нет «помазанника божия», и господствующий класс—обыкновенно промышленная буржуазия—старается уверить подчиненные классы, что все должностные лица, начиная с президента и кончая мелким чиновником, черпают свои полномочия в народе, в его воле. И в этом отношении правящим классам как в монархии, так и в республике поддакивает наука. Ученые люди в монархии всячески доказывают, что монарх властвует потому, что это угодно высшим силам, и до тех пор, пока это им угодно, а на известном расстоянии от этой монархии, в соседней стране, в республике, такие же ученые господа поучают, что президент правит потому, что того хочет народ, и до тех пор, пока того хочет народ. Конечно, и то и другое ложь. Но ложь первая уже почти всякому «простолюдину» ясна, тогда как ложь вторая еще владеет многими умами.

164. Абсолютизм. По государственному устройству можно различать: 1. Абсолютизм. 2. Парламентаризм. 3. Народоправство. В абсолютных или самодержавных монархиях государь—не только глава государства, но и единственный источник власти. Так, впрочем, бывает лишь по букве закона или, как принято выражаться, юридически. На деле же неограниченных монархов никогда и нигде не было: всегда самодержавного деспота окружает группа людей—придворная клика, камарилья,—которая отражает интересы известной части населения, и с этой группой монарх не только считается, но и очень часто служит простым орудием в ее руках. Немецкие дворяне («юнкера») говорили: если король творит нашу волю, то пусть он называется хоть и самодержцем *). Тем не менее

*) Und der König absolut, wenn er unseren Willen tut,

нигде в законе это ограничение власти монарха не закреплено.

165. Конституционное государство. При парламентаризме руководящая роль приписывается законодательному учреждению («парламент» в Англии и во Франции, «конгресс»—в Америке). Это учреждение состоит обыкновенно из двух частей, называемых палатами,—верхняя и нижняя (сенат и палата депутатов во Франции, Америке, Италии, палата лордов и палата общин—в Англии). Оно избирается. Избирается всем якобы населением, но в действительности только более или менее незначительной частью населения. Верхние палаты, кроме того, в монархиях замещаются и по назначению монарха.

Монархии, в которых источником власти, кроме монарха, считается еще парламент, называют обыкновенно монархиями конституционными. Существенный признак конституционного государства: необходимость согласия народных представителей на издание закона.

166. Дуализм и парламентаризм. Среди конституционных государств принято различать два типа: страны, где законодательная власть—парламент—преобладает над исполнительной—правительством с монархом или президентом во главе,—называют собственно парламентарными государствами; там же, где корона или президент сильнее парламента, и министры перед ним не ответственны, налицо дуалистический строй. Дуализм вовсе не является, как думают некоторые, переходным этапом на пути от самодержавия к парламентаризму [178]. Не надо забывать, что борьба идет не столько между короной и парламентом, сколько между министерством и парламентом. И Англия, и Франция, бывшие до конца 90-х годов XIX столетия парламентарными странами, в конце XIX ст. и начале XX дали в ряде случаев зрелище решительного перевеса кабинета министров над палатами. В то же время САСШ, где власть президента весьма обширна, где министры (называемые секретарями) ответственны только перед ним, где конгресс давно превратился в весьма неуважаемое собрание болтунов и интриганов, сильно приближаются к дуалистическому типу. Таким образом, парламентарными и дуалистическими могут быть не только монархии, но и республики [179].

167. Непосредственная республика. Народоправство мыслимо в тех случаях, когда народ принадлежащую ему верховную власть осуществляет не через президента или представительное учреждение, а сам непосредственно. В условиях капиталистического строя с его классами и пар-

тиями, централизацией и бюрократией, такая республика вообще невозможна. Если она и держится, то лишь в крошечном уголке Европы, в деревенских пастушеско-земледельческих областях—кантонах—Швейцарии. Здесь в трех кантонах (а до самого последнего времени в четырех) все мужчины, достигшие 20-летнего возраста, являются в определенное время в определенное место на народное собрание, где решают законодательные, административные и судебные дела и избирают некоторых должностных лиц на время до следующего народного собрания. И здесь это не более как пережиток, от которого другие кантоны уже освободились.

Таким образом по своему государственному устройству монархии могут быть самодержавными и представительными (конституционными), республики—представительными и непосредственными.

168. Народ в представительном государстве. В настоящее время самодержавных монархий не существует. Непосредственных республик, как целостных независимых государств, тоже нет. Остаются конституционные монархии и представительные республики. С какой стороны нам интереснее всего рассмотреть их? Конечно, со стороны участия так называемого народа в законодательстве и управлении. Всякое государство в наше время так или иначе опирается на народ. Народ, нация в той или иной форме, признается верховным, конечным владыкой—«сувереном».

Принцип народного суверенитета, будучи раз выдвинут Великой революцией, приобрел в дальнейшем огромное значение. Он, как отмечает Эсмен, «мало-по-малу обошел весь мир». «Своей силой он обязан тому, что представляет собой идею простую, отвечающую также коренящимся в глубине человеческой души инстинктам справедливости и равенства. В сущности он сводится к следующему положению: суверенитет у данного народа принадлежит всей нации, взятой, как целое, и не может принадлежать кому-либо, кроме нее»[180]. «Нации, взятой, как целое». Сила идеи, конечно, не в ней самой и не в «инстинктах справедливости и равенства», а в экономическом значении того класса, который сумел отождествить себя с нацией и свой частичный интерес выставить интересом целого.

В американской республике—Северо-американских соединенных штатах—федеральная, т. е. союзная, конституция была издана в 1787 году от имени «Народа Соединенных штатов». Отдельные конституции швейцарских кантонов

определенно говорят о том, что суверенитет—верховная власть—принадлежит народу. Бельгийская конституция 1831 г. объявляет, что все власти исходят от народа. То же, разумеется, послевоенные республики вроде Германии, Польши [181]. В Англии в случае прекращения династии—царствующего дома—нового короля может призвать лишь народное представительство [182]. То же по конституциям Бельгии, Голландии, Испании, Югославии [183]. Одним словом, везде господствующее меньшинство прикрывает свою власть именем народа. Властвовать одним именем бога, как это делалось раньше, стало невозможно уже с тех пор, как великий буржуазный мыслитель Руссо разъяснил, что если всякая власть от бога, то от него же и всякая болячка, а его младший современник в Германии, Фихте, объявил, что бог допускает власть государя так, как он вообще допускает козни дьявола. Поэтому командующий класс счел более удобным властвовать от имени народа, и священное право королей было перенесено на народ.

169. Распыление народа на отдельные личности. Причем народ этот есть, по учению буржуазии, собрание равноправных единиц, личностей, «равноценных индивидов». Эти равноценные индивиды*) могут, дескать, отличаться друг от друга по своему имуществу или образованию, или развитию, но как люди, как «человеки» они все равны, и каждый зависит только от самого себя, своих способностей, своего труда и своей удачи. Иного учения и не могла выставить буржуазия, когда вышла на историческое поприще в качестве господствующего класса. Рынок, базар, торжище—вот то место, где формируется общественное сознание буржуазии, где создается ее идеология. Торговое место—настоящая родина свободного индивида. На рынке все равны. Здесь не признаются ни кровные связи, ни дружеские скрепы, ни происхождение, ни общественное положение. Здесь сталкиваются чужие, равные и свободные люди, стоящие друг перед другом в холодном и жадном расчете: дорого продать—дешево купить. Промышленный капитализм молодой буржуазии основался на вольной хозяйственной деятельности, на соревновании, на свободной конкуренции. Человек был извле-

*) Латинское слово «индивидуум» можно перевести «неделимое».

чен из рамок сословия, из тисков цеха, из многочисленных крепких союзов, которые обезличивали его, лишали индивидуальности. Натуральное хозяйство с его неподвижными формами рассыпалось, и из него-то и вышли эти массы сознательных и самостоятельных единиц, борющихся за эгоистическое счастье и личный успех.

170. Индивиды—основа буржуазного государства. И все государство буржуазии, как и ее хозяйство, целиком построилось на индивиде. К разумному, сознательному индивиду,—к личности, сознающей свой долг перед обществом, воззвала буржуазия, когда ей для защиты ее экономических потребностей понадобилась вооруженная сила. Эту вооруженную силу дают не отдельные союзы города, местности, сословия,—а народ, уравненные индивиды, без различия происхождения, религии, национальности, состояния. Но, чтобы властвовать, буржуазии нужно и чиновничество. Сложная и громоздкая система капиталистического хозяйства, полного внутренних противоречий, потребовала мудреного и запутанного государственного аппарата. Новые должности требовали самодеятельности и инициативы, для руководства администрацией и законодательством нужна была творческая личность, огромные средства централизованного государства могли быть использованы и направлены лишь с помощью массы специальных и общих знаний, индивидуального опыта и индивидуального почина,—для всего этого понадобился непрерывный приток человеческих сил, непрекращающаяся помощь самого населения, распыленного на отдельных самодовлеющих индивидов. С их помощью властвует экономически сильное меньшинство.

171. Необходимость представительства. Хозяйственные нужды буржуазии породили идею народных прав и народного верховенства вместе с понятием личности. Те же экономические условия произвели на свет и народное представительство. Буржуазное государство стремится более или менее к централизации, к сосредоточению законодательства и управления в одном месте; буржуазная бюрократия хочет управлять страной так, чтобы почти отдельных областей в наиболее важных государственных вопросах урезать,—инициатива в этих вопросах должна исходить из центра. Вместе с тем капиталистическое развитие характеризуется образованием больших государств: буржуазное го-

сударство стремится расширить свои пределы за счет ближайших соседей или приобретает колонии в отдельных малокультурных странах. При этих двух условиях непосредственное народное управление в большинстве случаев неосуществимо: граждан таких стран, как Франция или Америка, нельзя время от времени собирать в одно место, где они сами все вместе решали бы дела законодательства, управления, суда; раздробить же эту Францию или Америку на ряд маленьких общин и собранию граждан каждой такой общины предоставить право разрешать вопросы не только местного характера, но и касающиеся всего государства, всех общин,—тоже нельзя: это значило бы уничтожить современное государство крупного капитализма с его растущей централизацией и концентрацией производства, так как, следовательно, непосредственное народное законодательство недостижимо в буржуазном государстве, а народ все более вовлекается в систему капиталистической хозяйственной деятельности, в экономическое соперничество свободных индивидов и признается главным хозяином своих судеб,—то остается прибегнуть к представительству, как к единственному средству познать волю народа, знаменитую общую волю.

Представительство—наиболее распространенная форма участия народа в государственном управлении. Она состоит, как сказано выше, в том, что население страны непосредственно из своей среды избирает депутатов—народных представителей. Каждый из них считается представителем всей страны, всего общества, выразителем общих интересов целого.

Они организуются в постоянные учреждения, известные под общим названием парламентов, через которые народ призван осуществлять свое право управлять собою.

172. Народная воля и народное представительство. Руссо. Однако, признав представительную систему и распространив ее по всему культурному миру, буржуазия тем самым признала, что подлинную народную волю она в своих государственных учреждениях не в состоянии выявить. В признании и применении представительства заключается *основной подлог буржуазии*,—обман, жертвой которого падают народные массы. Правящее меньшинство вовлекает эти массы в невыгодную сделку.

Ибо тот, кто с лишком полтора века назад воздвиг теорию народного верховенства, народного суверенитета и провозгласил, что выражением этого суверенитета служит общая воля народа, был рьяным противником представительства.

«Верховная власть,—настаивал Руссо,—не может быть представлена по той же причине, по которой она не может быть отчуждена. Ее существо скрыто в общей воле, а воля не допускает представительства: она либо та же самая, либо другая, середины нет. Депутаты народа поэтому—не его представители, и не могут ими быть. Они только его приказчики: они ничего не могут решать окончательно. Ни один закон, не одобренный самим народом, не имеет значения. Это даже и не закон. Английский народ воображает себя свободным,—он сильно ошибается: он таков лишь во время выборов членов парламента; как только они избраны, он—раб, он—ничто. За короткое время своей свободы он делает из нее такое употребление, что заслуживает его потери» [184].

173. Кража народного верховенства: а) Монтескье. Тем не менее все эти справедливые протесты и предупреждения остались втуне. Суверенитет народа и его волю буржуазия приняла беспрекословно, почуяв в них чудесную вывеску, ширму, за которой можно будет обделывать необходимые делишки. Способы же выражения этого суверенитета и этой воли она усвоила те, которые рекомендовал другой ее идеолог, оказавшийся более практичным и менее прямолинейным. За несколько лет до «Общественного договора» (1762 г.) появилось произведение Монтескье «Дух законов» (1748 г.). Признавая верховное право народа управлять самим собою, Монтескье подчеркивал, однако, его неспособность делать это ни в больших ни в малых государствах и настойчиво выдвигал систему представительства.

«Ввиду того, что в государстве свободном всякий человек, за которым признается свободная душа, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать всему народу. Но так как в больших государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, что он не может делать сам» [185].

174. б) Сийэс. Когда же буржуазия Великой революцией была приведена к политической власти, то первым по времени хитрым фальсификатором, отражавшим за-

таенные нужды и стремления нового господствующего класса, выступил священник Сийэс, «отец теории народного представительства». Этот духовный отец в знаменитой речи, произнесенной 7 сентября 1789 года в Учредительном собрании, благородно заявляет, «что нельзя отказать в звании гражданина и в гражданских правах этой толпе без образования, которая всецело поглощается вынужденной работой...», но это отнюдь не знаменует необходимости призвать к власти эту невежественную толпу непосредственно: «...граждане могут доверяться некоторым из своей среды; не отчуждая своих прав, они поручают другим осуществлять их; ради общей пользы они назначают представителей, гораздо более, чем они сами, способных знать общий интерес и сообразно с этим истолковать их собственную волю».

А в самом конце XIX ст. большой мастер этих дел, профессор права, Эсмен, уже во всеоружии опыта и науки воскрешает аргументацию аббата Сийэса: непосредственная демократия (по Сийэсу, «истинная демократия») уже потому неприемлема, что «огромное большинство граждан, будучи вполне способно выбирать представителей, сообразно с их известными убеждениями, и направлять таким образом законодательство и управление, неспособно производить оценку законов или законопроектов, которые были бы подвергаемы его рассмотрению. Ему недостает для этого, как указывал Сийэс, двух необходимых условий: образования, чтобы понимать эти проекты, и досуга, чтобы их изучать» [186]. Подчиняться же законам, изданным командующим классом, массы—стадо баранов—могут, и не зная их, и не понимая. Таков неизбежный вывод.

175. Таким образом верховенство народа и его воля остались пустым звуком. Разве могу я поручить другому осуществить мое право управлять собою? Это так же странно, как если бы я поручил кому-нибудь осуществление моего права дышать воздухом. Воля не допускает представительства. «Руссо совершенно прав,— говорит Еллинек,—нельзя желать за другого; столь же мало, прибавим мы от себя, как нельзя за другого есть или пить» [187]. Но в течение всего XIX ст. все эти тонкости оставались, конечно, скрытыми для народных масс. Завороженное трудящееся большинство блестящей и великодушной формулой народного самодержавия, правящее меньшинство захватило в позорный плен народ-

ную волю. Предвидение Руссо оправдалось: народ стал рабом. Массам сказали, что законодательное собрание представляет их собственную высокую и священную волю. Но в то же самое время уже Сийэс объявил Национальному собранию, что это оно создает народную волю. Представители народа должны были, по действительному замыслу буржуазии, отыскивать, находить народную волю личными стараниями за свой риск и страх.

176. Как подделывалась народная воля. Шаг был сделан, и тогда за первой и главной передержкой пошел ряд других: народные представители стали не избираться, а подбираться разнообразными хитрыми способами. Буржуазии нужно было обеспечить себе таких народных представителей, которые бы послушно искали и успешно находили потребную ей—буржуазии—народную волю. А это делается путем многозначительных и многоразличных ухищрений избирательного механизма. Для этого и провозглашено было, что «мы все одинаковые люди, но не одинаковые члены общества», и что «у кого нет собственности, тот не гражданин»[188]. Уже эти откровенные заявления повели к таким ограничениям избирательного права, что Робеспьер по справедливости усовещивал зарвавшуюся буржуазию, говоря ей: сам Руссо не мог бы ни избрать, ни быть избранным, живи он в наше время. В искусстве этих ухищрений, подлогов и передержек буржуазия с тех пор сделала великие успехи: даже всеобщее избирательное право сумела она превратить в орудие порабощения масс!

177. Общественное мнение как источник народной воли. Допустим все же, что это правильно и хорошо. Зачем слепо придерживаться невыполнимой теории? Руссо был утопист. Общая воля не обнаруживается так, как он думал. Она и не передается, т. е. не представляется.

Что же делать! Народу этого сказать нельзя, его полезно держать в приятном заблуждении. А тем временем нужно поручить народным представителям угадывать волю народа. И если они угадают верно, то и задача решена. А для угадывания есть отличный путь, говорит буржуазия, это—общественное мнение. Именно общественное мнение и подсовывается депутатам парламента в качестве той кофейной гущи или бобов, на которых так удобно гадать. Общественное мнение—это думы, чувства и речи народа.

От Мирабо до Эсмена оно единогласно признается источником общей воли, «сувереном законодателей». Стоит только депутату причаститься тайн из этого источника, и уж он вдохновится свыше и почует общую волю.

178. Как оно создается. Однако общественное мнение, если присмотреться к делу, обладает такими чертами, которые сводят на-нет его благодетельную роль. Ведь в буржуазном обществе твердо действует то самое обстоятельство, которое, по Сийэсу, мешает водвориться непосредственному народному правлению: массы не имеют ни способности, ни досуга вырабатывать собственные самостоятельные взгляды на вещи. Поэтому огромное большинство граждан механически усваивает те мнения и выводы, которые вокруг высказываются чаще и громче. Кто же громче и назойливее всех подает голос? Конечно, профессиональные политики, искушенные дельцы, ловкие журналисты, ученые профессора, опытные и неутомимые ораторы, те же депутаты парламентов, вообще—люди дела и власти, по указке которых выступают и наука, и пресса, и парламенты. Общественное мнение создается. Но создается оно не на фабриках и заводах, не в мастерских, не в крестьянской избе, не в местах скопления трудовых масс, а в кабинетах дельцов, в редакциях газет, в глухих и тесных кружках правящего класса. Оттуда оно выносится на улицу, распространяется миллионами листков, провозглашается с ораторских трибун и ученых кафедр, снабжается рекламой авторитетов и, погуляв и покружившись, попадает в парламент в качестве гласа «народа», народной воли, общей воли!

179. Кем и как общественное мнение осуществляется. В образовании общественного мнения трудовой народ не участвует вовсе. Но даже и имущие классы—средняя и мелкая буржуазия, рядовая интеллигенция—в массе своей повторяют лишь то, что им вдалбливается вожаками, так называемыми руководителями общественного мнения. Но если бы даже допустить, что в общественном мнении сказываются действительные желания народа, то ведь народ никогда «не в состоянии указать, каким способом и в какой форме должны быть исполнены эти желания»[189]. Так что проведение в жизнь этих желаний во

всяком случае лежало бы на командующих классах или даже лицах, а уж они-то всегда нашли бы полную возможность изыскать такие средства и приемы достижения поставленной народом цели, которые исказили бы самую цель. Суть вовсе не та, что общественное мнение непрочно, неустойчиво, неясно, неполно, как думают буржуазные исследователи, решающиеся сказать правду об этом деле[190], а та, во-первых, что источник его не в массах, а в незваных руководителях масс, и та, во-вторых, что осуществление его заданий, во всяком случае,—в руках этих же руководителей.

180. Что такое общественное мнение? Джемс Брайс—автор, по мнению которого в Сев.-америк. соед. штатах существует настоящее народовластие. «Едва ли можно указать более точное практическое применение принципа, что народу принадлежит верховная власть. Эта власть принадлежит в США всей совокупности граждан почти так же непосредственно, как она принадлежала народным сходкам в Афинах или в Сиракузах»[191]. Нет, следовательно, основания заподазривать этого почтенного буржуа в предубеждении к буржуазному строю и в тенденциозном извращении фактов. Однако не без сочувствия цитирует он Роберта Ниля, говорившего о той «густой смеси безрассудства, слабодушия, предрассудков, дурных чувств, хороших чувств, упорства и газетных заметок, которая называется общественным мнением»[192]. В самом деле, «лишь небольшая часть убеждений, с которыми заурядный гражданин приближается к избирательной урне, выработана им самим... При внимательном анализе этих воззрений окажется, что они состоят из двух или трех предрассудков, или двух или трех предубеждений, в пользу какого-нибудь вождя, или какой-нибудь фракции, политической партии, из двух или трех фраз, которые повторяются без предварительной проверки». И если это не вполне верно по отношению к людям, специально занимающимся политикой, то не менее применимо «к людям, занимающимся торговлей и различными профессиями, чем к рабочим классам, потому что ни те, ни другие не имеют достаточно свободного времени, ни достаточных познаний для того, чтобы вырабатывать самостоятельные убеждения[193]. В результате, по словам Брайса, девятнадцать человек из двадцати не создают, а только воспринимают и распространяют общественное мнение. Но и относительно так называемых органов общественного мнения он придерживается достаточно нелюбезного взгляда: стоит лишь отметить его сравнение прессы с дворовой собакой и с флюгером[194]. «Органы общественного мнения чрезвычайно многочисленны, и каждый из них выдает свои собственные мнения за мнение народа. Подобно всем другим ценным предметам и общественное мнение подвергается различным подделкам»[195]. К кому прислу-

шиваться в этом хоре оглушительных голосов? Немудрено, что парламент, которому предлагают руководствоваться общественным мнением, уподобляется царю Додону из «Золотого петушка», решившемуся под влиянием бояр прибегнуть к гаданию. Но на чем гадать? «Гуща лучше»—кричит одна партия.—«Боб вернее! На бобах оно видней!»—перекрикивает другая. И парламент, махнув рукой на хаотическую гущу народных мнений, вверяется видным бобам крикунов и аферистов,—делателей общественного мнения. За всеми напыщенными речами о народном верховенстве и народной воле, раздающимися в парламентах и вне их, скрывается то брезгливое мнение о народе, которое превосходно формулировал Беджгот: в думы народа вникать бесполезно, ибо «он думает мало, но это мало—дурно» [196].

181. Нетрудно видеть, что этот в сущности единственный источник народной воли—общественное мнение—никуда не годится. В представительных учреждениях народа *народная воля* благостает *отсутствием*. Прошел небольшой срок со времени распространения в Европе представительной системы, а уже Милль (в 1859 г.) принужден был с тихой грустью сознаться, что слова «самоуправление» или «народное самоуправление» остаются только словами. «Народная воля, кроме того, представляет собой в действительности только волю более многочисленной или более деятельной части народа, волю большинства или волю таких людей, которым удастся заставить признать себя за большинство» [197]. Понадобилось, однако, еще пятьдесят лет, чтобы наиболее трезвые из буржуазных ученых оказались близки к сознанию, что *единой общей воли вообще не может быть в классовом обществе*. Простая азбучная истина, что «классы нельзя помирить, как нельзя помирить волков и овец», и что поэтому «общей овечье-волчьей воли быть не может» [198], становится ныне доступной и их пониманию *), и нас не это интересует. Важно видеть и знать, что если бы и существовала такая общая воля, то не *парламентам*, не *буржуазным представительным учреждениям воплощать ее*. Они не в состоянии и открыть ее. Для этого у них нет ни средств ни желания, главное—средств.

182. Лишение народа власти. И в тесном кругу буржуазных государствоведов поняли и это. Народу еще про-

*) См. § 139.

должают твердить, что он суверен, владыка, что его неприкасаемая воля чудесным образом переселилась в парламент и там безвыходно обитает, но в ученых трактатах, недоступных «черни непросвещенной», говорят уже о представительстве не воли, а власти: «... воля не передается. Эсмен и не утверждает, что воля передается; он говорит о передаче власти, а не воли» [199]. Пятьдесят лет тому назад Бэджгот, один из лучших знатоков английского государственного права, заявил, что сущность народного правления заключается именно в присвоении выборными людьми верховной власти, действительной власти [200]. Но определеннее всех выразился другой англичанин, современник Бэджгота, лорд Брум (Brougham). По его мнению, весь смысл народного представительства—в лишении народа власти. Эта передача власти, это разлучение народа с властью и есть главная цель и назначение представительных учреждений [201].

183. Выводы. Это очень правдоподобно и очень важно. Итак, общей воли не существует. Если бы она существовала, парламенты все же бессильны были бы ее выявить. Народный суверенитет оказывается побасенкой для усыпления масс. Власть берут себе депутаты и распоряжаются ею по своему усмотрению. Народ продает свое верховенство. Но получает ли он за это хоть чечевичную похлебку? Что дают народу его представительные учреждения в обмен за власть, которую у него выманили? Чем являются на практике те учреждения, которые теоретически, как мы видели, не имеют никакого права на существование?

184. Парламентское правление. Для этого полезно ознакомиться, хотя бы бегло, с состоянием представительных учреждений в государствах парламентарных. Здесь, по общему правилу, законодательная власть—палата—возвышается над исполнительной—министрами,—таким образом, что законодательной власти обеспечивается как будто возможность постоянного контроля над исполнительной. Достигается же это якобы тем, что признается ответственность министров перед палатой. Если в палате одерживает верх течение, враждебное политике данного министерства («вотум недоверия»), последнее, по общему правилу, должно уйти в отставку, и составляется новое из парламентского большинства, т. е. из представителей той пар-

тии, которая в данную минуту задаст тон в парламенте. Казалось бы, что при таком устройстве палата действительно полновластна. Законодательство и контроль над управлением находятся как будто всецело в ее руках. Что же получается на деле?

Трудно перечислить все справедливые упреки и обвинения, которые сыплются на парламентское правление со стороны буржуазных же ученых и политиков. Имеем ли мы дело с французской палатой депутатов или с английской палатой общин, или с другим каким-нибудь парламентом, везде нарекания в общем одни и те же. Парламент не в состоянии ни законодательствовать, ни контролировать управление, ни вообще заниматься чем-нибудь путным.

185. Сложность задач современного государства. Современное государство с каждым днем становится все сложнее. Хозяйственная жизнь требует от него все большего вмешательства. Все новые области общественной жизни захватываются государством с целью подчинить их своему руководству и наблюдению. Уже Маркс более полувека назад, говоря о французском государстве, отметил его стремление все проникать собою, контролировать, регулировать, охранять и опекать [202], делать предметом правительственной деятельности все, «начиная с мостов, школьных зданий, коммунального имущества деревенских общин и кончая железными дорогами, национальными имуществами и университетами» [203]. С тех пор прошло много лет, и функции государства непрестанно росли с каждым годом. С одной стороны, расширялись те задачи, которые капиталистическое государство унаследовало от феодального, с другой — выросли новые из самого капиталистического способа производства. «Достаточно вспомнить все то, что в настоящее время входит в область политики только: банковая политика, колониальная политика, таможенная политика, железнодорожная политика, социальная политика, как охрана труда, страхование рабочих, попечение о бедных и т. д. и т. д.» [204]. К этому надо присоединить исключительный рост с начала XX века государственных монополий, каковы табачная, соляная, винная, спичечная, и тогда будет ясно, что перечень, данный Марксом, следует продлить гораздо дальше.

186. Вот любопытный опыт такого перечня, заслуживающий того, чтобы его привести целиком. «Приходишь в замешательство, когда подумаешь о той массе интересов и людей, которые зависят от министров. Во Франции они располагают прежде всего суммой в три миллиарда, превышающей кадастровый доход всех земель. Кроме того, они контролируют бюджеты общин, департаментов и благотворительных заведений, которые достигают еще доброго миллиарда. Они содержат, регламентируют и надзирают за общественными школами всех родов и степеней и держат таким образом в своих руках образование, т. е. будущность страны; они назначают епископов и одной рукой выдают жалование служителям духовных дел, а другой— полуголым танцовщицам, упражняющим свою грацию в театре Оперы; они содержат институты, академии, обсерватории, лаборатории и поощряют литературу, искусство и науки; они определяют, сколько гектаров земли будет засеяно табаком, сколько каждый гектар будет иметь кустов и каждый куст сколько листьев, и с этой целью они назначают специальных инспекторов, обязанных считать все это; это одуряющее снадобье они продают в привилегированных бюро, куда назначают бесчисленных агентов, рассеянных по всей стране; они пересылают письма, телеграммы и ценности, для чего требуется опять целый легион чиновников; они сооружают обыкновенные и железные дороги, роют каналы и гавани при помощи многочисленного штата инженеров; они эксплоатируют государственные леса, разводят леса на возвышенных местах и надзирают за лесами частных владельцев, содержа для того целую администрацию; они заведуют фарфоровым производством в Севре и ковровым в Гобеленах; путем таможенных пошлин, акцизов и премий покровительствуемым ремеслам они определяют направление труда во всех отраслях производства, а для того, чтобы воспрепятствовать всякому продавать, покупать и производить, сообразуясь только с собственной выгодой, им нужны еще целые легионы чиновников; они выбирают директора центрального банка, который задаст тон всему кредиту; они открывают библиотеки, архивы, консерватории, для которых нужны библиотекари, их помощники, кандидаты, комми, привратники и пр.; от них зависят и с их разрешения действуют менялы, аптекари, нотарусы, виноторговцы; они определяют, на каких условиях или по каким экзаменам можно сделаться адвокатом, доктором, профессором, учителем и инженером, береговым или заставным сторожем; они держат в своих руках весь суд, т. е. основу, на которой покоится собственность, семья, общественная безопасность, словом—все социальное здание; они содержат тюрьмы, пенитенциарные колонии, исправительные учреждения, для которых нужны опять целые бастальоны должностных лиц, получающих жалованье от государства. Все ли я сказал? Нет. Но так как нельзя до бесконечности продолжать это, и без того весьма длинное, перечисление, то я укажу еще только на армию и флот... Войдите в любую семью, и вы увидите, какое множество ее интересов

зависит от решений публичных властей: отпуск или отставка ратника, экзамены, назначения, применения тарифа, стрыи-дороги, премии и всевозможные милости. Следовательно, то, что называется правительством, держит в своих руках настоящее или будущее большей части граждан»[206]. Это неуклонно растущее вторжение государства в частную жизнь людей и заставляет современных американцев уныло замечать: «Живя в режиме свободных учреждений, мы подвергаемся государственной регламентации и контролю в такой степени, которая показалась бы непостижимой духу восточного деспотизма»[207].

187. Неспособность парламентов. Перед такими многоразличными задачами, как общего, так и чисто специального характера, парламент—толпа людей, набранных с бору да с сосенки, оторванных от жизни и от избирателей,—оказывается совершенно беспомощным. «Парламент обременен,—говорил Гладстон *),—парламент почти подавлен»[207]. Он просто не в силах справиться с массой дел, подлежащих его ведению! В тех случаях, когда на палату найдет трудолюбивый стих, и она захочет выполнять свое назначение—законодательствовать, результаты ее трудов таковы, что лучше бы ей, по мнению буржуазных знатоков дела, бездействовать[208].

188. От деловой работы—к болтовне и интригам. Разочарованный, усталый, чувствуя невозможность овладеть гигантским государственным механизмом, парламент после первых же попыток в этом направлении ставит крест над деловой работой и переходит к своей родной стихии—к бесконечным разговорам, прениям, речам, парламентским скандалам, а иногда к парламентскому мордобою. А это, понятно, создает еще более твердую почву для того всеобщего недовольства, которое возбуждают на Западе представительные учреждения. Все зло, все неустроение буржуазного государства приписывается вине парламентов. На них обрушиваются за то, что они, сами ничего не делая, мешают производительной работе министров, устраивая слишком частые смены правительства. Парламенты вносят смуту![209]. Они повергают государство в анархию! Анархия,—говорит Шарль Бенуа,—вот зло современного государства. Анархия, которая чувствуется повсюду, глухая, всепроникающая, разлитая по улицам![210].

*) Знаменитый английский министр XIX века.

Что ж удивительного, что «авторитет и сила парламентских учреждений в е з д е падают»? [211].

189. Парламент в Англии. Эта общепризнанная никчемность парламентских учреждений, не просто бесполезных, а приносящих определенный вред народам и государствам, не остается, конечно, без важных последствий. Ближайшее и важнейшее из них—это переход фактической власти и силы от депутатов и парламентов к совсем другим лицам и учреждениям. Раньше и резче, чем где бы то ни было, переход этот совершился в Англии,—стране, которая всегда служила образцом парламентского правления и славилась своими примерными конституционными правами, правами и обычаями. Как часто и теперь недобросовестными слугами буржуазии повторяется знаменитое изречение *) о всемогуществе британского парламента: парламент только одного не может—женщину в мужчину превратить и обратно!

На что уж солиден, сведущ и учен был М. М. Ковалевский, а и у него читаем следующие строки: «Таким образом все более и более оправдывается суждение елизаветинского судьи Кока о всемогуществе английского парламента в его трехчленном составе: короля, лордов и общин. Из этих трех участников в осуществлении государственного самодержавия наиболее сильным некогда был король, затем лорды в настоящее время общины» [212].

190. Потеря власти. Между тем ряд ученых и государственных деятелей конца XIX и начала XX веков подчеркивают характерную перемену, уже происшедшую в Англии: палата «скорее походит на орган, регистрирующий декреты правительства, чем на законодательное собрание» [213]. Один из новейших исследователей дела, англичанин Лоу, утверждает, что если бы по какому-нибудь чуду палата исчезла, то ничего бы в сущности не изменилось [214]. Оказывается, что главная функция палаты—законодательство—прекратилась. Она у ж е н е з а к о н о д а т е л ь с т в у е т. Она лишь рассматривает законопроекты, предлагаемые ей со стороны, причем это рассмотрение—чистая «проформа»: сколько бы в палате ни разговаривали,—на действительное течение государственных дел парламентские разговоры не оказывают никакого полезного

*) Приписываемое то Коку (XVII в.), то швейцарцу Делольму (конец XVIII в.).

влияния. Но этого мало. Такое существенное право палаты, как распоряжение народным достоянием, финансовый контроль, тоже упразднено. Обсуждение расходов, напр., на армию и флот, превращено «в известную комедию»![215]. Неудивительно! Где же народным «избранникам» справиться с кучей технических подробностей, из которых состоит бюджет, государственная роспись доходов и расходов?

191. В других странах дело обстоит не лучше, а хуже. В «великой демократической республике»—Америке—парламент превратился в скопище «невежественных политиканов»[216], не пользующихся ничем, кроме полного неуважения[217]. Это относится не только к союзному конгрессу, но в еще большей степени к представительным учреждениям отдельных штатов. Здесь «вопрос: какова у вас законодательная власть? вызывает ответ: лучшая, какую можно купить за деньги»[218]. В другой не менее «великой» республике, во Франции, уже в наши дни делаются решительные шаги по отнятию у палаты власти, которой она, по общему признанию, пользуется для смут и безобразий. В Италии сегодняшний вождь фашистской реакции с грубой, но живописной откровенностью изобразил действительное положение вещей, когда в *парламентской* речи объявил о неспособности и несовременности парламента и провозгласил свою диктатуру.

192. Экономические перемены, обусловившие падение представительных учреждений. К тому же, в чьи же руки переходят власть и сила представительных учреждений? На это дают определенный ответ те же практические наблюдения. Здесь надо напомнить прежде всего, что развитие капиталистического хозяйства в пределах данной страны состоит в неуклонном переходе от свободной конкуренции, т. е. анархии и дезорганизации, к монополизму, т. е. попыткам капиталистически организовать и систематизировать производство, сосредоточить его в руках немногих капиталистов, а беспутное соревнование индивидов—хозяйственных единиц—частью подавить, частью подчинить этим капиталистам и их объединениям. В то же время и рабочие союзы стремятся к организации труда, к собиранию и согласованию трудящихся единиц в их растущей борьбе с объединяющимся капиталом. Анархия производства не исчезает: она принимает *мировой* ха-

рактер. Конкурируют уже не отдельные предприятия, более или менее крупные, а сталкиваются в смертельной схватке гигантские капиталистические машины огромных стран. Руководство же в этой стадии капитализма берет на себя финансовый капитал. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства» [219]. Вступив уже в полосу неустанных боев за всемирное владычество и предвидя в будущем еще более колоссальные битвы, он торопится перестроить свою общественную организацию по-военному. Демократические учреждения, многолюдные, впечатлительные и переменчивые, ему не годятся. Он хлопочет об открытой диктатуре отдельных выдающихся людей, которые бы воплотили в себе всю коллективную силу, всю жадность, всю свирепость господствующего класса капиталистов. Одновременно с этим капиталистическая организация хозяйства и труда все решительнее сводит на-нет былое значение индивида. Всякое дело—созидательное и разрушительное—есть дело масс. Массами держится производство, массовыми силами ведутся войны,—массы требуют себе действительного участия в законодательстве и управлении и ищут таких государственных форм, которые на деле обеспечили бы им это участие. Под таким двусторонним натиском падают и разрушаются представительные учреждения: власть законодательных собраний сосредоточивается в руках министров, ставленников и орудий финансового капитала. Так «власть без фразы» одерживает верх над «властью фразы» [220].

Отражение этого процесса в сознании господствующего класса любопытно проследить на кризисе индивидуализма и нарождении нового учения о солидаризме, об общественной солидарности, основанной на тесной общности и зависимости интересов без различия личностей и классов.

193. Власть английских министров. Исполнительная власть всюду обнаруживает стремление подчинить себе законодательную. И это ей повсюду удается. Власть английского министра в наши дни достигает таких размеров, какими не отличалась власть иного самодержавного короля. Это само собою вытекает из сказанного выше: ведь палата беспомощна! Если она вздумает противиться администрации, та может просто оставить ее без своего руко-

водства и этим повергнуть ее в самое горестное положение. Правда, палата может в иных случаях заставить уйти в отставку неугодное ей министерство. Но ведь и министерство может распустить палату до срока и обратиться таким путем непосредственно к суду избирателей. А на чьей стороне будет этот суд—сомнений мало: в Англии глубоко вкоренилось чувство, «что палата общин есть учреждение, которое потеряло свой большой авторитет или репутацию, и если лучшее учреждение—кабинет—нарушает права худшего, то это очень мало огорчает страну» [221]. В общем, нет уже не только парламентского управления, но нет и правления кабинета: есть управление через премьер-министра [222], окружившего себя пятью-шестью доверенными лицами. Это своеобразная директория с диктаторской властью [223].

194. Власть дельцов в американской республике. Так или иначе, хоть соблюдены приличия. Но о приличиях очень мало думают практичные и бесцеремонные американцы. В САСШ конгресс поступился своей властью не в пользу президента и министров, которые и без того всегда располагали громадными правами, а в пользу совершенно нелегального учреждения, которого не знает конституция, которое носит веселое название «коридора» и которое тем не менее вполне серьезно и открыто управляет «великой заокеанской республикой». Дело в том, что по установившемуся обычаю всякий законопроект, вносимый в палату, поступает на предварительное рассмотрение одного из комитетов, образуемых из членов палаты. Решение комитета палата утверждает [224]. Но понятно, какие крупные интересы сплошь да рядом затрагивает тот или иной «билль»: вносится, напр., законопроект об учреждении частного железнодорожного общества или об обложении пошлиной производства и продажи спиртных напитков,—во всех таких случаях заинтересованному предпринимателю и всем другим, чей интерес затрагивается, важно заранее повлиять на решение комитета. Для этого «влияния» и командируются в палату особые агенты—ходатаи, шарлатаны и пропыры, задача которых надлежащим образом обрабатывать депутатов. Эти агенты приобретают огромные связи. В их руках перекрещиваются нити различных интересов. Они все знают, они все могут. Они-то и образуют

своеобразную «третью палату» (сенат, палата депутатов и они) или «коридор», где происходит законодательная борьба и где решается судьба законопроектов.

195. Законодатели—товар, который продается. Брайс хорошо изучил этот институт. Но тщетно было бы искать у этого корректного исследователя таких шокирующих, но вполне отвечающих сути дела названий, как третья палата или «коридор». Вообще за этот деликатный вопрос он берется не иначе, как кончиками пальцев, и предпочитает отсылать к другим авторам. Так, когда нужно рассмотреть ближе те средства, которыми орудуют агенты «lobby», он цитирует: «под словом lobbying не всегда подразумевается подкуп законодателей» [225]. Стоит отметить это «не всегда» и сопоставить его, кстати, хотя бы с такими строчками: «Внутри Вашингтона член палаты играет ничтожную роль... Уже тем, что он вступает в состав палаты, он возбуждает подозрение, что принадлежит к числу людей, падких на взятки...» [226]. Оценить нужно и такое скромное и мимолетное замечание Брайса: «Женщины, как слышно, принадлежат к числу самых деятельных и самых успешных ходатаев» [227]. Послевоенный опыт убедил Брайса, что lobbying вовсе не есть секрет американцев: явление это замечается и во Франции, оно не безызвестно и в британских странах, но опасных размеров оно достигло лишь в Америке, по его мнению [228].

Что же касается президента и министров, то они успешно делят государственную власть с жуликами из «коридора» и создают нечто вроде царского самодержавия, прикрытого конституционной шелухой: «форма правления в северо-американском союзе—это абсолютный безответственный деспотизм, который находится в руках шести лиц, прикрывающихся конституционными формами...» [229].

196. Кто же властвует на деле? Но и министры, и короли, и президенты не могли бы, разумеется, безпаказанно и беспрепятственно седлать и взнуздывать парламенты, если бы за исполнительными властями современного буржуазного государства не стояли могущественные организации, обеспечивающие им всемерную поддержку. Америка в этом отношении лишь наиболее яркий пример того, что совершается во всем буржуазном мире. Капиталистические объединения, крупные хозяйственные предприятия, желтые профессиональные союзы, политические партии—вот те центры, то «специальные парламенты» [230], в которые переносятся и законодательство и управление [231]. А представители исполнительной власти—простые уполномоченные и доверенные этих организаций.

197. Что сталось с гражданскими идеалами буржуазии? Их экономический источник. В полном соответствии с переворотом в государственной системе буржуазии находятся те перемены, которым подверглась область так называемых политических прав. Мы уже упомянали (срв. § 171), что хозяйственные нужды капитализма породили идею свободной личности гражданина и его неотъемлемых политических прав. Разве может развиваться промышленность там, где подавляющее большинство земледельческого населения не свободно, не может по собственному произволу переменить место жительства, ликвидировать свое жалкое имущество, избрать новую профессию? Где крестьянская масса подавлена непосильными повинностями в пользу паразита-помещика? В такой стране буржуазный предприниматель видит связанными свои руки, ибо тяжкие оковы лежат, прежде всего, на потребительской массе: разоренный, нищий, забитый крестьянин— плохой покупатель капиталистической продукции; нет предпринимателю желанного доступа и к рынку: здесь на дорого стоит личный и никому уже ненужный землевладелец. Но в самое сердце поражен буржуазный эксплоататор тем, что рабочие руки несвободны, вовсе нет резервной армии труда или она слишком недостаточна.

Да не только деревенский,—и городской обыватель лишен свободы хозяйственного самоопределения: подмастерье в плену у своего мастера, мастер—у своего цеха, торговец, лавочник стеснен мелочной полицейской регламентацией, которая на каждом шагу ограничивает его торговый размах, промышленник страдает от того, что правительство стремится регулировать производство, предписывая выделывать одно и воспрещая выделывать другое, нормируя даже количество рабочих рук в производственных отраслях и предприятиях. Это разорительное вмешательство государства в область частной хозяйственной предприимчивости было в значительной степени следствием того, что самодержавные короли не склонны были считать неприкосновенной эту новую буржуазную собственность: они охотно шли на реквизицию и конфискацию орудий и продуктов производства, подвергали незаконным поборам купца, усердно грабили банкира. Неудивительно, что когда молодая промышленная буржуазия выбросила лозунг «сво-

бода», около этого знамени объединились самые различные слои общества. Тот же прием был оказан вслед за ним появившемуся требованию всеобщего равенства. И то и другое сопровождалось непременной оговоркой о святости и неприкосновенности собственности, под которой разумелась, конечно, собственность частная, собственность на орудия производства [232].

198. Кому служила политическая свобода. Отсюда пошел целый арсенал политических прав, пышных и широковещательных свобод, из которых каждая была так или иначе произведением хозяйственных особенностей буржуазных классов и этим особенностям служила, но которыми буржуазия завораживала широкие слои трудящихся, ибо им чудился в этих свободах далекий идеал действительно свободного существования, освобожденного от рабского труда, от эксплоатации капиталиста, от насилия собственнического государства. Свобода ассоциаций всех видов обслуживала, конечно, буржуазных предпринимателей прежде всего, так как они поняли, хотя, правда, далеко не сразу, что соединение индивидуальных усилий и капиталов необходимо для успешного ограбления неимущих масс, являются ли они потребителями или производителями, или и в том и в другом качестве. Свободу передвижений буржуа, как, впрочем, и все другие свободы, великодушно провозглашал для всех, но наиболее полно использовал ее лишь тот, в чьих руках оказывались средства передвижения и кто получил возможность перебрасывать рабочие отряды с места на место, порождая в среде пролетариев жестокую конкуренцию, создавая то здесь, то там избыток рабочих рук и соответственное падение заработной платы. Свобода слова и в частности печати сыграла огромную роль в развитии прессы, которая через рекламу и все виды хозяйственной информации оказалась одним из самых важных нервов буржуазного рынка и двигателей частно-собственнического хозяйства. Свобода совести послужила прекрасным оправданием для буржуа, когда он избавлялся от церковных повинностей и накладывал руку на богатства церквей и монастырей. Все эти и многие другие политические права являлись в значительной степени следствием верховного принципа неприкосновенности личности: буржуазия пришла к политической власти

со шкурой, очень хорошо выдубленной чиновником, вельможей, полицейским старого режима, и на многовековом опыте этого режима она познала, что там, где хозяйствующий субъект может быть по произволу властей обыскан, схвачен, заключен, выслан, изгнан, подвергнут лишению свободы и даже жизни без надлежащего судебного разбирательства,—там не пользуются никакой безопасностью ни кошелек, ни торговая книга предпринимателя, там труд целой стяжательской жизни идет прахом в один день. Надо же помнить, что капиталист, свергнувши старый строй, далеко не сразу посадил своих людей в канцелярию, в суд, в полицейский участок—на всех этих хороших местах ему долго приходилось терпеть открытых или тайных слуг старого режима. От них-то и нужно было защищаться баррикадами политических прав.

199. Значение лозунга всеобщего равенства. Но едва ли не самым великолепным и соблазнительным среди этих принципов являлось положение о всеобщем равенстве. Вспомним (ср. § 169 и сл.), что буржуазная революция с исключительной силой обрушилась на обособленные группировки, существовавшие в феодальном обществе. Семья, сословие, община, цех, корпорация складывались и замыкались, как особые общества в обществе, и налагали на своего члена такие обязательства и ограничения, которые делали его несвободным и мучительно связывали его хозяйственную инициативу. Потому-то буржуазная революция и состояла в значительной степени в уничтожении перегородок и подразделений внутри старого общества. Из недр этих косных и замкнутых ячеек надо было извлечь человеческую личность—индивидуума, дать ей все права самоопределения, уничтожить все средостения, создаваемые происхождением, религией, корпоративной принадлежностью, объявить индивидов **равноправными**. Нетрудно догадаться, что этого властно требовали условия капиталистического **рынка**, где узы крови, дружбы, родства, соседства, симпатии подчиняются холодному расчету предпринимательской выгоды. В условиях анархического производства оборот признает лишь безличного товаровладельца, и закон свободной конкуренции всех уравнивает. Но это всеобщее равенство есть в то же самое время источник постоянно возобновляющегося горчайшего нера-

венства: собственнику орудий производства противостоит неимущий продавец рабочей силы; принципы равенства перед законом позволяют первому продиктовать второму самый кабальный договор, а нужда заставляет пролетария принять любые условия. Так господство договорных отношений на почве закона, равного для всех, создает наивыгоднейшую обстановку для самой бесчеловечной эксплоатации наемного труда.

200. Изнанка политических свобод. Понадобились, однако, многие десятилетия зверской капиталистической школы, чтобы капиталистический класс уразумел истинное существо так называемых политических прав. Маркс и Энгельс посвятили не мало труда на разоблачение буржуазных понятий «свободного государства», «чистой демократии» и т. п., открыв тем дорогу для Ленина, который с ему одному свойственной изобразительной силой показал тщету и призрачность мелкобуржуазных идеалов. Еще около четверти века назад он учил той истине, что «в обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной» [233]. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Поэтому-то писатель, например, и находится в рабстве у своего издателя, который требует от него порнографии, поэтому «свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» [234].

201. Распродажа «свободного слова». На примере так называемой свободы печати Ленин разоблачил те отношения лакейства и рабства, в которых оказывается по отношению к капиталу «свободная» пресса. При этом заслуга его не столько в установлении самого факта, всем, пожалуй, известного, сколько в неотразимой логике доводов, приводимых им в доказательство *неизбежности* такого положения. Капиталистическое общество не было бы капиталистическим, если бы оно не превращало в товар не только продукты производства, но и произведения человеческого гения: важное техническое открытие, создание талантливого мастера, творение глубокомысленного ученого, искусство выдающегося врача и т. д. и т. п.—

все это продается и покупается, все это, чтобы появиться на свет и найти приложение, требует соответственных условий, приспособлений, обстановки, которыми целиком распоряжается капитал. Романтики могут принимать за чистую монету песни о «вольной мысли», которая, дескать, «рожденная свободно, в оковах не умрет», но пролетарий должен знать, что в век капиталистического развития «вольная мысль» находится в непосредственной и безусловной зависимости от типографского станка, от бумаги, от соответствующего помещения, освещения, отопления, одинаково необходимых и типографу, и оратору, и писателю. «Издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей» [235]. В беспощадном состязании этих капиталистических предприятий побеждает, разумеется, не самое «благородное» и «симпатичное», а самое богатое, поэтому «свобода печати буржуазного общества состоит в свободе б о г а т ы х систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров обманывать, развращать, одурачивать эксплоатируемые и угнетенные массы народа, бедноту» [236]. Зависимость буржуазной прессы от объявлений, которыми ее снабжает капиталист и которые представляют один из видов подкупа, общеизвестна. Но нужно знать, кроме того, что такой порядок фатально н е и з б е ж е н. В современном строе газета, не желающая обречь себя на совершенно незаметное существование, д о л ж н а д а т ь с е б я п о д к у п и т ь. Вот почему в наши дни не только буржуазная пресса, но и социал-демократическая находится под тем или иным материальным влиянием капиталиста.

202. Свобода личности и ее классовый смысл. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обращениями разыскивать интересы тех или иных классов» [237]. Освобождение крестьян от крепостной зависимости подано было буржуазными мыслителями и политиками в сияющем ореоле «священных прав человека». Бессмертный идеал свободы и безнравственности рабства, велепия гуманности и прогресса и бесчеловечное своекорыстие рабовладельца—подоб-

ного рода антитезы оказались совершенно несокрушимым оружием в руках буржуазии. Белые одежды ее невинности и пламенный меч ее правоты представлялись недосягаемыми для каких бы то ни было нечистых подозрений. Тем не менее за всем этим скрывался классовый интерес промышленника, разорявшего сотни тысяч землевладельцев и готовившего мучительную гибель миллионам трудовых крестьян. Отныне крестьянская масса обреклась на бесчеловечную капиталистическую переделку, действовавшую с неумолимой точностью гигантской мясорубки: обезземеливание и обнищание основной крестьянской середки, «вымывание» ее с превращением на $^{9}/_{10}$ в батраков и пролетариев. Но тот же результат мы встретим всюду, где бы ни стали прослеживать пути и способы практического осуществления буржуазных начал свободы и равенства. Свобода передвижения, укрупнение средневековой территориальной дробности, снос внутренних застав, рогаток, таможен и уничтожение паспортной системы, как одно из следствий такой революции, являлись прежде всего насущной потребностью буржуазного хозяйства. Но буржуазия изловчилась забрать себе целиком все выгоды свободы передвижения, перевалив на неимущие массы все ее отрицательные стороны. Так делает она, вводя в свои избирательные системы ценз оседлости, который отбрасывает рабочего от избирательной урны только за то, что он вздумал воспользоваться свободой передвижения. Так делает она и тогда, когда неимущим пассажирам предоставляет на своих железных дорогах лишь минимум удобств, окружая в то же время бешеной роскошью богатых путешественников, несущих по миру бремя своей скуки и праздности. Но кто же не знает, что в доходах железных дорог львиная доля составляется из трудовых грошей бедняков и лишь незначительный процент дают богатые бездельники!

203. Все подчиняется принципу частной собственности. Но иначе и не может быть, ибо между трудящимися слоями и демократическими свободами вклинивается священное право собственности, которое невозможно вылущить из этих свобод, не разрушая их, не превращая их в прах: например, «свобода собраний является пустым звуком даже в самых демократических буржуазных респу-

бликах, так как в распоряжении богачей имеются лучшие общественные и частные здания, имеется и достаточное количество свободного времени, и они пользуются защитой буржуазного аппарата власти» [238]. Почему бы этим богачам не отнестись к свободе с полным дружелюбием? У них она всегда под рукою, а «рабочие ее не могут реализовать: фактическая монополия на бумагу, типографии, машины и т. д. со стороны класса капиталистов превращает почти в ничто печать рабочего класса. Это напоминает приемы американской цензуры: она часто не просто запрещает рабочие газеты, а всего-навсего запрещает почте их распространять, и таким образом формальная свобода печати сводится к полному ее удушению» [239]. Все знают, что буржуазное государство охраняет частную собственность. Но надо убедиться в том, что охрана частной собственности есть верховный принцип этого государства и что политические права и вольности ограждаются лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока они вытекают из начала частной собственности и этому началу служат.

204. Как финансовый капитал упразднил промышленную демократию. На наших глазах в этом отношении происходит процесс исключительной важности. Мелкобуржуазные демократы и разношерстные социалисты сегашательского толка дольше любят говорить о гражданских свободах, о народном правлении, о конституционных гарантиях, о защите прав меньшинства, о всем том, чем пестрели буржуазные конституции XIX века, и что конституции послевоенные повторяют совершенно механически, как условные и пустые, ни к чему не обязывающие формулы. К этой недобросовестной декламации присоединяет свой довольно фальшивый голос так называемая внутрипартийная оппозиция, которой XV съезд ВКП(б) нанес, надо надеяться, смертельный удар. И эти бывшие революционеры более или менее открыто, с оговорками или без них, противопоставляют капиталистическую свободу режиму пролетарской диктатуры, который они вознамерились подорвать. Между тем, речи о буржуазных свободах запоздали чуть ли не на полстолетия. Как мы уже знаем, современное капиталистическое государство сравнительно давно вступило на путь упразднения даже и той

неполной, урезанной, однобокой демократии, которую Ленин с такой оригинальной яркостью мысли и резкостью выражения назвал «демократией для имущих». Политические права явились выражением хозяйственных особенностей промышленной буржуазии. Анархия производства, свирепая конкуренция неорганизованных—«свободных»— предпринимателей, из которых каждый стремится выбить из седла и подмять под себя своего соседа и конкурента на рынке,—вот что рождало и питало воодушевление буржуазного демократа, когда он говорил о политических вольностях, о свободном государстве, и не только говорил, а подчас за эти лозунги и в драку вступал с абсолютистскими держимордами. Но вспомним (срав. § 192), что этот экономический индивидуализм буржуазии встретил, наконец, кровного врага в лице финансового капитала. «Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» [240]. Другими словами: «старый капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором—биржей—отходит в прошлое» [241]. Финансовый капитал кладет жесткие границы беспутному соревнованию хозяйствующих инвалидов. Отдельный купец, промышленник, ростовщик все тяжелее чувствует на себе далеко хватающую руку торгового концерна, треста, банковского консорциума. Куда девались его хозяйственная инициатива, его право и возможность экономического самоопределения, его свободная предприимчивость? Внезапно он видит, что уже давно стал безвольной пешкой в лапах чудовищных организаций, одного дыхания которых достаточно, чтобы смести его с лица земли. Его смирение, его безмолвие, его покорность—вот что может еще спасти его от бесповоротной гибели.

205. Крушение политической демократии: а) Англия. На политическом строе послевоенного буржуазного государства эта коренная перемена его экономической основы отразилась, как мы видели, чрезвычайно существенным образом: демократических благ оказались лишенными не только рабочий, но и средний буржуа. Отчасти под механическим действием нового хозяйственного уклада, отчасти из страха перед растущей революционной активностью пролетарских масс господствующая верхушка свертывает

демократические государственные учреждения, а с тем вместе и обветшалый хлам политических прав. Столь прославленная страна «народной свободы», как Англия, продемонстрировала всему миру ту легкость и четкость, с которой этот демократический рай превращается в пекло по одному мановению правящей клики: во время забастовки горняков исключительное положение, ранее совершенно неизвестное здесь, дало возможность администрации на законнейшем основании упразднить и неприкосновенность личности и право собраний, подчинивши английского обывателя самому откровенному произволу полиции. Тем же законным порядком даже с участием парламента, столь же несвободного в своих решениях, как любой лавочник, английские диктаторы провели закон о профсоюзах, который, при надлежащем применении, позволяет решительно упразднить свободу стачек, т. е. чисто экономической борьбы (пикетирование воспрещается, штрейкбрехер берется под усиленную охрану закона, наконец, всякая стачка может быть объявлена незаконной). Тот же самый закон бьет «рабочую партию» по самому чувствительному месту, по карману, возбраняя взимание с членов профсоюзов партийных взносов («сборов на политические цели») в том порядке, в каком они до сих пор взимались. Кто знает, как дорога в Англии избирательная кампания, тот поймет, какими потерями грозит «рабочей партии» это новое правило.

206. Крушение политической демократии: б) Америка. Разгул открытой диктатуры капитала, издевающегося над всякими конституционными гарантиями, свирепствует с еще большей силой в Соединенных штатах. Многим ли известно, что здесь до сих пор томятся в тюрьмах люди, осужденные в 1917 году за словесный протест против войны? «Нет больше ничего в нашей конституции,—восклицает престарелый и заслуженный американский профессор права,—что удерживало бы правительство от применения чрезвычайной и исключительной, деспотической власти...» [242].

Но это правительство—только верный исполнитель предначертаний, которые оно получает от денежных мешков. А им подвластно все: они купили парламент,—и он проводит угодные им законы; они купили суды,—и те неспе-

нируют процессы не только над мнимыми преступниками, вроде Сакко и Ванцетти, но над самим Дарвином, осмелившимся некогда оспаривать библейские истины; они покупают вооруженных бомбами штрейкбрехеров, профсоюзных вождей, отряды сыщиков и частных полицейских, попов, палачей, изобретателей электрических стульев. Они так (в эту минуту!) сильны и бесстыдны, что иногда позволяют сказать правду: «Потерявши привычку к свободе, мы, конечно, потеряли и уважение к свободе... Никогда еще свобода мысли не была так опасна, никогда еще свобода речи не была так трудна в Америке, как сейчас»,—меланхолически подтверждал недавно один нью-йоркский журнал.

207. Крушение политической демократии: в) Германия. В современной Германии политическое ханжество буржуазии, пытающейся скрыть звериное лицо, доведено до высших степеней. В свою конституцию она занесла несколько десятков статей, где сусальным золотом расписала «основные права и обязанности немцев». Тут и защита брака, семьи и материнства, и охрана внебрачных детей, и право эмиграции, и гарантии пользования родным языком для национальных меньшинств, и прочие «социальные» лакомства, не говоря уже об обычной фанфаронаде личных политических прав. И что же? Ни для кого не тайна, что эти 50 слишком статей остаются невинными пожеланиями, никого ни к чему не обязывающими. И виною здесь вовсе не международное положение побежденной и ослабленной Германии, мешающее ей, якобы, осуществить целую половину своей конституции, и притом как раз самую прекраснодушную. Дело в том, что германская буржуазия и под овечьей шкурой II Интернационала остается тем же алчным волком, кровожадным и жестоким зверем. Если германский капитализм достиг своей относительной стабилизации, если промышленники и банкиры временно откупились от ростовщичьего нажима победителей-кредиторов, то все это совершилось ценой исключительной по размерам безработицы, обнищания и вымирания рабочего класса, удлинения рабочего дня и сокращения заработной платы. А в то же самое время правительство выплачивает многочисленным бывшим германским монархам колоссальные денежные суммы, сохраняет за ними право собственности на земли и дворцы, содержит под

тем или иным благовидным или неблаговидным предлогом праздные банды бывших офицеров и дворянчиков. В полном соответствии с этим мы видим жестокие репрессии, обрушиваемые на пролетариат за малейшую попытку практического протеста против такого положения вещей, видим тюрьмы, переполненные голодными рабочими, выброшенными из производства, в то время как титулованные убийцы, вроде графа Арко, гуляют на свободе. Окровавленные трупы Либкнехта, Люксембург и Эйснера, тень Макса Гельца за тюремной решеткой свидетельствуют, что есть какая-то зловещая гармония, своеобразная созвучность между благочестивой речью конституции с ее заботой о подрастающем поколении, о матерях, о трудящемся классе всего, наконец, человечества (ст. 162) и каннибальским языком действительности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ.

208. Слияние власти с массами в Советской республике. Буржуазные государственные формы властвования представляют, как видим, испытанное орудие народного обмана. Помощью их паразитические классы держат в узде глаза и руки трудящихся. Если бы в советском государстве хотела властвовать, как утверждают классовые враги пролетариата, кучка насильников наперекор трудящимся массам, то лучшей формы такого властвования, такой олигархии, как парламентаризм, незачем было бы и искать. Но имешно потому, что здесь народ в своем подавляющем, рабочем большинстве действительно сам себе господин и хозяин—суверен,—он выбирает такую форму устройства своих государственных дел, которая совершенно исключает возможность узурпации—захвата власти—немногими, хотя бы эти немногие были во всех отношениях друзья народа. При этом неошибающееся чутье масс быстро находит тот путь, который намечается всем предыдущим развитием производственных отношений. Задача—определенная и ближайшая: победить сопротивление имущих классов, социалистически организовать хозяйство и слить с народом власть, которая была у него вырвана и поставлена над ним.

209. Советская республика—общее дело. Так что, если пролетарское государство именуется республикой, то это здесь уже не пустое, ничего не значащее слово. Ему возвращается его первоначальное содержание, забытое и искаженное: республика—значит общее дело. Общепролетарским делом является государственное управление в СССР. Не надо понимать, что путь такого приближения государственного аппарата к массам лежит через крайнее упрощение этого аппарата. Нужно свести его к простой счетно-учетной организации. Это превращение вполне подго-

товил капитализм, и если государственная машина буржуазии все-таки громоздка, сложна, скрипуча, то это потому, что властвующее меньшинство засоряет ее: ведь нужно угнетать и подавлять огромное трудящееся большинство! Когда же машина попадет в руки последнего, управление упрощается шаг за шагом в зависимости от ослабления натиска бывших эксплоататоров и плановой организации производства и становится постепенно общим делом. А в такое общее дело государство может быть превращено только через советы.

210. Советы как государственные органы. Советы—это государственная форма пролетарской диктатуры. Они зародились и развились в РСФСР на почве специфических—особенных—русских условий.

Уже революция 1905 года опиралась на советы. Загнанная в подполье и придавленная реакцией, идея советовластия продолжала, однако, так прочно жить в рабочей среде, что первым же шагом февральской революции было воссоздание Петербургского совета рабочих (и солдатских) депутатов. 27 февраля 1917 года, когда Государственная дума еще принимала (или, вернее, уже принимала) меры к спасению «родины и династии» (что такое родина без династии?), резко тем самым отмежевываясь от революции, Петроградский совет уже был созван и уже действовал, как правомочный держатель революционной государственной власти. Дальнейшая—до октября—история отношений Совета и Временного комитета Государственной думы, а потом—Совета и Временного правительства представляет собой картину явной узурпации власти Временным правительством,—власти, которую революция вручила Совету и никому другому и от которой он боязливо отходил все дальше и дальше. Таким образом, октябрьский переворот, упразднивший Временное правительство, которое свои суверенные права «преемственно» вело от Николая Романова через Михаила Романова, является скорее поворотом к законному прошлому, к источнику революционной власти, реставрацией народовластия. «Легальные» захватчики были свергнуты, советы—законный хозяин—восстановлены в своих правах[243].

Но в наши дни все говорит уже за то, что этому изобретению предстоит выйти за национальные границы и распространиться по всему революционному миру. Где пролетариат восстает и строит свое государство, там это государство принимает непременно советские формы[244]. Это значит, что советы—не просто средство политической и экономической организации рабочего класса, заступившее место

профессиональных, например, союзов (федераций труда), которые бессильны бороться с современными капиталистическими объединениями. Нет. Это значит, что советы, собирая и строя в боевой порядок силы рабочего класса, пока он еще не у власти, должны после победы над капиталистами везде превращаться в государственные организации,—организации законодательствующие и управляющие.

211. Тем не менее, **они остаются вполне классовыми рабочими организациями,** такими же, как и профессиональные союзы. Разница между советами и профессиональными союзами не в том, что советы объединяют и рабочих и крестьян, а профессиональные союзы—только рабочих: как выяснено выше § 140 и сл., у нас существует диктатура р а б о ч е г о класса. Эта диктатура осуществляется через советы, втягивающие в дело и приобщающие к строительству коммунистического общества все более широкие слои бедняцко-середняцкого крестьянства. Советы являются поэтому, прежде всего и главным образом, рабочими центрами. Разница и не в том, что советы—организация политическая, а профессиональные союзы—экономическая. Такого противоречия не может быть, так как политика всегда есть выражение экономики, Советское же государство, цель которого—по-социалистически построить хозяйство, служит по преимуществу экономической силой. Разница между советами и профессиональными союзами, вообще между советами и иными рабочими образованиями, только в том, что советы—более широкая, всеобъемлющая форма рабочей организации [245]. И как таковая, она свои силы и соки черпает из других рабочих клеточек, ей органически подчиненных, более специального назначения и с менее широкими задачами.

212. **Их разносторонность.** Будучи непосредственным созданием рабочего класса, не выдумкой, не нарочитым осуществлением «идеи», а насущной потребностью, они обнаруживают удивительную способность и организовывать военные победы, и руководить хозяйственной деятельностью, и разрушать беспощадно пережитки старого, и творить новое, и регулировать массовые движения, и направлять работу отдельных работников. То, что именно эти р а б о ч и е организации берут г о с у д а р с т в е н н у ю власть в пролетарском государстве, служит лучшим ручательством

за то, что власть эта никогда не оторвется от масс: напротив, все теснее будет сближаться с ними, пока не растворится в массах совсем.

213. **Паразитический характер органов управления.** Что это действительно совершится и совершится безболезненно и притом именно через советскую систему и с ее помощью,—об этом уже сейчас говорят некоторые наблюдения. Всякий аппарат государственного управления во всяком собственническом государстве имеет по необходимости паразитический характер: ни министерства, ни суды, ни армия, ни органы местного управления не производят новых ценностей, а живут за счет прибавочного продукта, создаваемого трудовым людом. Паразитическая сущность учреждений буржуазного государства усугубляется еще их основным назначением: угнетать, давить и гнуть рабочие массы. Паразит, не просто питающийся живыми соками хозяина, а разбухший до размеров самодовлеющей величины, при которой хозяин уже играет несамостоятельную, служебную роль. Паразит командующий и начальствующий—вот современное капиталистическое государство.

214. И советские органы в первое время, пока была в разгаре гражданская война, принуждены были становиться над производством. Но уже очень скоро эти органы превратились из непроизводительных в производственные. Этого нельзя, конечно, сказать про органы военные или чисто административные, но это все-таки справедливо относительно большинства наших государственных учреждений. Таков высший совет народного хозяйства, таковы народные комиссариаты: путей сообщения, труда, внешней торговли, земледелия,—все они обслуживают, главным образом, производство и распределение. Даже такой по существу непроизводящий организм, как армия, и тот на почве трудовой и массовой Советской республики перерождается в производственный аппарат: наша Красная армия при первой же возможности стремится из боевой разрушительной силы превратиться в рабочую и созидательную, оставаясь тем не менее армией. Что же касается непосредственно советов, их пленумов, их отделов, их исполнительных комитетов, то уже в начале 1920 года не один вдумчивый советский работник отмечал растущую

перемену в их характере: «Исполкомы в начальный период становления советской власти были преимущественно органами политическими и административными...», но в настоящее время «хозяйственная работа занимает все более важное место в работе исполкомов»[246]. Это может означать только то, что советы уже давно стремятся отделаться от функций начальнических, командующих и, оставаясь органами государственного управления, «свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров»[247]. Но ведь это и есть переход от управления людьми к управлению вещами! Переход, рассчитанный у Энгельса на неопределенно долгое время. Если же переход этот намечается,—конечно, в самых общих и обрывистых очертаниях,—уже сейчас, в современных трудных условиях, то не значит ли это, что ближайший путь к социалистическому обществу лежит вообще через советские государственные формы?

215. Советы—классовое представительство. Кто хотел бы охарактеризовать советы в одной фразе, тот мог бы сказать так: это представительные учреждения, лишенные всех недостатков и пороков представительных учреждений. «Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии»[248]. Такое необходимое представительство и дают советы. Но они дают его в совсем иной обстановке и совсем иными способами, чем буржуазные парламенты. В самом деле, капиталистическое государство хотело перенять, вернее, делало вид, что хочет перенять—общенародную волю, т. е. то, чего не существует. Эта затея была заранее обречена на крах. Советы ставят себе более скромную задачу: они имеют в виду не народ—туманную, неопределенную и разношерстную массу, а господствующий класс: пролетариат и трудовое крестьянство,—и только. А здесь есть общая единая воля, потому что есть единый общий интерес.

216. Советы и классовый интерес. Буржуазный парламент не предвидел, что он не сможет передать волю класса. Поэтому ему и пришлось стать самостоятельным учреждением со своей собственной и особенной жизнью. «Здесь отыскивают народную волю». Депутаты систематп-

чески и преднамеренно отрывались от избирателей. Они превращались из слуг общества в его господ и повелителей. Воля нации была подменена волей парламента, а под волей парламента разумелась воля тех, кто правдами и неправдами сумел выдать себя за большинство. Роль народа, нации свелась к тому, чтобы один раз в три года или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте [249]. Даже та свобода, о которой с иронией говорил Руссо (§ 172), превратилась в свободу осужденного самому выбрать себе род смерти. Советы же прежде всего и главным образом о том заботятся, чтобы отразить и осуществить интерес класса, его хозяйственные нужды и потребности.

217. Советы и связь с массами. А для того, чтобы единый общий интерес действительно передавался депутатам и был ими представлен, нужно тесно связать депутатов с избирательскими массами. Конституция РСФСР, как и конституции других союзных республик, как и Конституция Союза, не воспрещает обязать избранника повелительным мандатом: от сих до сих, что сверх, то от лукавого; и благодаря этому во власти изобретателя сделать депутата действительно лишь приказчиком, подотчетным слугою своим. Конституция РСФСР, как и некоторых других советских республик, особо подчеркивает право избирателей во всякое время отозвать депутата,—право, совершенно чуждое буржуазным конституциям *) [250], и этим она ставит члена совета в такую зависимость от масс, что уже по одному этому можно было бы говорить о наличии у нас непосредственного строя. «Парламентский режим живет дискуссией» [251]. Речи, прения, пересуды, сплетни—бесплодная болтовня—вот область его. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией» [252]. Советы уже осуществили полностью этот завет Маркса. Быть членом совета не значит у нас оторваться от своей будничной работы, вдруг чудесным образом выскочить из натертой лямки и стать барином. Продолжать делать свое

*) Оно существует в некоторых штатах американской республики, где пользование им, впрочем, затруднено разными формальностями. Отозвание знают некоторые кантоны Швейцарии. Но здесь оно может быть применено ко всему кантональному парламенту в целом, а не к отдельному депутату.

повседневное дело, общаться с массами деловым общением, постоянно сознавать интерес своей производственной организации, представлять его в совете и проводить в жизнь, на себе самом испытывая плоды своей законодательной работы—таковы задачи советского народного представителя. А упразднение индивидуального избирателя, замена поголовного опроса выборами по производственным единицам дали нам совершеннейший вид представительства, о котором робко мечтают современные передовые умы буржуазной науки и которое осуществить в рамках капиталистического государства нет и отдаленной возможности. (См. об этом главу XII.)

218. Разделение властей в буржуазной теории. Таким образом советская система, отсекая засохшие ветви парламентаризма, восстанавливает народное представительство в его наиболее разумных и жизненных чертах. Борьба между законодательной и исполнительной властями, которая идет в буржуазных государствах, есть лишь признак и симптом главного греха представительства правления: оторванности власти от масс. Со всех сторон кричат, что система управления не годится. Народы недовольны правителями, правители народами, законодательная власть во всем обвиняет исполнительную, исполнительная горько сетует на законодательную; короли и президенты имеют свои веские причины ненавидеть и ту и другую и пытаются запугивать с народом, в то время как парламенты и кабинеты, в вечной распре друг с другом, мгновеньями объединяются только из страха перед общими врагами: народом или королем. В восемнадцатом веке было провозглашено, что соединение властей в руках одного лица или одного учреждения грозит гибелью обществу [253]. Чтобы общество (т. е. буржуазия) не погибло, нужно разделить, обособить друг от друга—власть издавать законы, власть приводить их в исполнение, власть судить. Эти разделенные власти должны взаимно сдерживать одна другую [254]. Достигается это тем, что законодательная власть вручается представительному собранию, исполнительная—президенту, которого избирает народ, и министрам, которых назначает президент, а судебная—особым чиновникам, судьям, которые, будучи раз выбраны или назначены, могут быть

смещены либо по судебному приговору за уголовное преступление, либо по требованию законодательного учреждения.

Требование разделения властей исходило из экономических нужд буржуазии: следовало освободить личность от гнета феодального государства, а для этого нужно было упорядочить деятельность и отношения властей монархического феодального строя [255].

Впрочем, надо всегда иметь в виду, что основное значение теории Монтескье—в ее компромиссности. Забота просвещенного аристократа, каким был барон де-ла-Брэд, сводилась к тому, чтобы обеспечить феодальной знати долю власти в новом буржуазном строе, водворение которого он считает неизбежным. Для этого нужно было уравновесить власти, а это можно было сделать только под видом разделения их.

219. Разделение властей в буржуазной практике. Но на практике буржуазия не смогла, конечно, предупредить поглощение одной власти другой. Да она особенно и не стремилась к этому: ведь принципы, как простодушно выразился поп Сийэс, существуют для школы, государство же имеет дело с интересами. Борьба разделенных властей разгорелась с особенной силой, являясь выражением борьбы классовой, борьбы граждан, неравных экономически и политически. Там, где нет единого народного целого и где самое государство есть признак отсутствия общего интереса, порождение классовой борьбы с ее победами и поражениями, не может быть и устойчивого сотрудничества государственных властей. Впрочем, во Франции буржуазия и не пыталась провести теорию в чистом виде: по конституции исполнительная власть—президент, избираемый палатами и назначающий министров *),—подчинена законодательной. Главная потребность французской буржуазии—поставить превыше всего волю «третьего сословия», т. е. парламент,—была на время удовлетворена. В Северо-американских соединенных штатах попытались теорию целиком втиснуть в жизнь: получилось великое засилие президента, избираемого народом, и министров, пред ним ответственных, при жалкой роли палаты представителей.

*) По обычаю (а не по закону!)—из парламентского большинства.

220. **Советская система построена на полном отрицании такого разделения властей.** Политический строй Советской республики революция создавала таким образом, что в основу всей государственной организации легли исключительно городские и сельские советы, органы «всей власти на местах». Городские же и сельские советы призваны были быть работающими учреждениями, одновременно и создающими законы и прилагающими их к жизни. Эти советы объединяют рабочее население городов и деревенскую трудовую массу. Отражая, следовательно, общий классовый интерес, они не заботились, конечно, ни о каком противопоставлении разных властей друг другу для сдержки и ограничения, ни о каком их уравновешивании и это совершенное единство власти они передали и центральным органам, стройно и последовательно вырастающим из низов. Наши конституции совсем не отличают законодательных органов от исполнительных, они сообщают лишь разным органам разный объем законодательной и исполнительной власти. Термин «законодательная власть» вовсе отсутствует, когда речь идет о Всероссийском съезде советов, а между тем, нет сомнений, что он имеет эту власть. В то же время Всероссийский центральный исполнительный комитет советов наделяется по букве Конституции законодательной властью, но наряду с этим «распорядительной и контролирующей» (ст. 24). Он вообще «объединяет работу по законодательству и управлению» одновременно (ст. 28). Совет народных комиссаров имеет «общее управление республикой», но в праве и издавать декреты, т. е. законодательствовать (ст. ст. 33 и 34). Самое название «исполнительная власть» в Конституции РСФСР отсутствует. Термин же «исполнительный комитет» нас не должен обманывать: исполнительные комитеты советов имеют точно ту же область деятельности, что и советы, они лишь перед советами ответственны и в своих действиях перед ними отчитываются.

221. **Советское разделение властей: а) Съезд и ВЦИК.** Разделения или обособления властей в буржуазном смысле у нас нет и не может быть. Но есть чисто техническое распределение обязанностей и кругов деятельности, преследующее практические цели и проведенное очень последовательно и очень стройно. На вершине власти в

РСФСР стоит Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, составляющийся из делегатов городских советов, окружных съездов советов, республиканских и областных съездов советов (ст. 20). Он увенчивает собой эту вершину, но мы увидим ниже, что «верховность» его власти надо понимать совсем не так, как понимают верховную власть в буржуазном государстве. Среди всех учреждений республики ему одному принадлежит право установлять основы государственного строя, т. е. учреждать конституцию (ст. 16а). Он, значит, обладает преимущественно учредительной властью, той властью, которой буржуазия наделяет свои учредительные собрания—органы чрезвычайные, стоящие вне общей государственной системы. Уже по этому признаку можно судить, что он действительно верховная власть. Но тут же бросается в глаза любопытная особенность: учредительные собрания буржуазии не ведут—по правилу—очередной законодательной работы, предоставляя ее палатам, тогда как Съезд законодательствует по целому ряду вопросов, имеющих крупное общегосударственное значение (ст. 17). В этом отношении рядом с ним стоит Всероссийский центральный исполнительный комитет советов (а не съезда!). Избираемый съездом и обязанный ему отчетом, он в промежутках между съездами несет всю текущую законодательную работу. Очевидно, что и по букве Конституции и по фактически создающемуся положению его преимущественная область—законодательство. Однако он заимствует у Съезда и часть его учредительной власти: изменяет и дополняет Конституцию (ст. 16а; § 29). Но все это не мешает ему быть и распорядительным органом, принимать руководящее участие в управлении и наблюдать за осуществлением законов и постановлений, т. е. выполнять все то, что буржуазное государство вверяет кабинету министров, как отмежеванную специальную и единственную область.

222. б) **ВЦИК и СНК.** Между тем, Совет народных комиссаров—вот учреждение, по виду приближающееся к кабинету министров: его преимущественная деятельность—правительственная, вполне правильно названная в Конституции «общим управлением республи-

кой» (ст. 33)*). Но наряду с этим он, назначаемый и смещаемый ВЦИК (ст. ст. 30 и 35), заимствует от него часть его законодательных полномочий: «издает декреты» (ст. 34). Последнее достаточно резко отличает его по существу от исполнительной власти буржуазного государства. Там кабинет министров развивает, конечно, интенсивнейшую законодательную деятельность, но не конституция уполномачивает его законодательствовать: либо это делает парламент, скрепя сердце вынужденный расписаться в собственном бессилии и неспособности, либо кабинет попросту узурпирует права законодательного собрания, ставя его тем или иным путем перед совершившимся фактом. Совнарком, будучи настоящей конституционной законодательной властью, в целом отвечает не только перед ВЦИК и его Президиумом, но и перед Съездом непосредственно (ст. 35), чего никак нельзя сказать про отдельных народных комиссаров и коллегии при них (ст. 42)[256].

Для того, чтобы ВЦИК мог на деле, фактически, осуществлять всю ту деятельность, которая закрепляется за ним Конституцией,—деятельность законодательную, контрольную, распорядительную,—ему нужны подсобные органы. СНК, как мы видим, и служит таким органом, вспомогательным и производным от ВЦИК. В области распорядительных и исполнительных функций своих, функций широкого управления, ВЦИК ближайшим образом опирается на СНК как на свой передаточный в этой области механизм. От такого разделения труда ВЦИК, конечно, не теряет своего активного, действенного, рабочего характера: члены его, каждый порознь и все вместе, суть непременно и исполнители законов, центральные и местные практические работники. Но и в СНК, необходимо специализирующемся на управлении, законодательные функции не атрофируются, не омертвевают именно потому, что нет разделения власти между ним и ВЦИК, а есть техническое распределение кругов деятельности с преобладанием для СНК административной работы над законодательной. Вполне естественно, что в целях успешного проведения своих законодательных и административных задач СНК обзавелся вспомогательными

*) В прежнем (до 1925 г.) тексте Конституции говорилось об «управлении делами республики».

учреждениями: Малым СНК—для подготовки и детальной разработки вопросов общего законодательства и управления и Экономическим совещанием—для предварительного рассмотрения экономических и хозяйственных мер.

223. в) **ВЦИК и его Президиум.** С другой стороны, таким же производным и подотчетным по отношению к ВЦИК органом является Президиум его. Как и СНК, Президиум ВЦИК избирается последним (это избрание происходит даже одновременно; ст. 1 постановления IX Съезда о советском строительстве). Как и СНК, он подотчетен ВЦИК (ст. 1 постановления VIII Съезда о сов. строительстве; срв. ст. 28). Те права, которые он имеет по отношению к СНК, из коих важнейшее—право отмены постановлений СНК, осуществляются им, как и все вообще его права, от имени ВЦИК (ст. 1 постановления VIII Съезда) и по его уполномочию. Таким образом, Президиум ВЦИК есть такой же подсобный орган ВЦИК, как и СНК. Его существование и деятельность суть не что иное, как дальнейшее последовательное развитие принципа разделения сфер деятельности, но не властей: именно, в то время как СНК, орган ВЦИК, специализируется в области административных функций ВЦИК,—Президиум ВЦИК, такой же вспомогательный орган этого последнего, сосредоточивает работу в области законодательства и контроля. При этом ни СНК не отказывается от прав законодательных, ни Президиум ВЦИК—от функций чисто административных, как это подчеркивают ст. 7 постановления VII Съезда и ст. 1 постановления VIII Съезда («...разрешает другие вопросы в порядке управления»; «... издавать в порядке управления другие постановления»). И как раньше ВЦИК, сообщая СНК ряд административных полномочий, не поступился ничем своим характером практически работающего учреждения, так и позже, с расширением законодательной сферы своего Президиума, он остался тем же, чем был: высшим, после Съезда, законодательным органом государства. Это явствует уже из того, что как раз после VII и VIII Съездов, формулировавших широкие законодательные правомочия Президиума ВЦИК, IX Съезд предписал ВЦИК собираться: 1) на сессионные заседания, 2) не реже трех раз в год и 3) на более продолжительные сроки.

224. **Бесплодность сравнений.** Нет ничего более забавного, как попытки некоторых исследователей прикинуть советские государственные учреждения на буржуазную мерку и определить, «на что они похожи». Тогда сыплются сравнения ВЦИК с парламентом, СНК—с кабинетом министров, Президиума ВЦИК—с междупарламентским комитетом, СНК и Президиума ВЦИК—с директорией. Иногда хотят таким манером «облагородить» наши учреждения, иногда—просто старый привычный ярлык нацепить, иногда—подчеркнуть, что вот, дескать, не миновать «парламентаризации» советов в центре и «муниципализации» их на местах. Тщетный труд! Нисколько не идеализируя и не переоценивая наши органы верховного управления, надо, тем не менее, признать, что они ни на одно из бывших или сущих буржуазных учреждений не похожи. Их следует брать и изучать, как они есть, и в свойствах пролетариата—господствующего класса—и в особенностях пролетарского государства искать разгадки их оригинальности.

225. **Законы и их сила.** При таком построении, когда все четыре органа законодательствуют, три из них наделены распорядительной властью и два—учредительной, хотя и неравного объема, возможен, казалось бы, параллелизм в работе. В высшей степени трудно избежать параллелизма, в особенности при таком темпе деятельности, который приходится развивать нашим верховным органам. Во всяком случае Конституция, определенно устанавливая право Совета народных комиссаров законодательствовать, чем она только идет навстречу требованиям практики и целесообразности, тем самым устраняет одну из главных причин трений, существующих в буржуазном государстве между законодательной и исполнительной властями. Как показывает опыт старых конституционных стран, министры, не имея официального узаконенного права законодательствовать, тем не менее усиленно соперничают в этом деле с парламентами. Создается какой-то второй сорт законов, какое-то нелегальное, контрабандное законодательство, с которым парламенты бессильны бороться. Во Франции, например, президент и министры под видом административных постановлений издают законы, которые если не совершенно уничтожают, то сводят почти к нулю действие «настоящих» парламентских законов [257]. В Италии еще до фашистского переворота министры так широко пользовались своим правом издавать ордонансы, что лишали «всякой силы статьи какого-нибудь закона» [258]. То же в полной мере относится и к Англии и к ряду других государств.

У нас же опасность параллелизма и противоречий парализуется определенной и строгой ответственностью, чтобы не сказать подчиненностью, ВЦИК перед Съездом, Президиум ВЦИК—перед ВЦИК, а СНК—перед Съездом, ВЦИК и его Президиумом. Всякое постановление или решение СНК может быть отменено или приостановлено ВЦИК (ст. 36) или его Президиумом. А ВЦИК, обретая полноту власти лишь в отсутствие Съезда, полностью теряет и учредительные и законодательные свои права во время работы Съезда (ст. 3) и перед ним ответствен (ст. 31). Это значит, что все декреты, постановления и инструкции ВЦИК, все его законодательные и административные акты действительны лишь постольку, поскольку они не опротестованы Съездом в общей резолюции или в отдельности. В таком же отношении к Съезду находится и СНК.

226. Центр и места у буржуазии. Следовательно, все дороги в конечном счете ведут к Съезду, в котором сливаются одинаково и нераздельно все полномочия—и учредительные, и законодательные, и административные. Но—и это самое важное в нашей системе—самый Съезд всю полноту своей власти почерпает не так, как почерпает ее учредительное собрание буржуазии. Там народ как бы отрекается от всех своих прав в пользу суверенного народного представительства. Знаменитое чудовище Жана Бодэна *)—неограниченный, неделимый, непогрешимый суверенитет—целиком переносится на это учреждение. А уже оно милостиво сообщает частицы своего волшебного могущества тем или иным органам и установлениям, так что все они властвуют не по собственной силе и воле, а по соизволению этого нового бога.

Наиболее явственно сказывается это на противоположении так называемого центрального управления и местного самоуправления (см. § 328 и сл.). Право отдельных местностей, отдельных территориальных единиц самим решать некоторые вопросы, касающиеся их, и только их, считается в Западной Европе даром, который эти местности получили от верховной власти и который власть эта может, следовательно, по произволу расширять, сужывать или вовсе отнять [259]. Так давно уже поставили вопрос во Франции

*) Писатель XVI века, идеолог французских королей.

и Пруссии, так стремятся представить дело и в Англии, где местное самоуправление получило наибольшее развитие и где оно очень старо. Там буржуазные государствоведы усиленно стремятся внушить местным выборным учреждениям, что они напрасно считают себя «сотрудниками, а не подчиненными государства», что они никаких таких собственных первоначальных прав не имеют, а являются лишь созданием законодателя [260].

227. Буржуазная боязнь городского самоуправления. Зачем понадобились, спрашивается, господствующему классу, как феодальной партии раньше, так и буржуазии позже, все эти мудреные фикции—вымыслы? Разумеется, затем, чтобы вырвать власть у народа и поместить ее там, где господствующий класс сможет распоряжаться по своему усмотрению: в руках короля или парламента. Отсюда буржуазная боязнь городского самоуправления, которая во Франции, например, прямо бросается в глаза наблюдателю: «страхи перед буйным характером и коммунистическими тенденциями парижской демократии лишили столицу даже той доли свободы, какой пользуются другие города» [261]. Отсюда спор—правда, мирный—между центральной и местной властями в Англии, где местные органы, в подтверждение и защиту своих прав ссылаются на седую древность своего существования, начало которого—в тех временах, когда и единой-то верховной власти не было; а им отвечают, что давнее фактическое положение ничего не значит: юридически их право все-таки производное, а не самостоятельное. Таким образом воскрешается старый шиллеровский «вопрос о праве»: «долгое время пользуюсь я моим носом для обоняния, но значит ли это, что я имею право на мой нос»?

228. **Характер верховной власти в Советской республике.** В Советской республике как-то само собой выходит, что вещи, поставленные буржуазными ухищрениями на голову, вновь ставятся на ноги. Всероссийский съезд советов, как и ВЦИК, как и СНК, получает свою власть, конечно, от трудящихся масс. Но получают-то они ее не от распыленного, неопределенного, туманного «народа», не от «самостоятельных индивидов, которые пребывают господами (сомнительными господами!), пока выбирают, и превращаются в жалких пешек, рабов, когда выбрали, а от пролетариата, сплоченного класса, который организовался уже до выборов и продолжает быть организованным после выборов в советах. Это имеет громадное принципиальное и фактическое значение. Так как периодически созываемый Съезд соста-

вляется из делегатов постоянно существующих советов, то можно сказать с полным правом, что настоящими органами верховной власти являются действительно местные советы, т. е. организованный пролетариат. Делегаты Съезда из советов выходят, депутатами советов остаются все время краткой сессии Съезда и в советы возвращаются по окончании сессии. Самый Съезд—не что иное, как экстракт—вытяжка, выжимка—советов и представляет собой сжатую, сосредоточенную энергию все тех же советов. Это они сообщают свои права и свою власть Съезду, а не он им. Этим достигается наиболее правильная архитектура власти: не сверху вниз, а снизу вверх. Но тем самым дается и в высшей степени ценное внутреннее содержание власти: по существу тут и получается то непосредственное правление, народоправство, где народ ни на минуту никому не переуступает своей власти, а фактически осуществляет ее непрерывно, которое буржуазия объявляет недостижимым.

229. **Выводы.** Мы можем после всего сказанного оценить по достоинству ту бессмертную характеристику советской системы, которую сделал в свое время Ленин. Он сказал: «Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении это сила несравненно более могучая, чем прежняя; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа, настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь, таким образом, аппаратом, посредством которого

авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собою всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение» [262].

230. Но как бы стройно и пропорционально по внешности ни было построено советское здание, оно не выдержало бы многолетних тягчайших испытаний, если бы не цементировалось изнутри единой и единственной пролетарской партией. И опять-таки то, что на буржуазном Западе считается язвой современности, в оздоровляющей атмосфере нашей республики превращается в источник сил и свежести. Нами управляют партии!—в ужасе говорит буржуазный мыслитель.—Причина несовершенств, настроений, бессилия парламентов, неумелостей министров, бедствий народных—партийное правление!—Нами управляет партия,—говорим мы в спокойной уверенности.—Сила советского пролетариата, окруженного врагами,—в его партии. В партии, которая сражаясь, правя и работая, учит его сражаться, править и работать. В партии, являющей собой стержень, становой хребет советской системы, или, вернее, ее сердце, главный орган кровообращения.

В партии, о которой молчит наша Конституция, как отметил Ленин [263].

231. Недостатки технического государственного аппарата: а) Дороговизна. В наше время бурный темп социалистического строительства делает особенно явственными и нетерпимыми ряд недостатков нашего аппарата управления.

На первом месте среди болезней государственной машины нужно поставить ее дороговизну. Те средства, которые затрачиваются государством на содержание своих органов, очевидно, не окупаются полезным действием этих органов,—последние превращаются в нахлебников, захребетников государства, разлагаются сами и развращают всех, приходящих с ними в соприкосновение. Дороговизна эта обуславливается не только затратами непосредственно на содержание, советского чиновничества, но и расходами на покрытие прямых хищений, казнокрадства.

Эти расходы несет государство как таковое. Но и население платит непосредственно паразиту-чиновнику в виде взяток и незаконных поборов всякого рода. Таким образом оно пла-

тит вдвойне: государству—налог открытый и законный, чиновнику—налог тайный и нелегальный.

232. б) Вялость и медленность. Механизм управления плох, прежде всего потому, что дорог. Но он плох еще и тем, что не удовлетворяет элементарных нужд населения в быстром и толковом разрешении повседневных вопросов администрирования и хозяйствования. Машина работает слишком в я л о и м е д л е н н о, как раз в таким местах, где темп лихорадочно развертывающейся жизни требует исключительной скорости и налаженности всех винтов и рычагов. Эта болезненная, сонливая замедленность, доходящая иногда до открытой спячки, до полной остановки то тут, то там, когда нужен судорожный толчок, чтобы сдвинуть с мертвой точки то одно, то другое скрипучее колесо,—порою сменяется кипящей, как будто, деятельностью, бешеной возней, которая, тем не менее, дает ничтожный эффект и оказывается при ближайшем рассмотрении р а б о т о й н а х о л о с т о м х о д у, бегом на месте.

233. в) Бюрократичность. Взятый в целом, наш технический государственный аппарат громоздок и неуклюж. Бюрократичность, канцелярская мертвечина, господство всесильной бумажки, которая владеет чиновником, как фетиш, и на которую он смотрит не как на средство, и притом довольно плохое средство—управления, а как на самод влеющее, «чистое» искусство, делают то, что к живому, свежему человеку, к голосу живой жизни чиновник относится словно к забавному курьезу. Он лишается обычной восприимчивости и даже простой способности делового понимания. Отсюда особенная чиновничья с у х о с т ь и р е з к о с т ь в обращении, пустая важность, поверхностность, томительная волокита и отпугивающий формализм.

234. **Чем может помочь партия?** Между тем, все эти пороки технического аппарата рисуются с сугубой выпуклостью на фоне массового пролетарского государства, юной и полной соков и сил советской системы. Именно вследствие разительного контраста с советами, как таковыми, становится нестерпимо ясен хаос облепивших их учреждений, со всем их сором и мусором, накопленным за время нэпа. И вот та партия, что в качестве стержня советской организации не дала этой организации погнуться и рассыпаться под ударами классовых ненавистников, которая оплодотворяла массы в советах и одухотворяла самые советы, должна вплотную подойти и к техническому государственному аппарату. Повидимому, только она может вовремя заметить и вырвать с корнем неисправимого чиновника-спеца, одернуть «зазнавшегося комиссара», образумить охмелевшего от «нэпа» хозяйственника, напомнить им каждую минуту, что они—только слуги, а господин—рабоче-крестьянское общество, и чем больше они будут только слугами общества, не пытаясь стать его господами, тем значительнее и выше подымется их дело социального служения, тем роднее трудящимся их государство, тем легче служба служащему и ценнее нравственное удовлетворение, им получаемое. Только она в состоянии справиться с задачей очистки аппарата, максимального упро-

щения его и перестройки на основах научной организации труда и управления.

235. Методы и способы работы по овладению аппаратом. Но было бы тщетным разбрасыванием сил пытаться проникнуть его собою сверху донизу, подчинить всю его работу в мелочах и деталях партийному руководству и партийной ответственности. Уже XII Съезд ВКП(б) взглянул на дело по-иному: нужен зонд, обладающий изощренной чувствительностью, проникающий во все закоулки государственного механизма, могущий работать и на большой глубине, и на поверхности, и всегда чутко прощупывающий болезнетворную опухоль и сигнализирующий о ней. Зонд этот есть советский орган, делающий советскую работу. Но он находится непосредственно в руках ЦК ВКП, — и постольку он есть партийное учреждение, непосредственно направляемое и управляемое партией. Подобным органом должен явиться преобразованный Нар. ком. раб.-крест. инспекции, организационно связанный с ЦК ВКП(б), таким образом, что: 1) народный комиссар назначается ЦК партии, по возможности из числа членов президиума ЦКК; 2) члены президиума ЦКК входят в коллегию Наркомата, а часть остальных членов ЦКК направляется на работу в самом Наркомате; 3) вся деятельность РКИ совершается по директивам президиума ЦКК, вырабатываемым им совместно с коллегией НК РКИ и утверждаемым ЦК партии [264].

Верно, что эта мысль Ленина поражает размахом и проникновенностью и находится в полном соответствии с его пониманием нашей партии, как юридической и фактической сущности Советской конституции (см. § 230). Вряд ли существует лучшее средство для партии широко и цепко овладеть государственным аппаратом при разумной, в то же время, экономии сил и средств, без утомительного погрязания в технических деталях управления и сохраняя строгое разделение труда между органами партийными и советскими. И, действительно, последующие годы работы ЦКК—РКИ показали, что партия правильно поставила вопрос и успешно его разрешает: «одобряя работы Рабкрина в области борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата, объединенный пленум ЦК и ЦКК особо отмечает, что этот опыт выявляет огромные возможности партии в области удешевления аппарата, его упрощения, улучшения постановки всей работы и приближения к массам...» [265]. Тем не менее, возможности эти еще недостаточно развернуты, и впереди предстоят годы упорной борьбы за усовершенствование советского аппарата.

И XVI Всесоюзная партийная конференция развернула широкую и стройную программу борьбы с бюрократизмом путем проверки фактического исполнения партийных директив и советских постановлений, улучшения личного состава государственного аппарата и приведения системы управления в соответствие с требованиями социалистического строительства. Нельзя не видеть, что «в связи с усилением классовой борьбы в стране,

бюрократические извращения государственного аппарата в ряде случаев становятся выражением напора на рабочий класс кулачества, городской буржуазии и буржуазной интеллигенции» [265а]. Чистка аппарата есть одно из средств привести этот аппарат в соответствие с громадными успехами индустриализации, с теми законнейшими требованиями, которые предъявляются ему со стороны не только быстро индустриализующегося города, но и от лица бедняцко-середняцкой деревни, сплошными районами переходящей к коллективизации.

Но изъяны советского государственного аппарата потому и подаются радикальному излечению, что все это—не органические, а функциональные, т. е. временные и частичные, расстройства, недуги детские, а не старческие, болезни роста и развития, а не вырождения. Как бы чувствительно ни опередила нас буржуазия в технике законодательства и управления и в деталях построения государственного аппарата,—за нами всегда остается преимущество более высокого типа развития перед степенью развития.

236. Политические права трудящихся и единовластие рабочего класса. Вполне естественно, что в государстве пролетарской диктатуры вопрос о политических правах получает принципиально иную, чем у буржуазии, постановку. Либеральная буржуазия вооружилась этими правами, как гарантиями против произвола и деспотических поползновений того класса, наследницей и преемницей которого она явилась и значительное участие которого в государственном властвовании ей приходилось терпеть. Но только к нашему, советскому, но и к буржуазному государству первой половины XIX века приложимы, с известными оговорками, слова Ленина о машине, которая «вырывается из рук», и о чиновниках, которые «очень часто работают против наших мероприятий» [266]. От пристрастия судьи, от усмотрения администратора, даже от ошибок и увлечений законодателя нужны были гарантии, и содержание этих гарантий подсказано было промышленной буржуазии ее экономическими потребностями и устремлениями. А отсюда уж недалеко было до того, чтобы сообщить политическим идеалам либерализма самодовлеющий характер, что и выразилось в идее «правового государства» с верховным господством закона, которому подчинена сама государственная власть, допускающая только это, но весьма существенное ограничение своего суверенитета. Тем самым утверждался взгляд на государство, как на высшую форму человеческого общения, подлежащую такому усовершенствова-

нию, чтобы в ее рамках и с ее помощью осуществить «царство свободы». Мы знаем, к чему привели эти мечтания. Промышленный капитал уступает место финансовому, который превращает государство в настоящую крепость с перманентным военным положением, крепость, в которой он рассчитывает отбиться от нарастающих атак пролетариата. Но ленинизм, как известно, давно объявил смертельную войну и воздушным замкам либеральных доктринеров и государству-тюрьме фашистов. Пролетариат отказывается перенять для своих целей и то и другое изобретение. «Марксизм... признает необходимость государства, для перехода к социализму, но... не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 годов» [267]. Какова отличительная черта этого государства? Да та, что оно «не есть уже государство в собственном смысле этого слова» [268]. Разрушение буржуазной машины властвования и установление диктатуры пролетариата «означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую»... [269]. Это писалось Лениным до Октябрьского переворота. Но уже несколько месяцев существования Советского государства подтвердили в его глазах, что «пролетарская демократия, одной из форм которой является советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплоатируемых и трудящихся [270]. В таком случае политические права трудящихся вовсе не служат неким противовесом государственной власти, вовсе не являются на свет вопреки ей и в борьбе с ней в виде священнейших «конституционных гарантий», а представляют собой необходимое содержание пролетарской демократии, которое, впрочем, политическими правами далеко не исчерпывается: здесь перед нами огромная и богатая область прав трудовых, земельных, социального обеспечения, тех прав, что обеспечиваются нашими кодек-

сами гражданским и семейным, и многое другое. Будем в то же время помнить, что диктатура «тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть...» [271]. Пролетариат ни с кем не делит власти, его диктатура есть его единовластие, не исключающее, конечно, необходимости и осуществимости его союза с трудящимся других классов [272]. Но это обстоятельство опять-таки подтверждает совершенно особый характер политических прав пролетариата: они, прежде всего, принадлежат только ему и его союзникам.

А этим в первую очередь предопределяется отношение советской конституции к началу всеобщего равенства.

237. Возможно ли равенство между трудящимися и буржуазией. Понятие всеобщего равенства, явившееся, как мы видели, извращенным отражением анархии производства и рыночной борьбы буржуазных предпринимателей, исчезает из пролетарской конституции. В классовом обществе люди, в действительности, не равны и не могут быть равны. Задача социалистического пролетариата—уничтожить частную собственность на орудия производства, организовать социалистическое хозяйство и таким путем притти к бесклассовому обществу, где не только о политическом и экономическом неравенстве не может быть и речи, но где индивидуальные особенности и дарования обретут гармоническое и всестороннее развитие, исключающее возможность обидного неравенства, выделения одних, прозябания в незаметности других. Но эта цель может быть куплена только ценой нарушения принципа всеобщего равенства. Поэтому «наша пролетарская и крестьянская советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь... Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии» [273], и это сохраняет силу не только в области политических отношений: наш уголовный закон, наша судебная политика, наше гражданское право отказываются признать и применить абстрактное бездушное начало равенства индивидов перед законом, помня, что применение равного права к неравным, по сути дела, членам классового общества есть корень величайших жестокостей.

Наш закон так устроен, чтобы именно «смотреть на

лица», и внимательно различать, кто стоит перед ним: темный крестьянин, веками прозябавший в невежестве и предрассудках, или шустрый горожанин, отдающий себе отчет в значении и последствиях своих поступков, пролетарий или предприниматель.

238. **Отношения рабочих и крестьян.** С неменьшим основанием утверждаем мы о неравенстве пролетариата и крестьянства. Это неравенство действительно существует, скрывать его было бы преступлением перед трудовым крестьянством. «Крестьяне—это есть класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями в рабстве, и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал как мелкий хозяин, сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но собственник и владелец предметов питания»[274]. Буржуазии необходимо было провозгласить свободными и равными эти миллионы мелких собственников. Под покровом формального равенства она организовала систематическое разорение средних крестьянских слоев, получая отсюда батраков для своего крупного сельского хозяйства и пролетариев для фабрично-заводского. В советском государстве аграрная революция не для того осереднячила деревню, чтобы отдать ее в жертву жадной буржуазной эксплоатации. Поддержка—бедняку, защита—середняку, решительная борьба с кулачеством—вот дело пролетарской власти в деревне. Помощь, которую рабочий класс оказывает трудовому крестьянству, огромна и очевидна: дешевый кредит, снабжение сельскохозяйственными орудиями, поддержка при переходе к коллективной обработке земли, кооперирование, постановка общего и сельскохозяйственного просвещения,—неисчислимы моменты, когда сплошная многомиллионная масса трудовых землевладельцев чувствует братскую руку класса, взявшего власть не для наживы, не для расхищения народных богатств, а во имя плановой организации хозяйства. Но ведь эту помощь пролетариат в состоянии нести крестьянству именно потому, что он отказался от лицемерного провозглашения всеобщего равенства и открыто сказал то, что есть: распыленные мелкие производители, полутруженики, полусобственники, вы неравны рабочим! Они выше вас своей организованностью, классовым самосознанием, осмысленной ненавистью к буржуазии, великой ролью в про-

изводстве. Поэтому «Голос нескольких крестьян значит столько же, сколько голос одного рабочего. Это несправедливо? Нет, это справедливо для той эпохи, когда надо ниспровергнуть капитал. Я не знаю, откуда вы берете ваши понятия о справедливости. Они—из вчерашней капиталистической эпохи. Товаровладелец, его равенство, его свобода—вот ваши понятия о справедливости. Это мелкобуржуазные остатки мелкобуржуазных предрассудков—вот что такое ваша справедливость, ваше равенство, ваша трудовая демократия» [275].

239. Право государственного строительства как основное политическое право пролетариата и крестьянства. Но особый характер советских политических прав явствует еще из того, что в них пролетариат видит не какие-либо гарантии против злоупотреблений власти или покушений классов, с которым приходится делить власть, как вынуждена была делить буржуазия,—эти политические права суть один из способов реального осуществления господства трудящихся, и только. При таком понимании вопроса свобода выражения мнений, свобода союзов, собраний, совести,—все то, о чем говорят «Общие положения» Конституции РСФСР, совершенно неотделимы от того основного факта, который те же «Общие положения» устанавливают предварительно: «Российская республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян... Вся власть в пределах Российской социалистической федеративной советской республики принадлежит Советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов» (ст. 2). Осуществление власти, непосредственное государственное строительство превращается в условиях диктатуры пролетариата в основное политическое право трудящихся, и все преимущество *советской* демократии Ленин видел в том, что она «выдвигает в авангард трудящиеся массы, делая из них и законодателей, и исполнителей, и военную охрану, создавая аппарат, который может перевоспитать самые массы» [276]. В приближении власти к массам, в привлечении всех трудящихся к управлению, что возможно, конечно, лишь в результате чрезвычайного и постепенного упрощения и рационализации государственного аппарата, Ленин видел непременное условие построения социализма. И это условие обеспечивается советской систе-

мой, способной будить максимум политической энергии масс: «Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страны. Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это гигантски трудная задача. Социализма не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами [277]. И современные данные об участии населения в выборах советов и в работе советов приобретают особенную важность и поучительность (см. § 290).

240. **Уничтожение частной собственности в качестве предпосылки действительной свободы.** Именно фундаментальное политическое право рабоче-крестьянских масс, право центрального и местного самоуправления, право государственного строительства сообщает реальность и значимость ряду политических прав, провозглашенных конституцией. Последняя с полным основанием делает ударение на словах «действительная свобода собраний», «действительная свобода союзов», «действительный доступ к знанию» и т. д. Но в слове «действительный» заключается программа целой революции. Это слово само по себе предполагает не более и не менее как уничтожение буржуазной частной собственности. «Ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая узаконяет частную собственность. Вот в чем суть дела. Рядом со свободой—собственность, так и написано в вашей конституции» [279].

241. **Свобода слова.** Лишь передача в собственность пролетарского государства типографией с их оборудованием и бумажным запасом обеспечивает такое положение вещей, когда могущественные силы печатного слова приводятся на службу народу, когда пресса перестает быть игрушкой богачей или проводником их интересов, а способствует делу социалистического строительства. Речь идет вовсе не о «независимой прессе», потому что это—глупость и к тому же неосуществимая. Вопрос заключается в том, от кого зависит пресса: ее зависимость от денежного мешка и бронированного кулака есть рабство, ее зависимость от пролетариата, организованного в господствующий класс, есть действительная сво-

бода. Капитализм создал, вызвал к жизни и воспитал эту великую силу—печать; социалистический пролетариат в советском государстве дает ей надлежащее назначение.

242. **Свобода собраний.** Не то же ли самое делает он и со всеми теми техническими средствами, которые необходимы для осуществления свободы собраний? Когда наша Конституция особой статьей говорит о свободе собраний, о митингах, шествиях и т. п., она делает это вовсе не из подражания буржуазным демократам, считавшим долгом провозгласить эти права. Она исходит из действительных потребностей пролетариата как класса, который самым характером производства обучен мыслить и действовать коллективно, и, отвергая буржуазный индивидуализм, силен своей массовой сплоченностью, своей организованностью, своим единством во множестве. С затаенным ужасом взирая на скопление рабочих в стенах фабрик и заводов, буржуазия бессильна противодействовать такому объединению масс; с тем большей яростью отыгрывается она на том, что выгоняет их из общественных помещений, которые им нужнее, чем кому бы то ни было, для обмена опытом, для создания общего мировоззрения, для обсуждения своих повседневных нужд, для развлечения, наконец, после отупляющего и непрерывного труда. Кто видел наши массовые партийные и беспартийные собрания, кто наблюдал в крупных городах празднование 1 мая или 7 ноября, тот не может не почувствовать, что только в советском государстве получили *действительную* свободу собраний эти массы, для которых такая свобода—насущная потребность, и которые сумели сделать из нее прекрасное употребление.

243. **Свобода союзов.** Но то же самое относится и к свободе объединений. Замечательнейшая черта наших профессиональных союзов заключается в том, что обычные боевые задачи—организация стачек, создание стачечных фондов, сношения с предпринимателями—отступают в условиях диктатуры пролетариата на второй план: законодательство и суд, находящиеся в руках рабочего класса, являют достаточные гарантии того, что будут защищены его основные интересы и перед капиталистическим предпринимателем, и перед зарвавшимся хозяйственником, и перед советским чиновником, приносящим невзначай в административный восторг. Здесь профсоюзу, по общему правилу,

остаются повседневные детали и частные случаи. Но вот в какой новой области выступает исключительная роль наших профсоюзов, роль, переоценить которую совершенно невозможно: создание школы коммунизма для широких масс. «Если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания вдесятеро более широких масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством, то мы дело коммунистического строительства не доведем до конца»[280]. Именно при диктатуре пролетариата пролетарским классовым объединениям отводится совершенно новое место и новое, неимерной важности, значение: они «стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью»[281], как «резервуар государственной власти, школа хозяйничания, школа коммунизма»[282]. Достаточно полно и вместе с тем кратко характеризованы они в следующих словах: «Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас рабочего класса. Они являются школой коммунизма. Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе рабочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса»[283].

244. Свобода школы и науки. Вполне понятно, что правильное использование тех возможностей, которые предоставляются пролетариату—свободной печати, собраний, союзов, в значительной степени зависит от уровня его культуры. И в этом отношении Конституция РСФСР, в полном соответствии с нашей политической действительностью, отмечает великое завоевание трудящихся масс—открывшее перед ними действительный доступ к знанию (ст. 8). Маркс в своем анализе Парижской коммуны ставил ей в немалую заслугу, что она сняла с науки «оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью», а еще раньше он отмечает то неизбежное в собственническом обществе положение, когда наука и рабочие разлучаются и наука оказывается в рабстве и капиталиста[283а]. Действительно, как бы решительно ни провозглашали буржуазные конституции, вроде германской, свободу наук и преподавания, обещания эти неисполнимы, пока частная собственность накладывает свои цепи «на людей, на книги и на вещи», безраздельно распоряжаясь, сама или в лице

государства, учебными пособиями всех родов, школьными помещениями и специалистами преподавания, начиная с народного учителя и кончая университетскими профессорами. В результате получается, что когда передовая буржуазная демократия вводит всеобщее обязательное обучение, низшая школа превращается в основное орудие умственного и нравственного порабощения масс. Известное в свое время изречение канцлера Бисмарка о том, что под Садовой победил немецкий школьный учитель, может служить прекрасной иллюстрацией этого положения: именно народная школа призвана заложить несокрушимые основы воспитания гражданина в духе шовинизма, национальной исключительности, расовой и религиозной нетерпимости. С одной стороны—всеобщая воинская повинность, с другой—современное, крупное производство заставляют буржуазию распространять грамотность среди крестьян и детей пролетариев: и там и тут приходится иметь дело со сложными и тонкими машинами, доступными лишь хорошо грамотному человеку. Но ничто еще не принуждает буржуазию допустить «простолюдина» в среднюю и высшую школу.

Излишне говорить, какое значение придавал Ленин культурному фронту. Достижение социализма он ставил в непосредственную связь с успехами культурной революции. И он не скрывал величайших трудностей, стоящих на этом пути. «Для нас достаточно теперь культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного, свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»[284].

Но между трудностями культурной революции в в советском государстве и невозможностью такой революции в условиях буржуазной демократии—дистанция, как легко догадаться, огромного размера. Наша сила,—учил нас Ленин,—в том, что мы открыто провозгласили господство трудящихся и эксплоатируемых. Но «наше дело в области школьной сети есть также борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем: что школа вне жизни, вне политики—это ложь и лицемерие»[285]. Раскрыть перед

рабоче-крестьянскими массами все источники и способы знания, поставить «кухаркина сына», веками оттираемого от школы, в открыто привилегированное положение и в столь же привилегированное положение поставить в этой школе научные интересы пролетариата—вот задача, данная Советской конституцией и частично уже осуществленная. Если школа всех ступеней открыта народным низам—такая школа действительно свободна; если наука служит делу раскрепощения масс от ига капитализма и выработки социалистического миросозерцания—такая наука действительно свободна

245. **Свобода совести.** Эта действительная свобода науки и школы непременно предполагает действительную свободу совести. Буржуазные декларации и конституции понимали под свободой совести—свободу вероисповедания: если они отказывались связывать полноту гражданских и политических прав с принадлежностью к определенной господствующей церкви, с исповеданием государственной религии, это считалось весьма либеральным достижением. В действительности же буржуазия, объявляя веротерпимость, т. е. равноправие приверженцев каких бы то ни было религий, развязывала многоразличные религиозные секты, толки и течения, давая тем самым безобидный выход мелкобуржуазному протесту против засилия крупного капитала и укрепляя в конце концов религиозность вообще. А ведь это только и нужно ей, ибо религия во все времена санкционировала высшей санкцией существующий порядок, питала фанатизм народных масс, отвлекала неимущих от борьбы за земное и насущное размышлениями о вечности и упованиями на небесную компенсацию. В соответствии с этим церковь, как только перестает быть гонимой, делается сама усердной служанкой гонителей: в рабовладельческом государстве она—рабовладелец, в крепостническом—крепостник и в капиталистическом—крупный землевладелец и капиталист.

Но социалистическая революция есть массовая и научная революция. Одна из ее целей—«устранить с пути все, что объявляет себя сверхъестественным и сверхчеловеческим..., ибо в претензиях всего, что человечно и естественно, быть сверхъестественным и сверхчеловеческим ле-

жит корень всякой неправды и всякой лжи»[286]. Пролетариат проводит не свободу религии, а свободу от религии, осуществляя тем истинную свободу совести. Наиболее передовая, «почти социалистическая» конституция Германии, упраздняя государственную церковь и не связывая с вероисповеданием гражданского полноправия (ст. 136), впускает попа в армию, в тюрьму и вообще в публичные учреждения, где есть спрос на этот товар (ст. 141), учреждает в университетах богословские факультеты, допускает в школу преподавание религии и отправление церковных обрядов, создает для закона полную возможность покровительствовать религиозным обществам и ставить в фактически трудное положение человека, объявляющего себя вне религии. В это время советские законы воспрещают обозначать в документах религиозную принадлежность их владельцев, изгоняют всякие религиозные обряды из государственных и общественных публично-правовых учреждений, поручают исключительно советской власти ведение актов гражданского состояния, освобождают от религиозного дурмана учебные заведения, воспрещая здесь преподавание вероучений, наконец, лишают церковь прав юридического лица и воспрещают религиозным обществам иметь собственность, чем конечно, способствуют их евангельской чистоте, нисколько о том, впрочем, не заботясь. Действительная свобода совести предполагает свободу антирелигиозной пропаганды. И эту пропаганду советская общественность ведет различными способами, среди них основной— свободная единая трудовая школа. Наука, когда она освобождена от служения частной собственности, несет в себе самой непобедимую антирелигиозную пропаганду.

Мы видим, что политические права, провозглашаемые Советской конституцией и осуществляемые в действительности, не носят характера неуловимых и туманных идеалов. Это не конструкции, надуманные «спасителем человечества», и не побрякушки, изобретенные политическими шарлатанами, чтобы льстить тщеславию мелкого буржуа. Все они, вместо взятые, являют собой неотделимую часть общего целого—диктатуры пролетариата. Они ею обусловлены, из нее необходимо следуют и служат, в свою очередь, одним из орудий ее осуществления.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПОНЯТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА.

246. Предварительные замечания. Теория и система избирательного права всегда и везде непосредственно связаны с тем общественным и государственным строем, который они обслуживают. Поэтому уяснение сущности Советского государства—необходимое условие для правильного понимания вопросов советского избирательного права. Если мы присоединим к этому обзор общих понятий и практики буржуазного голосования, то обнаружится, что коренная противоположность между советским и парламентским укладом немину емо сказывается и в области избирательного права. Заимствованные из буржуазного обихода термины и характеристики могут применяться в нашем случае лишь с большой осторожностью и с полным сознанием условности этих обозначений, обязанных своим возникновением совершенно иной экономической обстановке и иным классовым отношениям. И, прежде всего, три момента должны определять наш взгляд на избирательное право буржуазии: 1) происхождение его непосредственно и тесно связано с идеей «народного представительства», возникающей, в свою очередь, из понятия о едином народе, единой нации, как сумме равноправных личностей (ср. § 169 и сл.), 2) развитие его по направлению к всеобщему избирательному праву обусловлено ожесточенной борьбой классов за преобладание в буржуазных представительных учреждениях, 2) так называемое всеобщее избирательное право в его современном состоянии оказалось таким же орудием буржуазного классового господства, как и парламент, как и все иные государственные учреждения буржуазии. Отсюда мы сможем заключить, что с уничтожением

буржуазного парламентаризма и с заменой его принципиально иным государственным устройством, избирательное право, служившее буржуазии, не может быть механически обращено на службу рабочему классу и немпнуемо заменяется совершенно иной системой избрания пролетарских представительных учреждений.

247. **Зарождение народного представительства одновременно с зарождением буржуазного государства.** До прихода к политической власти буржуазии выборные органы законодательства и управления складывались на основе сословного или территориального представительства, что органически, конечно, чуждо современному государству с его единством населения и государственной территории. Так, в английской нижней палате—«палате общин»—в средние века представлен был не народ, а коммунальные союзы, т. е. города и графства, и еще в XVII столетии владетели городов пользовались правом назначать представителей в парламент, хотя к этому времени вследствие возросшего значения парламента участие в нем из тяжелой и неприятной повинности превращается в ценное для коммунальных союзов право. Во Франции выборы в Генеральные штаты производились сословиями. Дворянство, духовенство и города выбирали представителей своих обособленно друг от друга, причем посланцев городов часто назначали мэры.

248. Но, как разъяснено выше (см. § 169, 199), сословный строй несовместим с господством капитализма, требующего свободной хозяйственной самодеятельности индивидуума и возводящего в закон анархию производства и распределения. Капитализм раскрепостил личность и поставил ее лицом к лицу с новым государством, не признававшим в качестве политических субъектов никаких корпораций и считавшимся только с индивидуумом, как с носителем публичных прав и обязанностей. Буржуазный рынок с его стихийным соперничанием самодеятельных единиц оказался настоящей родиной равноправных и равноценных индивидов, которые все вместе образуют единую нацию, единый народ. Тем не менее, лишь в 1884 г. английское законодательство радикальнее, чем во времена предшествовавших рефоры, порвало с историческими традициями и установило более или менее однообразные и однородные изби-

рательные округа с распределением депутатов по количеству жителей. Во Франции уже Генеральные штаты 1789 г. отвергли совещания по сословиям и, усвоив взгляд на себя как на представительство всего народа, превратились в Национальное собрание. А конституция Конвента признала, что если право представительства есть всеобщее право, одинаково присвоенное всем гражданам, то единственным мерилом распределения общенародных представителей может служить лишь количество населения. Принцип этот потом уже не оспаривался и был признан даже во время Реставрации.

249. **Ограничения избирательного права.** Но, вызвав к жизни полноправную личность и самодержавную нацию, буржуазная революция не только отрывает избирательное право от сословной, территориальной, корпоративной ячейки, передавая его индивиду и народу, но неизбежно тем самым кладет начало борьбе за всеобщее избирательное право, т. е. за допущение к избирательным урнам, к возможности избирать и быть избранными, всех взрослых граждан независимо от их имущественного и общественного положения, пола, национальности, религии. В том случае, если современная буржуазная демократия обусловливает пользование активным и пассивным избирательным правом только такими требованиями, как мужской пол, неопорочённость по суду, непахождение под опекой, способность сознательного волеизъявления и пребывание в избирательном округе в течение определенного времени, такое избирательное право принято именовать всеобщим в отличие от ограниченного, предполагающего необходимость ценза (имущественного, образовательного, вероисповедного и т. п.).

250. **а) Имущественный ценз.** Наличие имущественного ценза, ставившего осуществление участия в выборах в зависимость от владения или найма недвижимого имущества определенного размера или доходности, найма жилого помещения, уплаты прямого налога не ниже известной суммы и т. п., позволяет с легкостью распознать классовый характер избирательного права.

251. **б) Ценз оседлости.** Но столь же классовый характер имеет и ценз оседлости, требующий от избирателя пребывания в избирательном округе в течение определенного времени. Это требование в зависимости от продолжительности срока водворения, им устанавливаемого, отстраняет

от голосования более или менее широкие массы крестьянства, и притом наименее заинтересованного, вынужденного прибегать к отхожим промыслам, а также сельскохозяйственных рабочих. Но он направляется во многих случаях и против городского пролетариата, занятого в сезонных предприятиях.

Таким образом, устанавливаемый с благой, как будто, целью—предохранить выборы от влияния «бродячего элемента», не связанного своими интересами с определенной местностью—ценз этот на самом деле имеет в виду не каких-нибудь кочующих номадов или праздных «глобтротеров», а экономические классы, подвергающиеся в своей деятельности определенному виду капиталистической эксплоатации. В то же время ценз оседлости лишен сколько-нибудь ценного теоретического обоснования даже с точки зрения буржуазных теорий представительства: депутаты парламента осуществляют с этой точки зрения представительство не местностей и не классов, а всей страны и всего населения, но лишаются ли «бродячие элементы» о б щ е г о с у д а р с т в е н н ы х интересов оттого только, что они не проживают постоянно на одном месте?

252. в) **Образовательный ценз** сводится обычно к требованию элементарной грамотности. Таковы условия, предъявляемые избирателям в некоторых штатах Сев. Америки, где они, повидимому, имеют в виду соответствующую фильтрацию иммигрантских слоев. Но в Италии, где ценз этот сохранялся до 1912 г., он был направлен против весьма значительных масс сельского и городского населения, среди которого, как известно, грамотность вследствие специфических местных условий распространяется очень медленно. Закон, упразднивший здесь образовательный ценз для лиц, достигших 30-летнего возраста, увеличил число избирателей более чем на два миллиона. Равным образом в Бельгии, где всеобщее избирательное право было осложнено до реформы 1919 г. так называемым множественным вотумом (см. § 259), закон предоставлял два дополнительных голоса имеющим диплом высшего или среднего учебного заведения. В этих случаях классовый характер образовательного ценза самоочевиден.

253. г) **Возрастной ценз.** Что касается возрастного ценза, то при всей его, на первый взгляд, безобидности и объективной неизбежности он, в действительности, носит ярко выраженные классовые черты. Среди молодежи рабочего населения половая, умственная и гражданская зре-

лость наступает, по общему правилу, не позже восемнадцати лет. В этом возрасте молодой рабочий уже вполне самостоятелен и подвергается уже всем тягостям и случайностям своего необеспеченного существования. Тем не менее, избирательный возраст нигде не наступает ранее 20 лет, а в большинстве государств колеблется между 24 и 30 годами. Намерения, руководящие здесь буржуазным законодателем, вполне, конечно, охранительного свойства: он рассчитывает на то, что более зрелый возраст умеряюще скажется на политических воззрениях избирателя, главные же надежды он с полным основанием возлагает на одуряющее и запугивающее действие военной службы, на которую избиратель призывается обычно ранее наступления политического совершеннолетия.

254. **д) Половой ценз.** Наконец половой ценз имеет своей основой то бесправное положение, которое необходимо заняла женщина с тех пор, как капиталистическое производство отодвинуло на задний план домашнее хозяйство. Но этому же производству суждено было и извлечь женщину из состояния домашней рабыни и приобщить ее к общественной жизни, что должно было повести за собою уравнение ее в политических правах с мужчинами.

255. **Борьба пролетариата за всеобщее избирательное право.** В настоящее время всеобщее голосование, т. е. освобождение от имущественного, главным образом, ценза, есть правило для буржуазных стран. А в большинстве случаев к избирательным урнам допущены и женщины. Тем не менее, всеобщее избирательное право здесь не более, как схема, позволяющая собственническому государственному аппарату наполнить себя таким содержанием, которое наиболее соответствует интересам правящего меньшинства. Так что во всяком случае суть вопроса о капиталистическом избирательном праве—в том, что оно, независимо от своего названия и от применяющихся систем, всегда остается к л а с с о в ы м избирательным правом: как бы оно ни организовывалось, на какие бы широкие слои населения ни распространялось, оно всегда служит и будет служить господствующему меньшинству для дела поддержания и укрепления е г о политической власти. В этом вся тайна всеобщего избирательного права, разоблачение которой в наше время уже не представляет никакого труда.

Действительно, история развития избирательного права есть не что иное, как история борьбы имущих классов за всю полноту своего классового господства. Если буржуазия свои притязания на избирательные права прикрывала учением о равноценных и равноправных индивидах, то класс индустриальных рабочих, выступивший во второй половине XIX века в виде самостоятельной политической силы, не мог для своих целей воспользоваться оружием буржуазии. Прежде чем пролетариату стала доступна мысль, что всеобщее избирательное право есть только критерий его экономической силы и политической зрелости, он должен был думать, что во всеобщем голосовании таится решительное средство для переустройства общества на социалистических началах. Этим обусловлены были та настойчивость, с которой он добивался расширения своих избирательных прав, и тот огромный политический опыт, который он приобрел ценой накоплявшегося презрения к буржуазному представительному строю. Впрочем, как бы ни относились рабочие массы к буржуазной демократии и к представительному строю, блестящее развитие капитализма, превращая пролетариат в новую политическую силу, толкало его к активному участию в государственной жизни. На пути к такому участию перед рабочим классом стоял парламент. Завоевание парламентов должно было превратиться в очередную и ближайшую задачу.

256. Избирательные права как средство классовой борьбы. Но не в качестве самодовлеющих индивидов выступали пролетарии на политическую сцену: хозяйственная инициатива, индивидуальное равенство, неприкосновенные права личности, которыми так дорожила буржуазия, не представляли самостоятельной ценности в среде класса, лишенного собственности и не основывающего, следовательно, своего благосостояния на хозяйственной самодеятельности соперничающих единиц. Характером своей производительной роли пролетариат рано был обучен действовать и мыслить, как коллектив, и ощущать свой интерес, прежде всего, как классовый интерес. Это и привело к тому, что в сознании рабочих избирательное право очень скоро стало орудием классовой борьбы, и ограничения избирательного права были разгаданы ими как ограничения классовые. Но так обстоит дело, что одни индивиды устра-

няются от голосования вследствие их индивидуальной к тому непригодности, а другие наделяются правами участия в выборах благодаря их личной «избирательной способности», а так, что класс собственников, как таковой, пользуется своим классовым избирательным правом для устранения от политической деятельности, для эксплоатации и порабощения класса несобственников. Эта простая истина, совершенно, однако, недоступная сознанию общества начала столетия, становится все неотразимее с развитием капиталистических отношений, и самую борьбу за всеобщее избирательное право переносит на иную теоретическую почву. Допущение к выборам всех граждан посредством устранения имущественного, прежде всего, ценза, должно произойти в демократическом государстве вовсе не в силу естественного равенства всех людей, а в силу их именно неравенства. Люди в действительности не равны. Они отличаются друг от друга экономическими, физическими и психическими возможностями. И эти отличия капиталистический строй не только не в состоянии упразднить, но способствует их укоренению и развитию. Таким образом общество все более раскалывается на два лагеря, в одном из которых сосредоточены «владение и образование», в другом—подневольный труд, нищета и голодная смерть в случае безработицы или нетрудоспособности. И этот второй лагерь, численность которого неудержимо растет и который нет никакой возможности замкнуть в какие-нибудь кастовые или сословные рамки, ибо он рекрутируется из всех слоев капиталистического общества, требует себе политических и, в частности, избирательных прав не как следствия общественного равенства и свободы, а как средства своей экономической эмансипации. Вовсе нет и не может быть речи о равенстве между предпринимателем и рабочим, но налицо коренная и непримиримая противоположность между ними, делающая из индустриальной армии кормильцев современного общества и столь отличающая пролетария от босяка, от слуги, от подмастерья-ремесленника. На одном полюсе все уменьшающаяся группа собственников, отходящих от производства, на другом—все растущий класс несобственников, который общественно необходим капиталисту, но для которого капиталист—бессмысленное бремя. Исходя из этого

факта общественного неравенства и общественной несвободы, пролетариат требует себе полноты избирательных прав в качестве одного из средств своей классовой борьбы.

В то же время оказывается, что только рабочий класс может сознательно и нелицемерно повести борьбу и за политическое раскрепощение женщины. Отношение буржуа к женщине целиком определяется его положением в производстве: в женщине своего класса он видит красивую, обычно дорого стоящую, игрушку, орудие наслаждения и производительницу потомства. Это заставляет его держать ее вдалеке от политической жизни. В женщине-пролетарке предприниматель имеет, прежде всего, объект эксплоатации: он так же мало склонен признать политические права за нею, как и за рабочими. И в том, и в другом случае он прикрывает свое классовое своекорыстие идиотскими рассуждениями о природном неравенстве мужчин и женщин, о меньшем весе женского мозга, о святости домашнего очага, о необходимости сохранения «вечно-женственного». Но известно, что ни вес мозга, ни очаг и прочее никогда не мешали капиталисту выжимать из женщины-работницы прибавочную ценность. Тем более все это не помешало рабочему распознать в женщине, занятой вместе с ним в производстве, товарища, которого капитализм уже извлек из ограниченности и отчужденности ее прежнего существования и удерживать которого в состоянии политического рабства не только нелогично и несправедливо, но значит приближать общественные бедствия и мешать солидарности пролетариата, освобождающей все его силы для классовой борьбы.

257. Буржуазия и права меньшинства. Как только вопрос об избирательных правах широких масс был поставлен на такую почву, и буржуазии пришлось признать, что упразднение имущественного ценза есть просто историческая необходимость, грозящая захлестнуть хрупкие и изящные парламентские учреждения толпою грубого «простонародья», идеологов капитализма обуяла благородная ревность о правах меньшинства. Никогда еще реальный страх перед завоеванием парламентов народными массами не вырывал у буржуазии таких отвратительных признаний под видом защиты все того же аристократического индивидуума и интеллигентного меньшинства! Еще в конце XVIII века Эдмунд Берк, представитель исторической школы права в Англии, аттестованный Марксом в качестве «литературного лакея», всегда продававшего себя на самом выгодном

рынке[287], высокомерно обронил суждение о народе как о случайно собравшейся толпе, которая, хоть и сосчитанная поголовно, не стала умнее от того, что ее сосчитали[288]. Это презрение к массе, воспитанное в атмосфере рабства и крепостничества, и полузабытое буржуазией в XIX веке, воскресло в конце прошлого столетия с особенной силой, отражая уже, однако, не юную заносчивость класса, полного сил, ведущего за собой общество, а испуганное брюзжание выродившейся верхушки, которая в панике своей пытается заменить смелость грубостью и логику парадоксом. «Тысяча избирателей во всяком случае глупее, чем сотня». «Чем многочисленнее собрание, тем ниже его умственные способности». Одним словом, массы «всегда глупы уже в силу того именно, что они—массы»[289]. Уже по одному этому несомненно, что тенденция коллективизма «грозит страшною опасностью всей цивилизации. Ничто не может быть грубее, беззаботнее и неблагоприятнее для самых основных прав личности, ничто так не ненавидит и не презирает всякое величие и всякую истину, как демократическое большинство»[290]. И в этом стремлении опорочить принцип большинства классовая наука буржуазии апеллирует к докапиталистическому прошлому, с симпатией вспоминая о порядках древних германских народных собраний, где голоса взвешивались, а не сосчитывались. Но тщетно приписывать это «сильно развитому чувству личности»[291], которому у древних германцев, в действительности, неоткуда было взяться: родовой быт не знает личности, и именно поэтому здесь не было и поголовного счета голосов. На самом деле принцип большинства—чисто индивидуалистического, т. е. буржуазного, происхождения: где все равны, как индивиды, там двое всегда, конечно, больше одного.

Но напрасна, вообще, вся эта суета. Пролетариат, одаренный классовым сознанием, принимает, разумеется, к сведению тот факт, что он вместе с полупролетарскими слоями составляет большинство в современном обществе. Но его притязания на политическую власть вообще, на избирательные права, в частности, не единственны и не главным образом из этого факта проистекают. Притязания эти основываются на его роли в производстве и на фактической силе его, обусловленной этой ролью. Для марксистски мыслящего пролетариата не существует вообще таких формальных категорий, как большинство и меньшинство. Он не индивидуалист и не станет поэтому преклоняться перед большинством только за то, что оно—большинство, и топтать меньшинство только потому, что оно—меньшинство. Но он твердо знает, что в капиталистическом мире существует лишь одно деление, заслуживающее его внимания: деление по классовой линии. По одну сторону—эксплоататоры, по другую—эксплоатируемые. Последние требуют власти не затем, чтобы стать первыми, а затем, чтобы уничтожить самое разделение на первых и последних.

258. Упразднение открытого имущественного ценза. Так или иначе перед напором рабочих масс буржуазия отступила, но отступила, ничего не уступая. Медленно отказывалась она от избирательных цензов, по мере того как убеждалась, что не через парламент произойдет завоевание власти пролетариатом, что, напротив, избирательными урнами можно воспользоваться в качестве своеобразных распылителей сосредоточенной энергии рабочих масс. Именно такой смысл имеет в устах ученого реакционера заявление, что «спокойное и мирное развитие государства возможно только при условии участия рабочих классов в политических правах. Это участие не вызывает переворота, а, напротив, предупреждает его»[292]. Действительно, масса вышла к избирательным урнам, чтобы здесь увидеть, что, покуда не разрушено собственническое государство, все, даже и всеобщее, прямое, равное, тайное голосование, оказывается в руках собственников орудием развращения и порабощения масс. Когда-то верили в слова Лассаля: «При всеобщем и прямом избирательном праве невозможно, чтобы избранные представители не сделались, в конце концов, верным и точным отражением их избравшего народа». Здесь возможны ошибки и падения, но всеобщее голосование—«копье, само исцеляющее наносимые им раны»[293]. Опыт классовой борьбы, перемещенной в парламенты, показал иное. Но этот опыт сам по себе заслуживал, чтобы его проделать.

В настоящее время, как уже упомянуто, имущественный ценз в своем открытом виде нигде не сохранен при выборах в нижнюю палату. Англия, требующая от кандидата залога в 1 500 р., устанавливает этим, очевидно, скрытый имущественный ценз. Япония в своем новом избирательном законе 1928 года последовала примеру Англии (2 000 р.). Женское голосование допустили после войны Англия, Сев.-америк. соедин. штаты, Германия и некоторые второстепенные страны. Таким образом, при мужском избирательном праве остаются в Европе лишь Франция, Испания, Италия и балканские государства (включая Юго-Славию). В Бельгии избирательные права предоставлены лишь тем женщинам, которые потеряли в мировую войну мужа или сына. Образовательный ценз сохранили Венгрия (4 класса

низшей школы для мужчин, 6—для женщин), Португалия и Италия (одно из альтернативных условий для недостигших 30 лет). Ценз оседлости разнообразен: от 6 месяцев в Англии, Франции, Бельгии и др., до 2 лет в Испании и Венгрии.

259. Неравенство избирательного права. Но даже в том случае, если избирательное право освобождено от всяких цензов, оно может вполне легальными путями сообщать на выборах более или менее значительный перевес классам, составляющим опору собственнического государства, перед теми, которых оно угнетает и эксплоатирует. Этой цели служит *неравенство* избирательного права, что не мешает ему считаться всеобщим. В этом случае государство допускает к участию в выборах всех граждан, имущих и неимущих, образованных и неграмотных, но за богатство, за ученый диплом, за зрелость возраста оно премирует избирателя одним, двумя или несколькими добавочными голосами. Того же результата оно может достигнуть и тогда, когда неравномерное распределение избирателей по округам («избирательная геометрия») создает неодинаковый коэффициент влияния собранных голосов; округ или, при классовой системе, класс, насчитывающий 100, напр., избирателей, дает такое же количество депутатов, что округ или класс, объединяющий 500 избирателей,—очевидно, что в первом случае голос избирателя значит впятеро больше, чем во втором.

Такое всеобщее, но неравное избирательное право всегда удовлетворяло защитников аристократического меньшинства, сторонников взвешивания, а не механического счета голосов. Оно давало возможность обезоружить массы, предоставляя всем участие в выборах и обезвреживая в то же время влияние большинства, по «справедливому», казалось бы, принципу: кто платит больше налога, имеет больше знаний, отличается более зрелым возрастом и жизненным опытом, тот получает по закону больше веса при выборах. Один из видов его, известный под именем плюрального (множественного) вотума, сохранялся в Бельгии до реформы 1919 года. Сообщая каждому гражданину, удовлетворяющему цензам: возрастному (25 л.), оседлости (1 год), нравственности (неопороченность по суду) и дееспособности, один голос, избирательный закон предоставлял один добавочный голос каждому 25-летнему женатому избирателю, платящему установленный налог; владение недвижимостью определенного размера давало такие же права и холостым, достигшим 25 лет. Наконец, двумя добавочными голосами вознаграждались диплом высшего или среднего учебного заведения

или указанная в законе должность. Подобная система еще до введения в Бельгии вызывала восхищение Дж. Ст. Милля. Этот филистер, примирявший мальтузианскую покорность судьбе с требованием социальных преобразований, не сомневался в духовной иерархичности общества: предприниматель духовно выше рабочего, банкир превосходит развитием фабриканта, а ученый или чиновник умнее их всех. Поэтому он серьезно рассчитывал на то, что благородные банкиры и великодушные чиновники не воспользуются своими избыточными голосами для «перевеса» над всем остальным обществом»[294]. Но иначе взглянули на дело бельгийские рабочие, которые не сразу, но уразумели все-таки классовый смысл этого всеобщего голосования: католик имеет три голоса, либерал—два, социалист—один. Vote plural—rural, clérical». Мягко выражаясь, «плюральной системе свойственна тенденция превратиться в классовую, которая низшим классам оставляет только иллюзию избирательного права»[295].

Однако и тогда, когда закон воздерживается от открытого установления неравного голосования, возможность множественного вотума для богатых остается вполне доступной. Так, в Англии цель создания такого вотума, быть может, не преследовалась сознательно законодателем, но явилась, тем не менее, следствием запутанной избирательной системы, сложившейся из наслоений целого века, так что избирательная процедура регламентировалась 117 актами, изданными в разное время. До реформы 1918 года одно и то же лицо могло голосовать несколько раз, если оно удовлетворяло цензовым требованиям и в графстве и в городе, причем это облегчалось тем обстоятельством, что парламентские выборы тянулись, обычно, около месяца. Но и в настоящее время, хотя выборы происходят в один день, избиратель, имеющий помещение, оплачиваемое не менее чем 100 р., получает добавочный голос в данном округе. Новый закон воспрещает вотировать более чем в двух округах, но он вряд ли в состоянии помешать фактическому практикованию тройного или более вотума. Независимо от этого, закон сохранил старое право университетов посылать в палату общин девять представителей. Таким образом, иной расторопный ученый человек вполне легально может вотировать трижды. Итак, принцип «один человек—один голос» и доныне не признан в Англии.

260. Косвенные выборы. Борьба за всеобщее и равное избирательное право неотделима от борьбы за прямое голосование, противополагаемое косвенному, при котором де-

путаты законодательного собрания выбираются не непосредственно избирателями, а коллегиями выборщиков одного или даже нескольких разрядов.

Косвенные выборы—институт французского происхождения, ведущий свое начало от порядка избрания в Генеральные штаты, принятого для «третьего сословия». И конституция 1791 года предоставляла правомочным гражданам выбирать на первичных собраниях выборщиков, а собраниям выборщиков—избирать депутатов в национальное собрание. Конституция III года вернулась к этому порядку, хартия 1814 года его упразднила. С тех пор он проник в законодательства других государств (Пруссия, Румыния, Швеция, Норвегия—в двух последних сохранился, повидимому, до нашего времени). Теоретическое обоснование степенных выборов крайне бедно: необходимость якобы «дестиллировать» народную волю, очищая ее от всяких нечистых примесей, и организовать беспорядочные и хаотичные толпы избирателей. Действительно, депутаты, прошедшие в парламент сквозь тройной иногда фильтр, блистали совершенно химической чистотой, но перегонка эта, создавая между ними и населением средостение в виде безответственных и эфемерных выборных коллегий, лишала их всякой связи с избирателями и низводила до ноля их авторитет. Вся же практическая ценность косвенных выборов была значительна для господствующего меньшинства; на простом примере можно увидеть, как легко и доступно подделывалась «народная воля» с помощью таких выборов. Если 2 000 избирателей выбирают в 20 участках по 2 выборщика на каждую сотню избирателей и если партия А в 11 участках получила по 51 голосу, а всего 561 голос, а партия Б в 11 участках—по 49, в остальных 9—все 900, а всего 1 439, то ясно, что партия А, победившая в 11 участках, проведет 22 выборщика, а партия Б, победившая в 9, проведет только 18. На собрании выборщиков партия А проведет, конечно, своего депутата, партия же Б останется без представительства, а между тем она получила на 878 голосов б о л ь ш е, чем партия А. Несмотря на такие удобства, буржуазия всюду отказалась от косвенных выборов, когда научилась добиваться того же результата с помощью менее грубых и более трудно распознаваемых приемов. Впрочем, президент Соединенных штатов все еще выбирается двустепенным голосованием.

261. Обеспечение тайны голосования. Четвертый член «четыреххвостки»—тайность голосования—был признан большинством государств также не без ожесточенной борьбы. Он не оспаривался во Франции со времен Директории, введен в Англии законом 1872 года. Существуют различные способы обеспечить тайну голосования: плотный конверт, в который избиратели опускают свой бюллетень, особая комната—«изоляционная камера»,—куда они отправляются для

этой манипуляции, штемпель или карандаш, которыми они ставят крест на списке или против имени кандидата.

В капиталистическом государстве всесторонней зависимости, в которую попадет рабочий по отношению к работодателю, хорошо обставленная тайна голосования—одно из элементарных средств обеспечить свободу выборов, как и парализовать подкуп избирателей. К сожалению, средство это не всегда оказывается действительным: даже тайно голосующий рабочий не избегает влияния католического попа, работе которого тайное голосование оказывает иногда явную поддержку.

262. Активное и пассивное избирательное право. По общему правилу активное избирательное право, право выбирать, не совпадает с пассивным—правом быть избранным. Старое законодательство, устанавливая имущественный ценз для избирателей в нижнюю палату, более или менее значительно повышало этот ценз для кандидатов в депутаты. В настоящее время подавляющее большинство государств требует для избираемости более высокого возраста. Наряду с этим устраняются от пассивного избирательного права определенные группы населения: так поступают Англия и Испания в отношении, например, духовенства. В отношении лиц, занимающих оплачиваемую государством должность, в различных странах действуют довольно пестрые правила, ограничивающие, в общем, пассивное избирательное право таких лиц. Здесь делается различие между понятиями неизбираемости и несовместимости. В первом случае выборы, если бы они произошли, недействительны. Во втором случае чиновнику, выбранному в парламент, предоставляется, в свою очередь, выбирать между депутатским положением и службой.

263. Пассивное избирательное право стоит больших денег. Гораздо более существенную роль играют те косвенные ограничения избираемости, которые создаются везде фактической дороговизной избирательной кампании. Дороговизна эта приводит к тому, что роскошь «диких» кандидатур, т. е. неподдерживаемых какой-либо партией, могут позволить себе лишь очень состоятельные люди. И в партийной предвыборной борьбе успех в огромной степени зависит от денежных средств, которые в состоянии бросить партия на всякого рода агитацию, рекламу, разъезды

своих кандидатов и агентов, наем помещений и пр. и пр., не говоря уже о суммах, ассигнуемых на прямой подкуп избирателей. Образцовой в этом отношении страной служит Англия, где к обычным в таких случаях расходам присоединяется залог в 1500 рублей, вносимый в казну при выставлении кандидатуры и не возвращаемый, если кандидат не был выбран и получил меньше $^1/_8$ поданных голосов. Хотя существует закон, ограничивающий определенной суммой издержки кандидата на избирательную комиссию, но учету и контролю поддаются, конечно, лишь официальные расходы (на помещения для выборов, на служащих, на материалы), которые в Англии не в пример континенту несут сами депутаты. Оплата же главной, дорого стоящей шумихи, которую совершенно необходимо создать вокруг своего имени, не подлежит и не может подлежать правительственной регламентации, и она-то и обходится кандидату редко менее пяти тысяч рублей.

К счастью для членов буржуазного законодательного собрания, не принято спрашивать их, какого происхождения те деньги, которыми они оплатили свои выборы. Один почтенный исследователь приводит случай, когда член палаты общин приобрел средства для вступления в это высокое учреждение женитьбой на дочери богатого фабриканта: означенный джентльмен обязан, следовательно, своим избранием не столько всеобщему, равному и т. д., сколько «половому» голосованию. Автор прибавляет, что таких «членов по половому выбору» немало в палате общин [296]. Трудно сомневаться в том, что буржуазные избирательные урны повсюду превращены в усовершенствованные сточные трубы, по которым обильно текут в парламенты грязь и сало.

264. Поиски совершенных избирательных систем. Когда, наконец, эволюция избирательного права в направлении к всеобщему, равному, прямому и тайному была в общем и целом закончена, тогда с двух точек зрения обнаружилось то глубокое разочарование, которое принесла с собой демократизация избирательного права. Конец XIX столетия поставил парламентские учреждения лицом к лицу с такой уничтожающей критикой, какой едва ли подвергались когда бы то ни было государственные учреждения (см. §§ 186 и сл.). Мы знаем, что причина развала парламентского правления лежит в том, смертельном кри-

зисе, который переживает буржуазная демократия. Финансовому капиталу парламенты не годятся. Он ищет и находит другие орудия и способы своего политического господства, пользуясь до поры до времени народным представительством в качестве заслона постольку, поскольку оно еще не вполне дискредитировано. Но эта основная причина все возрастающего ничтожества парламентских учреждений далеко не всем и не всегда была ясна. Большинство исследователей склонны были отыскивать источник парламентских неурядиц, главным образом, а иногда и единственно, в глубоких недостатках народного голосования: «анархия избирательная не может не привести, очевидно, к анархии парламентской, и если хотят удалить вторую, нужно начать с уничтожения первой»[297]. Необходимо изобрести такую *систему* голосования, при которой политические деления в парламенте являли бы собой уменьшенную, конечно, но возможно более точную копию политических группировок в стране. В этом отношении *мажоритарные* выборы, выборы по большинству голосов, противополагаются гораздо более совершенной системе *пропорционального* представительства, дающего якобы возможность уловить и закрепить в парламенте все оттенки сколько-нибудь значительных политических меньшинств.

265. Мажоритарное голосование. При мажоритарном голосовании, когда решает абсолютное или относительное большинство, только это большинство проведет своего кандидата на одномерных выборах (по одному депутату от каждого округа) или ряд своих кандидатов на выборах по списку) несколько депутатов от каждого округа).

Если 1 000 избирателей разделены по 10 округам равномерно и должны избрать 10 депутатов, и если, например, партия А насчитывает в каждом округе 51 сторонника, а партия Б—49, то очевидно, что все 10 депутатов выйдут из партии А, хотя она объединяет 0,51 населения, а остальные 0,49 тяготеют к партии Б. Или: если А в 4 округах собрала по 90 голосов (победила), а в 6—по 40 (побеждена), в то время как Б получила в 4 округах по 10 голосов (побеждена), а в 6—по 60 (победила), то Б проведет 6 депутатов, а А—4, между тем как за Б подано всего 400 голосов, а за А—600. Если же конкурируют три партии, и А собрала в каждом округе по 40 голосов, Б в 5 округах по 5, в остальных—по 55, а В—наоборот, то А, собравшая 400 голосов, не проведет ни одного депутата, а Б и В, собрав-

шие каждая по 300 голосов, проведут по 5 депутатов. Если же победу дает относительное большинство голосов, то результат получается еще более неутешительный для... большинства: партия А собирает в каждом округе по 34 голоса, а Б и В по 33. Тогда А, получившая всего 340 голосов, проводит 10 депутатов, а Б и В, получившие вместе 660, остаются без представительства. Таким образом в этом случае, как и в других, подобная система лишь по иронии, как видим, может называться мажоритарной: в действительности, она вполне «миноритарная». Выборы последних лет в Англии, когда во многих округах соперничали консерваторы, либералы и «рабочая» партия («треугольник»), при отсутствии здесь обычая перебаллотировки, давали результат еще более поразительный, чем в приведенных вымышленных примерах: в 1922 году консерваторы на 5 380 тыс. собранных голосов получили 346 мандатов; в 1923 г.—голосов на 20 тыс. меньше, мандатов на 92 меньше; либералы в 1922 году—4 106 тыс. голосов и 158 мандатов, в 1923 году—голосов на 145 тыс. больше, мандатов—на 41 меньше. На выборах 1924 года консерваторы собрали на миллион (приблизительно) меньше голосов, чем либеральная и «рабочая» партия вместе, а провели в палату общин подавляющее большинство своих сторонников.

266. Пропорциональные выборы. В противоположность мажоритарной, пропорциональная система, не заботясь непосредственно о представительстве меньшинства, надеется так организовать представительство, что оно явится точным выражением политических группировок, причем следовательно не будет обойдено никакое сколько-нибудь значительное меньшинство, если только оно партийно организовано. Основной принцип пропорциональной системы довольно прост и бесспорен: голоса избирателей не должны пропадать. Поэтому разделив число избирателей на число депутатов, подлежащих избранию, и получив известное частное, остается условиться, что кандидату необходимо и достаточно для избрания получить число голосов, соответствующее этому частному; на этом основании списку каждой партии будет предоставлено столько мест, сколько раз частное («избирательный метр») содержится в числе полученных списком голосов.

Таким образом, если в округе, избирающем 10 депутатов, 1 000 голосов распределились так, что список А насчитал 600, Б—300, В—100 голосов, то из 10 кандидатов каждого списка избранными окажутся по первому 6, по второму 3, по третьему 1. Но этот простой принцип, не говоря уже

о том, что предполагает оживленную партийную жизнь страны, на практике сталкивается с различными затруднениями. В частности способ получения избирательного частного путем деления числа избирателей на число депутатов не всегда удовлетворителен: в иных случаях число депутатов не достигает требуемого. Если, например, 1 500 голосов распределились между тремя списками так, что на первый пало 600, на второй—500, на третий—400 голосов, то при необходимости избрать пять депутатов избирательное частное 300, очевидно, не годится: оно даст лишь 4 депутатов. Поэтому приходится прибегать к более точному нахождению частного посредством деления числа голосов, собранных каждым списком, на числа 1, 2, 3... и т. д.; так:

На 1 =	600	500	400
» 2 =	300	250	200
» 3 =	200	166	133

Выписывая полученные частные по их убывающей величине: 600, 500, 400, 300, 250, имеем на пятом месте, соответствующем по номеру числу депутатов, частное 250. Оно и послужит избирательным метром. Тогда первый список пошлет двух, второй—тоже, третий—одного депутата.

267. Бессилие пропорциональной системы. Оживленный спор между мажористами и пропорционалистами далеко еще не решен. Но и для того даже, кто признал все уродства мажористской системы, преимущества пропорционального представительства остаются крайне сомнительными. Система эта бессильна отразить в парламенте политические течения страны,—она, в лучшем случае, представляет партии, а это далеко не одно и то же. Воспользоваться ее удобствами могут при этом лишь партии наиболее дисциплинированные, располагающие вымуштрованными партийными кадрами, управляемыми из единого крепкого центра. Но и вообще система эта пропорциональна лишь по имени: партийные организации и группировки, ею поощряемые, существуют лишь в момент выборов и для выборов; миновал угар и чад избирательной кампании—партийные сочетания в стране изменились, распались, перетасовались, и вновь избранный парламент не представляет не только течений общественной мысли, но и партий. А как быть с остатками голосов, которые неизбывно торчат то тут, то там, горько смеясь над всеми ухищрениями добросовестных математиков, придумывающих головоломные комбинации для их уловления? В практическом обиходе парламентских государств пропорциональная система с большим трудом прокладывает себе путь. До войны лишь Бельгия и Сербия допустили ее для выборов в парламент, если не считать Франции, устроившей какую-то уродливую смесь из обеих систем. После войны она принята Германией и рядом небольших государств, но опыт Бельгии и Франции с достаточной ясностью показал, что и пропорциональная система нимало

не удовлетворяет главному своему назначению: оживить парламенты, сообщить им новую силу, поднять их авторитет и работоспособность, вырвать народное представительство из того унижения, в которое оно повергнуто силою вещей. «Проблема правильного, справедливого избирательного права абсолютно неразрешима»[298]. Смертельное отчаяние, продиктовавшее старому ученому эти слова, было бы трагично, если бы не было смешно: в зараженном государстве выродившейся буржуазии, изнутри разваливаемом классовой борьбой, мечтать о правильном и справедливом избирательном праве—значит обнаруживать большое лицемерие или еще большую наивность.

268. «Органическая» система и ее несостоятельность. Не лучше поступают те практики и теоретики, которые не хотят опускать руки и, не удовлетворяясь усовершенствованными системами голосования, пытаются радикальной реформой избирательного права сообщить принципиально иные основы народному представительству. Находясь под обаянием старинной, добуржуазной системы р е а л ь н о г о представительства и ее остатков в избирательном праве некоторых отсталых стран, эти авторы исходят из необходимости организовать аморфную распыленную массу избирателей в группы сообразно их жизненным интересам. «Нельзя представить себе государство более анархическое, чем то, где господствует случай, и более варварское, чем то, где господствует число»[299]. Случай нужно дисциплинировать, число—организовать. Индивид должен быть рассматриваем, прежде всего, как социальный элемент, как частичка определенной профессиональной группы, и от каждой такой группы должно быть взято парламентское представительство. Следует отвергнуть какие бы то ни было психологические, экономические, политико-социальные основания деления; на помощь призывается беспристрастная статистика, и у нее заимствуется деление населения на восемь групп: земледелие, промышленность, транспорт, связь, торговля, общественная и административная служба, свободная профессия, рантье. Такое социальное подразделение по «профессиональному» признаку может сочетаться с территориальным подразделением по признаку округов. Депутатские места будут распределены, прежде всего, между округами; затем, в каждом округе,—между различными профессиональными группами[300]. Нет особенной нужды обсуждать эту «органическую» систему избирательного права, дающую якобы «представительство интересов». В таком виде она не была испытана нигде, и вряд ли буржуазное государство будет еще иметь срок для подобного эксперимента. Несомненно, однако, что в современном государстве борются не интересы почтово-телеграфных работников с интересами транспортных, и даже не интересы земледелия с интересами промышленности, а потребности собственников с потребностями несобственников. Поэтому ничто не сможет помешать парламенту, составленному на основе органического представительства, явить знакомую картину борьбы двух основных групп: капитала и труда. Что же вы-

пгрывают наивные новаторы? Сведется ли на-нет роль финансового капитала, который делает с в о ю политику, когда можно—через парламент, когда нужно—помимо его или вопреки ему? Прекратится ли классовая борьба внутри общества? Откажется ли пролетариат от завоевания власти только потому, что отныне денежные мешки и адвокаты, деревенские кулаки и чиновники будут вотировать как таковые, а не под маской безличных, равноценных индивидов?

269. Оценка всеобщего избирательного права с точки зрения интересов пролетариата. Но в то время как мелкобуржуазные слои в лице своих политиков и ученых подвергли суровой критике всеобщее избирательное право и частью впали в отчаяние, частью предались бессильным потугам изобрести совершенные избирательные системы, рабочий класс с своей стороны оценил опыт всеобщего голосования и с его помощью сделал новый шаг к познанию неизбежной истины: пока государство находится в руках собственников, в с е учреждения его в конечном счете служат только их интересу. Уже в восьмидесятых годах, т. е. в такое время, когда большинство рабочих вождей считало вполне достижимым завоевание государства посредством шелеста избирательных бюллетеней, Фридрих Энгельс понял, что «всеобщая подача голосов есть лишь мерило степени зрелости рабочего класса»[301]. Не средство переворота, а показатель того, что поспели средства для переворота. А десяток лет спустя значение всеобщего голосования в качестве манометра становится еще определеннее в его глазах. «Если бы всеобщее избирательное право не давало другой выгоды, кроме той, что оно позволяет нам каждое трехлетие подсчитывать свои ряды; что, регулярно отмечая неожиданно быстрое увеличение числа голосов, оно в одинаковой степени повышает как уверенность рабочих в победе, так и ужас противников и, следовательно, становится лучшим нашим средством для пропаганды; что, давая точные сведения о наших собственных силах, равно как и о силах всех неприятельских партий, оно этим самым дает нам единственный в своем роде масштаб для соразмерения наших действий и заставляет нас одинаково удерживаться как от несвоевременной робости, так и от безрассудной отваги,—если бы это было единственной выгодой, получаемой нами от избиратель-

ного права, то и этого было бы более чем достаточно. Но оно дало несравненно больше. В избирательной агитации оно дало нам несравненное средство для того, чтобы приходить в соприкосновение с далеко от нас стоящими народными массами и принудить все партии пред лицом всего народа защищать свои взгляды и действия от наших нападений. Кроме того, всеобщее избирательное право предоставило нашим представителям в рейхстаге трибуну, с которой они несравненно более авторитетно и свободно, чем в печати и на собраниях, могут обращаться как к своим противникам в парламенте, так и к массам вне его» [302]. Вряд ли можно найти где-нибудь более блестящую характеристику всеобщего голосования с классовой точки зрения пролетариата,—характеристику, которая с такой точной трезвостью ничего не преувеличивала бы, но и ничего бы не преуменьшала. Всеобщее голосование ничего не может изменить, но оно может громко и ясно говорить о происходящих изменениях; оно не увеличивает сил пролетариата, но оно демонстрирует эти силы, оно не освобождает его от рабства, но оно делает это рабство все более и более невыносимым. Так оно с каждым днем все решительнее отрицает самого себя и приближает момент, когда станет ясно, что «всеобщее избирательное право исполнило свою миссию. Большинство народа прошло ту школу развития, которой это право только и может послужить в революционную эпоху» [303]. Пролетариату остается перешагнуть через него к диктатуре. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач различными классами. Оно показывает, как склонны решать свои задачи разные классы. Самое решение этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы вплоть до гражданской войны [304].

Итак, конкретных выгод участия в государственной власти оно не может дать пролетариату. И буржуазия примирилась со всеобщим голосованием именно потому, что научилась властвовать где вопреки, а где и благодаря ему. Пока государственный аппарат находится в ее руках, механизм голосования есть неотделимая часть государственного механизма, и его работа определяется работой целого. Необходимо и неизбежно «всеобщая подача голосов до сих пор служила народу для выбора каждые три года или шесть

лет какого-нибудь члена господствующего класса, который представлял и подавлял народ в парламенте»[305]. Низвержение господствующего меньшинства, разрушение собственнического государства есть в то же время сокрушение классового избирательного права буржуазии, которое она называет всеобщим.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОВЕТСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО.

270. Особенный характер пролетарских представительных учреждений. В Советском государстве отношение завоевавшего власть пролетариата к избирательному праву понять нетрудно. Ряд моментов вполне определяет это отношение и делает весь вопрос очень простым и очень ясным. Очевидно, прежде всего, что советы суть представительные учреждения пролетарской демократии (см. § 215). Но в то время как буржуазные представительные учреждения, являясь порождением непримиримой классовой борьбы, раздирающей общество, не могут служить буржуазии иначе, как возвышаясь над нею и отрываясь от нее, советские представительные учреждения призваны отразить единство основных интересов трудящейся массы в государстве, где нет власти капитала и нет деления на эксплоататоров и эксплоатируемых. На примере Америки «лучше всего видно, как государственная власть становится независимой от того самого общества, орудием которого она, в сущности, является»[306]. Напротив, «уничтожая те органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетения, коммуна вырывала из рук этой власти, претендовавшей стать выше общества, ее законные функции и отдавала их ответственным слугам общества»[307]. Советы суть органы власти, по власти трудящегося большинства; они суть органы государства, но государства переходного, предназначенного к отмиранию. Поэтому они остаются все время школами управления, через которые проходят все более широкие народные слои, и отрыва этих органов власти от господствующего класса, противопоставления их избирателям, как типичного явления, наблюдающегося в буржуазном государстве, не может случиться.

271. Каковы представительные учреждения, таково избирательное право. Тем не менее, если представительные учреждения все еще необходимы, их нужно выбирать. Трудящиеся массы не имеют другого способа организации советов, как путем избрания советских представителей. Но характер «избирательного права»—вся совокупность норм, правил, положений, относящихся к выборам, и самый механизм выборов—очевидно, будет определяться характером и назначением советского представительства, совершенно отличного от представительства буржуазного, и свойствами советской системы, системы вполне иного порядка, чем парламентская. Всякому сознательному рабочему известно, что парламентаризм есть более высокая политическая форма, чем самодержавный или дуалистический строй, как промышленный капитал более прогрессивен по сравнению с землевладельческим или торговым. Но известно, в то же время, что и парламентская республика есть только определенная форма политического господства эксплоататоров; она не только совместима, вообще, с частной собственностью на орудия производства, но служит выражением всеобщего преобладания известного исторического вида частной собственности. Государство же, обобществившее средства производства, неизбежно примет иную политическую форму,— и пролетарская революция показала, что такой формой является советская система. Подобно этому и всеобщее избирательное право может быть противопоставлено цензовому в качестве высшей ступени буржуазно-демократического голосования, пропорциональная система—мажоритарной в качестве более усовершенствованного приема уловления голосов. Но и в этом случае всеобщее избирательное право, как ни замалчивает, как ни обманывает, как ни сбивает здесь с толку словечко «всеобщее», должно быть разгадано: оно не есть абсолютная, логическая категория, осуществление политической справедливости. Оно такой же продукт классового общества на известной ступени развития, как и парламентарная республика. Оно, как мы видели, неизбежно вытекает в конечном счете из особых экономических потребностей буржуазного хозяйства, создается капиталом и служит капиталу, как служит ему весь арсенал политических свобод. Не в том даже дело, что избирательное право не может, в действительности, быть

и не бывает всеобщим и равным там, где нет всеобщего участия в производительном труде и равного распределения общественного богатства, а в том, что самые принципы его—всеобщность, равенство, прямота, тайность, пропорциональность—порождены средой, которая как раз питается противоположностью управляющих и управляемых, неравенством классов и индивидов, отрывом власти от населения, влиянием эксплоататора на эксплоатируемого, подавлением одних партий другими.

272. **Уничтожение буржуазного избирательного права.** Таким образом, подобно тому как пролетарская революция вовсе не о том заботится, чтобы осуществить совершенный парламентаризм, а о том, чтобы сломать буржуазную государственную машину и на ее месте поставить новую, наилучшим образом приспособленную для хозяйственных и политических задач рабочего класса, так и по отношению к буржуазному избирательному праву революция занимает позицию достаточно определенную. Это право не есть нечто принципиально ценное и потому заслуживающее сохранения и усовершенствования. Оно вполне разделяет участь буржуазного государства и уступает место иным способам составления представительных учреждений, необходимо вытекающим из особенностей Советского государства и приспособленным к его нуждам. И в частности, советское избирательное право предназначено для подавления буржуазии, для проведения пролетарской диктатуры. В то же время оно должно служить не для ловли рабочих и крестьянских голосов, не для устранения народа от политики путем захвата власти «свободно избранным» представительством, а для политического воспитания масс, для объединения и втягивания рабочих и крестьян в политику, в законодательство, в управление, для превращения советов «в самый чуткий барометр развития и роста политической и классовой зрелости масс»[308]. Избирательное право буржуазной страны в самом лучшем случае рассчитано на то, чтобы раз в несколько лет распыленные избиратели сказали, что каждый из них думает и чего он хочет; избирательное право в советском государстве непрерывно помо-

гает организованным избирателям поступать так, как они думают и как они хотят.

273. **Совпадение активного и пассивного избирательного права.** Только путем критического сопоставления советского и буржуазного политического строя, советского и буржуазного голосования можно уразуметь и теоретический смысл и повседневную практику нашего избирательного права. Оно, как известно, регулируется главой шестой конституции РСФСР. Руководящие нормы, здесь приведенные, восприняты без сколько-нибудь существенных изменений и другими союзными республиками. В разъяснение и развитие советских избирательных законов существуют инструкции, из которых особенное значение имеет общесоюзная «Инструкция о выборах в советы», опубликованная от имени Президиума ЦИК Союза 28 сентября 1926 года (см. Приложение IV. Действие этой Инструкции распространяется и на избирательную компанию 1928/29 гг.). То единство власти и трудящихся масс, духом которого проникнуты советские конституции, находит себе непосредственное и ближайшее выражение в совпадении активного и пассивного избирательного права. Мы видели, что в буржуазном режиме дороговизна избирательной кампании и фактическая неосуществимость внепартийных кандидатур с полной явственностью твердят избирателю, что для превращения в народного представителя нужно нечто гораздо большее, чем право быть избранным: нужна сила денег, нужны тончайшие ухищрения, нужна тысяча и одна уловка, чтобы использовать это право. Рядовой избиратель имеет, следовательно, много случаев убедиться, что власть поставлена вне его и над ним, что лишь редким, избранным экземплярам дано осуществлять суверенитет, серая же толпа избирателей призвана лишь поручать им его осуществление. В тех же случаях, когда установлены те или иные повышенные требования для права быть избранным, т. е., когда активное избирательное право не совпадает с пассивным, разрыв между властью и населением приобретает узаконенный характер, становится правовым учреждением. Таким образом, не случайно то, что наше законодательство тщательно избегает хотя бы малейшей и легко переходимой чертой отделить активное право от пассивного: государство переходного типа, предназначенное к отмиранию, не имеет никакой нужды про-

тивопоставлять правящих управляемым. Напротив, смысл советов в том, что они—не только органы управления, но и школы управления для трудящихся. Поэтому правило: «каждый избиратель может быть избран» естественно вытекает из характера советской системы.

274. **Ответственность депутатов непосредственно перед избирателями.** Но советскому избирателю дана и другая гарантия неразрывной связи между ним и теми, кого он избрал в совет. Там где власть, у населения похищается, трудно предполагать у похитителя особенное желание вернуть похищенное или дать ответ, как он похищенным распорядился. Отсюда вполне последовательно вытекает принятое всеми конституциями воспрещение связывать депутата наказом; здесь, по общему правилу, неизвестно право избирателя отозвать представителя до истечения срока его полномочий; здесь не предусматривается и вполне последовательно, обязанность депутата отчитываться перед избирателями (ср. § 217). Германская конституция устанавливает самый странный вид ответственности депутата рейхстага: перед его собственной совестью. Но она не принимает, к сожалению, никаких мер для снабжения депутатов совестью или для поддержания ее в достодолжной исправности. Подобной утонченности советское избирательное право чуждо: оно с грубой прямотой заявляет депутату, что он—только подотчетный приказчик своих избирателей; что *должен* держать тесную с ними связь; что, если он, пользуясь инертностью избирателей, прегрешит против этого правила, он будет лишен своих полномочий. Избирателям конституция твердит, что они—не только избиратели, но и господствующий правящий класс; что от государственной власти они *не могут* отказаться; что своим представителем они должны руководить, помогая ему советом, указанием, поощрением, ни на одну минуту не выпуская его из атмосферы трудовой семьи, из которой он, впрочем, и не выходит, становясь депутатом, ибо и тогда продолжает выполнять свои повседневные профессиональные обязанности; что они, таким образом, как бы следуют за ним в совет, в секцию или комиссию, на Съезд советов, и с этими органами власти образуют на деле одно неразрывное целое; что, наконец, следствием и подтверждением такого положения

служит их право во всякое время отозвать депутата и заменить его другим (ст. 75). «Советы созданы самими трудящимися, их революционной энергией и творчеством, и только в этом лежит залог того, что они работают всецело на осуществление интересов масс. В совете каждый крестьянин, посылая, может и отозвать, и в этом—истинный народный смысл советов»[309]. И, конечно, плохи те избиратели, которые не поймут, что, пренебрегая своим долгом отозвать представителя, не удовлетворяющего этому званию, они впадают в тяжкую провинность перед рабоче-крестьянским обществом. Идя навстречу местному опыту, наши верховные органы озаботились оказанием избирателям всякого содействия в осуществлении ими в нужных случаях права отозвания, и циркуляр Президиума ЦИК СССР, изданный в ноябре 1927 г. («Об уточнении законодательства союзных республик о праве избирателей отзывать избранных им депутатов»), с достаточной определенностью формулирует всевозможные случаи отозвания и порядок его.

275. Выявление не индивидуального, а коллективного интереса. Но такого рода связь между депутатами и избирателями, неосуществимая в буржуазном строе и принципиально чуждая ему, предполагает и особую организацию выборов, столь же отличную от буржуазной. Там, где толпа избирателей остается только толпой, в которой беспорядочно перемешаны люди разных общественных положений, групп и профессий, там выраженное конституцией требование единства власти и масс осталось бы бессодержательным и безрезультатным пожеланием. Но все органически связано, все целесообразно и практически согласовано в Советской конституции. Для выборов в городские и сельские советы, т. е. в те первичные организации власти, которые сообщают, как мы видели (ср. § 217 и сл.), основной тон всей системе, трудящееся население организуется не по искусственным территориальным делениям, а по производственным клеточкам: фабрикам, заводам, предприятиям, учреждениям, рудникам, селам. Где избирательская масса работает, где, следовательно, уже создан и царит дух трудового единения, рабочей спаянности, деловой общности интересов, там происходят и выборы. «В городах, посел-

ках городского типа и фабрично-заводских поселках избирательные собрания устраиваются по производственным или профессиональным единицам (предприятиям, учреждениям или профессиональным союзам)». (Ст. 25 «Инструкции о выборах в советы».) И лишь в тех случаях, когда городские избиратели не объединены предприятием или профессиональным союзом, они, в виде исключения из общего правила, организуются для выборов по принципу местожительства. Во всяком случае, по отношению к основной массе рабочих, земледельцев и служащих обеспечивается не только то, что их представитель принесет с собой в совет неискаженный, цельный, деловой интерес своей производственной ячейки, но и то, что группа избирателей, пославших депутата, не растает после выбора, а остается на месте, имея, следовательно, полную возможность сообщаться непрерывно со своим представителем, как постоянная организация, как нераспадающийся коллектив.

276. «Представительство интересов». Вряд ли есть особенная надобность задумываться над вопросом, какой именно вид представительства получается в результате этой системы, и не приходим ли мы, в частности, к тому реальному представительству, представительству интересов, о котором безуспешно и безосновательно, как мы видели, хлопочут буржуазные реформаторы. Давно замечено, что буржуазные представительные учреждения в отношении своего людского состава являют странное зрелище: они полны адвокатов, журналистов, медиков и профессоров![310] Так как мы, размышляет ученый, очевидно, не являемся нацией адвокатов, журналистов, медиков и профессоров, то несомненно, что эти элементы занимают в палате место, совершенно несообразное с их действительным положением в стране. «Они представляют только таких же политиканов, как они сами. Неорганическое всеобщее голосование приводит еще вот к какому результату: оно извращает нацию, искажает представительную систему, освещает царство политиканов»[311]. Но писатели типа Бенуа ошибаются, возлагая всю вину на всеобщее избирательное право. Источник несообразностей надо искать в том экономическом порядке, который создал ему единственно присущий политический строй—парламентаризм, и парламентаризму, в свою очередь, свойственное избирательное право. То, что государственную власть захватили безответственные болтуны, есть следствие безответственности государственной власти, а отрыв жизни политической от жизни хозяйственной покоится на экономическом основании: на различии между владеющими и невладеющими. «Эта дифференциация вызывает неизбежно различие между управляемыми и правителями: в этом различии—

все государство; все государство—в этой реальной безнаказанности правителей»[312]. Но этот основной порок исчезает из обихода пролетарского государства, ц. Советское государство выступает как самоуправление масс, где власть составляет одно целое с пролетариатом и бедняцко-середняцким крестьянством. Можно ли прилагать к создающейся таким образом системе представительства какой-нибудь критерий из буржуазной теории или практики? Можно ли подгонять ее под существующую в парламентской науке номенклатуру? Вряд ли такой прием будет способствовать освещению и разъяснению вопроса. Система эта—советская. Кто правильно поймет экономическое содержание этого термина, для кого с этим словом соединяется ряд представлений экономического и политического порядка, тот не пожалуется на неясность или неопределенность такой характеристики.

Исходя из принципа, что пользование наемным трудом для извлечения прибыли несовместимо с советским избирательным правом, Инструкция предусматривает, однакоже, случай, когда применение наемного труда в земледельческом хозяйстве не лишает это хозяйство трудового характера, а его владельцев—избирательных прав (см. Приложение IV, ст. II § а и ст. 12 Инструкции).

Того же принципа придерживается Инструкция и в отношении кустарей и ремесленников. Те из них, что ведут свое трудовое хозяйство без помощи наемной силы или пользуются ею не иначе, как ввиду технических условий производства (напр. молотобоец в кузнечном мастерстве), не лишаются избирательных прав.

Все эти и другие указания Инструкции (срв. §§ о лицах, получающих проценты с денежных вкладов и займов, о прибегающих к мелкой торговле, об административно-хозяйственном персонале церквей) находятся в полном соответствии с характером и содержанием нашего избирательного права, как оно установлено Конституцией Союза и союзных республик, и имеют одну общую цель: осуществить диктатуру пролетариата, который отнюдь не изолирует себя от остального трудящегося населения, а опирается на крестьянскую бедноту, заключает крепкий союз с середняком, воспитывает тех и других к власти и, вооруженный таким образом, ведет решительное наступление на явных и тайных эксплоататоров, на кулака, на агента капитала, на их идейных прислужников.

В свою очередь враги пролетариата поняли значение советских выборов. Выборы 1928—1929 гг. еще раз показали, что с каждой новой избирательной компанией пролетариат и его деревенский союзник все непосредственнее оказываются перед многозначительным явлением: к выборам готовятся не только они, готовится еще кто-то другой. Одновременно настойчивый и хитрый, вкрадчивый и грубый, этот кто-то осознал, наконец, окончательно и явственно свою ближайшую цель—проникнуть в советы, пусть не овладеть ими целиком, но быть там, сопри-

сутствовать, приобщиться, примоститься хоть малым бочком к советской власти в полной уверенности, что и от этого малого пойдет большое. Если не там, то здесь вспыхнет бедняцкое гумно, селькоровская изба, если выбит из строя общественник тяжеловесными, как кирпич, угрозами или сладкими, как пряник, посулами, если споили и развратили деревенского партийца, сбили с толку нарсудью, кругом опутали начальника милиции, убили, наконец, слишком самозабвенного селькора, сжили со свету, свели с ума слишком упрямого учителя,— то все эти отдельные явления обычного, повседневного, идущего круглый год натиска кулака в селе, спекулянта в городе в известный момент превращаются в его «предвыборную кампанию». Это не просто и не только своеобразное «прямое действие», призванное бить мимо совета и без помощи совета. Красный петух, обрез и самогон возвышаются в момент избирательной кампании на степень «его» средств предвыборной агитации, «его» средств борьбы за советы. Поэтому еще раз полезно вспомнить работникам на местах, да кой-кому из руководящих товарищей, что диктатура пролетариата есть, по определению Ленина, железная власть, и нельзя поэтому— его же предостережение—обращать эту власть в кисель. Отсеивание избирательской массы, производимое с надлежащим умением и тактом, является—в наших условиях—одним из составных элементов диктатуры. Советы—органы социалистической диктатуры, ни больше, ни меньше, и выборы в советы, это—не площадной торг так называемого всеобщего избирательного права, не свистопляска демагогов, прикармливающих демократической патокой мелкобуржуазных недоумков, а нешуточное дело создания подлинных законодательных и управляющих органов, где трудящиеся массы борются, учатся, строят социализм. По этому самому мы отказываем в малейшей поблажке кулаку и нэпману и ставим перед ними непроницаемую стену на пути в совет.

277. Применение классового принципа при определении состава избирателей. Но вопрос об избирательской массе и о связи между нею и представительными учреждениями приводит к вопросу: из кого слагается эта масса? Мы видели, как и для чего он складывается, а этим в значительной степени предопределяется ее состав. Избиратели организуются по производственным единицам для осуществления диктатуры пролетариата. В соответствии с этим вполне безыскусственно определяется и контингент избирателей. Законодательство советских республик не имеет никакой нужды прибегать к тем чудовищным ухищрениям фильтрации, очистки избирательного корпуса, которыми пользуется буржуазия. Основное условие,

которому должен удовлетворять советский избиратель, формулируется общим образом так: не пользоваться наемным трудом для извлечения прибыли и добывать средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом. Принцип диктатуры пролетариата выражен в этом правиле с ясностью, не допускающей сомнений, а в этом и заключается практическая цель такой формулировки. Сколько бы ни говорили о неопределенности понятия «производительного и общественно-полезного труда», двенадцатилетний опыт советовластия показал, что для рабочих и бедняцко-середняцких масс понятие это настолько близко и ясно, что они даже ни разу не ощутили потребности прибегнуть для истолкования его к какому-нибудь адвокату или иному крючкотвору. Буржуазная практика решает вопрос об участии пролетариата в голосовании, применяясь к существующим конкретным условиям: в одних случаях она дарует избирательные права обуржуазившейся рабочей верхушке и получает лишний повод радоваться расколу в среде своих классовых врагов, в других—она уничтожает всякий имущественный ценз и открывает, как будто, все пути к избирательным урнам, но предварительно выметает из парламента все остатки принадлежавшей ему некогда власти; во всех случаях она пользуется избирательным правом, как одним из средств расширения и поддержания эксплоатации. Но эксплоатируемому не нужен эксплоататор. На известной ступени развития и при известных условиях эта истина становится столь очевидной, что не найдется такого чернорабочего или батрака, который не понял бы ее всем нутром своим: фабрикант, купец, спекулянт в городе, кулак и мироед в деревне не надобны пролетарскому государству. В этом государстве избирательное право есть важное и насущное дело, а не ряд мошеннических комбинаций: оно дает прямо в руки избирателям реальную государственную власть. Не странно ли было бы прибегать к услугам паразитов в деле построения социализма? Тем не менее, невзирая на ясность приведенной формулировки, Конституция не отказалась от уточнения ее и в довольно длинном перечне статьи 69 конкретно раскрыла ее содержание. Общесоюзная же инструкция 1926 г., идя навстречу определившемуся опыту мест и в полном соответствии с Конституцией Союза и союзных республик, бли-

жайшим образом наметила круг избирателей в деревне и городе, внеся, между прочим, полную ясность в вопрос об избирательных правах земледельцев, применяющих наемный труд.

278. **Исчезновение ценза оседлости.** Предоставляя избирательные права всем категориям трудящихся и не допуская в этом отношении никакого различия между работниками умственного и физического труда, Советское государство идет еще дальше в своем стремлении расширить круг избирателей так, чтобы никакие репрессивные барьеры и рогатки не воздвигались между трудовым населением и его представительными учреждениями. Ценз оседлости, который, как мы видели, так жестоко бьет по рабочим и крестьянским массам, а частенько весьма больно задевает и труженика-интеллигента, вынужденного условиями своей профессии или службы к частой перемене места жительства, совершенно здесь не применяется. Советские конституции не ставят осуществление избирательного права в зависимость от срока пребывания в избирательном районе или в производственной организации, хотя они с большим, чем буржуазное государство, основанием могли бы выдвинуть это условие, ибо советский избиратель выявляет, подавая голос, не свой индивидуальный интерес, а прежде всего и главным образом интерес своей трудовой ячейки. Но вполне последовательно поступает Советское государство, когда тому же трудовому коллективу доверяет определить об избирательной способности гражданина: кого коллектив этот допустил в свою среду, на того он тем самым распространил ему, коллективу, принадлежащие избирательные права. Одно неотрывно от другого. Уничтожение уродливого ценза оседлости непосредственно и неизбежно вытекает из наличия трудового ценза (если позволительно употребить этот не совсем подходящий термин). В результате без всяких усилий и натяжек, лишь путем логического развертывания идеи советского представительства, достигается очень значительное увеличение рядов советских избирателей.

279. **Советский избирательный возраст.** Такой же смысл имеет и установление более раннего, сравнительно с буржуазной практикой, избирательного возраста. Конституции наши определяют его в 18 лет. В то же время от-

сутствует какая бы то ни было необходимость придавать этому сроку принципиальное значение. И здесь пролетарское общество руководствуется основным мотивом: трудящимся открыть широкую дорогу к советам. И тот, следовательно, кто по тем или иным обстоятельствам ранее этого возраста стал добывать средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, может быть введен в ряды избирателей с большим, пожалуй, даже правом, чем его великовозрастные товарищи. Во всяком случае, понижая по общему правилу избирательный возраст до 18 лет, советы получают неоценимую выгоду, ибо черпают своих избирателей и своих членов также и из среды молодого поколения, не искушенного еще, быть может, опытом классовой борьбы, но богатые нжвостью, восприимчивостью и отзывчивостью юности, сплачивают вокруг себя эту молодежь, которой принадлежит будущее, и непосредственно вступают в роль воспитателя, передающего своей смене из рук в руки урок, опыт и наследие классовой борьбы.

280. Избирательные права армии. И само собою разумеется, что там, где государственная власть силой вещей поставлена в отношения непрерывной, скрытой или явной, войны с большинством населения, там интересам власти вполне соответствует безусловное лишение политических прав всех военнослужащих и полное или частичное лишение того же государственных служащих. Буржуазное государство устраняет армию от обоих видов избирательного права потому якобы, что армия не должна быть втягиваема в политическую борьбу и тем превращаема в орудие политических партий. Но такая забота об армии не мешает господствующему классу пользоваться ею для подавления крестьянских восстаний, для усмирения рабочих волнений, для обысков и арестов, для несения чисто полицейских функций в тех случаях, когда силы полиции исчерпаны. Очевидно, что именно для превращения армии в слепое орудие господствующих верхов, именно для полной свободы распоряжения ею в качестве могущественного политического инструмента и практикуется устранение ее от голосования. Тем и драгоценен этот инструмент, что он не рассуждает, а слепо повинуется тому, в чьих руках государственный аппарат, что он оторван от масс, искусственно отчужден от них, поставлен вне их и над ними.

Но в Советском государстве на примере отношения его к Красной армии и флоту в вопросе об избирательном праве можно лишний раз проследить и обнаружить совершенно особенный характер этого массового рабоче-крестьянского государства. Будучи окружено врагами, оно вынуждено, конечно, быть на высоте всех современных «успехов» по части организации и усовершенствования всевозможных средств истребления; оно организует и снаряжает п о с т о я н н у ю армию, стоящую много денег и много «человеко-дней»,—и постольку оно есть государство. Но в то же самое время оно ловит каждый случай и создает целую систему превращения этой армии в политическую школу, в настоящий народный университет, в который крестьянский молодняк приходит со всей инертностью и ограниченностью своего мировоззрения и из которого он уходит, оставив недоверие и подозрительность, поднявшись до уровня гражданина пролетарского государства, пройдя понятную и близкую ему науку спасительного союза рабочих и крестьян. Отрывать эту армию от трудящихся масс, противопоставлять ее им Советское государство не может и не хочет,—и постольку оно есть полугосударство. Поэтому оно организует и воспитывает свою армию не только в строю и в казарме, но и в советах, органах законодательства и управления, где она—вооруженный класс—служит не орудием, а сознательным и деятельным участником государственной власти.

281. Формирование большинства посредством советского избирательного права. Вернемся теперь к вопросу об общем составе советских избирателей. При всех условиях, которые ставит Конституция избирателю, правомочные граждане, привлекаемые к выборам в советы, составляют огромное большинство. В избирательную кампанию 1929 г. из 77 900 тыс. населения, достигшего избирательного возраста, избирательными правами пользовались 74 053 тыс. (62 299 тыс.—по сельским местностям и 11 754 тыс.—по городским) [313]. Но это господство числового большинства достигается в советском строе вовсе не как самостоятельная и самодовлеющая цель—и притом не механическим действием усовершенствованных избирательных систем,—а в результате невиданного расширения демократии, превращения ее в демократию для трудящихся. Не формаль-

ному признаку большинства и меньшинства подчиняет свою политику пролетариат, а своему классовому интересу, повелевающему ему быть всегда на стороне эксплоатируемых против эксплоататоров. Необходимым следствием такой политики является переход на сторону пролетариата большинства, и это большинство не случайное, не искусственно сколоченное более или менее хитроумными комбинациями, зазываниями, рекламой и обманом, временным совпадением индивидуальных влечений, а продукт общих экономических потребностей всех трудящихся и угнетенных, естественным вождем которых выступает пролетариат. Но такая спайка и такое большинство достигаются только в советском режиме именно потому, что он «главное свое назначение полагает не в том, чтобы статически отражать большинство, а в том, чтобы динамически формировать его» [314].

282. **Всеобще ли избирательное право?** Каким после этого неумным педантизмом отзывается столь часто предъявляемое советскому пролетариату обвинение в посягательстве на всеобщее избирательное право! Ведь понятие всеобщего голосования вполне исторично и относительно. Термин «всеобщее» привычен и дорог тем, что он выработался из противопоставления «ограниченному». А в основе ограниченного избирательного права лежит имущественный ценз, и только этот ценз. Не было еще такого доктринера, который не понял бы условности этого термина и отказал бы буржуазному избирательному праву в титуле всеобщего *только* потому, что оно не распространяется на детей, на умалишенных, на преступников. Мало того: мы видели, что оно не перестает называться всеобщим даже тогда, когда голосуют только мужчины. Итак, всеобщее избирательное право есть историческое условное наименование такого избирательного права, которое не требует (формально) для участия в голосовании никакого имущественного ценза. Почему же даже в советской литературе прочно утвердилось мнение о «невсеобщности» нашего избирательного права? Только потому, что условное обозначение, полное смысла в обстановке собственнического государства, в условиях борьбы между подчиненным пролетариатом и господствующей буржуазией, привычно переносится в советский политический быт, где оно совершенно неприложимо ввиду полного переворота в классовых отношениях. Несомненно и

соответствует действительности лишь следующее: избирательное право буржуазного государства есть классовое избирательное право, приспособленное для властвования имущего меньшинства над неимущим большинством; избирательное право советов есть классовое избирательное право, служащее для самоуправления трудящихся и для обеспечения их власти.

283. Единство местного и центрального представительства. Над городскими и сельскими советами или, вернее, на городских и сельских советах стоят съезды советов, от районного до общереспубликанского и союзного. У буржуазии по причинам, объясненным выше, возникает резкая формальная грань между органами центрального и местного управления, как следствие внутреннего антагонизма, всегда существующего между общегосударственной и местной властью. Там поэтому участие в местном самоуправлении, а следовательно, и выборы в соответственные учреждения отделяются от участия в государственном управлении и от выборов в высшие законодательные органы. По общему правилу, имущественный ценз того или иного вида шире и упорнее сохраняется на выборах муниципальных, чем на парламентских: всеобщее избирательное право с еще большим трудом прокладывает себе здесь путь. Такой двойственности и противоречия не могло оказаться в государстве единого господствующего класса, возглавляемого единой правящей партией и осуществляющего открытую классовую диктатуру в интересах и при активной поддержке всех трудящихся. Здесь местам и центру делить нечего: советы и съезды, каждый в своей сфере и в границах своего ведения, суть одинаково государственная власть, политическая власть, органы, одинаково проводящие диктатуру пролетариата. Вся советская система снизу доверху есть единая гармоническая система самоуправления рабочих и трудовых крестьян. Есть ли при таких предпосылках какое-нибудь основание рвать представительство на местное и центральное и организовывать выборы отдельно в местные органы и отдельно в центральные? На базисе планового хозяйства, при политическом единовластии рабочего класса такое разделение не могло вырасти. Если бы опыт Парижской коммуны распространился на второстепенные центры,

«старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях» [315]. Тогда «собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания, в свою очередь, должны были посылать уполномоченных в Национальное собрание» [316]. И этим «коммунальное устройство не разрушало, а, напротив, организовывало единство нации» [317]. Драгоценным качеством советской системы служит ее строгая, так сказать, ступенчатость, тот порядок, при котором каждый высший съезд составляется путем отбора представителей нижестоящих съездов и советов таким образом, что в образующейся стройной цепи каждое последующее звено—органический продукт предыдущего. Это дает фактическую возможность превращать советы в школу управления для широчайших масс, позволяя их лучшим представителям последовательно применять на высших ступенях государственной лестницы опыт и и знания, накапливаемые на низших. В то же самое времяя таким построением достигается выдержанная перархичность советских органов, строжайшая подчиненность и дисциплинированность этих звеньев, причем, однако, нет и тени противопоставления их друг другу в каждом отдельном случае, как командующего «верха» и повинующегося «низа»: ведь, именно, нижестоящие активно участвуют в образовании верхнестоящих. Окружный, напр., съезд советов есть не что иное, как выжимка из городских советов и районных съездов, а районные съезды вбирают в себя делегатов городских и сельских советов.

284. Выборы не прямые, но и не косвенные. Таким образом, к нашей системе выборов на съезды, очевидно, неприложимо наименование прямой, но с еще меньшим основанием могут эти выборы называться косвенными. Стоит лишь вспомнить, что термин «прямое избирательное право», как и термин «всеобщее», возник из особенных условий буржуазного обихода, которые в пролетарском государстве не могут иметь места. Там косвенные выборы применяются как нехитрое, но хорошее средство отсеять—профильтровать—избирательскую массу и дать при окончательном голосовании перевес меньшинству над большинством. Там система косвенных выборов ставит между избирателями и

представительным учреждением коллегии выборщиков, временные организации, искусственно созданные только для выборов, на время выборов и не наделенные никакими иными полномочиями, кроме избирательных. По где же в советской системе это отсеивание избирателей с целью подделать вотум большинства? Где же здесь эти безвластные и бессильные однодневки—коллегии выборщиков,—назначение которых выбрать и разойтись по домам? Необходимо всегда помнить, что, избирая городские и сельские советы, наш избиратель непосредственно создает низовые органы государственной власти. Эти правящие учреждения он уполномочивает не только править, но и формировать последовательно высшие органы власти. Именно потому, что советы и съезды—правящие органы, им и следует поручать выборы правящих органов; они выполнят это с полным знанием дела. Конечно, массы, избирая низовой совет, должны иметь в виду, что в лице городского или сельского депутата они тем самым получают представителя и на вышестоящий съезд вплоть до союзного вследствие непрерывности советской системы, не знающей противоположности мест и центра и пропасти между представительством в местные органы и органы общегосударственные. Это обстоятельство обязывает, конечно, избирателей к наибольшей серьезности, осмотрительности и вдумчивости на выборах, но никому не дает основания жаловаться на «многостепенность» нашего избирательного права. Наши сельские и городские советы избираются населением, конечно, непосредственно. Если бы здесь действовали выборщики, было бы полное основание считать выборы косвенными. Но съезды советов должны избираться советами как раз потому, что это—съезды советов. Кто хочет, чтобы Всероссийский, например, съезд советов избирался непосредственно населением, тот хочет, очевидно, не съезда советов, а парламента, и не советской системы, а буржуазного парламентаризма.

285. Решительная непригодность старых наименований. И здесь, следовательно, название советских выборов косвенными, или степенными, тоже утвердившееся в нашей литературе, основано на чистейшем недоразумении, проистекающем частью от вполне поверхностного восприпимания некоторыми авторами советского строя без всякой

попытки расчленить и анализировать его элементы, после чего рассмотреть их в общей стройной совокупности, частью от поспешного и некритического перенесения буржуазных терминов в такую обстановку, которая вовсе не для этих гостей создана. Если согласиться с характеристикой советского представительства, приведенной в предыдущих строках, приходится признать, что счет, например, ступеней, которые проходят при выборах советские депутаты, есть занятие в высшей степени бесплодное. «Чем больше ступеней, которые проходит депутат при своих выборах, тем более он будет себя чувствовать свободным от непосредственного влияния избирателей» [318]. Далее идет добросовестный расчет «инстанций», через которые проводятся депутаты различных съездов. Но ведь эти «инстанции» ничем не напоминают те искусственные коллегии выборщиков, в которых происходит специальный отбор избирателей. Это практические школы управления, которые одну за другой проходит делегат, где он учится, накапливает знания и опыт, растет как законодатель и администратор. Только при такой системе представительные органы превращаются в рабочие учреждения, приспособленные для делового строительства, а не для интриг и болтовни. И только при такой системе делегат, последовательно прошедший через эти избирающие и правящие собрания, чувствует двойную связанность свою: ответственность перед массой городских или сельских избирателей и ответственность перед советом или съездом, с которого делегирован на вышестоящий съезд. Но откуда это мнение об ослаблении «непосредственного влияния избирателей»? Несомненно, оно навевается все тем же бессознательным, быть может, неразличением буржуазной коллегии выборщиков и нашего совета или съезда, избирающего делегатов. Коллегия выборщиков не может призвать к ответу депутата просто потому, что она испарилась бесследно, как только выбрала; не может это сделать и избирательская масса—просто потому, что не она выбрала депутата. Немудрено, что такой «депутат» чувствует себя вольной пташкой, депутатом милостью бога или денег своей супруги (см. выше, § 263). Но разве делегат Всероссийского съезда, прошедший на окружном съезде, не отчитывается перед сельскими избирателями как

депутат сельского совета? Разве эти избиратели не могут (юридически и фактически) привлечь его к ответу в вопросах его поведения именно на Всероссийском съезде? И разве эти же избиратели не могут отозвать его из совета, будучи неудовлетворены его позицией именно на Всероссийском съезде?

286. Неравенство избирательного права. Подобной же осторожности в выборе терминов и в их применении необходимо следовать и тогда, когда речь идет о пропорциях представительства от города и села, устанавливаемых нашей Конституцией. Здесь определяется, что при выборах на Союзный съезд советов городские советы посылают представителей, исходя из расчета: один представитель на каждые 25 000 избирателей, а окружные съезды—на каждые 125 000 жителей (ст. 9 Конституции СССР). То же соотношение предписывается для выборов на Всероссийский съезд советов (ст. 20 Конституции РСФСР), то же соотношение—при выборах на областные, окружные и районные съезды (25 000 жителей и 5 000 избирателей, 5 000 и 1 000, 300 и 60,—ст. 51 а) б) в) Конституции РСФСР). Обратив внимание на то, что в одном случае законодатель говорит о жителях, а в другом об избирателях, и заметив, что избирателей меньше, конечно, чем жителей, в общее число которых входят и дети, и юноши, не достигшие избирательного возраста, и лишенные избирательных прав по классовому основанию, и недееспособные, и опороченные по суду, легко понять, что, хотя нет пока точной статистики выборов, отношение между городом и селом в этом случае выражается не пятью к единице, как может показаться, а, по приблизительному подсчету, двумя к одному, в крайнем случае—двумя с половиной к единице. Здесь есть, следовательно, неравенство представительства городского и сельского населения, могущее в известных случаях дать численный перевес на некоторых съездах рабочим представителям.

287. Что оно обозначает у буржуазии? Однако это неравенство избирательного права имеет совершенно иное происхождение и иной характер, чем в буржуазном государстве. Там, где провозглашается равенство индивидов, как священный принцип, там государство обязуется прибегать при выборах в представительное учреждение к по-

головному опросу правомочных граждан, рассматривая каждую единицу, как самодовлеющую величину, и неукоснительно следуя классическому правилу: один человек— один голос. Если оно поступает иначе, оно лицемерит и предательски нарушает оказываемое ему доверие. Больше того: настаивая на всеобщем равенстве людей, как индивидуумов, капиталистическое государство не было бы капиталистическим, если бы не проводило эту точку зрения в правовой области: перед законом все равны; за одинаковое преступление буржуа, пролетарий, батрак, крестьянин, банкир караются одинаковым возмездием. Государству нет дела до того, что такое возмездие переносится представителями разных классов глубоко различно: один и тот же штраф разорит мелкого хозяйчика и не проделает ни малейшей бреши в состоянии крупного фабриканта; одно и то же заключение в арестном доме выбьет из колеи рабочего на всю жизнь и не оставит ни малейшего следа в существовании капиталиста (если даже он от него тем или иным путем не откупится); соблюдать договор одинаково обязаны наниматель, дающий только деньги, и рабочий, отдающий самого себя, свою неповторяющуюся жизнь. Тем отвратительнее поступает это государство, когда оно в политическую область отказывается внести такое же мерило всеобщего равенства и нарушает его как раз в пользу имущего, законом предоставляя ему больше голосов на выборах, чем неимущему.

288. Что обозначает неравенство у нас? Нетрудно убедиться, что в Советском государстве дело коренным образом меняется. Здесь, прежде всего, измышленные буржуазией понятия равенства людей и ценности личности, как таковой, заступаются признанием действительного неравенства человеческих единиц и ценности того класса, который единственно способен положить конец этому неравенству. Силою вещей класс этот становится освободителем и руководителем всех трудящихся. Организация выборов на основе поголовного опроса вотирующих при тщательном соблюдении правила «каждый голосует один раз» теряет тот смысл, который такая организация сохраняет в собственническом строе: не индивидуальный, как выяснено выше, взгляд избирателя, а коллективный интерес производственной ячейки призван осуществить советские выборы. Этим одним пера-

венство голосования лишается огромной доли того ядовитого содержания, которого оно преисполнено в буржуазном обществе. Мы знаем уже (сравн. § 237, 238), что пролетариат, осуществляя свою диктатуру в полном единении с бедняцко-середняцкими массами, нисколько не стремится уравнять эти крестьянские массы перед безличным законом. Держа в своих руках кредитные учреждения и промышленные предприятия, т. е. всю экономическую систему страны, он пользуется этим не для того, чтобы бросить беспомощного и неорганизованного крестьянского производителя в пучину экономического оборота, в пасть торговца, скупщика, эксплоататора, как бы оно следовало, если исходить из великого принципа всеобщего равенства: оно окажет крестьянину многостороннюю и разнообразную государственную помощь дешевым кредитом, поставкой и доставкой земледельческих орудий, снижением цен на изделия промышленности. Но ведь это он потому только и может сделать, что признал неравенство рабочего и крестьянина. Ведь все это только одна из оборотных сторон неравенства голосования. Так как пролетариат, благодаря, между прочим, неравному голосованию, крепко и плотно организован в советах, он и получает возможность так поставить хозяйство, так наладить производство и обмен, чтобы тому же бедняку и середняку уделить ряд льгот и преимуществ.

289. Абсентеизм избирателей и его причины. Нужно, однако, иметь в виду, что, подобно тому как недостаточно еще использованы нами все достоинства и особенности советской системы, так точно и возможности, предоставляемые трудовым массам советским избирательным правом, мало еще восприняты и оценены этими массами. Годы гражданской войны и военного коммунизма оказались неблагоприятными для такого развертывания советского строя, при котором нашла бы себе широкое применение хозяйственная и политическая самодеятельность трудящихся. И сейчас на советах тяжело отзываются явления абсентеизма—воздержания избирателей от участия в выборах. В буржуазном государстве абсентеизм есть следствие главным образом упадка интереса к парламентской жизни со стороны мелкобуржуазных слоев, которым крупный капитал и его государственные учреждения внушают недоверие. Отсюда вполне понятное стремление руководящей буржуазии,—за отсутствием каких бы то ни было средств устранить это недоверие, преобразовать парламентские учреждения и тем поднять активность избирателя,—принудительно заставить его

осуществлять свои избирательные права. Для этого современная наука спешит использовать старинный взгляд на избирательное право, как на общественную функцию, которую гражданин о б я з а н, следовательно, осуществлять в интересах государства. Но дело здесь, конечно, вовсе не в теоретическом споре, есть ли избирательное право только право или в то же время повинность. Уже давно замечено, что в капиталистическом государстве средний буржуазный избиратель находится на положении ученой собаки: во время предвыборной кампании партийные вожаки действуют на самые элементарные и низменные побуждения его; при вотировании ему подсовывают избирательный бюллетень, который нет необходимости даже читать, потому что бумага окрашена в цвет соответствующей партии; и трудиться писать свое имя тоже нет надобности избирателю: достаточно поставить в положенном месте крест или иной значок. Все это и взаправду приемы, мало отличающиеся от тех, с помощью которых пудель дрессировщика изумляет публику своей собачьей гениальностью. Но если ученый зверь выходит из повиновения, и на него уже нельзя подействовать ни сахаром демагогических обещаний, ни окриком революционной опасности, ему грозящей, то что же остается, как не прибегнуть к хлысту? Таким хлыстом и должны служить карательные меры государства в отношении абсентеистов. Некоторые правительства давно вступили на этот путь, другие приближаются к нему. В Бельгии о б я з а н н о с т ь выбирать признана законом и в государстве, и в провинции, и в общине. Неисполнение этой обязанности карается штрафом, а при четвертом рецидиве—лишением на срок избирательных прав и права на государственную или общественную должность. Не столь свирепо законодательство швейцарских кантонов, но и здесь принят во многих случаях денежный штраф. Наказание за неучастие в выборах в парламент знали и до войны также Дания, Болгария, Испания, Нидерланды, ввели после войны Венгрия и Чехо-Словакия, проектируют во Франции, где, по статистике выборов 1919 г., процент воздержавшихся достиг 30. Все эти меры, без сомнения, мало действительны; они могут поднять число являющихся к урнам, но одновременно увеличить (при тайном голосовании) количество пустых бюллетеней.

290. **Особенности нашего абсентеизма.** Если обратиться к статистике советских выборов, то численность избирателей, не участвовавших в выборах, была еще совсем недавно весьма значительной. Как и следует ожидать, она понижалась в городах и возрастала в сельских местностях, где в 1924 г. достигла 71,1% *. Это свидетельство сухих цифр нуждается, тем не менее, в значительных поправках. Дело в том, что, по очень старинной традиции, утвердившейся в нашей деревне, домохозяин—глава семьи, иногда чрезвычайно многочисленной, если считать вместе живущих неотделенных сыновей—считается

* Цифры касаются только РСФСР.

законным представителем этой семьи, призванным отражать и защищать ее интересы перед сельским «миром». Домочадцы такого деревенского патриарха, даже в том случае, если горячо принимают к сердцу деятельность сельского совета и более или менее сознательно относятся к советской власти, находят выполненными избирательские обязанности своего двора, если его глава принимал участие в выборах [319]. Конечно, эта традиция никак не может им служить извинением, и задача советских работников в деревне—разъяснять в таких случаях, что экономические и политические нужды сельских производственных единиц могут быть правильно выявлены лишь путем участия в предвыборных собраниях и самых выборах всех правомочных членов этих единиц, как это и происходит в городах на фабриках, заводах, учреждениях. Тем не менее очевидно, что термин «абсентеизм», имеющий в виду сознательное уклонение от выборов, не совсем приложим в этих случаях.

Далее необходимо иметь в виду, что в приведенное выше общее число неучаствовавших лично в выборах входят и женщины. Между тем, косность и общественная несамодеятельность женщин, в особенности деревенских, есть тяжелое наследие, которое советская власть получила от капиталистического государства и которого она, конечно, еще не успела избыть. Об избирательной активности деревни еще долго придется судить по ее мужской половине, а здесь процент неучаствовавших в выборах 1924 г. гораздо ниже общего, падая до 52. Если и из этой цифры вычесть невольных «абсентепстов», о которых говорилось выше, то число абсентепстов в собственном смысле слова будет, пожалуй, совсем невелико. Но дело в том, что число и этих абсентеистов неуклонно падает. Если число участвовавших в выборах городских советов составляло (по данным РСФСР) в 1922 г. 36,5% всех пользующихся избирательным правом, в 1923 г.—38,5%, в 1926 г.—52%, то в кампанию 1927 г. мы имели 59,2% и по данным, охватывающим 957 городских советов из 1039, в эту кампанию из 11 004 811 избирателей участвовали в выборах 6 505 597. В деревнях дело обстоит, конечно, хуже, но улучшается по сравнению с прежними годами: по 71 768 сельским советам из общего числа их (в СССР) 72 484 приняло участие в выборах 1927 года 27 827 005 избирателей из 57 443 023, т. е. 48% [320].

В кампанию же 1929 г. из общего числа городских избирателей (по СССР) 11 754 тыс. явились на выборы 8 477 тыс., т. е. 73½, а из общего числа сельских избирателей 62 299 тыс. явились 38 548 тыс., т. е. 62½. Эти данные явственно говорят о большом росте политической активности деревни [321].

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ФЕДЕРАЛИЗМ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПРОЛЕТАРИАТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

291. Разложение Российской империи на ее составные части. Нет сомнения, что если бы трудящиеся массы на всем пространстве Советского союза составляли одну нацию, сплошную или хотя и с чужеродными прослойками, но сравнительно тонкими и неглубокими, то задача приближения власти к трудовому населению, как переход на пути к полному растворению государства в социалистически организованном обществе, очень упростилась бы. Но, как известно, историческая действительность сложилась таким образом, что перед пришедшим к власти пролетариатом стала задача, не совладать с которой значило погибнуть, зато разрешение ее сулило ему самый блестящий козырь в борьбе с колониальным империализмом. Старая Россия отличалась чрезвычайной пестротой не только в экономическом и культурно-бытовом отношениях, но и по своему территориальному и национальному составу. Этот набор разноязычных земель, отличающихся друг от друга и почвой, и климатом, и племенем, и историческими судьбами, и распределением городского и сельского населения, и техникой-экономикой с переливами от первобытных хозяйственных форм до высокоразвитой капиталистической промышленности, имел своим центральным ядром Великороссию, которая главенствовала, пока в руках капиталистов и помещиков сохранялся нетронутым насильнический государственный аппарат. Господствующие классы царской России грабили и присваивали себе не только народное достояние в виде орудий производства, продуктов, материалов, денег и всякого рода ценностей, но и целые нации превращались дворянско-буржуазным госу-

дарством в предмет грабежа и присвоения. В этом смысле и говорил Энгельс о дореволюционной России, как о «владельце громадной суммы украденной собственности (the detainer of an immense amount of stolen property), которая силой будет вырвана у нее (disgorged) в день расчета» [322]. Этот день расчета должен был совпасть с днем революции. «Распад бывшей Российской империи на национальные части был следствием *классового* распада ее» [323]. Это несомненно и вполне понятно, если принять во внимание, что буржуазно-помещичье государство ничего не могло дать национальным окраинам, кроме экономической эксплоатации и политического гнета везде и вообще плюс сифилис и алкоголизм кое-где и в частности.

Могущественным орудием при этом был крепкий государственный аппарат, который сам был основан на «гражданском мире», на бессловесном подчинении имущим верхам темных неимущих масс.

Но революция, как следствие первого пробуждения этих масс, должна была в своем дальнейшем развитии все сильнее и сильнее раскалывать население страны на два прямо друг против друга стоящих лагеря, и эта щель между классами оказалась, конечно, гибельной щелью в машине государства. Машина треснула и распалась. Тогда освободились и узники, которых сковывали тюремные стены и между которыми, казалось им всем, не было иных связей, кроме насильственных каторжных связей общей неволи и общего позора.

292. Пролетариат принимает многонациональное наследство. С той минуты, именно с октября 1917 г., борьба восставшего пролетариата за свои непосредственные классовые цели в значительной степени свелась к борьбе за всестороннее руководство многонациональной крестьянской массой. Задачей пролетариата было доказать национальным окраинам, что на историческом перепутьи перед ними три возможности: 1) сепаратизм, к которому их увлекали мелкобуржуазные вожди и который должен был в конечном счете уготовать им еще не испытанное ими колониальное рабство, 2) возвращение вспять, под сень «единой и неделимой России», куда их исподволь толкала помещичья контрреволюция и где они обрели бы недавний великодержавный гнет, и 3) создание совершенно новых

условий сожительства, неосуществимых при господстве какой бы то ни было буржуазии, обеспечивающих каждой нации наибольшие возможности свободного развития, а всем вместе—могущественную защиту сильного, спаянного государства. Пролетариат не захотел «отдать назад» свое тяжелое, но почетное наследие ни жадным до колониальных приобретений империалистам Запада и Востока, ни собственной промотавшейся буржуазии: он предпочел сделать из не им награбленного богатства иное, лучшее применение. Для этого пришлось пройти через очищающий огонь гражданской войны. Тем лучше: свое Великое союзное кольцо он выковал в таком жарком и чистом пламени, что его не распаять уже никаким пожарам.

293. **Что такое национальная общность? а) Нация и территория.** Но это большое дело оказалось по плечу пролетариату оттого, между прочим, что он вступил в гражданскую войну вооруженный старой выучкой, давшейся ему очень медленно и с трудом. В частности, сознательное и правильное отношение к вопросам национального движения и целесообразное решение того или иного национального вопроса в каждом данном конкретном случае невозможно было бы без точного понятия нации и уразумения классовой сущности национальных движений. С первого же взгляда несомненно, что нация есть *некоторая общность* людей. Что же, какой признак или черта создает национальную общность людей, в противоположность национальной разобщенности? Нельзя ли усмотреть такую общность там, где имеется *единство территории*? Конкретные наблюдения не позволяют это сделать. Всем известно, что население дореволюционной Австро-Венгрии, хотя и расположилось на определенной государственной территории, резкими границами отмежеванной от других, иноземных территорий, далеко не составляло одной национальности. То же с населением России.

294. **б) Нация и язык.** Не имеет ли нация решающим признаком общий язык? Но вот в бывшем Соединенном королевстве Великобритании и Ирландии англичане и ирландцы говорили на одном языке, твердо различаясь однако по нациям. В советской России грузины и аджарцы имеют общий язык, но составляют различные нации. То же—англичане и американцы. То же—датчане и норвежцы.

295. в) Нация и раса. В таком случае не служит ли тут решающим моментом единство происхождения? Но такого единства при ближайшем рассмотрении вообще не оказывается. Над созданием итальянской нации поработали в разное время такие этнологически разновидные племена, как этруски, римляне, греки, германцы и сарацины. Французы произошли от галлов, римлян, германцев и бриттов. В жилах современных американцев течет какая-то смесь из крови почти всех рас.

296. г) Нация и экономика. Быть может, нужно воспользоваться экономическими признаками и сказать, что там, где есть тесное хозяйственное общение, экономическая взаимозависимость частей, там эти части образуют нацию? Но и такое заключение, с очевидностью, противоречит действительности. Экономическая связанность обрабатывающего севера с добывающим югом СССР, хозяйственная невозможность их раздельного бытия всегда существовала и особенно ярко сказывается ныне при советском плановом хозяйстве. Однако население РСФСР и Украины никогда не объединялось в одну нацию и сейчас нет такого объединения. Подобных примеров можно найти множество.

297. Национальная общность как общность языка, территории и хозяйства. Мы видим, что нет ни одной черты, которая сама по себе знаменовала бы ту особенную общность, которая зовется национальной. Тем не менее нации существуют же! Да, они существуют там, где оказались в общем соседстве *все* те главнейшие признаки, которые в отдельности разобраны выше. Национальная общность есть общность языка, территории и экономики. Значение языка как важнейшего средства общественных сношений не нужно доказывать: «Полной осязательностью, полной ясностью, на первый же взгляд для всякого, обладают те признаки и связи, которые нация имеет в своей устной речи»[324]. Потому *нет единой нации без единого языка*[325], хотя, как мы видели, наличие *только* общего языка не делает еще нации. «Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций!»[326].

В то же время, по тем самым причинам, по которым единый язык так существенен для характеристики нации,

он окажется бессильным в деле создания национальной общности, если столкнется с территориальной разобщенностью пользующихся им людей. Распадение англичан и американцев на две разные нации началось с той минуты, когда между ними лег океан, и обратно—объединение датчан и норвежцев на одной территории уничтожило бы одну из тех причин, которые сейчас обусловливают их национальную разобщенность. Следовательно, нет единой нации без единой территории*), хотя могут быть разные нации на общей территории.

Наконец и язык и территория не обозначают национального единства, если к ним не присоединяется внутренняя экономическая целостность, если разделение труда, общий процесс производства не сплетает насущных хозяйственных связей между людьми. Общность экономической жизни—очевидное условие общности национальной.

Таким образом общности языка, территории и хозяйства необходимо и достаточно для понятия национальной общности.

Необходимо и достаточно. Конечно, возникнув и развиваясь, эта общность трех элементов накладывала все более заметный и специфический отпечаток на всю духовную жизнь нации, создавая ей таким образом своеобразное индивидуальное лицо. И это своеобразие, выражающееся ближайшим образом в особенностях быта и культуры, присоединяется к общности хозяйства, языка и территории, как «общность психического склада»[327], служа четвертым характерным признаком нации[328].

298. Классовый смысл буржуазного понимания нации. а) Национальное сознание. В традиционной науке понятию нации не посчастливилось. «Никакое другое понятие из области государствоведения не является столь шатким и неопределенным,

*) Разумеется, и тогда, когда Польша разделена была между Россией, Пруссией и Австрией, поляки составляли одну нацию. Но ведь нация-то сконструировалась, как таковая, до раздела национальной территории вследствие, между прочим, общности территории. Пример евреев ничего не может опровергнуть в нашем выводе. (По этому вопросу см. в особенности: Ленин, Критические заметки по национальному вопросу. Собр. соч., т. XIX, 1925, стр. 46.)

как понятие о национальности»[329]. В этом отношении, впрочем, нация разделяет участь целой толпы основных понятий науки о государстве, которые все шатаются и колеблются вместе с этой наукой. Но такое шатание вовсе не составляет отличительного свойства нации. Убедившись, что «невозможно установить единый, прочный, объективный критерий нации»[330], но не исчерпавши попыток найти таковой в какой-либо постоянной комбинации нескольких элементов, наука с подозрительной торопливостью спешит упразднить нацию как «нечто объективное в смысле внешне существующего»[331] и возродить ее, как «нечто совершенно субъективное, т. е. свойство определенного содержания сознания»[332]. Такое достижение с точки зрения «чистой науки» импонирует своим глубокомыслием и беззаветным стремлением отрешиться от всего грубо-эмпирического. Но при некотором недоверии к приемам чистой науки и при скептической проверке ее позиции и выводов нетрудно обнаружить и здесь один из пошлых фокусов буржуазного классового своекорыстия. Лишить понятие нации точных и ясных конститутивных черт—значит, сделать из него нечто таинственное, сверхчувственное и тем изъять из ведения простого народа профанов. Превратить, далее, это понятие в тип сознания—значит, отождествить целиком нацию с тем, кто является, по-видимому, духовным гегемоном общества, чье сознание монопольно порождает верховные ценности и от пиршественного стола которого должен получать подачки охлос с его рудиментарным сознанием и примитивными чувствами. Так, земная, насквозь материальная нация, берется живьем на идеалистическое небо, чтобы в ту же минуту контрабандным маневром очутиться вновь на земле в бесконтрольном распоряжении капиталиста. «Чем выше своеобразная культура народа, чем богаче объединяющее его членов историческое прошлое, тем более развита и нация, отсутствующая поэтому на низших ступенях культуры»[333]. На низшие ступени культуры изо всех сил сталкивает рабочего буржуазия. Но там, на этих низших ступенях, нет осознавшей себя нации, а есть чернь непросвещенная, которая и в национальных устремлениях должна, следовательно, покорствовать мановению верхов. Но буржуа великодушен. Замиренному пролетариату он готов здесь открыть лазейку: «Для того, чтобы развилось национальное чувство, должно еще присоединиться противопоставление себя другим нациям»[334]. Воспитывая рабочего, как цепного пса, готового вгрызться в горло, кому укажет хозяин, буржуазия обещает ему за это высшее «содержание сознания», напиток богов—национальное чувство.

299. б). Национальный характер. Тот же смысл идеалистического дурмана остается и за теми теориями, кои пытаются проникнуть в сущность нации с помощью понятия национального характера. При всей осторожности этих теоретиков, признающих изменчивость национального характера, его динамичность, историчность, несамостоятельность, старательно отмежевывающих его от «таинственного народного духа» и пы-

тающихся объяснить национальную историю посредством национального характера, а самый национальный характер посредством национальной истории [335], они оказываются в ближайшем соседстве с национальным спиритуализмом. Ибо этот благонамеренный с виду национальный характер прекрасно обнаруживает свою метафизическую суть, когда порождает «великий факт национальной апперцепции» [336]. Нация не просто воспринимающая или усваивающая, а апперцепирующая, не очень далеко ушла от нации с саморазвивающимся национальным духом. А роль этого национального духа в деле обуздания непослушных масс, путем «оправдания подлости сегодняшнего дня подлостью вчерашнего дня» [337] слишком хорошо известна.

300. Что же создает нацию в современном смысле? Но не ясно ли, что язык, хозяйство и территория не есть нечто, что возникает вдруг в законченности своей, во всех характерных чертах и особенностях, и, возникнув, остается постоянной величиной? И то, и другое, и третье суть продукты исторического развития, медленного, иногда прерывистого, исторического процесса. И именно те необходимые элементы, без совокупности которых нет нации, свое значение приобрели в известную историческую эпоху,— в эпоху поднимающегося капитализма. Поскольку речь идет уже не о признаках, характеризующих нацию, а о действенном факторе, ее, в конечном счете, создавшем, постольку выступает на сцену капиталистическое хозяйство как образующая и определяющая сила.

301. Интересы буржуазного рынка требуют единства территории, хозяйства, языка. Того, что мы в наше время называем нацией,—группы людей, характеризующейся общей территорией, языком, экономической жизнью и культурой,—нацией, склонной развивать и защищать свою национальную особность, докапиталистический мир не знал, как не знал и индивидуума—личность с ее особенным, неповторяющимся внутренним складом, в себе самой несущую вселенную в миниатюре—микрокосм—и ревниво противопоставляющую себя другим индивидуумам. Капиталистический способ производства, вызвав к жизни новый руководящий класс, буржуазию, поставил перед ней основной вопрос ее существования: развитие рынка. Она уничтожила хозяйственную самостоятельность многочисленных территориальных подразделений, из которых состояло средневековое государство, и поставила все эти кантоны, марки, области в тесную экономическую зависимость друг

от друга и от государства. Вместе с тем она убила сословно-соседскую общину, погнала деревню в город, перемешала, перетасовала людей разных сословий, цехов, корпораций и районов, упразднив неподвижность и стойкость наследственных и приобретенных уз, прав и привилегий и подчинив всех этих, якобы свободных, равно- и самоценных индивидуумов единой власти капитала.

Так стихия рынка, которая всех уравнивает в одинаковом и всеобщем рабстве капиталу, превратила ряд феодальных земель в единую территорию с функционирующим в ее пределах единым хозяйственным организмом.

В то же время росло значение единого языка, необходимого буржуазии для расширения и защиты рынка. Одноязычие облегчало не только руководство в непосредственной сфере производства и обмена, но—что самое важное—укрепляло политическое командование централизованной бюрократии и служило орудием быстрого и легкого подчинения масс буржуазной идеологии через посредство особенного—промежуточного класса интеллигенции, для которой язык есть настоящее средство производства и которая поэтому больше кого бы то ни было заинтересована в безраздельном господстве ее языка.

302. В борьбе за овладение внутренним рынком буржуазия сложилась в нацию со своей хозяйственной системой, своей территорией и своим языком, и во всех странах всякий раз, как силы позволяли ей вырвать государственную власть из рук абсолютизма, она увенчивала этот своеобразный национальный status знаменем национального суверенитета. И со второй четверти XIX столетия эта новая национальная идея—идея самобытности наций и ее верховенства [337a]—послужила прекрасным лозунгом, с помощью которого буржуазия гнала народные массы то на штурм абсолютистских твердынь для завоевания необходимых ей свобод, то на борьбу с иноземным владычеством для отвоевания «своего», «независимого», «родного» государства, т. е. рынка.

303. В этом был залог национальной исключительности и соперничества. Но подобно тому, как гражданские свободы, которых домогалась буржуазия той эпохи, знаменовали не соединение человека с человеком, а обособление человека от человека, так и национальная идея буржуазии, требовавшая госу-

дарственного единства нации, то есть ее свободы, как таковой, свободы от опеки чужого инонационального государства, означала прежде всего противопоставление нации нации. Как там речь шла «о свободе человека, как изолированной и сосредоточенной в себе монады», ибо «каждый человек одинаково рассматривается; как сама себе довлеющая монада»[338], так и здесь нация рассматривается в качестве «элементарного единства, рациональной монады науки»[339]. И как там, практическим применением права человека, то есть буржуа, на свободу, являлось его право на частную собственность, «право произвольно, не обращая внимания на других людей, независимо от общества, пользоваться и распоряжаться своим имуществом»[340], так здесь практическим применением национальной идеи являлось право нации; то есть буржуазии, на территорию; язык и экономический суверенитет, право произвольно, не обращая внимания на другие нации, независимо от всего мира, пользоваться и распоряжаться национальным достоянием—рынком. Во всем этом был, конечно, глубокий диалектический смысл. Подданные феодального государства должны были разбить свои цепи, чтобы свободными гражданами вступить в конкуренцию. Но эта конкуренция родила монополию, и на почве буржуазно-демократических свобод произросли предпринимательские и рабочие объединения, упразднившие эти свободы. Так точно нации должны были сконструироваться, как свободные, равноправные и независимые «монады», в качестве таковых противопоставиться друг другу и через жестокое соревнование на мировом рынке притти к фактическому покорению отсталых и слабых наций богатыми и сильными[341].

304. Пролетариат и принцип равенства наций. Всем этим точным понятием нации, ее историческим происхождением и ролью в капиталистическом обществе—должна определяться позиция пролетариата в национальном вопросе. Уже со времен Коммунистического манифеста стало истиной, что «у рабочих нет отечества», что национальная обособленность народов осуждена на исчезновение в процессе самого капиталистического развития, а господство пролетариата еще более заставит ее исчезнуть, ибо «по мере того, как будет уничтожаться эксплоатация одного индивидуума другим, будет уничтожаться и эксплоатация одной нации другой»[342].

Пролетариат не национален. Но одновременно с этим он чуждается беспочвенного космополитизма. Он знает силу национальных различий, и это знание предохраняет его от фатализма в национальном вопрсе, как и во всех других. Класс революционный и действенный по преимуществу, он и здесь не может и не хочет уклониться от

борьбы не потому, что нация для него—самодовлеющая ценность, а потому, что общие и верховные интересы его классовой борьбы требуют устранения всего, что препятствует международной солидарности пролетариата и способствует объединению классов в рамках каждой данной нации. В буржуазный принцип равноправия наций, которым буржуазия воспользовалась для обособления наций и натравливания их друг на друга, пролетариат должен вложить революционное содержание и тем восстановить единственно ценный смысл этого принципа: добровольное объединение и дружное сотрудничество.

305. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Подобно тому как он объявляет лицемерным и лишенным смысла понятие равноправных индивидуумов, заменяя его классовым и революционным делением людей на эксплоататоров и эксплоатируемых, так точно и в национальном вопросе он выдвигает, «как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме, деление наций на угнетающие и угнетаемые»[343]. Но нация угнетающая несвободна. «Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет»[344]. Пролетариат угнетающей нации, не борющийся с этим угнетением, поддерживает его. Поддерживая его, он попадает в плен к своей буржуазии, толкает пролетариев угнетенной нации к национальному союзу с их буржуазией, лишается свободы действий, революционного мужества, делается мертв для интернационального движения и уже по этому одному собственными руками кует собственные цепи.

306. Интересы мировой революции и право наций на самоопределение. А между тем, неоценимое преимущество марксистски мыслящего пролетариата перед его классовыми врагами заключается в широком кругозоре, в твердом сознании, что он—большого плавания корабль, что перед ним мировые дали и в них он должен зорко высматривать игру мировых сил. «Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции, в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего

распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции» [344а]. При таком понимании связи между частными моментами местной революции и общими вопросами международной революции, не очевидно ли, что и «национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма» [345]. А освободить их от империализма—значит освободить империализм от самого себя, то есть убить его. Это означает развал капиталистического строя, гибель его рынков, исчезновение сверхприбыли, прекращение подкупа пролетариата метрополией, а это и есть мировая революция. «Теперь сложилась система горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма, господствующих над миром империалистических наций» [346]. Если так, то единственный лозунг, соответствующий классовым интересам пролетариата и подчиняющий национальный вопрос этим интересам, есть лозунг права наций на самоопределение.

307. В чем смысл этого лозунга? Что следует понимать под ним? «Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих «общих понятий» права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений» [347]? Мы для того-то и постарались выше установить конкретное понятие нации, в которое входят не только национальные язык, культура, хозяйство, но и национальная территория в качестве необходимого признака. Такое определение нации диктуется не одними лишь логическими рассуждениями, но, главным образом, всем историческим опытом национальных движений, господствующей тенденцией которых всегда было образование **национальных государств** [348]. Но создание национального государства возможно только на национальной территории. Национальное государство есть господство национального языка, рынка, культуры в пределах национальной территории. Поэтому право нации на самоопределение есть—исторически и логически—право на отдельное государственное существование. «Под самоопреде-

лением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [349].

308. Пролетариат, империализм и угнетенные нации. Таким образом позиция пролетариата в национальном вопросе отличается достаточной ясностью и определенностью. И позиция эта не колеблется, а укрепляется в случае захвата им власти в любой многонациональной стране, например в России. Тогда с осязательной наглядностью выступает необходимость крепких интернациональных связей пролетариата. Свою революцию он должен превратить в мировую. Путь к ней лежит через освобождение наций, колоний и полуколоний от империализма. Всем и каждой угнетенной нации он протягивает руку через головы империалистов. Этим самым он подсекает господство буржуазии в ее собственной метрополии и, следовательно, освобождает из-под ее влияния пролетариат угнетающей нации. Но в то же время он фактом своего содействия будит классовое самосознание трудящихся масс угнетенной страны, расширяет щель между ними и их господствующими классами и, обучая их на предметном уроке его собственной революции тактике «вместе бить—врозь итти», внушает им, что если нельзя еще сейчас сбросить своих эксплоататоров, то это нужно и можно сделать на другой день после освобождения от чужеземного гнета.

309. В государстве пролетариата не может быть национального вопроса. Но, очевидно, что пришедший в многонациональной стране к власти пролетариат должен прежде всего у себя дома осуществить свою национальную программу. Вопросы этой программы приобретают сугубую важность, хотя заранее можно сказать, что правильное разрешение их обеспечено. Если в наши дни в Советской России национальный момент примешивается ко всякому вопросу, если ни одна конкретная мера в области наших внутренних или внешних дел, партийного, хозяйственного или иного строительства не может обсуждаться *вне плоскости нашей*, национальной политики [350], то это никак не значит, что у нас на седьмой год революции есть «национальный вопрос», который все усложняется, запутывается сам и нас запутывает. Напротив, непредубежденному и внимательному наблюдателю это именно и укажет на

растворение национального вопроса в ряде вопросов государственной жизни. Он уже не существует обособленно и самостоятельно. Он преодолен, как проблема [351]. И для будущего задача наша: «в национальных вопросах работать так, чтобы не дать возникнуть никакому национальному вопросу» [352]. В этом отношении есть близкое сходство между ним и земельным, например, вопросом, который тоже не сходит у нас с повестки дня всероссийских съездов [353], но кто же заключит из этого, что у нас есть «аграрный вопрос»? Национальному вопросу, как и земельному, нанесен сокрушительный удар в самое основание фактом свержения власти собственников, и вот он зашатался, рассыпался на мелкие куски, распылился. Процесс дальнейшего измельчания и растворения этих частиц и длителен и труден, но это уже дело времени и общего созидательного строительства, а не вопрос борьбы и случайной удачи. И здесь, разумеется как и в других случаях, положение национального вопроса в Советском государстве нельзя понять вне связи с отличительными чертами этого государства: отсутствием господствующего класса капиталистических собственников, обусловливающего и делающего неизбежным все виды угнетения, в том числе и национального.

310. Превращение российского пролетариата в нацию. Отсутствие господствующего класса собственников, вынужденного практиковать все виды насилия и угнетения, значит, и национального, есть та особенность Советского государства, которая позволила пролетариату в многонациональной стране подсечь питающие корни национального вопроса, вырвать его жало, которым он так страшен. Революция, которая ничего не делает зря, ударила, как мы видим, по разношерстному, из кусочков насильственно скованному телу так, что расскочились все ненавистные старые скрепы. Это была очень болезненная, но вполне при данных условиях законная и неизбежная операция. В то же время рабочему классу из его революционного центра—РСФСР—хорошо было видно, что одна из его очередных задач, от осуществления которой зависит успешность и русской и в дальнейшем международной революции, есть замена старых буржуазно-политических скреп новыми узами внутреннего, интернационального содружества, основанного

на общности интересов трудящихся каждой нации в их борьбе против общего угнетателя—капитализма. Заранее можно было сказать, что к такому объединению пролетариат Великороссии сможет повести нации бывшей империи лишь в том случае, если он покажет на деле, что диктатура пролетариата, состоя в руководстве широкими крестьянскими массами, означает уничтожение почвы под национальными предрассудками бывшей «державной» нации. Завоевание власти пролетариатом в любой стране есть, по выражению Коммунистического манифеста, превращение пролетариата в нацию. Нация, следовательно, остается, но она уж ни при каких условиях не может быть угнетающей нацией. Пролетариат Великороссии должен был доказать рабочим, а главное—крестьянству окраин, что, подобно тому как он свергнул власть своих национальных поработителей, сам стал нацией, вложил тем самым иное—мирное, культурное содержание в это, прежде воинственное и эксплоататорское понятие, так и они, держась, того же пути, необходимо сольются в тесный круг равноправных товарищей-наций.

311. Что значит «державная нация»? Кто из них будет «державной нацией»? Та, которая окажется впереди в благородном соревновании по организации социалистического хозяйства. В чем выразится ее державность? В материальном богатстве, в культурном преуспеянии, в высоком духовном развитии. Какое же применение сделает она из своей державности, в чем видит смысл этой державности, какие обязанности принимает на себя вместе с ней? Помощь отсталой нации, уступка, жертва в ее пользу, поддержка братской руки, которая настолько сильна, что вытащит из любой беды, поддержит при любом переходе и настолько мягка, что не даст никогда почувствовать своего превосходства, никогда не оскорбит и тенью высокомерного покровительства, никогда не отравит этой помощи усмешкой снисходительного пренебрежения. И то, и другое, и третье было бы, прежде всего, глупо, потому что своего относительного могущества нация, оказавшаяся державной, могла достигнуть только при помощи союзных наций всех вместе и каждой в отдельности.

Итак, вся суть вопроса в следующем: кто олицетворяет нацию? Если буржуазия—тогда грызня и утесне-

ние. Если пролетариат—тогда сотрудничество и равноправие.

312. **Крестьянин, как охранитель национальных черт.** И это надо было доказать на деле. Во всякой стране наиболее косным охранителем национальности является крестьянство. Это понятно, ибо производственные условия, в которых живет крестьянство, особенности земледельческого хозяйства обусловливают общую инертность и консервативность земледельца. Отсюда приверженность к старине, к национальной обособленности, к национальному наряду, языку, свычаям и обычаям. Но именно эти естественные симпатии инонационального крестьянина веками отрицались и втаптывались в грязь господствующими классами России. Украинский крестьянин, как и белорусский, татарский и иные, из поколения в поколение терпел систематические надругательства над тем, что ему свято и дорого. Его землю грабил русский помещик, его самого драл русский чиновник, его муштровал русский офицер. Мудрено ли, что он с молоком матери всосал недоверие ко всему русскому и отчаянную безудержную мечту на своей собственной земле со своим собственным языком пожить самому себе хозяином?

Этому законному желанию угнетенных наций России пролетариат пошел навстречу. Он мог так сделать не только потому, что того требовали его конечные цели, как дальновидного политика, а и потому, что лозунги защиты и покровительства порабощенным нациям всегда стояли на его знамени. В данном случае он поступал, конечно, сообразно с определенными конкретными условиями и требованиями времени и обстоятельств, но и следовал в то же время своей программе, созданной в опыте классовой борьбы и соответствующей его социалистическому мировоззрению. Ставши хозяином положения, он показал, что слово его не может расходиться с делом. И было очевидно, что претворение слова в дело, обеспечив пролетариату доверие инонационального крестьянства, как необходимой предпосылки социалистического строительства в СССР, и завоюет ему симпатии всех угнетенных империализмом наций, что приблизит мировой переворот.

313. И вот, следовательно, в каком смысле можно говорить о национальном вопросе в советском государстве:

это—вопрос национального выравнивания по линиям, хозяйственной, политической и культурной[354], вопрос уничтожения фактического неравенства национальных сил, как наследия буржуазного гнета и колониального рабства. Старая Россия проводила по отношению к своим окраинам ту же программу, какой придерживается всякое буржуазное многонациональное государство: всеми мерами душить в зародыше обрабатывающую промышленность колоний, культивируя в них лишь рынки сырья и сбыта для державной метрополии. На почве этой экономической, искусственно поддерживаемой, отсталости и возвышалась, разумеется, надстройка общественного, культурного, и административного рабства, разрушить которую можно лишь основательным хозяйственным землетрясением с его отдельными моментами вроде переноса фабрик к источникам сырья (в Среднюю Азию, Башкирию, Киргизию, на Кавказ), борьбой с традициями старой переселенческой политики, возвращением коренным жителям пахотных и иных земель, захваченных кулаками-колонизаторами и пр.[355]. Для капиталистического государства эмансипация инонациональных окраин—разорение,—распад, и гибель, и сообразно с этим национальный вопрос для него есть вопрос экономического и политического господства привилегированной державной нации над нациями слабыми, отсталыми, подчиненными; для Советского государства с его плановым хозяйством и отсутствием эксплоататоров всестороннее выравнивание национальных частей—залог силы, процветания, успехов, и соответственно с этим национальный вопрос здесь—вопрос ликвидации всякой исключительности, привилегированности фактической и юридической. Внешним образом это стремление эксплоатирующей нации буржуазного государства сохранить свое главенство выражается всегда одинаково, совершенно независимо от большей или меньшей «демократичности» этого государства: национальность господствующей нации есть воинствующая национальность, она всегда нападает и, нападая, действует испытанным оружием: ассимиляцией. «Мы,—заявлял не так давно Рузвельт в «свободной» американской республике,—приветствуем немца, ирландца, стремящихся сделаться американцами, но нам не нужен чужестранец, не желающий отказаться от своей национальности»[356]. А в самодержавной

России какой-нибудь Столыпин громко и официально провозглашал то же самое несколько иными словами: «Сплотитесь сначала,—говорил он полякам,—общенациональным цементом... Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо—это быть р у с с к и м гражданином... и получите все права»[357]. Ассимиляция же потому хорошее оружие воинствующей национальности, что всегда может сослужить ей и классовую службу. Крестьянско-рабочие низы подчиненных наций поддаются ассимиляции очень туго, либо вовсе не поддаются, зато капиталистические и земледельческие верхи перенимают язык, нравы, религию господствующей нации и, приобщаясь таким образом к «высшей культуре», образуют более или менее единый собственнический фронт, в то время как простонародье, разделенное национальными перегородками, коснеет в предрассудках, темноте и беспомощности и представляет удобнейший материал для эксплоатации.

314. Признание права на отделение как одна из гарантий целости государства. Но этим законным желаниям угнетенных наций России могло соответствовать только провозглашение их права на самоопределение. Содержание же и применение этого лозунга заранее определялось рассмотренными выше понятиями нации и национальных стремлений. Предоставить каждой нации самостоятельность и равенство во всем, «в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство»[358]. Другими словами, возвратить нациям то, что у них было отнято и что им по праву принадлежит. Провозгласить право наций на отделение может, конечно, лишь такое государство, которое действительно способно предоставить этим нациям, в случае их отказа воспользоваться правом на отделение, ту полноту государственных прав, которая им нужна и которую они в состоянии использовать. В этом смысле и сказано было, что «признание права на отделение уменьшает опасность распада государства»[359], делает ненужным фактическое отделение.

315. Такое признание, исходящее со стороны государства, которому незачем лицемерить, которое действительно способно осуществить свое обещание, с р а з у ж е с т а в и т н а ц и о н а л ь н ы й в о п р о с н а н о в у ю п о ч в у: оказывается, что тут-то и возникает возможность учесть все

конкретные особенности, которые в каждом данном случае существенно отличны и требуют поэтому особого рассмотрения и особого вывода. Оказывается, что «экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию,—таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация... Приэтом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса» [360]. Безусловное отделение вовсе не есть во всех случаях самый лучший и неизбежный исход.

Действительно, объявленным в ноябре 1917 года правом «народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [361] различные нации воспользовались по-разному. И только там, где в конечном итоге гражданских войн 1918—1920 годов одолела буржуазия (Прибалтийские страны и Польша) и где, следовательно, возобладали экономические и политические течения, коренным образом враждебные трудящимся,—только там утеряны были все государственные связи с революционным СССР. Но в исторической борьбе за социализм отделение этих стран от советской России—необходимый эпизод: будущее покажет, что таков был единственный возможный путь роста классового самосознания пролетариата этих стран и освобождения всех его сил для борьбы с его буржуазией. Там же, где восставший пролетариат закрепил свое господство, превратил самого себя в нацию, там эта нация нашла такую форму государственного сожительства с другими советскими нациями, которая наиболее отвечала ее экономическому и политическому состоянию.

Рассмотрим эти формы поближе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

АВТОНОМИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ У БУРЖУАЗИИ.

316. Формы децентрализации. Всем известно, что эти формы суть автономия и федерация. Отнюдь нельзя сказать, чтобы наука располагала сколько-нибудь четкой постановкой этих понятий. Юридические определения федеративного устройства отличаются «роковой искусственностью» [362], по вопросу об автономии в литературе царит хаос [363]. Самое «слово это в науке не имеет твердо установленного значения» [364]. Ниже будут видны причины того и другого. Пока отметим, как можно,—схематически, по крайней мере,—ориентироваться в этих понятиях. Если представить себе, как мыслимую единицу измерения, государство с могучей центральной властью, которое посредством чиновников, подчиненных исключительно центру, управляет страной так, что не допускает свободы, инициативы и самостоятельности населения в отправлении функций, имеющих даже чисто местное или временное значение, то получится образец централизованного государства. Если вообразить далее такое уклонение от этого образца, при котором управление собственным имуществом и собственными хозяйственными делами предоставлено городам, общинам, областям, посредством ими же избираемых и сменяемых органов, получатся начала децентрализации, административного самоуправления, которое может, конечно, принимать разные формы, суживаясь и расширяясь. Когда же отдельная область, обладающая более или менее выраженной собственной физиономией, рядом характерных особенностей и интересов, приобретает право самоуправляться на основе ею же для себя издаваемых местных законов, так что определенные сферы местной жизни регулируются не общегосударственным законодательством, а местным, то область эта имеет, значит, автономию (самозаконодательство), политическое

самоуправление, которое, опять-таки, способно принимать разнообразные формы и колебаться в объеме. Во всяком случае, за центральной властью остается право контроля над автономной частью, право утверждать или не утверждать ее законы. Если же автономная область освобождается из-под этого контроля и в пределах отведенной ей сферы законодательства действует бесконтрольно, то она превращается в федерированную область, сама становится государством, частью федеративного государства, которое одно продолжает сохранять верховную власть.

317. Различные формы децентрализации суть лишь различные формы угнетения. Нечего и говорить, что многообразие политических форм далеко не укладывается в эту схему, да и не может уложиться в какую бы то ни было. И все попытки науки изобрести сколько-нибудь устойчивые мерила для различения самоуправления административного и политического, автономизма и федерализма, ломаются жизнью словно в насмешку. Это понятно, если принять во внимание, что во все стадии существования государства его—это государство—так приспособлял к своим жизненным интересам господствующий класс, чтобы властвовать над подчиненными массами с соблюдением двух условий: наибольшей прочности власти и наименьшей затраты сил. Следовательно, в разные эпохи, в разных собственнических государствах цели господства всегда одни и те же, способы же господства чрезвычайно многообразны. И так как государство есть нечто очень материальное, вещественное, так как власть его действует на территории, части которой обычно различаются климатическими, географическими, почвенными и всякими иными условиями, и над населением, различные группы которого имеют различное историческое прошлое, своеобразные бытовые навыки, пестрые хозяйственные интересы, то перед господствующими классами всегда стоит один из существеннейших вопросов власти: как наивыгоднейшим образом примостить многообразные части государства к единой власти государства? Как добиться того, что единая цель государства—удержание в повиновении подвластных масс—осуществляется в разных местах—пусть по-разному, но одинаково успешно, а главное, согла-

но единому верховному интересу правящего класса: сохранение его форм частной собственности?

318. Стремление крупного капитала к единству эксплоататорской власти. Особенные же трудности приходится преодолеть при разрешении этой задачи современному, буржуазному государству, которое непосредственно в своих руках сосредоточивает огромные материальные ценности и поэтому все более заинтересовывается в подчинении своей централизующей указке всех отраслей государственной жизни, всех областей государства. При той тесной экономической взаимозависимости, в которую вступают отдаленнейшие части капиталистического государства, оно все более нуждается в единстве хозяйственного оборота. А этого единства оно добивается не только тем, что закрывает внешние границы, воздвигая таможни и учреждая пошлины, но и тем, что стирает все внутренние границы и доводит до высшего развития пути и способы сообщения. Тогда проблема *распределения власти* между центром и частями государства приобретает исключительную сложность и важность, и ее характернейшим моментом становится стремление крупного капитала в одном месте сосредоточить всю организующую и руководящую силу государства, предоставляя тем или иным частям его лишь отображать эту силу более или менее по-своему. Крупный капитал—монополист-централист по самому существу своему. Он органически не выносит соперничества. Но, обессиливая конкурента, он до времени не стирает его с лица земли, а сообщает ему иллюзию самостоятельности и самобытности, в то время как он—только слуга и бледная, немощная копия господина. Так акционерное общество подчиняет себе в лице двух-трех воротил многолюдную толпу держателей мелких ценностей, из которых каждый однако волен мнить себя одним из полноправных вершителей судеб предприятия. И в руках современного государства довольно старые понятия децентрализации, самоуправления, автономии и федерации превратились в такие средства очень различно осуществляемого властвования над частями территории и населения, при котором эти части делят с центром власть управления и законодательства, оставляя однако центру львиную долю этой власти и самую возможность по своему усмотрению нормировать и перераспределять

сферы и содержание долей. В особенно типичных случаях эта возможность безгранична: при наличии соответствующей фактической силы центральная власть в состоянии вполне правомерным, конституционным актом превратить государство из федеративного в унитарное! (См. § 336.) Для этого буржуазия широко пользуется понятием суверенитета.

319. Суверенитет и его сверхъестественные свойства. Суверенитет именно и есть юридическое олицетворение всемогущества и всевластия государства. Когда хотят сказать, что государственная власть юридически неограничена, непроизводна и независима, то говорят: государство суверенно. А из непроизводности и независимости государственной власти вполне логически вытекает ее единство и всемогущество. Если государственная власть есть высшая, верховная, то не может быть двух или более государственных властей в одном государстве, как не может быть больше одной высшей точки в одной плоскости. Где не одна государственная власть, там и не одно государство. Государство всегда суверенно. Оно всегда едино. Оно может уделять своей части сколь угодно значительную по объему и содержанию власть, но эта власть не будет суверенною, т. е. государственною. Если же нет над государственной никакой другой юридической власти ни в государстве, ни вне его, то очевидно, что именно государственная власть одна, без соперников, вправе распоряжаться всеми ресурсами государства. Никакой орган и никакое учреждение государства не может ему оказать помеху в этом осуществлении верховной власти, не оказываясь виновным в неповиновении или мятеже. Государство, значит, юридически всемогуще, и никакая часть его, какими бы широкими правами она вообще ни обладала, не может на законном основании тягаться с ним, ибо она только часть, производная и подначальная.

320. Суверенитет и государство. Это понятие суверенитета подверглось в новейшее время со стороны некоторых ученых пересмотру, в результате которого суверенитет вышел еще более возвеличенным. Как объяснить существование государств, являющихся членами более обширных государственных союзов и не перестающих все-таки быть государствами, как об этом настойчиво твердят факты? Государства-члены федераций, вроде швейцарских кантонов;

американских штатов, германских республик (раньше монархий), как будто обладают государственной властью, но очевидно вместе с тем, что эта власть не есть верховная: над ними возвышается господство союза. Каждый член союза располагает определенной сферой самостоятельности. Внутри этой сферы он—настоящее, повидимому, государство, с собственной территорией и подданными, над которыми он осуществляет государственную власть. Но эту сферу верховная власть союза вправе суживать или расширять по своему усмотрению. С точки зрения теории, признающей тождество государственной власти и суверенной власти, такие государства, лишенные суверенитета, не суть государства. Подобный вывод явно противоречит действительности. С другой стороны, признание их государствами неминуемо означало наделение их суверенной властью, т. е. дробление суверенитета внутри союзного государства, уничтожение единства суверенитета, его могущества,—одним словом, скандал.

321. Государства суверенные и несуверенные. После долгих колебаний блюстители достоинства суверенитета вышли с честью из испытания, открыли, что суверенитет и государственная власть—вещи разные, и что суверенитет вовсе не необходимый признак государственной власти. Все дело в том, кем устанавливается компетенция государственной власти, круг отраслей, дел, предметов, от нее зависящих: если компетенцию эту устанавливает для себя само государство, оно имеет, значит, исключительную способность самоопределения,—оно суверенно; если другое государство,—оно несуверенно. Поэтому члены союзного государства суть государства, лишенные суверенитета. Он остается властью непроизводной, верховной, юридически неограниченной, и когда несколько государств объединяются в союзное государство, то последнее не есть простая сумма их, а новое государство, отличное от каждой своей части, и ему-то, как таковому, принадлежит суверенитет.

322. Обожествление суверенитета и его действительная роль. Как видно, суверенитет—независимый, единый, всемогущий—приобретает характер божества. И со времени Великой французской революции, в течение всего XIX столетия, ученые усердно занимались тем, что выискивали все новые «атрибуты» этого божества, как жрецы для вящшего возвеличения своего идола

вдохновенно открывают у него все новые божественные «ипостаси», чтобы еще более ошарашить верующее стадо. Суверенитету приписали невидимость, непогашаемость, неотчуждаемость, наконец вездесущность и вечность, и если бы интересы буржуазии потребовали, чтобы суверенитет исцелял больных и воскрешал мертвых, это было бы, в сущности, очень легко сделать [365].

В действительности, суверенитет не имеет в себе ничего небесного. Это—историческое понятие, возникшее в классовой борьбе и ставшее орудием классовой борьбы, чтобы потом через поповское бормотание буржуазных ученых превратиться в теологическое пугало для угнетенных масс. На исходе средних веков борьба королей с императорами, папами и феодалами означала нарождение городской буржуазии с денежным хозяйством, восставшей против отжившего феодализма. В этой борьбе молодые национальные монархии с особенной силой воспользовались уже раньше в схватке между церковной и светской властями возникшим представлением о суверенитете как о верховной власти, которая никому, следовательно, не может быть подчинена. Суверенитет уже тогда был чисто служебным, боевым, «полемическим» [366] понятием, привлеченным на службу королевскому абсолютизму, под сенью которого расцветала юная буржуазия. Когда же последняя почувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы добить феодалов и вместе с ними выродившееся самодержавие монарха, она вспомнила учение, выработанное еще средневековыми схоластами, защитниками церкви, о том, что суверенитет принадлежит народу, у которого его, дескать, узурпирует монарх [367]. И тогда, после удачной революции, суверенитет был целиком перенесен на все общество, и идея национального суверенитета, уже неотчуждаемого (он принадлежит не столько нации, сколько национальным поколениям: живым так же, как и мертвым и еще неродившимся [368]) и неотъемлемого (пусть узурпатор захватит власть,—все же никакая давность не сделает его носителем суверенитета!), обошла в торжествующем шествии весь буржуазный мир.

323. Буржуазия спасает суверенитет от покушений пролетариата. Однако, так как вся история суверенитета убеждала буржуазию, что это беспринципное создание довольно легко меняет своих господ и в известный момент может сослужить пролетариату такую же службу, какую сослужило буржуазии, то еще Кант пришел к необходимости признания государства особой сущностью, независимой от составляющих его индивидуумов, чем открыл возможность для Шеллинга и Гегеля проделать над суверенитетом очередную операцию перевоплощения: отвлечь его как от монарха, так и от народа и неразрывно связать с государством [369]. Когда же экономическое развитие XIX века создало германскую федерацию и с ней ряд политических фактов, упорно не соглашавшихся со старой конструкцией суверенитета, то идея Канта-Гегеля оказалась особенно плодотворной в руках современных германских ученых.

«Суверенитет монарха народный, национальный» — все это «поток фраз», плохих уже тем, что они — французские [370]. На самом же деле суверенитет принадлежит не лицу, не группе лиц, не органу, а государству. Государство же есть нечто отличное от нации, отличное от индивидуумов, отличное от территории [371], хотя оно, в то же время, есть территориальная корпорация нации, состоящей из индивидуумов [372]. Вот этому государству, как таковому, как целому, которое, в свою очередь, есть единство, а не сумма составных частей, и принадлежит суверенитет.

Круг буржуазного развития суверенитета таким образом завершен. Над ним одержана своеобразная победа. Сохраняя все свои колдовские черты, которыми он так дорог и мил господствующему классу, он лишается отныне своей коварной способности кочевать в пределах государства от одного класса к другому. Он — свойство самого государства, и есть, значит, нечто столь же отвлеченное от индивидуумов и классов, как и само государство. Падает тогда всякий смысл революционного лозунга «национальный суверенитет». Характер курьеза принимают всякие споры о том, кому внутри государства принадлежит суверенитет [373]. Не может уже быть борьбы за национальный суверенитет, за верховенство нации, раз признано, что объект борьбы не существует.

Так достигшая власти буржуазия тщится замести следы, чтобы по ним не пришел новый революционный класс.

324. Она блюдет его нерушимое единство. Попутно это перемещение суверенитета дало возможность справиться с насущными затруднениями современности. Если понятия суверенных или несуверенных нации, монарха, органа вообще, ненаучны и нелогичны, если суверенитет как признак может сопутствовать только государству, то вопрос о том, возможны ли несуверенные государства, отнюдь не совпадает с вопросом, возможны ли несуверенные нации, и для национального самолюбия, следовательно, теряет всю свою остроту. Ряд фактов, имевших место в XIX столетии, подчеркнул существование союзов, которым невозможно отказать в государственном достоинстве, но очень опасно приписать юридически неограниченную верховную власть. Политически удобный и притом единственно «научный» выход — в конструкции несуверенных государств. Необходимою чертою государства признан был не суверенитет, остающийся властью неограниченной, верховной, а способность иметь «собственное» право законодательства, управления и суда [374], хотя бы и в ограниченной сфере. «Критерий верховной, высшей, власти состоит в том, что она сама себя определяет и ни от какой другой власти не получает юридически обязательных предписаний» [375]. Такова суверенная власть. Сообщенная государству, она делает его суверенным государством. В то же время «несуверенное государство самоопределяется свободно лишь в пределах, отмежеванных его государственному ведению» [376] таким образом, что оно — «государство-член — есть суверен по направлению кни-

ву и подданный—по направлению кверху [377]. Такое свободное, хотя бы и узкое, самоопределение, и «собственные», хотя бы и в тесной сфере, законы предполагают наличие собственного высшего органа, но совпадающего с органом другого государства [378]. И только там, где нет и этого, где «союз, осуществляющий господствующую власть, получил от другого, стоящего над ним, государства, свою организацию в качестве закона, исходящего от этого последнего, там нет государства» [379] не только суверенного, но и несуверенного. Североамериканские соединенные штаты, Швейцарская федерация, союзная Германия суть по этой конституции суверенные государства; штат, кантон, отдельный член германской федерации—тоже государства, но лишенные суверенитета, великобританские же автономные колонии и им подобные образования (Финляндия в составе б. Российской империи, Кроация в Венгрии, Эльзас-Лотарингия в Германии) не суть вовсе государства.

325. **Учение о суверенитете есть учение о национальных интересах буржуазии.** Таким образом суверенитет был спасен не только от завоевания враждебным буржуазии классом, но и от раздробления и с ним сопряженного умаления. Эту верховную, неограниченную, единую и всемогущую власть буржуазия решилась цепко держать в своих руках, не уступая никому и не делясь ни с кем. В данном случае, как и вообще, наука лишь покорно поспешала за практическими потребностями обслуживаемого класса, варируя свои построения в полной зависимости от той или иной национальной ситуации. В Германии невозможно было, ввиду ряда специфических явлений, сохранить единство суверенитета иначе, как путем отделения его от государственной власти, и превращения в необязательное свойство этой власти. Ныне поэтому «воззрение, что «суверенитет не является существенным элементом в понятии государства, является господствующим в Германии» [380]. Во Франции же (и в Италии), где подобные явления не навязываются непосредственно вниманию, удобно и выгодно продолжать отождествление обоих понятий и не признавать государством союз, лишенный суверенитета [381].

326. **Как размежевать власть, не затрогивая ее единства?** Так или иначе, мы видим, что вопросы автономизма и федерализма тесно переплелись в буржуазной науке с проблемой государственного суверенитета. Вся чрезвычайная сложность капиталистических отношений, трагическая необходимость примирить противоположные интересы крупного централизаторского капитала со стремлениями мелкобуржуазных слоев спастись от его удушающих объятий, необходимость согласовать единство и могущество государственной власти с многообразием вечно сталкивающихся интересов и конкурирующих сил, наконец ясно обозначаю-

щался в последнее время экономическая слабость буржуазии, заставляющая ее чаще и чаще вмешивать государство в хозяйственные отношения, расшатывая его аппарат непосильным напряжением и вызывая сопротивление и возмущение отдельных государственных частей, все вместе— источник непреодолимых трудностей в деле размежевания власти между центром государства и его частями. С одной стороны, капиталистическое государство сознает свою полную неприспособленность к управлению из единого центра хаосом интересов и страстей, из которых оно состоит, с другой—неумолимой силой хозяйственного развития оно толкается ко все большему вмешательству во все области общественной жизни, и спрос на расширение полномочий центральной власти растет повсюду с каждым днем. В таком расширении полномочий заинтересованы, в конце концов, сами места, все более втягиваемые в общее колесо хозяйственного оборота и лишенные возможности своими силами справиться с собственными нуждами,—они готовы воззвать к помощи своего центра, но из жестоких рук эксплоататорского государства они могут получить эту помощь только за ростовщичьи проценты экономического грабежа и политического угнетения. Эти безысходные противоречия выражаются во внешних формах крайне разнообразно. Известно то нелепое противоположение, которое установилось между центральным управлением и местным самоуправлением.

327. **Государственное единство против самоуправления.** а) Старая «общественная» теория самоуправления прямо исходила из обособленности общества от государства и была лишь одним из выражений борьбы за буржуазные свободы, за неограниченную стихию рынка. «Она в своем последовательном развитии приводит к тому, что сводит понятие самоуправления к общему понятию свободы общения» [382]. Свободу самоуправления провинция сумела завоевать в жестокой борьбе (о которой никогда не следует забывать [383]) только потому, что свобода эта составила лишь элемент в общей системе буржуазных свобод. Государство не могло видеть в этом умаление или дробление своего суверенитета; напротив, оно вскоре оценило в местном самоуправлении средство самоорганизации господствующего класса, «способность давать народу политическое воспитание и подготовлять к участию в высшей правительственной власти» [384] (т. е. укреплять и поддерживать могущественную государственную власть).

328. **б) Государственная теория.** Однако с течением времени оно все чаще пользуется всяким случаем, чтобы доказать

местным выборным учреждениям, что они—только создание законодателя и никаких собственных первоначальных прав не имеют. Параллельно с этим растет тенденция к расширению прав и инициативы центральной власти в устроении чисто местных дел, и даже такие классические страны самоуправления, как Англия и Северо-американские соединенные штаты, должны считаться с «довольно серьезной реакцией против системы крайней децентрализации, которая проведена была в жизнь в средине девятнадцатого столетия» [385]. Выдвигается новая—«государственная»—теория самоуправления, решительно навязывающая местным выборным органам значение государственных учреждений и тем ставящая их на определенное место в административной иерархии с подчинением общему государственному ранжиру: «в настоящее время общепризнано, что органы самоуправления осуществляют функции местного государственного управления и являются органами государства» [386].

329. Государственное единство против автономии. Но с еще большим недружелюбием относится государство к политически самоуправляющимся частям, вполне последовательно рассматривая автономию «следующей ступенью в смысле умаления государственного единства» [387], значит, и могущества. И оно употребляет на практике героические усилия, чтобы высоко утвердить свое верховенство, свой суверенитет над всеми проявлениями особности и самостоятельности этих частей, и самую эту самостоятельность теоретически обосновать, как дар самоограничивающегося суверенитета.

330. Единство и автономизм в Великобритании. Образцом подобного отношения государства к своим частям может послужить Британская империя с ее многочисленными и многоразличными владениями во всех частях света. Хотя все английские владения и можно схематически разбить на четыре группы *), относя к первой тех, кто непосредственно властвует губернатор, назначаемый лондонским правительством (Гибралтар и др.), ко второй и третьей—владения, где при губернаторе состоит совет, целиком назначаемый им же или Лондоном (Новая Гвинея, Гонгконг, Цейлон и др.), или частично выбираемый некоторыми слоями местного населения (Ямайка, Мальта и др.), к четвертой наконец те, где совет строится по образцу парламента, и губернатор из партии большинства последнего назначает министерство,

*) Индия не войдет ни в одну из них.

политически ответственное перед парламентом (Австралия, Канада, Ирландия, Южно-африканская уния и др.),—однако к писаным законам, регулирующим отношения всех этих земель к метрополии, примешивается огромная доля неписаных (конвенциональных) правил, созданных обычаем и практикой и неподдающихся никакой кодификации [388]. Во всяком случае юридическая роль губернатора в автономных колониях четвертой группы, облеченного правом отказывать в утверждении парламентских законопроектов, изъятие ряда вопросов из ведения местных правительств (управление армией и флотом, хотя бы и колониальными, законодательство в области торгового мореплавания), невозможность для автономной колонии изменить свою конституцию без соизволения вестминистерского парламента, в то время как последний вправе любым образом перекраивать колониальную конституцию без всякого участия колонии,—все это, при весьма невысоком уровне местных законодательных учреждений, состоящих из «жирных воров, хорошо воспитанных мошенников, подкупленных ораторов, продажных тварей» [389], дало возможность английской государственной власти ревниво оберегать свой суверенитет и добиться того, что Британская империя до мировой войны «формально, а также фактически представляла единое целое, в котором кабинет метрополии с опорой в лице парламента определенно держал в своих руках все нити внешней политики» [390]. Война, во время которой метрополия самым эгоистическим образом использовала свои колонии, беспрекословно подчинившиеся диктаторской власти лондонского премьер-министра, и последовавшие события, заставившие Англию вследствие исчезновения европейских рынков обратить все взоры на колонии, еще более усилили ее суверенные замашки и умножили попытки укрепить единство и могущество верховной общеимперской власти.

331. **Протекционизм и усиление централистских течений.** Если принципы свободной торговли позволяли лондонским капиталистам баловать некоторые колонии довольно широкими правами самоуправления и оставлять без применения огромные юридические права метрополии, то поворот к охранительным пошлинам должен ознаменовать начало ее энергичного вмешательства и во внутреннюю жизнь доминионов, для чего при наличии соответственной фактической силы юридическое основание давно готово: ни одна из абсолютистских «прерогатив» короля не

отменена, они только не применяются, и если это «спящее право» понадобится империализму, он его разбудит вежливым толчком. Парламентские обычаи Англии не допускают, как известно, отказа короля в роспуске палаты общин, если того требует глава кабинета. Тем не менее, незадолго до падения Макдональда строились планы воскресить это законное право отказа в том случае, если бы правительство рабочей партии, укрепив свою популярность среди трудящихся масс удачной политикой, потребовало новых выборов в надежде обрести в новом парламенте уже решительное большинство, не зависящее от либералов [391].

332. Причины разнообразия буржуазных автономических форм. Это разнообразие автономических форм, которое еще пестрее выступает, если привлечь исторические примеры прежней Австро-Венгрии, проистекает оттого, что в капиталистическом государственном строе та или иная форма автономии для той или иной области *не есть вопрос справедливости и равенства, а только силы*. Алчная клика, сидящая в центре на своих денежных мешках, озабочена лишь одной мыслью: как выгоднее и удобнее эксплоатировать всю страну вообще и каждую ее часть в отдельности? И, сообразуясь с реальными условиями силы своей и силы эксплоатируемых, она решает различно в каждом данном случае форму государственно-правового положения области так, что эти юридические формы всегда и вполне соответствуют характеру и степени экономического подчинения [392]. Но так как соотношение сил беспрерывно меняется и в общем достигает чрезвычайной пестроты, то отсюда и пестрота форм самоуправления и автономии, приводящая в отчаяние государствоведов и лишающая всякого содержания самый термин «автономия».

333. Государственное единство против федерализма: а) Америка. Приблизительно так же обстоит дело и с федерациями. История двух замечательнейших государств этого рода, Соединенных штатов Северной Америки и Швейцарии, есть в большей степени история борьбы союзной власти за суверенитет, за верховенство союза над отдельными членами. С самого первого момента образования федерации американских штатов возникли бурные распри между сторонниками всемогущей центральной власти и защитниками широких прав отдельных штатов [393], склонными

трактовать самую конституцию 1787 года, как договор между независимыми государствами, сохраняющими и в союзе свой суверенитет, а следовательно, право объявлять для себя ничтожными акты союзной власти и выходить из союза (нулификация и сецессия). Это противоречие достигло крайнего обострения в середине столетия, когда наметилась резкая противоположность между экономическими интересами Юга и Севера, и закончило свой острый период тем, что федеральная власть силою оружия утвердила свой суверенитет и заставила каждый штат, вступающий в союз, навсегда ему подчиниться и окончательно отказаться от своей верховной власти [394]. И в наше время власть центрального правительства этой федерации очень мало отличается от власти его в любом унитарном государстве. Уже давно американское правительство «сделалось правительством унитарным» [395]. Это не может быть иначе по существу, ибо Северо-американские соединенные штаты более какой бы то ни было другой страны осуществили концентрацию и централизацию капитала; но и в постановлениях союзной конституции монополист-капитал находит твердое юридическое основание для совершенно официального сосредоточения всей власти в руках центра: шестая статья конституции утверждает право союзной власти издавать законы, противоречащие конституциям или законам отдельных штатов, и обязанность последних этим законам подчиняться. Отсюда же вытекает, что законы штатов недействительны, если противоречат общесоюзным.

А для того, чтобы держать законодательство отдельных штатов в страхе и повиновении, союзное правительство имеет отличное оружие в лице союзного суда. Здесь действует в высшей степени характерное правило: если суд штата решает, что тот или иной законодательный акт штата *нарушил* союзную конституцию, то решение это окончательно, и с законом этим никто не будет считаться. Но если суд штата найдет, что закон штата *согласуется* с союзной конституцией, то такому решению союзная власть вовсе не обязана верить: оно может быть пересмотрено союзным судом [396]. Союзная власть, следовательно, прямо и бесцеремонно говорит суду штата: ты можешь, если хочешь, блюсти *мои* интересы в *твоем* штате от его покушений, а я позабочусь о защите своих интересов от

твоих собственных посягательств. Итак, все, что ты запретил своему штату,—то запрещено; все, что ты разрешил ему... тоже может быть запрещено.

334. б) Швейцария. Совершенно сходное положение наблюдалось и наблюдается в Швейцарии. Союзный договор 1815 года сохранил за отдельными кантонами полностью права независимых государств. Это не помешало союзной власти пойти войною на семь (из двадцати двух) кантонов, не подчинившихся ее постановлениям. И здесь силою победоносного оружия был освящен верховный суверенитет союза, вскоре после чего пришло и правовое «основание» в виде федеральной конституции 1848 года. Это основание было еще расширено и укреплено двадцать шесть лет спустя, так что действующая сейчас конституция предоставляет федеральной власти полномочия гораздо более обширные, чем в САСШ: даже охота и рыбная ловля, даже способы умерщвления животных на бойнях регулируются общесоюзным законодательством (ст. ст. 25 и 25^2)! Но и в дела, не подлежащие ведению центральной власти, она может вмешаться и действительно вмешивается на законном основании конституции, предоставляющей ей это право в случае «внутренних волнений» в кантоне при невозможности для кантонального правительства призвать ее на помощь (ст. 16). Практика показала, что понятия «волнений» и «невозможности звать на помощь» столь растяжимы, что при желании союзная власть может как угодно распоряжаться в кантонах [397]. В результате компетенция центра характеризуется так: она простирается на те вопросы, которые ей отведены, и на те, которые ей не отведены [398]. Единство и всемогущество—суверенитет—федеральной власти здесь, как видим, соблюдены в полной мере. В этих условиях провозглашение конституцией суверенности кантонов (ст. 3) есть, конечно, не более, как дань тщеславию мелкой буржуазии и лицемерию крупной.

335. в) Германская империя. Что же касается третьей федерации, б. Германской империи, то здесь дело создания и укрепления суверенитета союзной власти обошлось без междоусобной брани только потому, что экономически и политически возвысившаяся Пруссия сразу приобрела роль бесспорного гегемона в союзе. Никакое соперничество с нею, имевшей $^3/_5$ общего числа населения империи, не-

мыслимо было для прочих государств союза, располагавших $^2/_5$ населения. И своей силой она воспользовалась для образования чисто-военного государства, в котором отсутствовала всякая почва для оспаривания верховенства и всевластия центра. Имперская конституция свела почти к нулю законодательные права отдельных членов союза: она закрепила за прусскими королями право возглавлять Германскую империю на все предбудущие времена; в верхней палате, союзном совете, наделенном правом в любое время распустить нижнюю палату, рейхстаг, она предоставила Пруссии семнадцать голосов и постановила, что никакое изменение конституции не может пройти, если против него выскажутся четырнадцать голосов (ст. 78). Не довольствуясь этим и пользуясь своими фактическими преимуществами подлинного хозяина Германии, Пруссия опутала ряд государств союза специальными договорами, в результате которых она получила их войска в свое распоряжение, как часть армии прусской, хотя и без того император германский—король прусский—был верховным вождем единой германской армии. При таких условиях говорить о старой Германии как о федерации, т. е. союзе равноправных государств, было совершенно невозможно. Немецкие ученые не скрывали, что по смыслу ст. 78 (второй абзац) федерация эта может в обычном парламентском порядке превратиться в унитарное государство [399]. Если Пруссия этой возможностью не пользовалась, то разве потому, что с точки зрения единства и могущества общеимператорской власти в таком формальном изменении не было никакой надобности.

336. г) **Германская республика.** Современная же германская федерация построена на еще более резко выраженных централизаторских началах. При тех правах, которые конституция 1919 года уделяет общегосударственной власти, основание считать Германию единым государством с автономными частями значительно увеличивается. Эта суверенная напористость центра подчеркивается в том словоупотреблении, которое усвоено основным законом: в то время как старая конституция именовала все же членов союза государствами (Staat), новая, республиканская, сохраняя за союзом название «империи» (Reich), тщательно избегает слова «государство», в приложении к составным частям, оперируя (довольно неуклюже) терминами «территория», а

чаще—«область» (Land). Но так как нет уже могущественной Пруссии,—на нее пала главная доля расплаты за поражение,—то эти области, вопреки бумажным полномочиям центра, больше, чем когда бы то ни было склонны чувствовать себя государствами и оспаривать единство и всевластие союза, как это сказалось в особенности на примере Баварии. Можно поэтому по исторической аналогии заключить, что буржуазная Германия не утвердит своего внутреннего суверенитета без кровавой междоусобной борьбы.

337. **Наука освящает всевластие централизованного капитала.** Теперь видно, что буржуазная наука рассуждает вполне последовательно и тогда, когда считает членов федерации не государствами, и тогда, когда признает их несуверенными государствами. Смысл в обоих случаях один: теоретически обосновать и оправдать фактическую беспомощность частей союзного государства, повсюду наблюдаемую, защитить тиранническую власть централизованного капитала и сообщить ей правомерное, научное благословение. При всех противоречиях и шатаниях, которые характеризуют научную доктрину в вопросах федерализма, она руководствуется все же единым мотивом: юридически освятить жестокую эксплоататорскую машину. Ту же цель преследует она и в разрешении вопросов автономизма. В «научное» понятие автономии надо во что бы то ни стало вложить такое содержание, которое не только соответствовало бы всем видам и формам современного, по крайней мере, автономизма, но и сообщило бы правовую основу смертельной вражде капиталистического государства ко всякой самостоятельности и самобытности его частей.

338. **Задача очень трудная.** Неудивительно, что все юридические конструкции, стремящиеся разрешить ее, хромают, валятся друг на друга и кувырком летят при легком прикосновении. Выше было упомянуто о попытке разграничить несуверенные государства и не-государства путем указания на собственные законы первого и на его способность самоопределения (хотя бы и в ограниченной сфере), т. е. способность самоорганизации. Но что это такое «собственное» право? Всякое право, осуществляемое субъектом права, есть его собственное право. Все те права, которыми пользуется автономная, например, провинция, есть ее собственное право, раз оно ей принадлежит [400]. Можно ли на этом основывать различие между суверенным государством и децентрализованной частью? Но более того:

члены федерации, признаваемые государствами потому, что они, якобы, имеют возможность самоорганизации, в действительности лишены, как мы видели, и тени этой возможности. Швейцарская и американская конституции предписывают членам союза определенную политическую форму, германская заботится даже о том, чтобы они имели ответственные министерства, иначе говоря, навязывает Land'ам не только закон, но и обычай! *).

Впрочем, новейшие авторы, отбросив всякую стыдливость, решительно констатируют отсутствие разницы между федеративным и унитарным государством: «то обстоятельство, что некоторые государства (Германия, Австрия, Швейцария) организованы как союзные государства, не составляет уже большого различия между ними и другими государствами, унитарно организованными вследствие все усиливающегося перевеса союзной власти» [401].

339. Выводы. Отсюда с очевидностью следует, что вовсе нет и не может быть такого определения федерации или автономии, которое бы к чему-нибудь обязывало. И если, как упомянуто выше, нации Советского государства в поисках наилучших форм совместной жизни приняли эти слова и даже ввели их в свои основные законы, то никак не затем, чтобы дать словам заворожить себя и втискивать пролетарскую сущность советских республик в уродливые формы буржуазной государственности.

То же и с понятием суверенитета. В капиталистической науке термин этот не имеет сколько-нибудь бесспорного содержания. Но в капиталистической действительности это — символ угнетательской мощи, эксплоататорского назначения государства. В конституции Советского союза в приложении к советским республикам он должен иметь иное, более простое и более мирное, значение.

---

*) Как известно, любители изыскивать в буржуазных институтах их «юридическую природу» (забавное сочетание слов, вполне однако выражающее ту истину, что учреждения и мышление буржуазии столь же юридичны, сколь идеология ее классового предшественника была теологичной и метафизичной) уже согласились на том, что парламентаризм, в тесном смысле, есть область не права, а «конвенциональных правил».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

АВТОНОМИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ

340. «Свободная организация по коммунам». Из того, что нами сказано о нации вообще, об отношении пролетариата к национальному вопросу в частности, и о том наконец значении, которое в буржуазной практике имеют автономизм и федерализм, следует, что в советской многонациональной стране эти формы государственного устройства возникли из побуждений, принципиально отличных от тех, которыми они порождены у буржуазии, имеют совершенно иную цель и, следовательно, иное содержание.

В самой основе советского строя лежит признание за трудящимися массами полнейшей свободы самоопределения и самоорганизации. Осуществление на практике идеи советов как органов политической власти, создание Советского государства есть не что иное, как претворение в жизнь этой свободы, ее практический образ, ее действенное лицо. Еще до октябрьского переворота его вдохновитель отдавал себе полный отчет в том, каким именно образом могут быть конкретизированы самоопределение и самоорганизация трудящихся: «пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам» [102]. Организоваться вполне свободно по коммунам—значит образовать местные властные ячейки таким образом, что законодательство, дисциплина, управление, контроль суть в то же самое время *самозаконодательство*, *самодисциплина*, *самоуправление*, *самоконтроль*. Не по милости старой верховной власти, которой уже нет, не по приказу и не с соизволения новой революционной верховной власти, которой еще нет, рождаются эти властные местные организации,—как бы они ни назывались,—коммуны, общины, городские и сельские советы. Их почва—трудовая спаянность

рабочих масс, их организатор—общий производственный интерес, их внутреннее равновесие—единая воля к дружному согласованному действию, питаемая трудовой смычкой и движимая однородными экономическими потребностями.

341. Это право революционных народных масс самоорганизовываться было в то же время насущнейшей необходимостью и постольку оно являлось обязанностью, налагаемой на них классовым интересом. Октябрьская революция, разрушившая снизу до верху весь аппарат старого государства, неотступно требовала от рабочего класса и единомышленных с ним слоев крестьянства деятельного осуществления его права: создания нового государства. Так как это была массовая революция, всколыхнувшая и поставившая на ноги глубочайшие низы,—то и творческое государственное строительство шло снизу: местные советы и съезды оказались настоящим фундаментом, на котором лишь потом построилась центральная власть, определяющим фоном, на котором лишь постепенно стали вырисовываться очертания центральных органов.

Неудивительно, что «первое время после Октябрьской революции Советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром советов»[403]. Иначе и быть не могло. Достоинство этой революции в том и состояло, что она не была произведена по указке какого-то административного центра. Советы д о л ж н ы б ы л и сначала организоваться сами, «вполне свободно», как предвидел еще до переворота Ленин, на чистом месте низвергнутого и разрушенного буржуазного государства, а потом уже в их бытии мог почерпнуть силы фактом этого бытия созданный центр. И этот—второй—момент тоже, как увидим дальше, предусмотрел Ленин.

342. **«Объединение действия всех коммун».** В болезненном и трудном процессе становления «независимые и разрозненные» советы сразу, однако, получили в руки такой козырь, который чудесно предохранил их от анархии и предрешил мирный и сравнительно стройный характер их последующего объединения: они с а м о г о н а ч а л а б ы л и о б ъ е д и н е н ы о б щ е й н е н а в и с т ь ю к э к с п л о а т а т о р а м и о б щ н о с т ь ю б о р ь б ы с н и м и [404]. Поэтому характер дальнейшего государственного советского строительства вырисовывался с очевидностью не только из

хаоса первых дней «всей власти на местах», но был предопределен и до переворота: после захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, после свободной организации по коммунам они «объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу»[405]. Самым ценным, самым характерным, самым революционным было однако не объединение само по себе, а характер этого объединения: оно было добровольным. Мы видели, какие жестокие усилия должна употребить буржуазная государственная власть, чтобы преодолеть центробежную тягу частей. Там повитуха объединения—междоусобная война, спаивающий цемент сделан там из крови и железа. Что значит в сравнении с этим та—пусть крупная—разноголосица, которую мы имели в конце 1917 и начале 1918 года, пока центр и места не спелись? Ведь уже в июне 1918 года первый съезд председателей губисполкомов удостоверил, что «вредное толкование лозунга «вся власть советам на местах», как своего рода независимости от общественного центра, бесповоротно прошло»[406]. «Добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию» (курсив мой—*Г.*) был третьим отличительным моментом первоначального становления советов, опять-таки задолго предвосхищенный Лениным[407].

343. Самозаконодательство и самоуправление—органические черты советских «мест». При таком происхождении местной и центральной советской власти, при историческом первенстве мест над центром и при абсурдности мысли о противоположении одних другому совершенно очевидно, что местное самоуправление,—не только административное, но и политическое,—есть «нечто естественно вытекающее», именно до того, что оно не является «противовесом государственной власти»[408], до того, что самый термин «местное самоуправление» становится в сущности ненужным, нелогичным и может быть применяем только по инерции: а разве центральное управление не есть самоуправление пролетариата? Нет вовсе того положения, при котором центр раздает местам дары своего вынужденного благоволения, трусливо взвешивая и отмеривая

«овому—талан, овому—два»; кому самоуправление, кому автономия, кому ни того, ни другого. Здесь от села до столицы все равны. «Коммуна должна стать политической формой самых маленьких деревушек» [409]. Никому ничего не дарится, но местность, движимая собственным здоровым классовым инстинктом, не отвергает дружеского совета центра и берет себе столько самоуправления, сколько ей по плечу.

344. Необходимость размежевания по нациям. На таких путях мирное и добровольное размежевание по нациям вполне обеспечивалось. Действительно, процесс объединения советов совершался далеко не по-писаному, он часто шел весьма извилистой дорогой. Известно, что советы объединялись сначала по довольно случайным территориальным признакам в губернские «республики» (Калужская, Донская и др.), в области (Московская, Западная и др.), существование которых не вызывалось тогда никакими действительными интересами. Успешность и прочность революционных завоеваний находятся в непосредственной связи с тем, насколько полно удается пролетариату восставшей страны превратить самого себя в нацию. Решительно вырвать из рук имущих слоев экономическую власть, прочно завладеть аппаратом законодательства и управления во всякой данной стране может только пролетариат этой самой страны. «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть ближе всего национальная борьба. Пролетариат каждой данной страны должен, конечно, сначала покончить со своей собственной буржуазией» [410]. Поэтому «политика классового расслоения в туземной среде, в среде угнетенных наций, должна вестись самой туземной беднотой» [411]. Только пролетариат в состоянии найти общий национальный язык с трудовыми крестьянскими массами одной с ним нации, только он может сделать новую власть родной и близкой всем трудящимся и, обращая эту власть на службу исключительно революционным интересам, нисколько не поступаясь ее пролетарским существом, он может облечь ее в национальные формы, подчинив, таким образом, самую национальную идею своим надобностям и целям. Господствовавший класс собственников превращал эту идею в орудие обособленности, дабы никто не мешал ему по-своему эксплоатировать крестьян и пролетариев одной с ним национальности. Господствую-

щий класс несобственников покажет, что всестороннее национальное развитие, широкое и плодотворное использование ценных национальных особенностей возможны лишь в тесном и добровольном содружестве с другими нациями, и воспользуется, следовательно, национальной идеей для укрепления своей власти и для того, чтобы выковать из своей страны одно из звеньев в неразрывной цепи пролетарских национальных государств.

Но для этого нации Советского союза должны «а) развить и укрепить у себя советскую государственную власть в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, этих народов; б) развить и укрепить, у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения» [412].

Образование и объединение советов, следовательно, должно было итти по национальным линиям. В пределах каждой данной национальной территории пролетариат должен был «организовать единство нации» [413]. Незаменимую же почву для такой организации единства нации, возглавляемой пролетариатом, давали изложенное выше понимание нации и советская система.

345. **Программа буржуазии в национальном вопросе.** Только при концепции нации как исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, представляется полная возможность наполнить действительно революционным содержанием лозунг самоопределения наций. Ибо какой смысл имело бы признание права наций на самостоятельное государственное существование в устах того, кто определяющим моментом национальной общности считает «национальный характер» или свойство определенного содержания сознания, игнорируя язык и территорию? Такие и им подобные характеристики национальной общности изобретены и для того, между прочим, чтобы лишить «научного» основания стремления малых наций к самоопределению, чтобы оправдать и узаконить колониальный грабеж, освятить эксплоатацию наций отсталых, с темным национальным самосознанием, нациями передовыми, постигшими благородное искусство противополагать себя другим нациям. Объяснить эксплоатируемым нациям, что они вовсе не нации, ибо лишены национальной апперцепции, очень заманчиво для эксплоататора и сравнительно нетрудно. Если же они сошлются на свою территорию и свой язык, полезно по всем правилам науки доказать им, что ни территории, ни язык не составляют необходимых элементов нации, и тут же, пользуясь замешательством, ограбить их

территорию и умертвить их язык. Разве этим не исчерпывается программа буржуазии в национальном вопросе?

Нивелирующий процесс буржуазного государства сокрушающим катком проходит по людям и территории, и все так называемые мертвые языки, до сих пор сохранившиеся в таком изобилии, являются живыми свидетелями этого разрушительного процесса»[414]. Так в старой России от молдаван до финнов на всех языках все должны были молчать»[415].

Иное дело позиция пролетариата. Как раз для осуществления своей программы ему нужно было не лицемерие, не жонглерство фактами, не подтасовка лженаучных истин, а только согласие с жизненной действительностью.

346. Советская система в национальных рамках. Признать самоопределение наций значило для пролетариата признать за каждой нацией, независимо от уровня ее развития, право на своей собственной земле со своим собственным языком зажить себе самой хозяином. Трудность и оригинальность положения первых двух лет Октябрьской революции в том и заключались, что не национальные окраины обращали к центральной власти требования свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти забытые, заброшенные, униженные окраины созвать свои учредительные съезды советов, сорганизоваться в своих территориальных границах, и взять себе, наконец, столько самоуправления, сколько каждой из них по плечу. Такой именно характер носило обращение Народного комиссариата по делам национальностей к трудящимся восточных губерний[416], обращение, которому предшествовало постановление ВЦИК и СНК об образовании «Татаробашкирской советской республики» (1918 год).

Существо же, объем, характер этого самоуправления давался уже заранее существом и характером советской системы, которая, как мы пытались показать выше, сама по себе обеспечивает трудящимся массам максимум самодеятельности, самозаконодательства, самоуправления, максимум участия в государственной власти, не зная противоположения мест центру, как продукта классовой борьбы. Ее нужно было лишь вставить в каждом данном случае в те или иные национальные рамки, учтя «все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития»[417], и, не поступаясь ее пролетарской сущностью, приспособить к данным конкретным условиям. «Для того,

чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт»[418].

Шаг за шагом с неуклонной последовательностью, с той ровностью, сознательностью и упорством, которые вообще характеризуют политику пролетариата в вопросах принципиальных, с весны 1918 года до наших дней совершается процесс своеобразной национализации советской системы, приспособления ее к особенностям и нуждам народов Советского союза, причем повсюду, укрепляясь и приживаясь, она революционизирует самые косные, самые некультурные массы, давая им такое чудесное оружие борьбы за социалистическое хозяйство, пробуждая в жизни пролетарские, полупролетарские, бедняцкие слои и повсюду неуклонно преследуя свою провиденциальную задачу—превращение пролетариата в нацию. И ничего нет удивительного в том, что в зависимости от революционных возможностей той или иной нации, в зависимости от удельного веса ее трудящихся и от объективных материальных ресурсов национальной местности, установилась такая градация форм национально-государственной жизни, которая вводит в великий соблазн исследователя советского автономизма и федерализма, но которая, тем не менее, вполне естественна, разумно-необходима и легко объяснима.

347. Области и республики. Мы насчитываем сейчас в составе Союза шестнадцать автономных областей и пятнадцать автономных республик. Из них тринадцать АО и одиннадцать АР—в РСФСР [(области: Вотская, Кара-Калпакская, Коми, Марийская, Ойратская, Калмыцкая, Адыгейская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская; республики: Башкирская, Дагестанская, Казакская, Карельская, Киргизская, Крымская, Монголо-бурятская, Немецкая, Татарская, Чувашская, Якутская)], две АО и три АР—в ЗСФСР (Нагорно-Карабакская, Осетинская (южн.); Нахичеванская, Абхазская, Аджаристанская), одна АР—в УССР (Молдавская) и одна АО—в Тадж. ССР (Горно-Бадашанская). В свою очередь семь государств—РСФСР, УССР, ЗСФСР, БССР, УзбССР, ТуркССР и ТаджССР—объединились в единое союзное госу-

дарство—СССР. Однако громадное это государство лишь при поверхностном взгляде может показаться случайным и бессистемным нагромождением. В действительности, для того, кто уяснил себе руководящие внутренние начала пролетарской государственности, становится неоспоримым, что принцип, сказавшийся в построении большой федерации—СССР—тот же, который заложен в меньших федерациях, исторически ей предшествовавших,—ЗСФСР и РСФСР.

И прежде всего два вполне законных вопроса встают перед нами: 1) в чем заключается автономность советских областей и республик и 2) в чем федеративность такой федерации, как хотя бы РСФСР. Невозможно ответить на эти вопросы, не напомнивши еще раз, что в капиталистической науке вовсе не существует сколько-нибудь выдержанного и явственного понятия автономии или федерации, что в капиталистической практике все виды той и другой суть лишь форма и образ политического угнетения, и что существо советского автономизма и федерализма с начала до конца определяется отношением пролетариата к национальному вопросу и характером советской системы.

348. Юридическое положение автономных областей. Если до самого последнего времени можно было, как это и делалось в нашей литературе, с некоторым правом утверждать, что юридические формы автономных областей ничем не разнятся от юридических форм любой советской губернии, так что областям этим в нашем разговорном обиходе иногда присвоивалось выразительное наименование «национальных губерний», то уже в 1925 г., после опубликования измененного текста конституции РСФСР, подобное утверждение можно принять лишь со значительными оговорками. Действительно, из существующих декретов и постановлений ВЦИК, которыми формулируются права и обязанности органов автономных областей и их отношение к центральным учреждениям власти, невозможно было вывести заключение о каком-нибудь юридическом преимуществе автономных областей над обыкновенными губерниями. Но конституция такое юридическое отличие признала: примечание к ст. 44 разрешает съездам советов этих областей принимать «Положение» об области с последующим утверждением его ВЦИК. Нечего и говорить, что таким правом губернские съезды советов не располагают. Конечно, при

всей юридической существенности этой черты можно предвидеть, что и в будущем съезд советов или исполком автономной области марийского, например, народа по своей компетенции и деятельности, как и по отношению своему к Всероссийскому съезду и ВЦИК, немногим, в общем, станет отличаться от какого-нибудь рязанского или иного съезда и исполкома, и останется в силе, за некоторыми, быть может, изъятиями, общее правило, установленное старыми декретами об образовании автономной области: исполком области пользуется правами губисполкома.

349. В чем их автономность? Но дело здесь не в одних юридических формах или, вернее говоря, совсем не в них. Выше было сказано, что если под автономией понимать самоначалие масс, под автономной формой—такую местную организацию, которая целиком питается самоорганизацией и самодеятельностью трудящегося населения, им самим создана и ему обеспечивает наибольшие возможности коллективного участия в управлении, то советская система—именно потому, что она советская—неминуемо и без всякой борьбы осуществляет такую автономию,—нечто гораздо большее, чем административное или политическое самоуправление у буржуазии. И уже по одному этому область, называясь автономною, вполне оправдывает такое название. Но для данной национальной территории не то характерно, что она организована по-советски, а то, что советская система на *этой* территории, где расположилась *такая-то* нация с *ей* свойственным бытом и языком, немедленно обнаружила свое интернациональное существо и легко *окрасилась* *яркими* *национальными* *тонами*. А этого не может дать никакая буржуазная демократия: господствующая нация не допустит, чтобы подчиненные нации перевели эту демократию на свой национальный язык, ибо это означало бы освобождение их от эксплоатации. Советская власть, приходя на окраины, несла с собой организацию «местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественных, политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы» [419]. Советская власть повсюду становилась *нацио-*

нальной властью в руках национальных низов, т. е. советской национальной автономией.

Мы видим, следовательно, как сходные юридические формы наполняются однако различным политическим содержанием. Если рассуждать формально и безотносительно, закрыв глаза на существо вопроса, то лишь тогда можно сказать, что автономная область по своим правам ничем не отличается от любой советской губернии[420]. В самом деле: вот великорусская деревня, никогда не знавшая специфически национального гнета. Обогатилась ли она сейчас новым благом национальной свободы, благом жить и развиваться в согласии со своими национальными особенностями? Нет, разумеется, ибо этого у нее и раньше никто не отнимал. А вот, черемис, или вотяк, или «ордынец», над которыми издевался миссионер, которого избивал чиновник по-особенному, так, как избивали только инородцев за малейшее, хотя бы инстинктивное, проявление национальной особенности, или просто за то, что инородец. Совершенно очевидно, что от советской власти он получил неизмеримо больше, чем его русский соотечественник—пролетарий и крестьянин. Национальная губерния получила права своего национального существования и развития, которых у нее раньше не было. Но если бы политика рабочего класса в национальном деле ограничивалась голым провозглашением этих прав без практических шагов к их осуществлению, можно было бы, пожалуй, говорить, что к обычной советской автономии национально-областная автономия ничего не прибавляет. Однако мы знаем, что одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность «державной» нации оказать помощь, которая есть только возвращение долга.

Это право и эта обязанность имеют своим источником не столько соображения справедливости, или виновности, или ответственности, сколько сознание пролетариатом своих классовых интересов и интересов мировой революции. Поэтому и граница правообязанности легко нащупывается: интерес рабочего класса, которому подчинены все другие интересы, значит, и национальные.

350. Юридическое положение автономных республик. То же самое начало—право на свободное национальное

развитие, осуществляемое в братской взаимопомощи наций —лежит и в основе организации автономных республик. С точки зрения опять-таки юридических форм автономная республика есть высшее, сравнительно с областью, образование. Ее конституция подлежит предварительному утверждению ВЦИК и окончательному утверждению Всеросс. съезда. Конституция РСФСР особо оговаривает со право издавать законодательные акты (ст.ст. 44 и 48). Самое название роднит ее с самостоятельными государствами. Сообразно этому, она заимствует у федерации, в которую входит, терминологию для своих верховных органов: Республиканский съезд советов, ЦИК, народные комиссариаты, Сов. нар. ком. И дело, конечно, не ограничивается одними названиями. В то время как все органы областей РСФСР находятся в таком же двойном подчинении ВЦИК и Совету народных комиссаров, как и соответствующие органы округов, автономные республики знают иное построение. Здесь, по общему правилу, заведывание просвещением, юстицией, здравоохранением, земледелием и внутренними делами сосредоточено в так называемых автономных народных комиссариатах, освобожденных от руководства и контроля одноименных федеральных наркоматов: эти автономные народные комиссариаты направляются ЦИК и Сов. нар. комиссаров своей республики, сохраняя полную ответственность перед ВЦИК. Остальные же наркоматы: финансов, труда, торговли, РКИ и СНХ—находятся в подчинении у одноименных федеративных наркоматов. Свои права автономной государственной единицы автономная республика сохраняет, разумеется, и тогда, когда входит в т. н. районированное объединение. Постановление Президиума ВЦИК (28 июня 1928 года) «Об условиях вхождения АССР в состав районированных краевых (областных) объединений» прежде всего определяет, что такое вхождение—исключительно дело добровольного решения республики, принятого ее съездом советов и утвержденного ВЦИК'ом. Этому вполне соответствует право автономной республики и выйти по собственному желанию из районированного объединения. Ряд других статей приведенного постановления самым предусмотрительным образом ограждает действительные возможности самоуправления и законодательства автономной республики, во-

шедшей в объединение. Нужно ли, впрочем, говорить о том, что длительный опыт нахождения автономных областей в краевом объединении достаточно убедительно говорит о том, что и за ними сохраняются все фактические права самоорганизации и самодеятельности?

351. В чем автономность автономных республик? Таким образом, существует бесспорное различие в юридическом положении авт. республик и авт. областей. И опять-таки эта юридическая форма не должна заслонять и искажать в наших глазах то содержание, выражением которого она явилась. Обычно на основании ее заключают о большей, сравнительно с областью, самостоятельности республики и большей независимости ее от центральной власти. Такой взгляд есть недопустимый перенос на советскую почву отношений, процветающих в буржуазном государстве. Там большая или меньшая самостоятельность разнонациональных частей знаменует большую или меньшую национальную исключительность—и обратно. Там большая независимость области означает для буржуазии, представляющей нацию, большую возможность противопоставить себя господствующей нации, т. е. государству. Там поэтому достигнутая степень самостоятельности имеет огромную важность сама по себе: это этап на пути к главной цели—отделиться, замкнуться в свое собственное национальное государство. Но в государстве пролетарской диктатуры все то, что характеризует отношения к центру «мест» вообще, характеризует также и отношения национальных областей к общенациональному центру в частности. Когда нет классовой розни, нет явлений эксплоатации и угнетения, нет державной нации, угнетающей все другие, натравливающие их друг на друга,—то о какой самостоятельности и независимости может итти речь? Независимость—от кого? Самостоятельность—для чего? Если, тем не менее, мы говорим об автономной республике как о типе национального образования, высшем и более самостоятельном по сравнению с автономной областью, то это должно означать и в действительности означает только одно: авт. республика менее нуждается в поддержке, помощи и руководстве центра, чем авт. область. Ее культурные достижения выше, ее трудящиеся массы сознательнее, они крепче держат в своих

руках и ближе подошли к аппарату законодательства и управления. Есть поэтому возможность предоставить ее до известной степени самой себе в тех отраслях общественной жизни, которые непосредственно и тесно связаны с национальными особенностями, с бытом, жизненным укладом и имеют поэтому основное значение для развития нации, как таковой.

Означает ли это «больше автономии», т. е. больше свободы? Нет!—ибо национального гнета не существует ни для области, ни для республики. Но это означает больше трудностей, больше ответственности нации перед самой собой и предполагает, следовательно, больше культурных сил и культурной самостоятельности. На таком пути автономной республике предстоит преодолеть много препятствий и совершить много ошибок. Тем не менее, это единственный путь для пролетариата овладеть нацией, самому превратиться в нацию и, умертвив в зародыше всякую национальную исключительность, поборов националистические и шовинистические пережитки, еще явственнее сознать свои интернациональные цели и еще крепче внедриться в круг равноправных наций Советского союза.

352. Как «апперцепируется» советский автономизм буржуазной школой? Федеральная власть, оставляя в своем ведении организацию финансов, труда, промышленности, как будто «урезывает» компетенцию автономной республики, ограничивает ее свободу. На самом же деле она снимает с неокрепших плеч нации непосильную для них обузу, освобождая ее от риска и катастроф, гарантируя бескорыстную поддержку во всякую минуту и тем самым облегчая ей задачу культурно-национального строительства. Но в состоянии ли понять такую автономию ум юриста, воспитанного на буржуазно-автономических образцах? Цитируя акт «О государственном устройстве Автономной советской башкирской республики», где сказано, что необходимыми финансовыми и техническими средствами» республика эта «снабжается из общих средств РСФСР», юрист именно в этом обстоятельстве и усматривает «ограничение финансовой компетенции автономных республик» [421]. Как это смешно и как в то же время характерно для буржуазного понимания равноправия и независимости! Конечно, в обстановке насильнического буржуазного государства автономной области выгоднее потерпеть все муки голода, всякие бедствия, чем принять помощь от центральной власти: расплатой за помощь будет ростовщичья кабала. И государство нисколько не обязано облегчить затруднения своей автономной части: вместе с разнообразными правами она получила и право свободно и беспрепятственно погибнуть!

353. Роль автономии у нас и у буржуазии. Там, где капитал, не желая выпускать из своих рук нации и земли, как объекты эксплоатации, пускает в ход автономические формы в качестве средств эксплоатации, там автономия—один из способов преодолеть до времени центробежную тягу; там же, где добровольно соединяющиеся нации, уничтожив частную собственность на орудия производства и тем самым все предпосылки всех видов угнетения, организуют социалистическое хозяйство, там автономия—один из способов поощрить и усилить центростремительные тенденции [422].

Но если так, то сам собою решается вопрос о федеративном положении не только автономных республик, но и областей.

354. Федерализм «прирожденный»? Прежде всего—относительно первых: федеративные это части государства сложного или автономные провинции государства унитарного? Конечно, если взять за исходную точку положение о прирожденной федеративности Советского государства, о том, что стиль не только автономизма, но и федерализма—естественный стиль этого государства [423], то и вопроса не существует, все упрощается до крайней степени: если каждая губерния, каждый уезд. город, село—все члены федерации, все «государства-части» сложного целого, тогда области и республики подавно выступают в этом чине. Такая простота, однако, хуже всякой сложности. Практически она так же мало согласуется с ежечасно наблюдаемой советской действительностью, где могучие элементы демократического централизма, централизма снизу, продукта добровольного объединения советов в ударах капиталу и в организации социалистического хозяйства чувствуются с неотразимой реальностью, как мало всякая вообще фантастика согласуется с действительностью. Теоретически она более соответствует беспочвенным иллюзиям какого-нибудь мелкобуржуазного демократа, чем марксистским представлениям о государственных формах, необходимых пролетариату в переходный период захвата им власти.

355. Федерализм юридический? С другой стороны, если проделать автономным республикам буржуазный экзамен на звание федеративных частей, то они на этом экзамене непременно провалятся. «Ведь особенностями федеративной части государства, в отличие от автономной, являются, во-1-х, учредительная ее власть, во-2-х, окончательность ее актов, не подлежащих утверждению высшей властью, в-3-х. участие в создании хотя бы некоторых органов федеральной власти» [424]. Иными словами, требуются все такие данные,

которые (во всяком случае, первые два) существуют лишь в бестолковом воображении юристов и в их искусственных конструкциях, но не в подлинной действительности, как мы видели, капиталистических федераций. Условиям этим не место в советской действительности уже потому, что спор между центром и периферией о размежевании власти есть, как показано выше, целиком произведение антагонистического собственнического строя. В жестокой борьбе с центральной властью местности отстаивают или завоевывают свои права, и последние, естественно, служат мерилом большей или меньшей самостоятельности мест, большей или меньшей силы центра. И так в торгашеском споре провинциального партикуляризма с государственной унификацией вопрос о сумме прав провинции есть для нее вопрос жизни или смерти ее самобытности и особности. Совершенно очевидно, что в государстве пролетарской диктатуры *и центральные и местные органы одинаково должны быть органами самоуправляющегося пролетариата*. Применять все эти условия—сущность которых вся сводится к торгашескому «какой круг компетенций?», «какой круг компетентных?»—к членам советской федерации, значит сугубо не понимать классовой сути пролетарского государства. Но в нашей молодой литературе по советскому федеративному праву исследователи не миновали все же протоптанной тропинки: проэкзаменовали таки автономные республики по старому буржуазному Handbuch'у—и результат получился совсем странный: по первому и второму пунктам—познания неудовлетворительные[425], но так как по третьему испытуемые высказали кое-какую осведомленность, то снисходительные экзаменаторы за одно это выдали им «свидетельство в федеративности», чем преступили, конечно, против всех юридических канонов.

356. В чем суть советского федерализма? На самом деле суть советского федерализма на частном примере РСФСР может быть правильно установлена только в плоскости все той же национальной проблемы, во имя которой пролетариат допускает федеративным началам пронизывать плотно сбитое тело своего демократически-централизованного государства. Он «учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед»[426]. *Она есть средство для изживания национального вопроса*, изживания, возможно только в атмосфере пролетарской диктатуры и действительно начатого. Все дело в том, что есть один элемент в федерализме, подлинно существенный, который буржуазия затушевывает и затемняет кучей юридической дребедени. Это—принцип равенства составляющих федерацию частей[427]. Где соглашающиеся стороны не рав-

ны, а только уравнены жестокой палкой центральной власти, как каторжники, прикованные к общей тачке, ненавидящие друг друга за тяжесть не ими созданных цепей и принуждаемые надсмотрщиками послушно влачить проклятый груз, там нет федерации—союзного государства. Так обстоит дело в буржуазных союзах, что мы пытались показать выше. Иначе—в случае советской федерации. Здесь в союз вступают нации, предварительно уничтожившие каждая у себя частную собственность на орудия производства как основную предпосылку раздоров, неприязни, эксплоатации, угнетения, неравенства. Они все получают не только одинаковое право на жизнь, но и действительные средства осуществления этого права—больше тому, кто слабее (а не по «естественным» законам собственнического общества—больше тому, кто сильнее!). Между ними еще нет фактического равенства,—конечно, нет. Потому-то и нужна сильная рука федеральной власти, чтобы распределять (а не делить!) как неизбежные тяжести гражданских войн и социалистического строительства, так и достигнутые блага.

Не вина пролетариата, что взору юриста, мысль которого движется в привычных формах внешнего благообразия и наружной симметрии, здесь чудится «урезывание компетенции», большее или меньшее «подчинение центру», «больше или меньше автономии» и тому подобные несправедливости: ведь он привык раздавать равные права неравным субъектам, и в этом он видит справедливость!

Между нациями Советского союза—безразлично, возьмем ли мы их в масштабе РСФСР, или ЗСФСР, или СССР—еще нет фактического равенства. Но нет и не может быть, в то же время, малейшего поползновения сильного воспользоваться слабостью слабого для его ущемления. Напротив: в порядке дня «действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношениях национальностей» [428], помощь, не ограничивающаяся взращиванием национальных языка и школы, а направленная, главным образом, к созданию на окраинах очагов промышленности [429]. При таких совершенно невиданных и немыслимых в капиталистическом строе междунациональных отношениях фактическая слабость той или другой на-

ции теряет свой унизительный характер, перестает быть неисчерпаемым источником ненависти, раздражения, стыда, предлогом для гнусных разговоров об «избранных» нациях, о «благородных» расах, а есть то, что она есть: вполне исцелимый недостаток, дательное лечение которого ни в каком случае не является актом благотворительности, а требуется интересами преуспеяния целого. Жестокая классовая борьба всегда спанвает членов молодого, полного сил, класса: отставших и изнемогших не добивают и не покидают на произвол судьбы, а поддерживают общими силами коллектива, и в этом—залог самоотверженности и безоглядной преданности каждого. Так и в Советском союзе наций реальная слабость того или другого сочлена имеет тенденцию вознаграждаться не менее реальной поддержкой сильной федеральной власти. Добиваясь того, чтобы интенсивность этой поддержки была прямо пропорциональна нужде в ней, мы достигаем результата, в котором вся суть советского федерализма, секрет прочности, спаянности и растущей мощи советской федерации: все нации, члены этого Союза, неравные сами по себе в отдельности, все равны в Союзе, ибо каждая из них прибавляет к своей собственной силе ровно столько силы союза, сколько ей нужно, чтобы сравняться с другими. При этом она ничего не теряет, а приобретает в своей индивидуальной самобытности и пребывает полноправным членом федерации, независимо от того, населяет ли она автономную область или автономную республику.

Но так поставить дело национального равенства может только пролетариат. И такой уравновешивающей по отношению к нациям силой может быть только классовое государство пролетариата.

Именно из указанных выше фактов народы советских республик сделали вывод, необходимым следствием которого было объединение четырех независимых государств в одно Союзное государство.

357. Историческое возникновение советской федерации. До конца 1922 года происходило восстановление и укрепление советского строя в Белоруссии, на Украине и на Кавказе. Украинская, Белорусская, Азербайджанская,

Армянская и Грузинская советские социалистические республики в жестокой борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией разновременно отвоевали свое право на самостоятельное существование. Но, утвердившись у себя советскую власть, каждая из этих республик немедленно обращала взор на РСФСР,—тот испытанный центр, откуда пошла пролетарская революция и где ни разу не угасал ее очаг. Не поступаясь нисколько своей юридической самостоятельностью, каждая из этих республик связала себя с РСФСР, как равная с равной, союзным договором, который подтверждал и более или менее ясно формулировал ту общность внешней политики и внутреннего строительства, которая всегда существует между советскими государствами уже потому, что они—советские.

358. Цель этих договоров столь же простая, сколь и определенная: военная оборона советских республик и некоторые важнейшие отрасли народного хозяйства должны быть объединены руководством в одной сильной и верной руке, что и достигалось созданием так называемых объединенных народных комиссариатов по соответствующим отраслям. Характерной особенностью этих договорных соглашений служило то, что в результате их не получалось новых органов законодательства и управления: Всероссийский съезд советов, ВЦИК и некоторые Народные комиссариаты РСФСР присоединяли к своим ранее существовавшим функциям еще и обязанности обслуживания той или иной договорной республики. Естественно, что, начиная с IX Всероссийского съезда, представители всех этих республик приобрели место на съезде и во ВЦИК.

Понятна также и другая особенность этих договорных отношений: не существовало кругового договора, взаимно связывавшего друг с другом все советские государства—Украину с Азербайджаном, Грузией и т. д., Армению с Белоруссией, Грузией и т. д.,—но каждое из них вступало в непосредственные союзные отношения с одной РСФСР.

359. Необходимость в верховных всесоюзных органах. Такой порядок не мог считаться нормальным и окончательным. С оживлением и усложнением международных связей и внутренней жизни советских республик становилось очевидным, что нельзя обременять органы РСФСР столь ответственной и трудной работой общесоюзного руководи-

тельства сверх их непосредственных обязанностей по обслуживанию РСФСР. Помимо крупных технических неудобств, такое положение не соответствовало общему представлению о равенстве и самоценности братских советских республик: первоначальную задачу помощи и руководства каждой из молодых республик РСФСР—старшая их сестра—уже исполнила,—она собрала их вокруг себя и помогла им стать на ноги, но не не затем, чтобы и дальше водить их на помочах.

Теперь они могли и должны были непосредственно подать друг другу руки, связаться круговым союзом и поставить над собой верховный общий орган, чтобы он удовлетворял их общие нужды.

360. В необходимости и целесообразности создания единого государства, возглавляемого единой верховной властью, союзные республики имели возможность убедиться за все время существования договорных отношений. Самые эти союзные договоры ни разу не были, как у буржуазии в подобных случаях, тайным или явным разбойничьим сговором, рассчитанным на захват предполагаемой или на дележ уже приобретенной добычи: они, как отчетливо засвидетельствовала позже «Декларация об образовании СССР», являлись выражением самого строения советской власти, «интернациональной по своей классовой природе», ведущей советские массы к объединению в одну социалистическую семью. Этой великой истине независимые братские республики учились на жестоких уроках борьбы с внешними и внутренними эксплоататорами. Наивысшая централизация военного, например, дела диктовалась прямыми, явно ощутимыми жизненными интересами этих республик, пролетариат которых штыками вынужден был доказать капиталистам всю серьезность своего намерения превратить самого себя в нацию. Но в этих классовых войнах пролетариата сила штыков была и всегда будет лишь производной от его хозяйственной и финансовой мощи. В капиталистическом государстве вполне возможно и сплошь да рядом наблюдается такое положение, когда разоренные, голодные, вымирающие массы содержат гигантскую армию, составленную из крестьян и рабочих, на 3—4 года насильственно оторванных от привычного труда, превращенных в солдат-специалистов. Такой армией, отлично вымуштрованной и прекрасно снаряженной, командует тща-

тельно подобранная каста военных начальников, для которой не жалеют ни окладов, ни пенсий, ни дорого стоящих орденов и наград. И сильная, блестящая и гремящая армия живет ужасным, злокачественным наростом на измученном теле народа. В социалистическом государстве такое положение совершенно немыслимо. Здесь нет вообще солдат-специалистов и грохочущих палашами военных трутней. Здесь сильная армия, способная внушить страх неприятелю и отразить его напор, может быть лишь прямым и естественным следствием хозяйственного благосостояния страны. Здесь нет господствующего класса собственников, содержащего армию за счет разоренных и разоряемых низов. Трудящиеся здесь у власти, их армия составляет с ними одно.

Если народное хозяйство в упадке, если массы не овладели производством—не будет армии, не будет вооруженных сил.

361. Таким образом объединение хозяйственного строительства требовалось насущными нуждами советских стран. Такое требование не раз предъявляла история к буржуазным государствам, заставляя их поневоле складываться в федерацию. Но там, как мы видели, в кровавой междоусобице приходилось преодолевать сопротивление частных хаотичных интересов. У нас этих тяжелых трений не могло быть, потому что социалистическое хозяйство есть плановое хозяйство, и согласование экономического строительства советских республик приходило само собой вместе с уничтожением власти капиталистов и национализацией промышленности.

И не менее ясно было, что выйти из величайших финансовых затруднений, подвести под возрождающееся хозяйство города и деревни базу «хорошей деньги» можно только дружным, одновременным усилием, руководимым из общего центра.

Договорные соглашения, которыми советские республики связывали себя с РСФСР, и служили этим целям укрепления и выравнивания внутреннего и внешнего социалистического фронта. Время существования договорных отношений было временем экзамена этому единому фронту, когда союзные республики на деле убеждались, как много им может дать Союз и как мало он способен потребовать с них ту доро-

гую и унизительную плату, которая так обычна в союзах капиталистических.

362. Создание союзного государства как завершение советской демократии. Тогда братские республики сделали следующий шаг, необходимый и подсказанный всем предыдущим развитием. Тот порядок, при котором одно из государств—в данном случае РСФСР—берет на себя права и обязанности руководящего центра, был произведением военных условий, когда в боевой обстановке гражданской войны бойцам некогда сговариваться и выбирать командный орган по всем правилам демократии: командира назначила сама война. С наступлением же мирной передышки пришла возможность пересмотреть все эти случайные, неполные и бессистемные договорные соглашения и возвести на их месте стройное и прочное здание союзного государства. Именно с переходом от прежних договорных отношений, сосредоточивавших столь значительные, в общем, полномочия в руках одной из республик, к режиму союзного государства, где органы общесоюзной власти выбираются равноправными членами Союза, республики наши обрели ту форму сожительства, которая наиболее соответствует пролетарским представлениям о достоинстве, значимости и независимости советских наций и государств: если уж говорить о зависимости, то там каждое государство «зависело» от РСФСР, здесь же каждое зависит от всех и все—друг от друга!

363. Вопрос о суверенитете. Почему буржуазия упразднила суверенитет нации? Им не приходится при этом поступаться своей суверенностью. Но ошибочно было бы думать, что в отношении между советскими государствами и в свою Союзную конституцию пролетариат принес то искусственное понятие суверенитета, о котором мы говорили выше (ср. §§ 320 и сл.) и которое создалось с целью обосновать и оправдать эгоистическую тиранию собственнического государства. Мы видели, что у буржуазии объединение в федерацию есть обычно результат междоусобной драки, когда слабые нации или области, более или менее основательно побитые сильными, «добровольно под-

чиняются команде эксплоататорского центра. Девятнадцатый век—буржуазный век—был временем национальных стремлений и борьбы за национальное государство. Но неожиданным результатом этой борьбы было возникновение многонационального государства, чудовища, пожиравшего слабые нации в угоду господствующей нации. Великобритания в Ирландии и Индии, Германия в Познани и Эльзас-Лотарингии, Австро-Венгрия на каждом клочке своей лоскутной территории, Россия на сплошном кольце своих окраин,—все они демонстрировали воочию основной факт национальной политики буржуазии: господствующая нация, организовавшись в государство, пользуется им для порабощения, эксплоатации, обезличения подчиненных наций. Тогда стало ясным, что государство есть отрицание нации, подобно тому как буржуазное общество, основанное на равенстве свободных индивидуумов, оказалось в своем диалектическом развитии резким отрицанием свободной человеческой личности, ежеминутно ограничиваемой в насущнейших потребностях, втаптываемой в грязь и приносимой в жертву капиталу. Тогда-то идеологи буржуазии, частью не понимая, частью скрывая действительную сущность происходящих явлений, объявили суверенитет нации «пустой фразой» (ср. § 324). Они перенесли его на государство, лишив таким маневром суверенитета подчиненные нации, но сохранив его за господствующей.

364. Пролетариат восстанавливает национальный суверенитет. Но пролетариат в Советском многонациональном государстве отвергает все эти воровские манипуляции. Разве он не возвращает нациям то, что у них украла буржуазия, т. е. их верховное право располагать собою? Право нации на самоопределение, на образование самостоятельного государства и есть ее суверенитет. Своим добровольным присоединением к Советскому союзу она только утверждает это право. Здесь нация не бьется в безжалостных тисках чужого государства, и государство не питается живою плотью и кровью обезличиваемых наций: государство—не отрицание, а утверждение нации. Не очевидно ли в таком случае, что противоестественному разделению суверенитета государства и суверенитета нации приходит конец? А если так, то госу-

дарству, входящему в Советский союз, не нужно для сохранения здесь своего суверенитета больше того, что нужно нации для сохранения ее суверенитета: права на самоопределение. Поэтому Союзная конституция, обеспечивая союзным республикам право одностороннего выхода из Союза, тем самым дает необходимое и достаточное доказательство их суверенитета.

И этот суверенитет члены Советского союза сохраняют всегда и полностью. Четвертой статьей Конституции пролетариат удостоверил, что менее кого бы то ни было мог бы и хотел бы он ограничивать права наций на самоопределение. Если же третья статья говорит об ограничении суверенитета в определенных пределах, то это означает лишь, что ряд функций государственного управления союзные республики свободно и добровольно вручают союзным органам, причем право этих республик в любую минуту вернуть себе эти функции—порука целости и неприкосновенности их суверенитета.

365. Инициатива объединения исходила от суверенных наций. Все это союзные республики учли еще до оформления Союза. В конце 1922 года они через свои верховные органы определенно заявили, что настало время перестроить союзное здание. Первый почин в этом отношении пришел со стороны Закавказья, где в декабре 1922 года три государства—Азербайджан, Армения и Грузия—стали союзным государством и создали конституцию Закавказской социалистической федеративной советской республики.

Немного позже X Всероссийский съезд советов присоединился к волеизъявлениям договорных республик и признал своевременным «объединение РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР в Союз социалистических советских республик», после чего представители четырех государств, собравшись на первый Союзный съезд советов 30 декабря 1922 года, подписали Декларацию и Договор об образовании Союза. После того как центр. исполн. комитеты договаривающихся республик рассмотрели оба эти акта, они были приняты на II сессии Центр. исп. комитета Союза 6 июля 1923 г., составив Конституцию СССР. Эту Конституцию II Съезд советов Союза в январе 1924 года утвердил.

Впоследствии Союз был расширен принятием в его состав на равных с четырьмя указанными выше республиками пра-

вах Туркменской ССР, Узбекской ССР и Таджикской ССР, образовавшихся в результате национального размежевания в Средней Азии на месте Туркестанской АССР, Хорезмской ССР и Бухарской ССР.

Ближайшим образом состав, порядок избрания и предметы ведения Центр. исполн. комитета Союза, его Президиума, Совета народных комиссаров и нар. комиссариатов регулируются соответствующими положениями.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОБЗОР СОЮЗНОЙ КОНСТИТУЦИИ.

366. Распределение компетенции между Союзом и союзными республиками. В первой же статье Союзная конституция озаботилась определением тех предметов, отраслей, вопросов, которые относятся к ведению СССР в лиц его верховных органов, т. е. Съезда советов и Центр. исполнит. комитета. Разграничение компетенции Союза и союзных республик покоится в Советском государстве на совершенно иных основаниях, чем у буржуазии,—это явствует из всего того, что сказано нами о добровольном централизме этого государства, о положении наций в советском строе, о характере советской федерации. И прежде всего следует помнить, что союзная власть в Союзе социалистических республик есть в полном и точном смысле слова власть общая, представительница наиболее основных и общих интересов пролетариата. Центральная власть буржуазной федерации призвана блюсти выгоды наиболее мощного капиталистического слоя, затягивающего все туже петлю экономической и политической несвободы на шее трудового крестьянства и средней и мелкой буржуазии городов. Отсюда, как мы знаем, противоположение интересов федерации и ее частей, отсюда борьба за права этих частей государств, за большую их самостоятельность, за свободу самобытного развития, борьба, кончающаяся в большинстве случаев весьма трагически для членов федерации. Но в советской обстановке, в условиях равенства составляющих федерацию частей (ср. § 357), при предпосылках добровольного объединения, вызванного глубоко и ясно осознанными общими интересами планового социалистического хозяйства, союзная власть есть в полном и точном смысле общая власть. Эта общая власть за тем и вызвана к жизни шестью сплотившимися воедино государствами, что социалистиче-

ское строительство поставило перед ним такие задачи, которые разрешить можно только с о о б щ а, нимало не разбивая средств и сил. Дружными усилиями союзные республики создают такие органы союзной власти и так строят эти органы, так много отдают им лучшего своего человеческого материала, ставят их в такие наилучшие и наивыгоднейшие условия деятельности, чтобы они действительно являли собой сконцентрированную силу республик, где количество переходит в качество, и где эта высшая, союзная власть, о б щ а я власть, работает над задачами, которые разрешить можно только с о о б щ а.

367. Предметы исключительной компетенции Союза. Известно, что в число таких задач входят: внешняя политика, военное и военно-морское дело, транспорт и связь, наконец обширная область монополизированной внешней торговли. Не может быть никакого сомнения, при заключении международных договоров, да и вообще при ведении внешних сношений, в чем бы они ни заключались,—будь то объявление войны, или заключение мира, или совершение договора о литературной собственности,—союзные республики должны выступать как единое целое: только общей власти по плечу задача сношений с капиталистическим миром, столь враждебно к нам настроенным. Не менее бесспорной выступает роль общей единой власти в вопросах военной обороны Союза, в управлении путями сообщения, великое централизующее значение которых очевидно каждому в организации и ведении внешней торговли, монополизация которой ложится одним из краеугольных камней политики Советского государства. Союзным договором все эти отрасли силою необходимости целиком отошли в ведение союзной власти,—здесь на нее одну возложены обязанности законодательства и управления.

368. Предметы преобладающей компетенции Союза. **а) Народное хозяйство.** Необходимость общих объединенных усилий распространяется и на ряд других предметов первостепенной государственной важности. Установить план народного хозяйства под силу только союзной власти, которая одна в состоянии учесть все хозяйственное многообразие Союза, всю пестроту экономической обстановки и в эту сложность ввести систематизирующее начало социалистического хозяйственного строительства. И здесь значи-

тельнейшую часть работы нужно проделывать сообща,— основная тяжесть заведывания и руководства ложится на общую союзную власть. Но в отличие от отраслей, рассмотренных нами в предыдущем параграфе, область народного хозяйства представляет широкое поле для индивидуальной деятельности союзных республик уже потому, что общий хозяйственный план, чтобы быть реальным и жизненным, должен строиться на местных планах [430]. Первая статья Союзной конституции с большим основанием объединила (в пункте 3) установление общего хозяйственного плана с определением тех отраслей промышленности и промышленных предприятий, кои имеют общесоюзное значение. Тем самым она отвела союзным республикам значительную область как планирования, так и промышленного законодательства и управления—вспомогательного характера.

369. б) Бюджет и финансы. Но такое же в общем положение занимают союзная власть и союзные республики по отношению к финансовому хозяйству государства. Проведение единого бюджета, налоговое законодательство и управление, наряду с установлением единой денежной и кредитной системы—все это входит в сферу деятельности общей власти. При полном совпадении экономических и политических интересов союзных республик их бюджеты должны отражать и в действительности отражают не только финансовое и хозяйственное положение республик, но и всего Союза в целом [431], и это ведет, между прочим, к тому, что «общесоюзный бюджет и бюджеты союзных республик утверждаются единым законодательным актом» [432]. Но в то же самое время бюджеты республик не являются простыми подразделениями, чем-то вроде глав единого союзного бюджета [433], и закон с большой точностью и определенностью указывает на необходимость обеспечить самостоятельное сбалансирование их [434]. И здесь, следовательно, членам федерации представляется значительное поприще самостоятельности, на котором они всегда могут пользоваться поддержкой и руководством общей власти.

370. в) Внутренняя торговля; труд. Эта самостоятельность более или менее существенно расширяется в таких областях, как внутренняя торговля и организация труда. Отдавая, как мы видели, вопросы внешней торговли исключительному разрешению общей власти, союзные республики

в отношении внутренней торговли ограничиваются возложением на союзные органы лишь установления общей системы (пункт «ж» ст. 1). Система внутренней торговли в социалистическом государстве, устремляющем все силы на борьбу с частным капиталом, на осуществление смычки между городом и деревней, дается, очевидно, заранее всем направлением нашей хозяйственной политики. Наблюдение за полным соответствием внутренней торговли этой политике, за полным единством методов на всем протяжении Союза лежит на союзных органах. Но в пределах и на основе твердой системы, устанавливаемой и поддерживаемой общей властью, союзные республики проявляют широкую инициативу: все многообразие конкретных мероприятий и частных моментов есть область их собственного усмотрения, их творчества и государственного такта.

Из тех же принципов исходит наша Конституция, когда устанавливает взаимоотношения Союза и союзных республик по вопросам трудового законодательства и управления. Эти вопросы многочисленны и обширны, важность их не подлежит сомнению. Тем не менее это не та область, которая должна быть целиком предоставлена общей власти, как не может она составить и предмет преобладающей компетенции членов федерации. И здесь ведущая роль отведена ими Союзу. Интересы правильной и единообразной организации и охраны труда требуют, как то и определяет Конституция, чтобы общая власть установила и защищала основные законы о труде. На почве этих основных законов и в согласии с ними союзным республикам обеспечена достаточная возможность нормотворчества, и задача проектируемого «Кодекса основных законов о труде СССР»—«разграничить, в каких пределах советское трудовое законодательство должно в дальнейшем развиваться, как общесоюзное, и в каких пределах,—как законодательство отдельных союзных республик» [435].

371. г) Земледелие. Наконец земледелие принадлежит к тем отраслям хозяйства, где необходимость в планирующем и директивном центре стала неотразимо ощущаться с переходом к крупному социалистическому земледелию. Когда в порядок дня ставится задача энергичного подъема сельского хозяйства, отставшего от бурного роста промышленности, когда миллионы крестьян объединяются для кол-

лективной обработки земли и нужно встретить и организовать это массовое движение, тогда значение не только общей линии и единого плана, но и согласованного исполнения не может быть преувеличено. Пристальное руководство союзной власти здесь вполне уместно. Но в то же самое время как раз сельское хозяйство и земледелие настолько тесно связано с многообразными местными особенностями и бытовыми частностями, что самодеятельность союзных республик должна найти себе широкое применение.

372. Предметы преобладающей деятельности союзных республик. Существуют наконец области, в которых союзной власти предоставляется провозглашение общих принципов с тем, чтобы этих принципов держались союзные республики, когда они осуществляют принадлежащие им тут широкие полномочия законодательства и управления. Это, главным образом, уже отчасти знакомые нам (ср. § 351) сферы народного просвещения, здравоохранения, юстиции, где требуется особенная близость правящих учреждений к трудящемуся населению, и где чрезвычайная пестрота культурно-бытовых особенностей делает невозможным слишком пристальное руководство центра. Да в нем, по большинству случаев, нет и надобности. Выделивши ответственную общую власть для исключительного заведывания основными и труднейшими отраслями и для преобладающего руководства в менее сложных сферах, союзные республики освободили свои силы и возможности для интенсивного культурного строительства, важность которого не может быть переоценена.

373. Некоторые отдельные вопросы. Заметим в заключение, что союзная общая власть нередко берет на себя разрешение и таких вопросов, о которых ст. 1 Конституции ничего не упоминает. Было бы однако бесплодным педантизмом, питающимся к тому же непониманием характера советского строя, говорить в этих случаях о нарушении Союзной конституции. Если ст. первая не говорит непосредственно о «правах» общей власти регулировать основные моменты состава и деятельности низовой советской системы, то значит ли это, что изданием, например, общесоюзной «Инструкции о выборах в советы» или общесоюзного же «Положения о городских советах» нарушается Союзная конституция? Нет, не значит, ибо,

как мы пытались разъяснить в своем месте (§§ 228, 374), верховный союзный орган, Союзный съезд советов, есть непосредственное произведение этих самых низовых советов, и в этом его коренное и важнейшее отличие от парламента. Союзная власть как раз потому, что она союзная, должна взять на себя заботу о единообразном и правильном устройстве советской сети, иначе она—кровно связанная в организационном отношении с советскими низами—рискует потерять в собственной цельности и стройности и близости к советам [436].

374. Соотношение союзных органов. Легко убедиться, что Союзная конституция сохранила все те основные черты и общие линии советского государства, которые впервые были схвачены и запечатлены Конституцией РСФСР. Тон рабочей революции и пролетарской государственности одушевляет, конечно, и ее, и для того, кому знаком и понятен этот тон, нетрудно разобраться в характере и взаимоотношениях органов союзной власти. Он заметит, что «Декларация об образовании СССР», так же, как и «Декларация трудящегося и эксплоатируемого народа», не преминула подчеркнуть диктаторский характер власти пролетариата, воспользовавшись притом возможностью подвести некоторые итоги и указать, что именно диктатура пролетариата и советская система осуществили братское сотрудничество и свободное национальное развитие народов. Далее читатель увидит, что верховный орган союзного государства—Съезд советов Союза—при всей огромности и непререкаемости его власти, не имеющей соперников, черпает эту власть в городских и сельских советах (ст. 9), и поэтому здесь целиком применимо все то, что мы говорили выше о характере верховной власти в Советской республике (см. § 228). Равным образом, положение ЦИК Союза, заступающего Съезд по окончании его занятий во всех его правах и обязанностях (ст. 8) и перед ним ответственного (ст. 28), роль Президиума ЦИК, находящегося в таких же отношениях к ЦИК, как последний к Съезду (ст. ст. 26, 29, 36), и значение избираемого ЦИК Совета народных комиссаров (ст. 37) говорит о том, что принцип распределения рабочих функций (а не разделение властей) так же последовательно проведен в Союзной конституции, как и в Конституции РСФСР (ср.

§§ 218 и сл.). И здесь ЦИК в деле осуществления своих законодательных, исполнительных и распорядительных полномочий (ст. ст. 29, 17) опирается на подотчетные ему Президиум и СНК (ст. ст. 17, 36, 40) таким образом, что в Президиуме приобретает перевес законодательная работа над исполнительной, в СНК—обратно (ср. §§ 222, 223). В отличие от Конституции РСФСР—Союзная в особой главе говорит о Верховном суде Союза, но в этом, конечно, мудрено усмотреть и тень отделения судебной власти от прочих властей: этот Верховный суд с о с т о и т при ЦИК, как его ближайший помощник по утверждению революционной законности (ст. 43). Тем не менее здесь имеются и существенные особенности: одна касается устройства ЦИК, другая—Президиума ЦИК, третья—Совнаркома.

375. Центральный исполнительный комитет Союза не целиком избирается Союзным съездом.

Для того, чтобы к л а с с о в а я политика советской власти была надлежащим образом согласована с национальными интересами народов Союза, необходимо построить Центральный исполнительный комитет так, что все его мероприятия, диктуемые общими потребностями Союза, как целого, еще до своего осуществления получили бы предварительную оценку отдельных наций как частей этого целого. И лишь после этой оценки и обсуждения с различных точек зрения можно рассчитывать, что общий интерес не будет отождествлен с интересом более сильных или более предприимчивых членов Союза, что никто не будет невольно принесен в жертву своему соседу, что будут равномерно распределяться и тяготы и блага общего дела. В то же время важно, чтобы национальные единицы могли проявить живейшую инициативу в общесоюзном советском строительстве: они должны иметь прямой и верный путь для непосредственного участия своего, как н а ц и о н а л ь н ы х тел, в о б щ е г о с у д а р с т в е н н о м управлении.

Этой цели и служит С о в е т н а ц и о н а л ь н о с т е й. Он не избирается Союзным съездом. Он составляется из представителей, делегируемых верховными органами союзных и автономных республик и автономных областей, и в целом утверждается съездом (ст. 15). Другую часть ЦИК составляет С о ю з н ы й с о в е т, непосредственно избираемый Съездом пропорционально населению союзных республик.

376. Двухпалатная система у буржуазии. И здесь бесполезны какие бы то ни было сравнения с так называемой двухпалатной системой буржуазии. Происхождение и положение верхних палат в капиталистическом государстве целиком обусловлено борьбой классовых групп в среде господствующего класса собственников. Промышленная буржуазия лишь постепенно, шаг за шагом, отвоевывала верховенство у представителей аграрного или денежного капитала, сосредоточившихся в верхней палате, и растущая индустриализация страны политически выражалась в преобладающем влиянии—по обычаю или по закону—нижней палаты. Так, в Англии палата общин, избираемая непосредственно населением и долженствующая поэтому представлять нацию, давно противопоставила себя палате лордов—цитадели земельной аристократии, представители которой заседают в верхней палате не по выбору, а по собственному праву и по назначению короны. Борьба между палатами завершилась победой «нации», т. е. промышленной буржуазии, и права лордов были очень существенно ограничены специальным законом. Во Франции, которая до последнего времени оставалась страной мелкого производства и ростовщического капитала, верхняя палата, сенат, где системой косвенных выборов и искусственным делением на избирательные округа обеспечено господство реакционеров, всегда успешно боролась с палатой депутатов, составлявшейся на основе всеобщего избирательного права и проводившей демократические тенденции промышленной буржуазии. Оставаясь формально равноправным палате депутатов, сенат силою вещей постепенно отодвигался на задний план, но сохранил, тем не менее, много способов осуществлять свое назначение тормоза для «разрушительных» увлечений нижней палаты. В Соединенных штатах Америки сенат, избиравшийся до последней реформы выборщиками, долженствовал как будто представлять интересы отдельных штатов в государственном целом, но на деле превратился в настоящую твердыню плутократии, совершенно задавившую ничтожную палату представителей.

Во всех случаях собственническое государство не знает мирного, делового сотрудничества верхней и нижней палат. Либо «верх» попирает «низ», либо «низ» сотрясает «верх». При равноправии палат законопроект, отвергнутый

одной из них, бесповоротно погибает (как, напр., во Франции), при преобладании одной из них законопроект приобретает силу вопреки противодействию слабейшей (как, напр., в Англии, где нужно—острят англичане—троекратное вето палаты лордов, чтобы проект стал законом). При таком принципиальном и систематическом разномыслии палат, покоящемся на их различном классовом фундаменте, неудивительно, что совместные заседания их практикуются лишь как исключение из общего правила. Палаты никогда не соединяются в Северной Америке, соединяются лишь для выборов президента или изменения конституции во Франции, соединяются только для разрешения возникших разногласий в Австрии и Норвегии, и лишь Швейцарская конституция знает случаи совместного заседания палат для обсуждения некоторых законопроектов с самого начала. Но и эти совместные заседания превращаются по существу в демонстрацию грубого механического давления одной палаты на другую: здесь нет раздельного голосования членов каждой палаты, и поэтому победа заранее гарантирована нижней палате, как более многочисленной. Палаты сходятся не как друзья и соратники в дружной работе, а как естественные враги в тупике, куда их загнали непримиримые интересы.

И в этом тупике совместного заседания сильная палата душит слабую, после чего они расходятся до следующей приятной встречи.

377. Совет национальностей и Союзный совет составляют единое учреждение верховной власти—Центральный исполнительный комитет Союза, от имени которого публикуются декреты (ст. 22). Так как оба Совета являются продуктом *не борьбы, а сотрудничества классов* внутри правящего большинства, то имеется полная возможность осуществить на деле единство ЦИК как целого: заседания Советов *по правилу совместны*, но они могут работать и параллельно, если того пожелают. Но работают ли они совместно или отдельно, они совершенно равноправны (ст. ст. 16 и 22). И это не есть равноправие учреждений, долженствующих уравновесить друг друга, но в действительности подавляющих одно другое, а равноправие, дающееся неподдельной согласованностью интересов и стремлений, равноправие внутренней смычки и спайки.

Выражается же оно не только в том, что ни один законопроект не может стать законом без утверждения его и Советом национальностей и Союзным советом, но в том, главнее всего, что ни один из советов не имеет иных средств, кроме средств убеждения, для того, чтобы заставить несогласного принять его точку зрения. Деловые разногласия, конечно, возможны. В этом случае задача согласительной комиссии, избираемой Советами на паритетных началах (ст. ст. 23 Конституции и 37 Положения о ЦИК СССР),—найти решение, удовлетворяющее обе стороны. Но если это не удается, тогда спорный вопрос переносится в совместное заседание Советов не с тем, чтобы дать возможность одной части законодательного учреждения механически раздавить другую своей численностью, а с тем, чтобы силой убеждения и логикой доводов привести обе стороны к согласному пониманию общего интереса: и в совместном заседании советы голосуют раздельно, и законопроект принимается лишь тогда, когда за него большинство того и другого совета (ст. ст. 24 Конституции и 43 Положения, а также ст. 26 Конституции). Если же и здесь разногласия оказались непримиримыми, тот из советов, который чувствует себя неудовлетворенным создавшимся положением, отнюдь не обрекается на горькое сознание своего бессилия, соединенное с обидой и раздражением против упрямого собрата. Какие яростные обвинения в косности, реакционности, тупости падают во Франции на голову сената, мешающего палате депутатов провести закон хотя бы об избирательных правах женщин! И как часто лицемеры из нижней палаты пришимают в демагогических целях законопроект, которого не приняли бы, но будь у них полной уверенности, что верхняя палата его не пропустит! Советская система дает простой и прекрасный выход из этого положения: Союзный совет или Совет национальностей всегда могут передать спорный вопрос на разрешение очередного Союзного съезда или даже потребовать для этой цели созыва чрезвычайного Съезда советов (ст. ст. 24 и 11 Конституции и 44 Положения о ЦИК СССР). А Съезд есть высший авторитет. Перед этим коллективным разумом рабоче-крестьянского общества умолкают всякие возражения, и его решение кладет логический конец всем недоразумениям и неудовольствиям.

378. Президиум Центр. исполнит. комитета. В соответствии со способом составления Центр. исполнит. комитета находится и способ составления его Президиума. Он образуется на первом заседании ЦИК в количестве двадцати семи членов так, что две трети его даются уже перед тем, в раздельных заседаниях, избранными президиумами Союзного совета и Совета национальностей (ст. ст. 25 и 26 Конституции и ст. 10 Положения). Ни президиум Союзного совета, ни президиум Совета национальностей не суть учреждения, постоянно работающие; каждый из них действует только во время сессии ЦИК, сохраняя функции лишь руководства внутренним распорядком заседаний (ст. 25 Конституции). Но безусловно равноправие обоих Советов, проистекающее из одинаковости их стремлений и целей и делающее их частями единого целого, дало возможность, совершенно исключенную в буржуазном государственном обиходе: возможность из соединения их президиумов, дополненного избранием девяти членов в совместном заседании, создать новое учреждение—Президиум ЦИК, функции которого во время сессии ЦИК мало чем отличаются от функций президиума каждого из советов, но который «в период между сессиями ЦИК Союза ССР является высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза ССР» (ст. 29 Конституции. Ср. ст. 26). Президиум этот не есть, следовательно, механическое соединение не смешивающихся элементов, из которых каждый сохраняет свои собственные права и свою самобытность, а целостный орган, наделенный, как таковой, правами, совершенно отличными от прав его частей. Такое единство Президиума должно быть рассматриваемо в качестве необходимого следствия единства Центр. исполнит. комитета.

В системе союзных властей Президиум ЦИК сохранил все те черты, которые эволюционно—путем последовательного развития—приобрел в РСФСР Президиум ВЦИК. Между тем как Конституция 10 июля 1918 года лишь случайно и мимолетно упоминает о Президиуме ВЦИК (ст. 45), VII Всероссийский съезд уже уделяет ему право приостанавливать решения Совета народных комиссаров, а VIII—право отменять эти решения. Союзная конституция в связи с окончательным признанием сессионной системы занятий ЦИК (ст. 21) выдвигает Президиум ЦИК, как мы

видели, на место высшего органа власти между сессиями ЦИК, чем, разумеется, вполне определяются его права, и что, между прочим, делает перед ним ответственным Совет народных комиссаров Союза (ст. 40). Тем не менее, и по отношению к Президиуму ЦИК остается в силе то замечание о характере власти, которое сделано выше относительно Президиума ВЦИК (§ 223). Наряду с Советом народных комиссаров Союза Президиум ЦИК есть производный и подсобный орган Центрального исполнительного комитета, подтверждающий своей структурой и своей деятельностью принцип разделения функций власти, но не властей. Будучи ответственен не перед Съездом, а перед ЦИК, избираемый и смещаемый им же, он служит ближайшим и непосредственным помощником ЦИК в деле осуществления им законодательных, по преимуществу, полномочий, в то время как союзный СНК играет подобную же роль в области преимущественно распорядительных и исполнительных прав ЦИК (ст. 37). Но так как по букве и смыслу нашей Конституции ни Президиум ЦИК, ни СНК не отказываются приэтом: первый—от исполнительных полномочий, второй—от законодательных,—то тому же Центр. исполнит. комитету предоставляется Конституцией очертить круг деятельности Президиума и Сов. нар. ком. (ст. 17), сохраняя за собой объединение работы по законодательству и управлению (там же). Эта несамостоятельность, производность и подотчетность власти Президиума ЦИК подчеркивается не только соответственной терминологией Конституции, именующей Съезд и ЦИК верховными органами власти (ст. 8), а Президиум—высшим органом власти (ст. 29, ср. ст. 66), но и статьей 32, не распространяющей на Президиум права ЦИК отменять постановления съездов советов союзных республик, и статьей 18, кот., будучи помещена в Конституции, в главе о ЦИК СССР, не без основания внесена в Положение, в главу о Президиуме ЦИК СССР. Очевидно также, что и Президиум ЦИК, в отличие от ЦИК, не располагает никакими учредительными правами.

379. Совет народных комиссаров Союза. Орган, специализирующийся, прежде всего, в области распорядительной и исполнительной деятельности ЦИК,—Совет народных комиссаров Союза—строится в общем по тому же типу, что и в РСФСР. Десять народных комиссаров, председатель Со-

вета и его заместители избираются на совместном заседании ЦИК (при раздельном, конечно, голосовании членов СС и СН) и составляют Совет народных комиссаров, основная задача которого заключается в «руководстве деятельностью общесоюзных и объединенных народных комиссариатов» (ст. 3*а* «Положения о СНК СССР»). Непосредственное законодательство он осуществляет в пределах, устанавливаемых ЦИК (ст. 38), располагая кроме того весьма значительными полномочиями в деле инициативы и подготовки законов, для чего опирается как на свои собственные органы, на подготовительную комиссию и СТО (при последнем: Государственная плановая комиссия).

В соответствии с положением в Союзе союзных республик и с компетенцией верховных органов Союза, устанавливаемой первой статьей Конституции, в составе десяти союзных наркоматов различаются общесоюзные—«единые для всего Союза ССР»,—и объединенные (ст. ст. 50, 51, 52), иногда называемые директивными. В то время как общесоюзные комиссариаты для управления соответствующими отраслями в союзных республиках действуют через уполномоченных на местах, подчиненных непосредственно центру (ст. 53), объединенные комиссариаты располагают в качестве своих органов одноименными наркоматами союзных республик, находящимися однако в непосредственном подчинении ЦИК и совнаркомам этих республик (ст. ст. 54 и 68 Конституции, ст. 15 «Положения о НК СССР»), так что постановление одноименного наркомата может быть приостановлено или отменено объединенным наркоматом за несоответствием его директивам или общесоюзному законодательству лишь в том случае, если постановление это не основано на «точном предписании Совета народных комиссаров данной республики» (ст. 18 Положения). При наличии же такого предписания постановление может быть отменено лишь Сов. нар. комиссаров Союза.

Таким образом распорядительная и законодательная компетенция СНК ограничивается той сферой, которая централизована в Союзе, в различной, правда, степени: иностранные, военные и морские дела, внешняя и внутренняя торговля, пути сообщения, почта и телеграфы (единые наркоматы); рабоче-крестьянская инспекция, высший совет нар. хозяйства, труд, финансы, земледелие, статистика (объ-

единенные) *. Вопросы же юстиции, просвещения, здравоохранения, внутренних дел, социального обеспечения изъяты из ведения СНК Союза, составляя специальную область автономных народных комиссариатов каждой Союзной республики. Но так как на Союз в лице Съезда и ЦИК возложено законодательство и в области основных начал внутренней торговли, юстиции, народного просвещения, народного здравия (ст. 1 Конституции), то очевидно, что Съезд и ЦИК, законодательствуя по этим предметам, не должны и не могут избегать согласования их в Сов. нар. комиссаров. Отчасти поэтому, но главным образом для того, чтобы возможно более расширить участие союзных республик в СНК, состав его усиливается обязательным присутствием на его заседаниях представителей союзных республик (с совещательным голосом, а также, независимо от того, допущением на эти заседания председателей совнаркомов союзных республик (примечание к ст. 1 Положения о СНК СССР).

380. Федерация как переходная форма к полному единству трудящихся разных наций. Изучение Союзной конституции убеждает, что в ней целесообразно и точно запечатлена сущность советского федерализма. Федерализм СССР по природе и смыслу своему тот же, что и федерализм РСФСР или ЗСФСР. И здесь, и там одна из самых значительных черт советской федерации: ее способность быть «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций» [437]. Это полное единство можно понимать только как «единую, централистически-демократическую республику» [438].

Совершенно верно замечено, что «для рабочего класса федерация есть форма государственного бытия в переходную эпоху, когда он стоит с буржуазией всего мира на военной ноге. Для крестьянских широких масс федерация есть существо государственного строя постольку, поскольку эти крестьянские массы не подняты еще нами в отсталых своих частях до уровня рабочей политической культуры» [439]. Советская федерация тем и советская, что в ее формах можно безболезненно преодолеть федеративные

---

* Единый Народный комиссариат внешней и внутренней торговли действует как общесоюзный в вопросах внешней и как директивный—в вопросах внутренней торговли. В последних случаях он использовывает народный комиссариат торговли, образуемый каждой союзной республикой.

предрассудки крестьянских масс и вырастить сознательное и свободное, чуждое боязни и недоверия стремление к крепкому политическому единству суверенных наций в централизованном пролетарском государстве. Те совершенно небывалые в буржуазном обиходе гарантии самостоятельности, которые наше государство дает своим национальным частям, оно дает им не потому, что оно федеративное государство, а потому, что оно—пролетарское государство. Как федерация, оно могло бы наглухо запереть от влияния союзных республик ту область государственной деятельности, которая отмежевана центральной власти Конституцией. Как Советское государство, оно широко открывает и эту сферу для участия своих национальных сочленов не только путем соответственной, как мы видели, структуры ЦИК и СНК, но и посредством каждодневной практики законодательства и управления, неоспоримо тем самым свидетельствуя, что свобода национального развития обеспечивается не федеративной ф о р м о й, а пролетарским с у щ е с т в о м Советского государства, и деятельно опровергая «предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая» [440]. Так через союз федеративный рабочие и крестьяне должны проделать сознательный и добровольный путь к союзу централистическому. Но в то время как в буржуазных федерациях путь к государственному единству лежит через обезличение и ассимилирование господствующей нацией всех других, в советской—момент полного политического единства совпадает с моментом достижения всеми нациями полного фактического равенства. Лишь медленно и постепенно представители наций в Советском союзе будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями. Но момент этого равенства есть вместе с тем момент наиболее совершенной хозяйственной культуры, всестороннего овладения пролетариатом каждой нации своей собственной нацией. Путь к этому равенству еще так долог и тернист, еще так много националистических пережитков, предрассудков и косности—наследия старого режима,—что бессмысленно устанавливать какие бы то ни было сроки: этапы движения предусмотреть с точностью трудно, но если ясна т е н д е н ц и я р а з в и т и я, то это уже очень много и очень важно.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Георг Еллинек.*—Право современного государства, т. I. Общее учение о государстве. 1903, стр. 334 и сл.

2. *Джемс Брайс.* — Американская республика. 1889, ч. I, стр. 393.

3. *Фридрих Энгельс.*—Ludwig Feuerbach u. der. Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. — 5-te Auflage. Stuttgart 1910. S. 52.

4. *A. V. Dicey* в ст. The Referendum в журнале «The Contemporary Review».—London 1890, v. 57, p. 500. Цитировано по П. И. *Новгородцеву*—Об общественном идеале, вып. I. — М. 1917, стр. 16.

5. *Франц Мерин.* — Об историческом материализме. — Изд. «Библиот. просвещения», стр. 10.

6. *Фердинанд Лассаль.* — О сущности конституции. — В собр. сочинений изд. П, Глаголева. — В новейшее время точки зрения Лассаля усвоили проф. Зейдлер и H. Herrnritt. См. у первого «Das juristische Kriterium der Staates», Tübingen 1905, S. 71—72, а у второго «Die Staatsform als Gegenstand der Verfassungsgesetzgebung und Verfassungsänderung». — Tübingen 1901, S. 49.

7. *Ф. Энгельс.*—Анти-Дюринг. — М. 1922, стр. 89.

8. *Шарль Боржо.* — Учреждение и пересмотр конституций в Америке и Европе.—Изд. «Библ. просв.», вып I, стр. 37 и вып. II, стр. 28. — О происхождении буржуазных писанных конституций, сравн. нашу статью «Конституция» в «Энциклопедии права и государства», т. II, стр. 503 и сл.

9. *Карл Маркс.*—К критике гегелевской философии права.—«Литературное наследие». 1908, т. I, стр. 528.

10. *Его же.* — Борьба классов во Франции 1848—1850 гг. — В сборнике «Мысли и взгляды о жизни XX века». — Спб. 1912, стр. 103.

11. *Ленин.* — Пролетарская революция и ренегат Каутский. — Собр. соч., т. XV, 1925, стр. 472.

12. *Н. Бухарин.*—Экономика переходного периода.—М. 1920, стр. 72.

13. *К. Маркс и Фр. Энгельс.* — Манифест коммунистической партии.—М. 1918, стр. 32.

14. *Ленин.* Там же, 473.

15. *Карл Маркс.*—К еврейскому вопросу. — «Литерат. н[illegible]» 1908, т. I, стр. 562.

16. *Г. Еллинек*, ук. соч., стр. 342.

17. *Олар.*—Великая французская революция.—М. 1906, стр. 76.

18. Речь судьи *Миллера.* См. Брайс, ук. соч., стр. 18 и сл.

19. *Г. Еллинек.*—Декларация прав человека и гражданина.—М. 1906, стр. XIX. Предисловие *А. Э. Воржа.* — О происхождении буржуазных деклараций см. нашу статью «Декларация» в «Энциклопедии права и государства», т. I, стр. 794.

20. *Ш. Боржо*, ук. соч., вып. II, стр. 28.

21. Подробности см.: проф. *Г. С. Гурвич.*—История советской конституции. 1923, стр. 2, 39—40, 90—91, 149—160.—Прибавить нужно, что, как широко стало известно в 1924 году, декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа составлена была В. И. Лениным.

22. *Alexis Tocqueville.* — De la démocratie en Amérique, — t. I, Paris 1865, p. 167.

23. *Сидней Лоу.*—Государствен. строй Англии.—Спб. 1908, стр. 1.

24. *Еллинек.*—Общее учение о государстве, стр. 355.

25. *Его же.*—Конституции, их изменения и преобразования. Спб. 1907, стр. 11.

26. *Фр. Энгельс.*—Ludwig Feuerbach, S. 51—52.

27. Очерк под тем же названием в перв. томе «Трудов по истории и юриспруденции», англ. изд.

28. *Брайс.*—Американская республика.—М. 1889, ч. I, стр. 400, и *Я. М. Магазинер.* — Общее учение о государстве.—Петроград, 1922, стр. 402. См. подробности об этом: *Г. С. Гурвич.*— Политический строй современных государств. Соединенные штаты Америки, 1928, стр. 80—84, 88—89.

29. Ср. *Брайс.*—Америк. республика, стр. 406.

30. *Ш. Сеньобос.*—Политическая история современной Европы.—Спб. 1898, стр. 100.

31. *С. А. Котляревский.*—Власть и право.— М. 1915, стр. 257.

32. *Адольф Меркель.*—Юридическая энциклопедия.—Спб. 1902, стр. 13.

33. *Ольстон.* — Краткий очерк современных конституций.—М. 1905, стр. 21.

34. *Л. Гумплович.*—Общее уч. о госуд., II. 1910, стр. 16.

35. *Боржо*, ук. соч., I, стр. 47.

36. *Брайс.*—Америк. республ., стр. 23, прим. 1.

37. *Э. Бернштейн.*—Исторический материализм.— Спб. 1901, стр. 226.

38. *Сеньобос*, ук. соч., стр. 286.

39. *Энгельс.*—Происхождение семьи, частной собственности и государства, II. 1918, стр. 80.

40. *Боржо*, ук. соч., I, стр. 38.

41. *Он же*, ук. соч., I, стр. 40. — Ср. подробное исследование вопроса: *Л. В. Шалланд.* — Верховный суд и конституционные гарантии,—сборн. «Конституц. государство», Спб. 1905.

42. *В. Бэджгот.*—Государственный строй Англии. — М. 1905, стр. 88.

43. *Он же*, ук. соч., стр. 353.

44. *Токвиль*, ук. соч., I, стр. 14.

45. *Боржо*, ук. соч., I, стр. 38.

46. Коммунистич. манифест. — М. 1918, стр. 45.

47. *Я. М. Магазинер.*—Общ. уч. о гос., 1922, стр. 294.

ПРИМЕЧАНИЯ

48. *Маркс.* — 18 Брюмера Луи Бонапарта (в сб. «Мысли и взгляды о жизни XX в.». — Спб. 1912), стр. 102.

49. *Он же*, ук. соч., там же.

50. *Н. К. Михайловский.* — Сочинения, т. IV. Спб. 1897, стр. 951.

51. *А. Л. Лоуэлль.*—Правительства и политические партии в государствах Зап. Европы. — М. 1905 г., стр. 69.

52. Речь докладчика *т. Стеклова* (V Всеросс. съезд, стенографич. отчет, М. 1918, стр. 188 и сл.).

53. *Брайс.*—Американск. республика, I, стр. 435.

53-а. *Ленин.*—Лекция о государстве. (Стенограмма), «Революция права», 1929, № 2, стр. 21.

53-б. *Ф. Энгельс.*—Происхождение семьи, частной собственности и государства.—1918, стр. 80.

54. *К. Маркс.*—18 Брюмера Луи Бонапарта.—В сборн. «Мысли и взгляды о жизни XX века», стр. 261.

55. *Ф. Энгельс.*—Происхождение семьи, частной собственности и государства.—1918, стр. 35.

56. Там же, стр. 79.

57. Там же, стр. 76.

58. Ср.: *Фр. Энгельс.*—Предисловие к 18 Брюмера Луи Бонапарта. III изд. в сборн. «Мысли».

59. *Ф. Ф. Кокошкин.*—Русское государственное право.—Вып. I. М. 1908, стр. 4.

60. *Фр. Энгельс.*—Ludwig Feuerbach, S. 50.

61. *К. Маркс.*—Капитал, т. III, часть II, стр. 327. — М. 1924.

Против изложенного мною понимания государства проф. Е. А. Энгелем был выдвинут упрек, что оно представляет собою попытку «сочетать буржуазное и марксистское определение государства» (проф. *Е. А. Энгель* — «Основы Советской конституции», конспект лекций, 1923 г.). Сочетание это он усматривает в моем указании как на внешние черты государства (территория, население, власть), так и на внутреннее существо его. В первом указании проницательный автор и видит заимствование у буржуазных государствоведов.

К счастью, обвинение это может быть предъявлено и Фр. Энгельсу. Именно Энгельс говорит, что «сравнительно со старой родовой организацией государство, прежде всего, отличается подразделением своих жителей по территориальному признаку» («Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд-во «Московский рабочий», пер. под ред. Д. Рязанова). По Энгельсу, область, место жительство, территория получили в государстве то огромное значение, которого они совсем не имели в родовом обществе: в Афинах люди превращаются в простую принадлежность территории (стр. 77), образование Франкского государства показывает, как рост территории даже способствует разложению родового строя (стр. 101), вообще же образованию государства сопутствует слияние отдельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа (стр. 109, курсив мой.—*Г.*).

Тот же Фр. Энгельс утверждает, что «вторым отличием яв-

ляется учреждение общественной власти» (стр. 113, ср. стр. 78). Эту общественную власть он считает состоящей «не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, каковы тюрьмы и всякого рода принудительные учреждения» (стр. 113). И территория и власть, так понимаемая, суть те элементы государства, которые непосредственно и явственно отличают эту организацию классового насилия от всякой иной организации для той же цели. В этом смысле территория и власть суть необходимые внешние черты государства, проступающие с осязательной, так сказать, ясностью.

То же и с населением. Что без людей нет государства, Энгельс, правда, нигде не подчеркивает. Но он нигде не напирает особенно и на то, что классы состоят из людей. Он не подчеркнул бы, наверно, ни того ни другого даже и в том случае, если бы прозревал в будущем нарождение таких читателей, как проф. Е. А. Энгель: как закон ни пиши, всегда будут люди, которым закон не писан...

Как изучал Фр. Энгельса проф. Е. А. Энгель, можно заключить хотя бы из следующих обстоятельств:

1.—Он цитирует то место, где я говорю о рождении государства среди классовой борьбы, и с комическим глубокомыслием поучает меня, что это неверно: не «среди» классовой борьбы, а «из» классовой борьбы. Это, дескать, не одно и то же. Почтенный ментор не замечает, что на стр. 81 того самого русского издания «Происхождение семьи, частной собств. и государства» (изд. «Луч», Петроград, 1918), которое он же цитирует и, следовательно, как будто, читал, сказано: «...но так как государство возникло среди классовой борьбы...». Такое же «среди» красуется и в издании 1907 г., стр. 120, и в издании 1920 г., стр. 74. Новейший перевод под редакцией Рязанова заменил «среди» словами «в разгаре» (стр. 114). Это, конечно, еще лучше!

2.—Он замечает по моему адресу: «В то время как Энгельс говорит о возникновении государства в результате соответствующей модификации органов родового быта, автор говорит об их вырождении, что, разумеется, не одно и то же» (стр. 33). Совершенно верно: не одно и то же. Именно поэтому Энгельс и говорит: «...органы родовой организации были вытеснены из общественной деятельности; они выродились в союзы частного характера...» (стр. 78 перевода под ред. Д. Рязанова). И дальше: «Но он (родовой строй) все же сохранил свой первобытный демократический характер, отличающий все родовое устройство, так что даже при дальнейшем его вырождении уцелели еще остатки родового строя» (стр. 100). И еще: «Если, таким образом, в роде скоро исчезло сознание кровной связи, то это было следствием того, что в племени и во всем народе его органы тоже выродились (курсив везде мой.—*Г.*) в результате завоевания» (стр. 100).

Довольно, впрочем. Мораль и так ясна: невежество само по себе—грустная вещь; будучи же соединено с самомнением, превращается в курьез, во всяком случае рискует кончить так, как унтер-офицерская вдова у Гоголя.

62. *К. Маркс.* — Гражданская война во Франции. — Введение Фр. Энгельса. Харьков 1917, стр. 14.

63. *Лоренц ф-Штейн.*—Verwaltungslehre.—Цитир. по *Гумповичу.* — Общее учение о государстве. — Спб. 1910, стр. 46.

64. *Ферд. Лассаль.* — Программа работников. — В собр. соч., изд. П Глаголева. Спб., т. II, стр. 31.— Ср.: *Г. Еллинек.*—Право современн. госуд., стр. 111.

65. Там же. См. также: Процесс Ф. Лассаля по обвинению в госуд. измене, в собр. соч., стр. 331. — По этому вопросу см. *К. Фроме.*—Монархия или республика. Изд. «Библ. просв.», стр. 443.

66. *Эльцбахер.*—Анархизм.—М. 1917, стр. 164.

67. *М. Бакунин.*—Бог и государство. — Полн. собр. соч., изд. Балашева, т. I, стр. 17.

68. Впрочем, у Эльцбахера это место читается так: государство – создание религии. Оно рождено во всех странах бракосочетанием насилия, разбоя, грабежа, коротко говоря, войны и покорения, с богами, которых постепенно создала религиозная фантазия народов. (Ук. соч., стр. 71). И в таком виде мысль нисколько не выигрывает в ясности.

69. *М. А. Бакунин.*—Четвертое письмо о патриотизме.—Там же, стр. 189.

70. *М. А. Бакунин.*—Четвертое письмо о патр., стр. 139.

71. Цитировано по *А. Карелину.*—Государство и анархисты.—М. 1918, и *А. Боровому.*— Анархизм.— М. 1918.

72. *П. Кропоткин.*—Государство и его роль в истории. — М. 1917, стр. 3.

73. *Его же.*—Речи бунтовщика.—П. 1906, стр. 61.

74. *Антон Менгер.* — Новое учение о государстве. — 2-е изд. Скирмунта, стр. 295.—См. об этом: *Ленин.*—Прол. револ. и ренег. Каутский, стр. 133.

75. *К. Маркс.* — Критика Готской программы. — Пгр. 1919, стр. 36.

76. *Фр. Энгельс.*—Анти-Дюринг.—Пгр. 1918, стр. 249.

77. *Ленин.* — Государство и революция. — Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 357.

78. *Фр. Энгельс.*—Анти-Дюринг, стр. 248.

79. *К. Маркс и Фр. Энгельс.*—Маниф. комм. партии.—М. 1918, стр. 23.

80. *К. Маркс.*—Гражд. война во Фр., стр. 14.

81. *Его же.* — Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». — «Лит. насл.». 1918, т. II, стр. 58, 60.

82. *Ленин.*—Империализм как новейший этап капитализма.—Собр. соч., т. XIII, стр. 253.

83. *Ленин,* там же, стр. 256.

84. Ср.: *Ленин.* — Удержат ли большевики государственную власть? Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 238, 250.

85. *Фр. Энгельс.*— Развитие социализма от утопии к науке.— Перев. В. И. Засулич. М. 1917, стр. 29.

86. *Проф. И. А. Покровский.* — Основные проблемы гражданского права. П. 1917, стр. 313, 316.

87. . . из прибавочной ценности, как это происходит сейчас в буржуазном мире, — можем мы добавить. Петражицкий осторожен и вежлив — о присутствующих он галантно умалчивает, — но нарисованная им в последующих строчках картина говорит сама за себя. И отнесена она должна быть не только за счет южноамериканских плантаторов, феодального общества или русского полицейско-помещичьего государства, но и за счет буржуазного классового государства.

88. *Проф. Л. И. Петражицкий.* — Теория права и государства в связи с теорией нравственности.—Спб. 1907, т. II, стр. 494.

89. *Ф. Лассаль.*—Собр. соч., т. I, стр. 28 и сл.

90. *Карл Каутский.*—Этика и материалистическое понимание истории.—1906, стр. 129.

91. *Его же.*—Путь к власти.—М. 1918, стр. 73 и сл.

92. *D-r Gustav Le Bon.*—La psychologie politique et la défense sociale P. 1910, p. 198.

93. См. об этом: *К. Каутский.* — Социальная революция.—М. 1918, стр. 17, а также *И. Степанов.*—Экономическое развитие и диктатура пролетариата, — в сборн. «Октябрьский переворот и диктат. пролет.». М. 1919, стр. 59.

94. *Карл Маркс.*—Капитал.—Т. III, ч. II, 1924, стр. 141.

95. Речь проф. *Шмоллера* на открытии в 1872 г. Союза социальной политики, привед. у *Чупрова.*—История полит. экономии. М. 1913, стр. 220.

96. Слова *Жана Жореса.* Цитиров. у *Дюги,* ук. соч., стр. 25.

97. *С. А. Котляревский.*—Власть и право.—М. 1915. стр. 250.

98. *Ленин.*—О праве отзыва и перевыборов членов Учред. собрания. Собр. соч. т. XV, 1925, стр. 36.

99. *И. И. Новгородцев.* — Об общественном идеале. — М. 1917, стр. 319.

100. *К. Маркс.*—18 Брюмера, в сборнике «Мысли», стр. 253.

101. *Ф. Энгельс.*—Развитие социал. от утопии к науке, стр. 27.

102. *Его же.*—Herrn Eugen Duhrings Umwälzung der Wissenschaft.—Stuttgart 1894. S. 301.

103. *К. Маркс.*—Гражд. война во Фр., стр. 12.

104. *Его же.* — 18 Брюмера, в сборн. «Мысли», стр. 254, а также Гражд. война во Фр., стр. 53; ср.: Коммунист. маниф., предисловие *Маркса* и *Энгельса*: 24 июня 1872 г. М. 1918, стр. 15.

105. *К. Маркс.*—Гр. война во Фр., стр. 60.

106. *П. Кропоткин.*—Государство и его роль в истории. — М. 1917, стр. 60.

107. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.*—Письма, 1923, стр. 237. Письмо Энгельса 24 янв. 1872 г.

108. Ср. так же: *Еллинек.* — Право современного государства стр. 281, 284.

109. Ср. там же, стр. 113.

110. *L. Duguit.* — Traité de droit constitutionnel, t. I, 1921 p. 399.

111. *Проф. Н. Н. Алексеев.*— Очерки по общей теории государства, 1920, стр. 179.

112. *К. Маркс.*—Гражд. война во Франции, стр. 54.

ПРИМЕЧАНИЯ

113. Очевидность этого факта не мешает однако самым безбастенчивым подтасовкам со стороны правящей буржуазии. Князь Бисмарк, великий мастер всех родов насилия, жесткий враг социал-демократии, боровшийся с ней исключительными законами объявил 9 января 1883 года в рейхстаге: «Принимать в экономической борьбе сторону слабого—традиция той династии, которой я служу» (*К. Форме.*—Монархия или республика? Изд. «Просвещение», стр. 428.)

114. Ср. *В. Бэджгот.*—Государственный строй Англии, 1905, стр. 7.

115. *Ф. Ф. Кокошкин*, ук. соч., вып. I, стр. 17.

116. *К. Каутский.*—Социальная революция, стр. 42.

117. Там же, стр. 41.

118. *К. Маркс.*—Гражданская война во Франции, стр. 56.

119. *Ленин.*—Империализм как новейший этап капитализма. Собр. соч., т. XIII, стр. 268.

120. *И. Редлих.*—Английское местное управление, т. I, 1907, стр. 106 и сл.

121. *Г. Джефсон.*—Платформа, ее возникновение и развитие в Англии, 1901, т. I, стр. 207—208.

122. Там же, стр. 222.

123. *И. Редлих*, ук. соч., стр. 106.

124. *В. Бэджгот*, ук. соч., стр. 89, 93, в особенности 354.

125. *G. S. Maine.*—Popular Government, 1895, p. 126.

126. *С. Лоу.*—Государственный строй Англии, 1908, стр. 29—37, 60, 64—77.

127. *К. Маркс.* — «Бакунин: Государственность и анархия» (Летопись марксизма, II, 1927, стр. 93).—Рукопись Маркса относится к началу 1874 года.

128. *Ленин.* — Пролетарская революция и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XV, 1925, стр. 434.

129. *В. Чичерин.*—О народном представительстве, 1889, стр. 806.

130. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* — Коммунистический манифест, 1918, стр. 31.

131. Там же, стр. 38.

132. *К. Маркс.* — Борьба классов во Франции, в сборнике «Мысли», стр. 33.

133. Там же, стр. 109. Ср. также стр. 102: «...социал-демократическая красная республика — это диктатура...».

134. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.*— Письма, 1923, стр. 54. Письма Маркса 5 марта 1852 г.

135. *Ф. Энгельс.*—Революция и контрреволюция в Германии. В сборн. «Мысли», стр. 279.

136. *К. Маркс.*— Критика Готской программы, 1919, стр. 32.

137. *Ф. Энгельс.* — Предисловие к «Гражданской войне во Франции», стр. 14.

138. Приведено у *Ленина.* — Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 347—348.

139. Там же.

140. *Письма* Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Зорге и др., 1907, стр. 446.

141. Предисловие *К. Каутского* к Коммунистическому манифесту, 1919, стр. 13.

142. *Г. В. Плеханов.*—Сочинения, т. XI, стр. 318.

143. Там же, стр. 321.

144. *Ф. Энгельс.* — Введение к «Борьбе классов во Франции». В сборн. «Мысли», стр. 428.

145. *Архив К. Маркса* и *Ф. Энгельса* под ред. Д. Рязанова, кн. I, 1924, стр. 257 и сл.

146. *К. Каутский.*—Путь к власти, стр. 9.

147. Собр. Соч., т. XV, 1925, гл. I.

148. *K. Kautsky.*—Demokratie oder Diktatur, 1920, SS. 29, 30.

149. *K. Kautsky.* – Materialistische Geschichtsauffassung. B. II, 1927. S. 469.

150. Там же, стр. 470—471.

151. Там же, стр. 512.

152. Там же, стр. 526.

153. Выдающийся буржуазный писатель *Ад. Прене* уже давно засвидетельствовал, что демократия вовсе не есть равенство (De l'esprit du gouvernement démocratique», 1905, p. 89). Ср. *А. К. Топорков.*—Идеалы современной демократии.—М. 1918, стр. 44: «Скоро увидели, что идея равенства в своей юридической и политической формулировке далеко не достаточна, она является пустой и неисполнимой». Можно учредить самую полную демократию, «можно уничтожить сословный суд, ввести всеобщую воинскую повинность, можно уничтожить изъятия из законов, утвердить равное голосование на выборах, и, тем не менее, все эти равенства окажутся призрачными»... Что же касается защиты меньшинства, которую, будто бы, обеспечивает буржуазная демократия, то здесь достаточно громко и явственно говорит язык фактов и цифр: процессы и казни коммунистов (действительных и подозреваемых) такой широкой волной пошли в наше время, что уже не может быть сомнения в том, что буржуазная демократия прекрасно защищает меньшинство, но только меньшинство собственническое.

154. Он различает волю общую и волю всех. Воля всех это механическое соединение отдельных воль, руководимых отдельными, партикулярными интересами. Воля же общая имеет в виду общее благо, а не индивидуальные интересы. И вот, когда в народном собрании голосуется закон, голосующих спрашивают не о том, одобряют ли они предложение или отвергают его, а о том, согласно ли оно с общей волей. Каждый, подавая голос, выражает по этому поводу свое мнение, и результат голосования выявляет общую волю. Если я остался в меньшинстве, то это значит только, что я ошибся и за общую волю принимал не то, что общей волей было. (*Jean Jacques Rousseau.* — Du contrat social, publié par G. Beaulavon. Paris 1914, livre 4-me, ch. II, p. 291—392, а также I. 2-me, III, IV.) Юристы и социологи давно отчаялись построить что-нибудь на этой проблематической общей воле. Новейшие идеологи буржуазии значительно отступают от своего предшественника XVIII столетия: рассуждение Руссо Эсмен называет парадоксом (см. проф. А. Эсмен. — Общие основы конституц. права.

Спб. 1893, стр. 128), а Орну пытается разложить народную волю на волю общую—все население, и волю командующую—правящая часть нации (*M. Hauriou*—Principes de droit public.—P. 1910). В добрый час! Еще несколько шагов по этому пути,—и от пресловутой общей воли останется одно конфузное воспоминание: «общая воля Руссо остается химерой, или, если угодно, мечтой, не осуществимой на грешной земле с ее личным и классовым эгоизмом, с ее страстями и ненавистями» (*С. А. Котляревский.*—Власть и право.—М. 1915, стр. 255). «Ведь общая, единая, как говорят юристы, воля (Gesammtwille) является простой фантасмагорией: никакой подобной воли не существует». (*Людв. Гумплович.*—Общее учение о государстве.—Спб. 1910, стр. 20.) Наконец, к этим признаниям присоединяет свой голос и нормативист: «...в конституции средней парламентской демократии народная воля есть тем более химера»—*Hans Kelsen.* (Allgemeine Staatslehre, 1925, S. 358.)

154а. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1929, стр. 17.

155. *Ленин.*—Пролет. революция и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XV, стр. 472.

156. Там же, стр. 469.

157. Там же, стр. 472.

158. *Ленин.*—Резолюция по аграрному вопросу. Второй конгресс Комint. Стенограф. отчет. 1921, стр. 610.

159. XVI Всесоюзная партийная конференция. Резолюции и постановления. 1929, стр. 10.

160. Срв.: *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма. 1929, стр. 513.

161. XVI Всесоюзная парт. конф. Резолюции и постановл., стр. 12.

162. *К. Маркс.*—Бакунин: Государственность и анархия. Летописи марксизма, 1926, стр. 93.

162а. *Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1929, стр. 164.

163. *Ленин.* — Предисловие к речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства». Собр. соч., т. XVI, стр. 241.

163а. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма. 1920, стр. 497.

163б. *И. Сталин.* О правом уклоне в ВКП(б).—«Большевик», 1929, № 23—24, стр. 38—39.

164. XVI Всесоюзная партийная конф. Резолюции и постановления. Стр. 19, 28.

165. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1929, стр. 584—585.

166. Срв.: *И. Сталин*, ук. соч., стр. 581.

167. Срв.: *И. Сталин*, ук. соч., стр. 580—581.

168. *К. Маркс.* — Борьба классов во Франции. В ук. сб., стр. 102.

169. *Ленин.*—Как нам преобразовать Рабкрин? Собр. соч., 1925, т. XVIII, ч. II, стр. 121.

170. IV конгресс Коминтерна. Речи Костржевы и Варги. Ср. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1929, стр. 108.

171. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1929, стр. 254.

172. *К. Маркс.*—Кельнский процесс коммунистов.—Спб. 1906, стр. 28.

173. Доклад *т. Дзержинского* на XII съезде РКП(б).—«Правда», 28/IV 1928 г.

174. *К. Маркс и Ф. Энгельс.*—Письма, 1923, стр. 319.

174а. XVI. Всесоюзная партийная конференция. Резолюции и постановления. 1929, стр. 51.

175. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1926, стр. 29.

176. *Ф. Лассаль.* — Программа работников. — Собр. соч., т. I, стр. 25.—Здесь термин «сословие» очевидно противоречит смыслу фразы. Но самый термин применен неправильно. (См. *К. Маркс.*— Нищета философии, 1906, стр. 142, примечание *Ф. Энгельса.*)

177. *К. Каутский.*—Представительное правление.—Спб. 1905, стр. 85.

178. См., напр., проф. *Я. М. Магазинер.*—Лекции по госуд. праву.—Игр. 1919, стр. 151.

Проф. Магазинер не согласился с моим возражением (Общее уч. о госуд., изд. 2-е, Петроград 1922, стр. 354—355). Да я и неособенно рассчитывал убедить его. Конечно, он и в этом вопросе, как и во всех прочих, предпочел формально-юридический анализ точке зрения по существу.

179. Против этого *С. А. Котляревский.* — Власть и право.— М. 1915, стр. 310.

180. Проф. *А. Эсмен.*—Общие основы конституционного права.—Спб. 1898, стр. 123.

181. См. ст. 25, 1 и 2 соответствующих конституций.

182. *Вильям Эшон.* — Английская корона. — Спб. 1914, гл. IV, § 1.

183. См. ст. 85, 21, 62, 67 соответств. конституций.

184. *J. J. Rousseau.*—Du contrat social. Publié par G. Beaulavon.—Paris 1914, стр. 271. (Кн. II, гл. II.)

185. *Монтескье.*—О духе законов.—Спб. 1900, стр. 159. (Кн. XI, гл. VI.) Ср. стр. 13. (Кн. II, гл. II.)

186. *Эсмен.*—Основания, стр. 195.

187. *Еллинек.* — Конституции, их изменения и преобразования.—Спб. 1907, стр. 73.

188. «Все могут пользоваться выгодами общества, но только содействующие общественному устройству суть как бы настоящие акционеры общественного предприятия. Они одни суть подлинные активные граждане, подлинные члены общества». (Доклад Сийэса в конституционной комиссии Национального собрания 20 июля 1789 г.)—«Страна, управляемая собственниками, живет в социальном строе; страна, в которой управляют неимеющие собственности, находится в естественном состоянии». (Доклад Буасси д'Англа в Конвенте 5 мессидора III года.)

189. *Брайс*, ук. соч., III, 110.

190. *П. И. Новгородцев.* — Кризис современного правосознания. — М. 1909, стр. 120 и сл.

191. *Брайс*, ук. соч., III, 20.

192. » » » III, 11.

193. » » » III, 6—7.

194. » » » III, 27—28.

195. » » » III, 109.

196. *Бэджгот*, ук. соч., стр. 87.

197. *Джон Стюарт Милль.*—О свободе.—Спб. 1906, стр. 10—11.

198. *Н. Бухарин и Е. Преображенский*, ук. соч., стр. 141.

199. *Новгородцев.* — Кризис соврем. правосозн., стр. 94.
200. *В. Бэджгот*, ук. соч., стр. 89.
201. Essay of the british constitution. — Цитировано у *Джефсона*,—«Платформа», II, стр. 136.

Впрочем, Еллинек в своем курсе, написанном в 1900 г., признает подобного рода мнения ересью. По его свидетельству, господствующей в современной юридической литературе остается та конструкция, по которой «воля парламента есть непосредственная народная воля»; «...член палаты есть представитель всего народа. Это юридически означает не что иное, как только то, что он есть член коллегии, воля которой есть воля народа, что, стало быть, воля его должна быть рассматриваема исключительно как один из элементов, образующих народную волю». (*Еллинек.*—Общ. уч. о гос., стр. 386—388.) Это не помешало тому же Еллинеку шесть лет спустя особо подчеркивать невозможность представления воли (см. § 175). Впрочем, господа юристы делают тонкое различие между реальным положением дела и юридическими построениями...

202. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, стр. 191.
203. Там же, стр. 254.
204. *К. Каутский.* — Эрфуртская программа. — М. 1918, стр. 122.
205. *Эмиль де-Лавелэ.* — Парламентаризм и демократия. — М. 1906, стр. 29 — 31. — Для Англии см. перечень у *Лоу*, ук. соч., стр. 172 — 173.
206. *Walter Thompson.* — Federal Centralization. — New-York 1923, p. 321.
207. *Сидней Лоу*, ук. соч., стр. 76.
208. *Максим Леруа.* — Эволюция государственной власти. — Спб. 1907, стр. 121.
209. *Paul Leroy Beaulieu.* — L'État moderne et ses fonctions. — Paris 1900, p. 119.
210. *Charles Benoist.* — La crise de l'État moderne. — Paris, p. 14.
211. *Еллинек.* — Конституции, их изменения и преобразования, стр. 80. — Литература, посвященная кризису представительного правления вообще и парламентаризма в частности, почти необозрима. Перечень имен и сочинений занял бы непомерно много места. Довольно полную сводку можно найти в работах, на которые сделаны ссылки. Диалектику развития парламентаризма можно проследить по нашей статье: Парламентаризм, в сборн. «Революция права» № 1, 1925.
212. *М. М. Ковалевский.* — Что такое парламент. — Спб. 1906, стр. 28.
213. *Новгородцев.* — Кризис совр. прав., 164.
214. *Лоу*, ук. соч., 64.
215. Там же, 78.
216. *Лавелэ*, ук. соч., I. 7.
217. *Брайс*, ук. соч., 223.
218. «As good a one as money can buy». *James Bryce.* — Modern Democracies. London 1923, v. II, p. 525.
219. *Р. Гильфердинг.*—Финансовый капитал.—1924, стр. 398.— Это именно то, что в грубой, но живописной форме выразил как-

то испанский диктатор д е - Р и в е р а: «Господа,—сказал он журналистам, — все чего-нибудь требуют от меня. Кто — денег, кто — власти, кто — почетных должностей. Одного не требует никто: свободы».

220. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, стр. 252.

221. *Лоу*, ук. соч., стр. 69.

222. Там же, стр. 66.

223. *В. Керженцев.* — Англия и англичане. — 1918, стр. 42. Ср. об этом *Г. С. Гурвич.*—Политический строй современных государств.—Англия, 1927.

224. О значении комитетов см.: *В. Вильсон.* — Государство. — М. 1905, § 1282, 1293, 1298, также 1141, 1142.

225. *Брайс*, ук. соч., I, 464.

226. » » » I, 223.

227. » » » I, 467.

228. *J. Bryce.* — Mod. democracies, II, 532.

229. *Еллинек.* — «Конституции», стр. 57.

230. *Г. Еллинек.* — «Конституции», 1907, стр. 91—93.

231. Конечно, буржуазная наука не проходит мимо этого явления. И в своей геройской услужливости она спешит найти для него элегантное, успокаивающее название и таковое без труда находит: все это гнусное гешефтмахерство буржуазии за спиною народных масс изящно именуется «внепарламентским законодательством»! Нужно оценить всю стыдливую скромность такого, напр., замечания: «Нечего говорить, например, что и в подготовке современных торговых договоров до обсуждения их в парламенте весьма большое место занимает выяснение взглядов заинтересованных кругов и организаций, подобных торговым палатам, торговым и промышленным союзам и т. п.». (*С. А. Котляревский.* — «Правовое государство и внешняя политика». — М. 1909, стр. 423.)

Но после мировой войны уже невозможно стало даже в буржуазной литературе пользоваться этими продырявленными и замаранными покровами старых фраз. Даже мирное фабианское животное, вроде *Сиднея Уэбба*, вынуждено скрепя сердце объявить: «Влияние не только на выборы и законодательную власть, но и на национальную и муниципальную исполнительную власть, со стороны крупных финансовых, судостроительных, промышленных и торговых объединений, когда власть богатства вызывающе бросается на чашку весов, как меч Бренна, в последние десятилетия стало скандальным и общеизвестным... Ненавистной чертой великой войны, поскольку дело касается Соединенного королевства, явилось распространение такого политического контроля на национальную и исполнительную власть способами, прежде неизвестными», результат которых: «низведение государства до роли служанки и соучастника барышника». (*Сидней и Беатриса Уэббы.* — Упадок капиталистической цивилизации, 1924, стр. 70.) Надо думать, что приятель Уэббов *Макдональд*, этот диккенсовский тип благочестивого негодяя, побывав премьером, мог бы многое порассказать на ту же тему именно в качестве отставной «служанки и соучастника барышника».

232. Фразеология французских революционных деклараций была

исполнена пышности, действие, которое они производили на современников, неописуемо. Но и то и другое питалось не чем иным, как глубоким социальным содержанием этой декларации. «Все люди рождаются и пребывают свободными и равными в правах» («Декларация», 1789). «Эти права: равенство, свобода, безопасность, собственность» («Декларация», 1793). «Угнетено общественное целое там, где угнетен хотя бы один член его...» (Она же, стр. 34.) [В сборнике: Les Constitutions et les principales lois politiques de la France — par *Duguit et Monnier*, 1908.] В наше время отношение науки к декларациям прав по большей части исполнено комизма: ученые, вроде *Еллинека*, видят в них литературные произведения, которые народы бессовестно списывали друг у друга, бессознательно уподобляясь ученым исследователям (см. его «Декларацию прав человека и гражданина», 1906, ср. нашу статью «Декларация прав» в «Энциклопедии права и государства», т. I); другие удивляются бедности их чисто логического состава (срв.: *С. А. Котляревский*, Власть и право, 1915, стр. 2), третьи — наивные хитрецы! — видят в них великие идеалы, оказавшиеся, дескать, не под силу буржуазии и осуществление которых в порядке мирной эволюции — провиденциальная миссия пролетариата (*Б. А. Кистяковский*. — Социальные науки и право, 1916, стр. 485 и сл.). И лишь очень немногие возвышаются до понимания их, как продуктов определенной исторической эпохи и определенных классовых взаимоотношений (ср.: *М. М. Ковалевский*. — Учение о личных правах, 1905, стр. 15).

233. Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 24. Партийная организация и партийная литература, 1905.

234. Там же.

235. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 111.

236. Там же.

237. *Ленин*. — Собр. соч., т. II, стр. 58—59. Три источника и три составных части марксизма, 1913 г.

238. *Ленин*. — Собр. соч., т. XVI, стр. 39. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, 1919.

239. *Н. Бухарин*. — Атака, стр. 108.

240. *Ленин*. — Собр. соч., т. XIII, стр. 249. Империализм как новейший этап капитализма, 1913.

241. Там же, стр. 265.

242. *J. W. Burgess*. — Recent Changes in American Constitutional Theory. 1923, pp. 50—51.

243. Срв. *М. А. Рейснер*. — Октябрьская революция и государственная власть в сб. «Октябрьская революция и диктатура пролетариата».

244. Буржуазные правительства хорошо это знают. Потому-то и торопятся они предупредить события и овладеть их формой, создавая заблаговременно суррогаты советов. С проектом такого суррогата, ублюдочной подделки под совет, уже давно выступил Лабриола, б. итальянский министр труда: нужно, видите ли, создать «рабочий парламент» пропорционально из предпринимателей и рабочих, который действовал бы в добром соседстве с существующим парламентом на правах равного законодательного учреж-

дения («Известия ВЦИК», 29/X, 1920 г.). Нет сомнения, что итальянские рабочие, когда сбросят фашизм, воспользуются этим проектом, хотя и с маленькими поправками: рабочий парламент, но без Лабриол, без предпринимателей и без «добрых соседей».

Тем временем германская конституция (1919 г.) поспешила облагодетельствовать германский рабочий класс учреждением «Рабочих советов» отдельных предприятий, «Окружных рабочих советов» отдельных хозяйственных областей и «Общегосударственного рабочего совета» для всей республики. Эти рабочие советы для осуществления «всех хозяйственных задач» осуждаются на противоестественное объединение с «представительными органами предпринимателей», образуя соответственно «Окружные хозяйственные советы» и «Общегосударственный хозяйственный совет». Этим-то последним и присваиваются законосовещательные функции и право законодательной инициативы (ст. 65).

245. IX съезд РКП(б). (Стенографический отчет, 1920, стр. 197—198.) Ср. *И. Сталин.*—Вопросы ленинизма, 1929, стр. 103: «Советы являются наиболее *всеобъемлющими* массовыми организациями пролетариата, ибо они, и только они, охватывают всех без исключения рабочих».

246. *Яковлев*, председатель Владимирского губисполкома. — «Исполкомы в новой политической и хозяйственной обстановке» («Правда», 30/I 1920 г.).

247. *Ленин.* — Госуд. и револ. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 336.

248. Там же, стр. 335.

249. *К. Маркс.* — Гражд. война во Фр., стр. 58.

250. Это запрещают почти все конституции германской республики: ни инструкций, ни поручений! А действующая конституция Нидерландов возбраняет вообще сноситься с избирателями, т. е. давать им в какой бы то ни было форме отчет (ст. 86 Конституции 1887 г.)

251. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, стр. 196.

252. *Его же.* — Гражд. война во Фр., стр. 56.

253. *Монтескье*, ук. соч., стр. 156. (Кн. XI, гл. VI.)

254. Там же, стр. 155, 162.

255. Идея разделения властей намечается, впрочем, уже у Аристотеля (см. «Политика», М. 1865, кн. V, гл. XI и сл.), но свой боевой характер она приобрела лишь в эпоху капиталистической буржуазии у Локка и Монтескье. — В наше время выдающийся германский ученый, кой-чему, несомненно, наученный опытом Советского государства, хотя целомудренно скрывающий это обстоятельство, замечает, что не только законодательство, но и управление должно бы непосредственно принадлежать народу. Но именно разделение властей способствовало тому, что д е м о к р а т и и з а к о н о д а т е л ь с т в а противопоставлена была а в т о к р а т и я у п р а в л е н и я (*Hans Kelsen.*—Allgemeine Staatslehre, 1925, S. 362). Ныне что-то заставляет К. и ему подобных обнаруживать нежданные, хоть и чисто платонические, симпатии к демократизации управления, к выборности органов управления и даже к их коллегиальности! (Ср. там же.)

256. Против формулированного мною понимания характера

ПРИМЕЧАНИЯ

ВЦИК и СНК проф. *В. Н. Дурденевский* делает вполне определенные возражения («Советское право», журн. № 1, 1922 г. «Совет народных комиссаров»). По его мнению, эволюция ВЦИК и СНК совершается в сторону приближения первого — к западно-европейскому парламенту, а второго — к кабинету министров (стр. 62). По отношению, в частности, к СНК автор устанавливает это приближение и с точек зрения классовой и правовой, и с точки зрения разделения властей (стр. 52). Именно «демократичность, партийность и ответственность» СНК и присущее ему сближение исполнительной и законодательной функций (стр. 53) роднят его с буржуазным кабинетом министров.

Здесь, однако, очевидное недоразумение, которое вскрыть не представляет особенного труда. Проф. Дурденевский исходит, как из доказанной истины, из того, что буржуазный кабинет министров демократичен и ответствен. Но ведь истина эта уже давно превратилась в свою противоположность. Говорить ли о том, что даже та демократия для имущих, которой блистали когда-то буржуазные государства, выродилась повсюду в демократию для банкиров и промышленных королей? Проф. Дурденевский считает демократичными кабинеты Муссолини и Пуанкаре. Он думает, что кабинет Куллиджа демократичен. Он, повидимому, считает ответственными перед парламентами этих откровенных ставленников плутократии, старших дворников капитализма, давно упразднивших и парламенты и всякую тень демократии.

Демократия для большинства, для неимущих, для широких трудящихся масс осуществляется только в Советской России. Проф. Дурденевский признает, что СНК ведет свою политику по указаниям съездов советов, представляющих весьма широкие круги рабочей демократии, — уму непостижимо, как можно в таком случае ставить его на одну доску с кабинетом министров по признаку демократичности и ответственности.

Что касается партийности СНК как черты, роднящей его с буржуазным кабинетом министров, то и по этому поводу нужно отметить, что научная истина никогда не дается в руки тому, кто отыскивает ее такими формальными и поверхностными приемами. Разве не разъяснил давно О с т р о г о р с к и й, что представляют из себя буржуазные партии?

Каждая порознь и все вместе — это просто одно из средств водить за нос (circonvenir) широкие массы, одно из явлений известной «wire pulling», «l'art de tirer les ficelles», которую применяет буржуазия, слишком трусливая для того, чтобы столкнуться с массами лицом к лицу («La démocratie et l'organisation des partis politiques» par M. O s t r o g o r s k i, T. I, Paris 1903, pp. 154, 544, 545). В нескольких строчках, конечно, невозможно выявить всю разницу между буржуазной и пролетарской партиями, но разве не ясно и без того, что в то время, как буржуазная партия и все органы ее — маска, которой хочет скрыть свой звериный и пошлый лик вырождающийся класс, массовая рабочая партия — подлинное лицо пролетариата, класса молодого и полного сил. П а р т и й н ы й СНК п о т о м у и н е п о х о ж н а к а б и н е т м и н и с т р о в, ч т о о н п а р т и й н ы й.

Перейдем к вопросу о разделении властей. По мнению проф. Дурденевского, у буржуазии существует не разделение властей, а «распределение властей-функций» (стр. 53). В чем же оно сказывается? В том, что «начался процесс сближения исполнительных функций с законодательными, выразившийся в усиленном развитии министерских и президентских декретов, так сказать, законов второго ранга» (стр. 53). Странно. То распределение, то сближение... Не есть ли это именно та пляска и сумятица и властей и функций, о которых я говорю? Но допустим, что в руках кабинета министров родственным и дружеским образом сблизились функции исполнительная и законодательная. Почему же получаются в результате «законы второго ранга»? В том и суть, что президенты и министры, пытаясь законодательствовать, у з у р п и р у ю т права парламента. Этого обстоятельства ничем не скроешь, но есть ли оно у нас? СНК законодательствует по с о б с т в е н н о м у праву, предоставленному ему Конституцией.

Где у проф. Дурденевского основание считать его декреты законами второго ранга (54, 57)? Потому ли, что они нуждаются в санкции ВЦИК? Но ведь и декреты самого ВЦИК тоже требуют санкции, — санкции Съезда, — значит, и его законы второго ранга? А Съезд по текущим вопросам почти не законодательствует, — выходит, что у нас настоящих, первого ранга, законов почти и нет? Оригинальный вывод, который надо бы проф. Дурденевскому сделать, но что-то его удерживает.

Самое же главное — вот в чем. Если правда, что функции исполнительная и законодательная сблизились, то сблизились они в руках кабинета министров. А парламенты? Присоединились ли к их законодательным функциям исполнительные? Кто скажет, что они уже превратились из болтающих учреждений в работающие? Что-то не видно. Нельзя говорить о сближении исполнительных и законодательных функций уже потому, что сближение это явно однобокое. Меж тем, у нас ВЦИК не только законодательная власть, но и исполнительная, СНК — не только исполнительная, но и законодательная. И все это честь-честью, по праву, по закону, по Конституции. Где же у буржуазии можно указать нечто схожее?

Ни с какой стороны, ни формально, ни по существу, невозможно усмотреть эволюции СНК к кабинету министров. Впрочем, мне кажется, что внутренний смысл интересной и богатой материалами статьи проф. Дурденевского не в этом. В сущности автору хотелось проследить и подчеркнуть эволюцию (мнимую, конечно) советского правительства от к р е с т ь я н с к о-рабочего в конце 1917 г., через р а б о ч е-крестьянское в 1918—1919 гг. к к р е с т ь я н с к о м у в 1922 г. (стр. 49, 50, 51, 60, 63). Задача трудная и на редкость неблагодарная. Но показать, как и почему не справился да и не мог справиться с ней автор, уже выходит из рамок настоящего примечания.

257. См. об этом: *Г. С. Гурвич.* — Политический строй современных государств.— Франция, 1929, стр. 152—162.

258. *А. Л. Лоуэлль*, ук. соч., стр. 11.

259. *Перси Ашлей.* — Местное и центральное управление, 1910, стр. 4,

260. Там же, стр. 3, 4 и примечание.
261. *А. Л. Лоуэлль*, ук. соч., стр. 28.
262. *Ленин.*—Удержат ли большевики государственную власть? Собр. соч., том XIV, часть II, стр. 228—229.

Как и следовало ожидать, в иностранной научной литературе советской государственной системе уделяется с течением времени все больше места (см. наш обзор «Советское государство в иностранной научной литературе», «Революция права», 1927, № 2). Здесь уместно упомянуть о нелишенных проницательности замечаниях Брайса, которые этот престарелый писатель, одинаково искушенный и в практике и в теории буржуазных демократий, сделал по поводу советской системы в 1920 году: «...план управления, где местные первичные собрания, в одно и то же время управляющие и избирающие, посылают делегатов в собрания более широких округов, а эти — в собрания еще более обширных местностей вплоть до высшего съезда для всей страны, который назначает небольшой Высший правящий совет, — остроумен и интересен, как новая конституционная форма». Она может «способствовать продвижению на самый верх лучших дарований нации», и с ее помощью «можно легко устанавливать мнение всей нации, не прибегая к расходам и проволочкам всеобщего референдума...» (*James Bryce.* — Modern Democracies, 1923, v. II, pp. 640, 641).

263. *Ленин.* Речь на совещании политпросветов. Собр. соч.. 1922, т. XVIII, ч. II. стр. 169.
264. Резолюция XII съезда ВКП(б) по организационному вопросу.
265. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК по докладу т. Орджоникидзе 9/VIII, 1927 г.
265-а. XVI Всесоюзная партийная конференция. Резолюции и постановления, 1929, стр. 29.
266. *Ленин.* — Доклад о деятельности ЦК на XI съезде ВКП(б). Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 32, и Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Собр. соч., там же, стр. 90.
267. *Ленин.* — Задачи пролетариата в нашей революции. Собр. соч., т. XV, ч. II, стр. 61.
268. Там же.
269. *Ленин.* — Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 330.
270. *Ленин.* — Пролетарская революция и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XV, стр. 428.
271. *Ленин.* Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 160.
272. Ср.: *И. Сталин.* — Вопросы ленинизма, 1926, стр. 20.
273. *Ленин.* — Письмо к американским рабочим. Собр. соч., т. XV, стр. 383.
274. *Ленин.* — Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. Собр. соч., т. XVI, стр. 210.
275. Там же.
276. *Ленин.* — Доклад об изменении партийной программы и названия партии на VII съезде. Собр. соч., т. XV, стр. 142.
277. *Ленин*, там же, стр. 144, ср. в особенности: т. XIV, ч. II, «Удержат ли большевики государств. власть»?

278. *Ленин.* — Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. Собр. соч., т. XVI, стр. 205.

279. *Ленин.* — О профессиональных союзах. Собр. соч., т. XVI, стр. 23.

280. *Ленин.* — О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибке т. Троцкого. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 8.

281. Там же, стр. 8, ср.: стр. 59.

282. *И. Сталин.* — Вопросы ленинизма, 1926, стр. 21.

283. *К. Маркс.* — Капитал, т. I, 1923, стр. 340.

284. *Ленин.* — О кооперации. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 135.

285. *Ленин.* — Речь на всероссийском съезде по просвещению. Собр. соч., т. XX, ч. II, стр. 266.

286. *Ф. Энгельс.* — Положение Англии. Литературное наследие, т. I, 1908, стр. 640.

287. *К. Маркс.* — Капитал, т. I, 1923, стр. 753.

288. Приведено у *Н. М. Коркунова*, История философии права, 1915, стр. 363.

289. *Л. Гумплович.* — Общ. уч. о гос. — 1910, стр. 329.

290. *Еллинек.* — Право меньшинства. — 1906, стр. 56.

291. Там же, стр. 6.

292. *Георг Мейер.* — Избирательное право. — 1906, кн. II, стр. 8.

293. *Ф. Лассаль.* — Программа работников. — В собр. сочин., изд. Глаголева, т. I, стр. 26. Ср.: т. II, стр. 84.

294. *Дж. Ст. Милль.* — Представительное правление. — 1907, стр. 169.

295. *Еллинек.* — Плюральное избир. право. — 1905, стр. 32.

296. *Сидней и Беатриса Уэббы.* — Упадок капиталистической цивилизации. — 1924, стр. 59.

297. *Georges Lachapelle.* — La représentation proportionnelle en France et en Belgique, 1913, p. 56.

298. *Г. Еллинек.* — Конституции, их изменения и преобразования. — 1907, стр. 74.

299. *Charles Benoist.* — La crise de l'État moderne, стр. 17 и сл.

300. Там же, стр. 253 и сл.

301. *Ф. Энгельс.* — Происх. семьи и т. д. — 1918, стр. 83.

302. *Он же.* — Введение к «Борьбе классов во Франции». — В сборн. «Мысли», стр. 420—421.

303. *К. Маркс.* — Борьба классов во Франции. — В сборн. «Мысли», стр. 123.

304. *И. Ленин.* — Выборы в Учредит. собрание и диктатура пролетариата. Собр. соч., 1923, т. XVI, стр. 455.

305. *К. Маркс.* — Гражданская война во Франции. — 1917, стр. 58.

306. *Ф. Энгельс.* — Введение к «Гражданской войне во Фр.».

307. *К. Маркс.* — Гражданская война во Франции, стр. 58.

308. *Ленин.* — Пролетарск. рев. и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XV, стр. 473.

309. *Ленин.* — О праве отзыва и перевыборов членов Учредительного собрания (21 ноября 1917 г.). Собр. соч., 1925, т. XV, стр. 36.

В иностранной научной литературе начинают все отчетливее сознавать выдающееся принципиальное значение и важную прак-

тическую роль нашего права отозвания. Характеризуя в немногих словах это право, знаменитый австрийский ученый замечает с худо скрываемой досадой: «Как раз этот момент доставил советской конституции большие симпатии среди иностранных рабочих» *Hans Kelsen.*—Das Problem des Parlamentarismus, S. 17). Он ошибается, конечно. Иностранные рабочие давно научились ценить в советской конституции не отдельные лишь «моменты», а целостное и стройное выражение диктатуры пролетариата, которая одна способна обеспечить действительное применение таких прав, как право отозвания.

310. Ср.: *Ф. Делези.*—Демократия и финансовая олигархия во Франции, 1924, стр. 52.

311. *Ch. Benoist.*—La crise de l'État moderne, p. 23.

312. *Максим Леруа.*—Эволюция государственной власти, стр. 45.

313. *О перевыборах советов в 1929 г.* Изд. ЦИК СССР, 1929, стр. 92.

314. *Л. Троцкий.*—Терроризм и коммунизм, 1920, стр. 44.

315. *К. Маркс.*—Гражданская война во Франции, стр. 57.

316. Там же.

317. Там же, стр. 58.

318. *М. Рейснер.*—Государство буржуазии и РСФСР, 1923, стр. 362—363.

319. *Совещание по вопросам советского строительства,* 1929, стр. 65.

320. *К перевыборам советов в 1928 г.* Сборник, 1928, стр. 10.

321. *О перевыборах советов в 1929 г.* Изд. ЦИК СССР, 1929, стр. 93.

322. Первая статья *Энгельса* в «The Commonvealth» 24 марта 1866 г.—Приведена у *N. Rjasanoff,* Karl Marx u. Fr. Engels über die Volenfrage, Archiv f. die Geschichte d. Socialismus u. d. Arbeiterbewegung, herausgeg. v. Carl Grünberg, 1916, S. 215).

323. *Г. Сафаров.*—Национальный вопрос и пролетариат, 1920, стр. 146.

324. *К. Каутский.*—Национальные проблемы, 1918, стр. 36.

325. Правда, в пределах единой нации могут существовать весьма значительные различия в народном языке (верхне- и нижненемецкий говор, французский и провансальский, валлийский и английский), но в таких случаях различия эти вполне парализуются широким господством литературного языка.

326. *И. Сталин.*—Марксизм и национальный вопрос (сборник статей), 1920, стр. 4.—Поэтому очень ошибается Г. Сафаров, считая швейцарцев нацией (ук. соч., стр. 6). С одинаковым правом можно говорить и о швейцарских итальянцах, немцах, французах, и о швейцарском народе, но что назвать швейцарской нацией?

327. *И. Сталин,* ук. соч., стр. 7.

328. Ср.: *Формы национального движения* в современных государствах, 1900, стр. 731.

329. *Л. Гумплович.*—Общее учение о государстве, 1910, стр. 142.

330. *Г. Еллинек.*—Общее учение о государстве, 1903, стр. 75.

331. Там же.
332. Там же.
333. Там же, стр. 76.
334. Там же.
335. Ср.: *Отто Бауэр.*—Национальный вопрос и социал-демократия, 1918, стр. 21—24, 50, 51.
336. Там же, стр. 44.
337. *К. Маркс.* — К критике гегелевской философии права.— «Лат. насл.», I, стр. 518.
337-а. «Политическая власть должна быть органически связана с народом, который она представляет, и, наоборот, каждое национальное общество, способное к самостоятельной исторической жизни, имеет право образовать свою политическую форму, согласно своим стремлениям и потребностям. Другими словами, национальный принцип отныне формулирован такими словами: каждая народность, то есть совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, то есть государство» (А. Д. Градовский, Собрание сочинений, СПБ, 1901 г., т. VI, стр. 13—14).
338. *К. Маркс.*— К европейскому вопросу.—«Лит. насл.», I, стр. 559.
339. *Л. Гумплович*, ук. соч., стр. 151.
340. *К. Маркс*, ук. соч., там же.
341. В этом отношении глубоко прав был тот русский реакционер, который, в ужасе от собственной проницательности, еще в 1889 г. почувствовал истинное значение буржуазной национальной политики. Не к торжеству национальной обособленности и самобытности должно в конечном счете привести национальное движение, а к падению всяких межнациональных перегородок. «Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации», — говорит он на своем старомодном языке (*Константин Леонтьев.* — Национальная политика как орудие всемирной революции. — М. 1889, стр. 6). И рядом прекрасно схваченных примеров освещает свою мысль: вот освобожденная Эллада, против всякого ожидания впавшая «в самую обыкновенную общеевропейскую рационалистическую пошлость» (стр. 10); вот освобожденная и объединенная Италия, получившая «большое однообразие как в самой объединенной среде, так и по отношению сходства с соседними государственными обществами» (стр. 11); уж конечно и в Германии после 1871 г. «торжество национальной, племенной политики привело и немцев к большой утрате национальных особенностей; Германия после побед своих больше прежнего, так сказать, «офранцузилась» — в быте, уставах, в строе, в нравах...» (стр. 36). Не значит ли это, что должен существовать какой-то общий закон, какая-то «высшая и отдаленная (а может быть, и весьма печальная) телеология», управляющая вооруженными восстаниями народов, освобождением и покорением наций, и направляющая их неуклонно все к той же «демократизации внутри и к ассимиля-

ции вовне»? (стр. 23). И с истинным душевным потрясением, больше всего страдая сам от ясности своих собственных откровений, он находит этот закон, эту дьявольскую телеологию: мировая революция!.. «Итак, ясно, что политика племенная, обыкновенно называемая национальною, есть не что иное, как слепое орудие все той же всесветной революции, которой и мы, русские, к несчастию, стали служить с 1861 года» (стр. 36).

342. Das kommunistische Manifest. Berlin 1904. S. 22.

343. *Ленин.* — Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Собр. соч., 1925, т. XIX, стр. 159.

344. *Ленин.* — О праве наций на самоопределение, Собр. соч., 1925, т. XIX, стр. 104, ср.: там же, 145, 160, 183, 185—любимое положение *Ленина*, которое он не уставал повторять до 1917 года, а с этого года претворял в дело.—Ср.: речь *Энгельса* 29 ноября 1847 г., в годовщину польского восстания 1830 г.: «Не может нация стать свободной и продолжать в то же время угнетение других наций» (привед. у *N. Rjasanoff*, ук. соч.). А позже с еще большим одушевлением: «какое это несчастье (Pech) для народа, если его поработил другой народ!»—восклицал Энгельс в письме к Марксу 24 октября 1869 г. (Der Briefwechsel zwischen F. Engels. u K. Marx, 1744—1883, Stuttgart 1921, B. IV, S. 196.)

344а. *И. Сталин.* — Вопросы ленинизма, 1929, стр. 185.

345. *И. Сталин.*—Сборник статей, 1920, стр. 88.

346. *Ленин.* — О праве наций на самоопр., там же, стр. 184.

347. Там же, стр. 90.

348. Там же, стр. 91.

349. Там же.

350. Ср.: «Жизнь национальностей», 1923, кн. 3—4, стр. 4.

351. Интересно, что за границей это понимают даже лучше, чем у нас. Финляндский министр как-то сообщил своим соотечественникам, что проблему мирного сожительства наций Советская Россия разрешила уже; польский министр вынужден признать, что Польша не может ввести, «подобно России», территориальную систему в военном деле ввиду неоднородности состава населения Польши; но лучше, точнее и правильнее всех выражается «Times»: Англия «признала правительство, которое не имеет никаких территориальных или национальных признаков» («Известия ЦИК СССР», 12/II—24 г.). Ближе и непосредственнее невозможно выразить недоумения озадаченного буржуа, который впервые в жизни не может различить в многонациональной стране господствующую нацию и правительство, отмеченное печатью этой нации.

352. *Отчет* о заседании комфракции II Союзного съезда («Известия ЦИК СССР», 6/II 1924).

353. Ср.: речь *М. И. Калинина*, XI Всеросс. съезд, первый день, открытие.

354. Ср.: *И. Сталин.*—Доклад по национальн. вопросу на X съезде РКП (б). (Стенограф. отчет, Госизд., 1921 г., стр. 80.)

355. Резолюция X Съезда РКП по национал. вопросу, там же, стр. 97.

356. Цит. у *М. Павловича*: X съезд РКП и национальный вопрос в сборн. «Национальный вопрос и советская Россия»,

1921, стр. 37. *Рузвельту* в наше время с успехом вторит *Кулидж*: «те, кто не желает быть носителями американского духа, не должны селиться в Америке» («Послание президента США Куллиджа конгрессу». «Международная летопись» № 1, 1924, стр. 112.

357. Цит. у *М. Сларинского*: Национальная структура России и Великороссии, в сборн. «Формы национального движения», 1910, стр. 289.

358. *Ленин.* — Итоги дискуссии о самоопределении, Собр. соч., т. XIX, 182.

359. Там же, стр. III, о праве наций на самоопредел.

360. *И. Сталин.* — Сборн. стат., 1920, стр. 24.

361. Декларация прав народов России, Собр. узак., 1917, № 2, стр. 18.

362. *С. А. Котляревский.*—Власть и право, 1915, стр. 259.

363. Там же, стр. 261.

364. *Н. И. Лазаревский.*— Русское государственное право, т. I, 1917, стр. 184.

365. Совершенно верно замечено по аналогичному поводу: считая этих авторов, чувствуешь себя перенесенным в средневековье, когда юриспруденция была служанкой богословия. Субстанция, атрибут—выражения, лишенные смысла, от которых следует освободиться раз навсегда» (*Leon Duguit.* — Traité de droit constitutionnel, t. I, Paris 1921, p. 476).

366. *Г. Еллинек*, ук. соч., стр. 289.

367. *Эсмен.*—Общие основания конституционного права, 1898, стр. 130 и сл.

368. Ср.: там же, стр. 140.

369. *Н. И. Палиенко.*—Суверенитет. Историч. развитие идеи суверенитета и ее правовое значение.—1903, стр. 502 и сл.

370. *Еллинек*, ук. соч., стр. 311 и прим. 5.

371. Там же, стр. 108 и сл.

372. Там же, стр. 114.

373. Ср.: *А. Менгер.*— Новое учение о государстве.— 1906, стр. 204 и сл.

374. *Еллинек*, ук. соч., стр. 226.

375. *Paul Laband.*— Das Staatsrecht des deutschen Reiches — 1902, S. 13.

376. *Еллинек*, ук. соч., стр. 327.

377. *Laband*, op. cit. 15: der Gliedstaat ist nach unten Herr, nach oben Unterthan.

378. *Еллинек.* ук, соч., стр. 325.

379. Там же, стр. 324.

380. *Палиенко.*—Суверенитет, стр. 278.

381. *Эсмен*, ук. соч., стр. 7.—Впрочем, на неряшливость построений Эсмена, который дробит суверенитет, сам того не замечая, «загипнотизированный догмой о суверенной личности нации-государства (de la nation-État)», указал *Дюги* (ук. соч., стр. 474).

382. *Н. М. Коркунов.* — Русское госуд. право.— II, 1909, стр. 489.

383. Ср.: *К. Гуго.*— Новейшие течения в английском самоуправлении.—1898, стр. 1.

384. *И. Редлих.*— Английское местное управление, I, 1907, стр. 134.

385. *Джон А. Ферли.*— Местное управление в С. Ш. С. А.— 1910, стр. 46.

386. *Лазаревский*, ук. соч., стр. 184. Ср. проф. *А. И. Елистратов.* Очерк административного права, 1923, стр. 48.—Проф. Елистратов думает, что господство государственной теории основывается на исчезновении классовых противоположностей интересов, преследуемых центральным правительством и органами местного самоуправления по мере того, как буржуазия одерживает верх над абсолютизмом (стр. 49). В действительности, противоположность классовых интересов не только, нужно думать, остается, но приобретает особенно яростный характер: добив умирающего врага феодала, буржуазия обрела нового в лице пролетариата, который ее самое прикончит. Эта классовая борьба идет, между прочим, и по линии противоположения центральной и местной власти и выражается в усилиях централиста-капитала подчинить себе местные учреждения под видом государственных. Отрицание такой государственной теории заставляет думать, что автор считает буржуазную власть вполне надклассовой властью, а самую классовую борьбу благополучно упраздненной в правовом государстве, хотя такому предположению как будто противоречит его же анализ форм властвования в эпоху капитализма (§ 3) и прямо вдохновенные страницы, посвященные ошельмованию как раз буржуазного государства (стр. 29). Как видно, вдохновение и впрямь вещь капризная: его «порывы благотворны», но мимолетны.

387. *Лазаревский*, там же.

388. *Julius Hatschek.*— Englisches Staatsrecht.—1906, I, стр. 204, 205.

389. Выражение одной стачечной прокламации (*Пьер Леруа-Больё.* — Новые англо-саксонские общества, 1898, стр. 104. Ср.: стр. 95 и сл.). Личные взгляды автора далеки от демократических увлечений, что часто дает ему возможность ясно различать отвратительные стороны прославленных буржуазно-демократических учреждений.— Нарисовав ясную картину вырождения парламентов в Европе и Америке, Брайс снисходительно замечает: «В новых заокеанских демократиях—Канаде, Австралии и Новой Зеландии—мы не можем, за исключением, пожалуй, Новой Зеландии, говорить об упадке, ибо уровень их никогда не был высок» (Modern Democracies, London 1923, II, 370).

390. *Вальтер Фогель.*—Новая Европа.—1924, I, стр. 230.

391. «Известия ЦИК СССР», 18/XII 1913. «Воззвание консерваторов против рабочей партии».—Стоит вспомнить по этому поводу, что писал о королевской прерогативе *Беджіот* (Государственный строй Англии, 1905, стр. 29) и *Лоу.* (Гос. строй Англии, 1908, стр. 219 и сл.)

392. Эвфемистически мысль эта выражается так: «Автономия вовсе не предполагает равноправия наделенной ею части госу-

дарственного целого со всеми другими. Наоборот, она обычно есть своеобразная привилегия, основанная на исключительных материальных и культурных условиях данной области: наличность автономии в одной части государства не даст никаких прямых оснований для домогательств других частей, где подобные условия совершенно отсутствуют. Можно быть сторонником широкой автономии Финляндии или Польши, и отсюда не вытекает еще никакого обязательства отстаивать автономию Литвы или Малороссии». (*Котляревский*, ук. соч., стр. 272.) С полным пониманием и с точной чуткостью к потребностям буржуазного общества здесь облекаются в юридические формы внутренние отношения эксплоатации и угнетения: автономия—дело силы, а не права. Ее не просто получают, ее вырывают из горла (disgorged — по образному выражению *Энгельса*). Той части государства, которую капиталист господствующей нации в состоянии эксплоатировать лишь с помощью автономии, приходится уделить эту «привилегию»,—таковы Финляндия и Польша,—иначе о них, пожалуй, зубы обломаешь; но украинский или белорусский мужик достаточно беспомощен и в международном отношении беззащитен, чтобы можно было счесть излишней роскошью всякие автономические церемонии и грабить без оных.

393. Названия этих боровшихся партий менялись таким образом, что хорошо иллюстрировали свою полную условность... Централисты именовались сначала федералистами, потом вигами, наконец, республиканцами; их противники — сначала республиканцами, потом демократами. (Ср.: *Брайс.*— Американская республика, 1890, II, гл. 53.) Современная Америка куда откровеннее и непринужденнее: громкие почтенные титулы республиканцев, демократов, вигов и т. п. решительно выходят из моды, и на выборах в парламент борются просто... «сухие» и «мокрые». Сухие—это трезвенники, поддерживающие запрещение торговать спиртными напитками, мокрые—те, которым это невыгодно. Покойник *Вильсон* был мокрый.— Подробности см: *Г. С. Гурвич.* Политический строй современных государств. Соединенные штаты Америки, 1928.

394. *Брайс*, ук. соч., I, стр. 345.

395. *В. Вильсон.*— Государство. — 1905, § 1083. Ср. *Он же.*— Государственный строй С. Ш. — 1909: было время, когда «губернатор Нью-Йорка отрицал превосходство президента, да последний и сам готов был усомниться в важности своего официального положения» (стр. 23), но все развитие взаимоотношений центра и штатов клонилось к тому, чтобы «заставить всю промышленность страны держаться за юбки федерального правительства» (стр. 25), так что теперь «штаты абсолютно лишены каких бы то ни было средств действительной защиты своих очевидных прерогатив» (стр. 27). На ряде примеров законодательной деятельности конгресса в области налогов, труда, народного просвещения, здравия, общественной нравственности современный исследователь показывает, как союзная власть все более урезывает компетенцию штатов в чисто местных вопросах без всякого нарушения конституции. Ведь конституция представляет

союзному правительству право регулирования отношений между штатами. Чья же вина, что в наше время телеграфа и железных дорог становится все труднее отличить чисто местный интерес от общесоюзного? *Walter Thompsom*-—Federal Centralization.—1923, pp. 338—339).

396. *В. Вильсон.*—Государство, § 1090.

397. *А. Л. Лоуэлль.*—Правительства и политические партии в государствах Зап. Европы.—1905, стр. 364.

398. Ср.: Там же, стр. 365.

399. Ср.: *Laband.*, op. cit., стр. 16.

400. Ср.: *Л. Дюги.*—Конституционное право. Общая теория государства.—1908, стр. 184.

401. Enzyklopädie der Rechts-und Staatswissenschaft.—Ausländisches Staatsrecht, Berlin 1923, S. 36.

402. *Ленин.*—Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 339.

403. *М. Владимирский.*—Организация советской власти на местах.—1916, стр. 52.

404. Ср.: Там же.

405. *Ленин.*—Государство и революция, там же.

406. *М. Владимирский*, ук. соч., стр. 53.—Совершенно неправильно изображать этот период вроде какой-то мрачной анархии, из которой советы были выведены всемогущим центром «в результате долгой и упорной борьбы», как делает *М. Рейснер* (Государство буржуазии и РСФСР, 1923, стр. 371).

407. *Ленин.*—Государство и революция, т. XIV, ч. 2, стр. 340.

408. *Маркс.*—Гражданская война во Франции. 1917, стр. 59.

409. Там же, стр. 57.

410. Коммунистический манифест, 1904, немецкое изд., стр. 17.

411. X Съезд РКП (б). Прения по национ. вопросу. Содоклад т. *Сафарова.* (Стенографический отчет, 1921, стр. 85).

412. Там же, стр. 67. (Резолюция по нац. вопросу.)

413. Ср.: *Ленин.*—Государство и революция, там же.

414. «Формы национального движения», стр. VII.

415. *Тов. Одинец.*—Речь на I съезде советов СССР (Стенографический отчет, 1922, стр. 17).

416. «Политика советской власти по национальному вопросу за три года», 1920, стр. 7.

417. X Съезд РКП (б). Стенографический отчет., стр. 96.

418. XII Съезд РКП (б). Доклад т. *Сталина* (Стенограф. отч., 1923, стр. 442).

419. Политика советской власти по нац. вопр., стр. 8.

420. Литературу по этому вопросу см. у *Г. С. Гуревича.*—Принципы автономизма и федерализма в советской системе, 1924, стр. 62 и сл.

421. Проф. *Б. Д. Шлетнев.*—Государственная структура РСФСР. «Право и жизнь», кн. I, 1922, стр. 28.

422. *П. Н. Милюков* делает отчаянные усилия, вычитать у меня то, чего вычитать никак невозможно. Он пускается, нако-

нец, на жалкие хитрости и приписывает мне среди других нелепостей утверждение, что «советская автономия» есть лишь одно из средств преодолеть в ближайшее время центробежные стремления» («Национальный вопрос. Происхождение национальности и национальные вопросы в России», Библиотека изд-ва «Свободная Россия», 1925, стр. 190). Есть что-то старчески распутное в его лживой болтовне, что-то отдающее одновременно и острогом и богадельней. Он пишет: «...весь «совет национальностей», вместе взятый, не обладает равными правами по законодательству с другой палатой и в случае разногласий не имеет никакой возможности ни провести своих проектов, ни остановить прохождение проектов в другой главной палате, в «союзном совете» (там же). Такова-то конституция, сочиненная для нас, наконец, неудавшимся российским Массариком!

423. *Конст. Архипов.*—Типы советской автономии.— «Власть советов», № 8—9, 1923, стр. 36.—По мнению автора, самая терминология «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа»—«Республика советов»!—отдает конфедерализмом (стр. 35). Увы, мы принуждены его огорчить: «Республика советов» имеет такой смысл только в заграничных писаниях левых эсеров (ср., напр., сборник под тем же названием, издательство «Скифы», Берлин — Милан). А у нас Республика советов значит — Советская республика и больше ничего. По поводу моих указаний на неспособность или неохоту наших писателей проникнуть в истинный смысл советского автономизма и федерализма проф. Архипов замечает, что исследование политической стороны вопроса не входит в его задачу, и что возражения мои против предлагаемой им «юридической конструкции автономического статуса областей» основаны на «смешении юридической и политической точек зрения» (*К. Архипов.* Советские автоном. области и республики, 1925, стр. 41). Нельзя не почувствовать в этом скромном замечании нечеловеческого высокомерия юриста, отказывающегося понимать, что чем больше он отмежевывается от политических точек зрения, т е м б о л ь ш е о н у г л у б л я е т с я в п о л и т и к у. Да и как тут размежеваться? Он сам, найдя мое утверждение о равенстве всех наций в Советском союзе лишь ю р и д и ч е с к и явно неадэкватным, позже, через 50, правда, страниц, уж именует его вообще парадоксальным (стр. 47 и 90). Что юридически неадэкватно, то и парадоксально! Вся суть в том, что юридистика всегда есть политика, но только политика буржуазная.

424. *Я. М. Магазинер.*—Общее учение о государстве.—1922, стр. 299.

425. При особом мнении остались проф. *В. Н. Дурденевский* (На путях к русскому федеральному праву, «Советское право» № 1, 1923, стр. 31) и *В. Д.* («Советское право» № 2, 1923, стр. 120).

426. *Ленин.*— Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 563.

427. Нужно ли говорить, что это обстоятельство отчетливо сознавалось Лениным, который на нем и построил е щ е д о Ок-

тябрьского переворота свою теорию социалистического федеративного государства.—См. подробности об этом в нашей статье: «К вопросу о федерализме» («Революция права», 1928, № 3).

428. *И. Сталин.*— Доклад на XII съезде ВКП (б). Стенограф. отчет, 1923, стр. 446.

429. Там же.

430. *А. С. Котляревский.*—СССР и союзные республики, 1924, стр. 43. Автор отдает себе полный отчет «в принципиальном своеобразии» советского федерализма (ср.: ук. соч., стр. 15), как и в том, что в советских условиях отсутствует «могущественный антагонизм социальных и политических интересов» (его же «Финансовое право СССР», 1926, стр. 27), как и в том, наконец, что необходимо отучиться от «старомодной юридической схоластики», господствующей в науке о федерализме (его же «Бюджетное право РСФСР и СССР», стр. 142). Тем не менее, он не отказывается от обычной терминологии в приложении к советским республикам и без всяких оговорок об условности и неточности этой терминологии говорит о «правах» Союза по отношению к союзным республикам и обратно (см. «СССР и союзные республики», стр. 12, сл. и pass.).

431. *С. А. Котляровский.*— Финансовое право СССР, 1926, стр. 26.

432. Постановление ЦИК СССР о бюджетных правах СССР и союзных республик, стр. 2 (Систематическое собрание действующих законов СССР, кн. 3, 1927, стр. 10).

433. «Бюджет государственный», Большая сов. энциклопедия, т. VIII, стр. 402.

434. Постановление ЦИК СССР о бюджетных правах СССР и союзных республик, ст. 25 (в ук. собрании, стр. 16).

435. Энциклопедия права и государства, т. III, стр. 1292.

436. *В. К. Дяблo* в интересной и тщательно выполненной работе («Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в СССР», 1928) недостаточно, по нашему мнению, учел это обстоятельство (стр. 36). «Инструкция о выборах» совершенно правильно ссылается на ст. ст. 9 и 10 Конституции СССР, ибо это и есть ссылка на советскую систему, верная не только по существу, но и по формальному моменту. (Ср.: *С. А. Котляревский.*— СССР и союзные республики, стр. 127.)

437. *Ленин.*— Тезисы по национальному и колониальному вопросам. Собр. соч.. т. XIX, стр. 249.

438. *Ленин.*— Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 356.

439. 2 сессия ЦИК СССР 1-го созыва. Стенограф. отчет, 1924, стр. 440.

440. *Ленин.*— Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 357.

Приложение I.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа.

Глава первая.

1. Россия объявляется Республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам.

2. Российская советская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.

Глава вторая.

3. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, III Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет далее:

а) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

б) Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

в) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской республики, подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

г) III Всероссийский съезд советов рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, выражая уверенность, что советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

д) Подтверждается переход всех банков в собственность Рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

е) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

ж) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Глава третья.

4. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III Всероссийский съезд советов всецело присоединяется к проводимой советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

5. В тех же целях III Всероссийский съезд советов настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

6. III Всероссийский съезд советов приветствует политику Совета народных комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении.

Глава четвертая.

7. III Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

8. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

Приложение II.

КОНСТИТУЦИЯ

(Основной закон)

Российской социалистической федеративной советской республики *).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Глава первая.

1. Настоящая Конституция (Основной закон) Российской социалистической федеративной советской республики исходит из основных положений Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом советов, декларации прав народов России от 2 ноября 1917 года и основных начал Конституции (Основного закона) Российской социалистической федеративной советской республики, принятой V Всероссийским съездом советов, и имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы ни государственной власти.

2. Российская республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик. Вся власть в пределах Российской социалистической федеративной советской республики принадлежит советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.

3. Носителем верховной власти в Российской социалистической федеративной советской республике является Всероссийский съезд советов, а в период между съездами — Всероссийский центральный исполнительный комитет советов.

Согласно воле народов Российской социалистической федеративной советской республики, принявших решение на X Всероссийском съезде советов об образовании Союза советских социалистических республик, Российская социалистическая федеративная советская республика, входя в состав Союза советских социалистических республик, передает Союзу полномочия, отнесенные в соответствии со ст. I Конституции Союза советских социалистических республик к ведению органов Союза советских социалистических республик.

---

*) В редакции, установленной XIV Всероссийским съездом советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. (См. Собр. Узак. и Распор. рабоче-крест. правительства РСФСР 1929, № 47—48, ст. 495).

4. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

5. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская социалистическая федеративная советская республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянства все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

6. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний Российская социалистическая федеративная советская республика, признавая права граждан Советской республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянства все пригодные для устройства народных собраний помещения.

7. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская социалистическая федеративная советская республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и крестьянам содействие для их объединения и организации.

8. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская социалистическая федеративная советская республика ставит своей задачей предоставить им полное, всестороннее и бесплатное образование.

9. Российская социалистическая федеративная советская республика признает труд обязанностью всех граждан республики.

10. В целях всемерной охраны завоеваний Великой рабоче-крестьянской революции Российская социалистическая федеративная советская республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые элементы возлагается отправление иных воинских обязанностей.

11. Российская социалистическая федеративная советская республика предоставляет все права, устанавливаемые Конституцией и законодательством Республики для граждан Российской социалистической федеративной советской республики, также и всем пребывающим на территории Российской социалистической федеративной советской республики гражданам других союзных советских республик.

Российская социалистическая федеративная советская республика, исходя из солидарности трудящихся всех наций, предоставляет все политические права иностранцам, проживающим на территории Российской социалистической федеративной советской республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу, а равно к непользующемуся чужим трудом крестьян-

ству на основе постановлений верховных органов Союза советских социалистических республик.

12. Российская социалистическая федеративная советская республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за революционно-освободительную деятельность.

13. Признавая право всех наций на самоопределение вплоть до отделения, Российская социалистическая федеративная советская республика, исходя из твердо выраженной воли трудящихся отдельных национальностей, населяющих Российскую социалистическую федеративную советскую республику, к оформлению своего государственного бытия в составе Российской социалистической федеративной советской республики, объединяется с этими национальностями путем образования в составе Российской социалистической федеративной советской республики национальных автономных советских социалистических республик и областей.

Исходя из равенства права граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, Российская социалистическая федеративная советская республика, объявляет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия и тем более установление или допущение каких бы то ни было (прямых или косвенных) преимуществ для отдельных национальностей и признает за всеми гражданами Российской социалистической федеративной советской республики право и обеспечивает им полную возможность свободного пользования родным языком на съездах, в суде, школе, управлении и общественной жизни.

14. Руководствуясь интересами трудящихся, Российская социалистическая федеративная советская республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции.

15. Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи являются социалистической государственной собственностью на основах, определяемых особыми законами Союза советских социалистических республик и верховными органами Российской социалистической федеративной советской республики.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ.

Глава вторая.

О предметах ведения Всероссийского съезда советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета.

16. Исключительному ведению Всероссийского съезда советов подлежит:

а) установление, дополнение и изменение основных начал Конституции (Основного закона) Российской социалистической феде-

ративной советской республики и окончательное утверждение частичных дополнений и изменений Конституции (Основного закона) РСФСР, принятых сессиями Всероссийского центрального исполнительного комитета в периодмежду Всероссийскими съездами советов;

б) окончательное утверждение конституций автономных советских социалистических республик, а также дополнений и изменений этих конституций.

17. Ведению Всероссийского съезда советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета советов подлежат все вопросы общегосударственного значения, как-то:

а) общее руководство всей политикой и народным хозяйством Российской социалистической федеративной советской республики;

б) утверждение решений съездов советов отдельных национальностей о выделении их в автономные советские социалистические республики и области, установление границ автономных советских социалистических республик, входящих в состав Российской социалистической федеративной советской республики, утверждение конституций их, утверждение дополнений и изменений этих конституций, а также разрешение споров между автономными советскими социалистическими республиками и между ними и другими частями федерации;

в) изменение границ Российской социалистической федеративной советской республики, общее административное разделение территории Российской социалистической федеративной советской республики и утверждение краевых и областных объединений;

г) установление в соответствии с законодательством Союза ССР плана всего народного хозяйства и отдельных отраслей его на территории Российской социалистической федеративной советской республики;

д) утверждение бюджета Российской социалистической федеративной советской республики, как части единого, государственного бюджета Союза советских социалистических республик;

е) установление в соответствии с Конституцией и законодательством Союза ССР государственных и местных налогов, сборов и неналоговых доходов, а также заключение внешних и внутренних займов Российской социалистической федеративной советской республики;

ж) верховный контроль над государственными доходами и расходами Российской социалистической федеративной советской республики;

з) утверждение кодексов законов Российской социалистической федеративной советской республики в соответствии с Конституцией Союза советских социалистических республик;

и) право амнистии, общей и частной, на территории Российской социалистической федеративной советской республики;

к) отмена и изменение постановлений съездов советов автономных советских социалистических республик и автономных областей, а также других местных съездов советов, нарушающих настоящую Конституцию (Основной закон) или постановления верховных органов Российской социалистической федеративной советской республики.

18. Сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского съезда советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета подлежат и другие вопросы, в соответствии с Конституцией Союза советских социалистических республик.

19. В пределах, указанных в Основном законе (Конституции) Союза советских социалистических республик, и по предметам, отнесенным к компетенции Союза, на территории Российской социалистической федеративной советской республики имеют обязательную силу постановления верховных органов Союза ССР. За этим исключением никакие органы, кроме Всероссийского съезда советов, Всероссийского центрального исполнительного комитета, его Президиума и Совета народных комиссаров, не имеют права издавать законодательные акты общегосударственного значения на территории Российской социалистической федеративной советской республики.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

ОБ УСТРОЙСТВЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Глава третья.

О центральной власти.

А. О Всероссийском съезде советов.

20. Всероссийский съезд советов составляется на основаниях, установленных ст. 25 Конституции (Основного закона) Российской социалистической федеративной советской республики, принятой V Всероссийским съездом советов, из представителей городских советов по расчету один делегат на 25 000 избирателей и представителей от республиканских съездов советов автономных советских социалистических республик, не имеющих окружного деления, от областных съездов советов автономных областей и от окружных съездов советов по расчету один делегат на 125 000 человек населения.

Делегаты на Всероссийский съезд советов избираются на республиканских съездах советов автономных советских социалистических республик, не имеющих окружного деления, на областных съездах советов автономных областей и на окружных съездах советов.

Примечание. Городские советы депутатов городов, выделенных в самостоятельные административно-территориальные единицы, приравниваются в отношении избрания делегатов на Всероссийский съезд советов к окружным съездам советов и избирают своих делегатов на Всероссийский съезд советов непосредственно на пленумах городских советов.

21. Всероссийский съезд советов избирает Всероссийский центральный исполнительный комитет советов в количестве членов, определяемом Всероссийским съездом советов, а равно представи-

телей от Российской социалистической федеративной советской республики в Совет национальностей центрального исполнительного комитета Союза советских социалистических республик.

22. Всероссийский съезд советов созывается Всероссийским центральным исполнительным комитетом один раз в два года.

23. Чрезвычайный Всероссийский съезд советов созывается Всероссийским центральным исполнительным комитетом как по собственному почину, так и по требованию советов и съездов советов местностей, насчитывающих не менее одной трети всего населения Российской социалистической федеративной советской республики.

Б. О Всероссийском центральном исполнительном комитете советов.

24. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов в пределах, указанных в ст. ст. 3, 17 и 18 настоящей Конституции, является верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской социалистической федеративной советской республики.

25. Всероссийский центральный исполнительный комитет издает кодексы, декреты и постановления в порядке собственной инициативы, а также рассматривает и утверждает законопроекты, внесенные президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и Советом народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики.

26. Все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Российской социалистической федеративной советской республики, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов Российской социалистической федеративной советской республики, а равно бюджет Российской социалистической федеративной советской республики, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов.

27. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов избирает председателя и секретаря, а также президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета советов в количестве членов, определяемом Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов.

В период между сессиями Всероссийского центрального исполнительного комитета советов высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти Российской социалистической федеративной советской республики является Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета советов, ответственный пред Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов.

28. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов дает общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов советской власти Российской со-

циалистической федеративной советской республики, объединяет работу по законодательству и управлению, определяет круг деятельности Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров и наблюдает за проведением в жизнь Конституции Российской социалистической федеративной советской республики, исполнением всех постановлений Всероссийских съездов советов и верховных органов Союза советских социалистических республик.

29. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов созывается Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов на сессии. Чрезвычайные сессии созываются по инициативе Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета советов, по предложению Совета народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики, по требованию $^1/_3$ членов Всероссийского центрального исполнительного комитета советов, по требованию центральных исполнительных комитетов не менее 6 автономных советских социалистических республик или по требованию краевых и областных исполнительных комитетов не менее шести краевых и областных соединений.

30. Всероссийский центральный исполнительный комитет образует Совет народных комиссаров для общего управления Российской социалистической федеративной советской республикой и народные комиссариаты для руководства отдельными отраслями управления.

31. Всероссийский центральный исполнительный комитет ответствец перед Всероссийским съездом советов, которому представляет отчет о своей деятельности и доклад по общей политике и по отдельным вопросам.

В. О Совете народных комиссаров.

32. В состав Совета народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики входят на правах его членов: председатель Совета народных комиссаров, его заместители и народные комиссары, указанные в ст. 37 Конституции (Основного закона) Российской социалистической федеративной советской республики, а также уполномоченные общесоюзных народных комиссариатов, назначаемые в порядке общесоюзного законодательства и имеющие право совещательного или решающего голоса, согласно постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета или его Президиума.

В состав совета народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики входит также уполномоченный Объединенного государственного политического управления Союза советских социалистических республик, а равно и другие лица в соответствии с постановлениями Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

33. Совету народных комиссаров принадлежит общее управление Российской социалистической федеративной советской республикой.

34. Совет народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики в пределах, предоставленных ему Всероссийским центральным исполнительным комитетом прав и на основании Положения о Совете народных комиссаров, издаваемого в развитие настоящей статьи, издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории Российской социалистической федеративной советской республики.

35. Совет народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики ответствен перед Всероссийским съездом советов и всероссийским центральным исполнительным комитетом советов и его президиумом.

36. Всякое постановление Совета народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики может быть отменено, изменено или приостановлено Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов или его Президиумом.

Г. О народных комиссариатах Российской социалистической федеративной советской республики.

37. Для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения Совета народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики, образуются 11 народных комиссариатов:

высший совет народного хозяйства,
внутренней торговли,
труда,
финансов,
рабоче-крестьянской инспекции,
внутренних дел,
юстиции,
просвещения,
здравоохранения,
земледелия,
социального обеспечения.

38. Высший совет народного хозяйства и народные комиссариаты торговли, финансов, труда и рабоче-крестьянской инспекции, а также Центральное статистическое управление Российской социалистической федеративной советской республики, подчиняясь Всероссийскому центральному исполнительному комитету, его Президиуму и Совету народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных народных комиссариатов Союза советских социалистических республик.

Народный комиссариат торговли Российской социалистической федеративной советской республики в области внешней торговли действует как уполномоченный соответствующего общесоюзного народного комиссариата.

39. Во главе отдельных народных комиссариатов стоят члены Совета народных комиссаров — народные комиссары.

40. При каждом народном комиссаре под его председательством образуется коллегия, члены которой утверждаются Советом народных комиссаров.

41. Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара коллегия, не приостанавливая решения, может обжаловать его в Совет народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики или в Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета советов. То же право обжалования принадлежит отдельным членам коллегии.

42. Народные комиссары в своей работе ответственны перед Советом народных комиссаров и перед Всероссийским центральным исполнительным комитетом и его Президиумом.

43. Распоряжения народных комиссариатов Российской социалистической федеративной советской республики могут быть отменяемы, изменяемы и приостанавливаемы Всероссийским центральным исполнительным комитетом и его Президиумом, Советом народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики и в отношении распоряжений объединенных народных комиссариатов Российской социалистической федеративной советской республики — одноименными народными комиссариатами Союза советских социалистических республик, в последнем случае — если они не основаны на точных предписаниях Всероссийского центрального исполнительного комитета, его Президиума или Совета народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики.

Глава четвертая.

Об автономных советских социалистических республиках и областях.

44. Органы государственной власти в автономных советских социалистических республиках и автономных областях образуются на основе Конституции (Основного закона) Российской социалистической федеративной советской республики из местных советов, их съездов, исполнительных комитетов, областных и центральных исполнительных комитетов.

Основные законы (конституции) автономных советских социалистических республик, а равно дополнения и изменения этих основных законов (конституций) принимаются их съездами Советов, представляются на утверждение Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и вносятся на окончательное утверждение Всероссийского съезда советов.

Примечание. Положения об автономных областях принимаются их съездами советов и утверждаются Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов.

45. Высшими органами государственной власти в пределах территории каждой автономной советской социалистической республики являются съезды советов означенной республики, а в

период между этими съездами — избираемые ими центральные исполнительные комитеты, права которых определяются основным законом (конституцией) каждой автономной советской социалистической республики.

Постановления съездов советов автономных советских социалистических республик могут быть отменяемы и изменяемы Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов, а также приостанавливаемы Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

Постановления центральных исполнительных комитетов и всех центральных органов автономных советских социалистических республик могут быть отменяемы, изменяемы и приостанавливаемы Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов и его Президиумом.

46. Центральные исполнительные комитеты автономных советских социалистических республик и областные исполнительные комитеты автономных областей избирают из своей среды президиумы, которые в период между сессиями центральных или областных исполнительных комитетов являются на территории данной республики или области высшим ораганом власти.

47. Центральные исполнительные комитеты автономных советских социалистических республик образуют свои исполнительные органы — советы народных комиссаров — в составе: председателя совета народных комиссаров и народных комиссаров — внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия и социального обеспечения, а также народных комиссаров объединенных комиссариатов Российской социалистической федеративной советской республики: финансов, труда, внутренней торговли, рабоче-крестьянской инспекции и высшего совета народного хозяйства.

В зависимости от местных бытовых условий центральные исполнительные комитеты автономных советских социалистических республик имеют право сократить количество народных комиссариатов и соответственно изменить состав Совета народных комиссаров.

48. В пределах прав, предоставленных автономным советским социалистическим республикам, центральные исполнительные комитеты этих республик издают законодательные акты, имеющие обязательную силу на территории соответствующей автономной советской социалистической республики.

Глава пятая.

О местной власти.

А. О съездах советов.

49. Высшей властью в пределах данной территории — края, области, округа, района является в границах своего ведения соответствующий съезд советов.

50. В съездах советов: краевых, областных, окружных, район-

ных принимают участие представители всех советов, находящихся на территории данной административной единицы.

51. Съезды советов составляются следующим образом:

а) краевые и областные из представителей городских советов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и окружных съездов советов, по расчету: от городских советов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений — один делегат на 5 000 избирателей и от окружных съездов — 1 делегат на 25 000 человек населения;

б) окружные—из представителей городских советов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и районных съездов советов, по расчету: от городских советов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений — 1 делегат на 1 000 избирателей и от районных съездов советов — 1 делегат на 5 000 человек населения.

в) районные из представителей городских советов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и сельских советов, по расчету: от городских советов, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений — 1 делегат на 60 избирателей, и от сельских советов—1 делегат на 300 человек населения, но не свыше 150 делегатов на район.

Примечание 1. Автономные советские социалистические республики и автономные области, входящие в состав краевых и областных объединений, участвуют в краевых и областных съездах советов этих объединений путем избрания на означенные съезды делегатов по особым нормам, устанавливаемым Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов.

Примечание 2. В исключительных случаях Всероссийскому центральному исполнительному комитету советов или его президиуму представляется право изменять установленные настоящей статьей нормы представительства для отдельных местностей в зависимости от местных условий.

52. Съезды советов бывают очередные и внеочередные. Очередные съезды советов созываются один раз в год; внеочередные съезды советов созываются:

а) по предложению вышестоящих съездов советов или их исполнительных комитетов,

б) по почину соответствующих исполнительных комитетов или по требованию нижестоящих исполнительных комитетов и советов, насчитывающих не менее одной трети населения данного района, округа, области или края.

53. Съезды советов избирают свои исполнительные органы — исполнительные комитеты, число членов которых для съездов советов каждой административной территоральной единицы определяется постановлениями Всероссийского центрального исполнительного комитета или его Президиума.

Б. Об исполнительных комитетах.

54. Исполнительные комитеты избираются съездами советов и являются в период между съездами высшим органом советской

власти на соответствующей территории, ответственны перед избравшими их съездами и подчинены вышестоящим исполнительным комитетам, их президиумам, Всероссийскому центральному исполнительному комитету советов, его Президиуму и Совету народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики.

55. Для руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территорией и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти исполнительные комитеты избирают президиумы, число членов которых определяется для каждой административной территориальной единицы Всероссийским центральным исполнительным комитетом или его Президиумом.

56. В период между заседаниями исполнительных комитетов президиумы исполнительных комитетов пользуются правами последних и ответственны перед исполнительными комитетами.

57. Для выполнения всей работы, подлежащей ведению местной власти и для проведения в жизнь постановлений вышестоящих исполнительных комитетов, их президиумов и центральной власти исполнительные комитеты на основаниях, определяемых Всероссийским центральным исполнительным комитетом или его Президиумом, образуют: краевые и областные исполнительные комитеты—отделы или управления, окружные—отделы, а районные—отделения.

Упразднение или слияние существующих отделов, управлений и отделений исполнительных комитетов, а равно образование новых производится на основаниях, устанавливаемых Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов или его президиумом.

58. Отделы управления и отделения исполнительных комитетов находятся в подчинении соответствующих исполнительных комитетов и их президиумов и обязаны выполнять все их предписания и задания, а также все предписания и задания соответствующего отдела или управления вышестоящего исполнительного комитета и соответствующих народных комиссариатов Российской социалистической федеративной советской республики.

В. О Советах депутатов.

59. На территории Российской социалистической федеративной советской республики образуются и действуют советы депутатов—городские и сельские.

Нормы представительства для городских и сельских советов, а равно количество депутатов этих советов устанавливаются в зависимости от количества избирателей или населения, объединяемых соответствующим советом, Всероссийским центральным комитетом советов и могут быть изменяемы лишь в исключительных случаях для отдельных местностей Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

60. Для текущей работы советы депутатов в городах избирают из своей среды исполнительный орган на основаниях, установ-

ленных Всероссийским центральным исполнительным комитетом или его Президиумом.

61. При сельском совете может быть образован президиум совета на основаниях, устанавливаемых Всероссийским центральным исполнительным комитетом или его Президиумом.

62. Советы депутатов созываются исполнительным органом совета как по собственному почину, так и по требованию не менее $^1/_3$ членов совета.

63. Члены советов депутатов обязаны регулярно давать отчеты своим избирателям.

Г. О предметах ведения местных органов власти.

64. Краевые, областные, окружные, и районные исполнительные комитеты и их президиумы, а также советы депутатов имеют своей задачей:

а) принятие мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

б) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов советской власти;

в) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение;

г) объединение советской деятельности в пределах данной территории.

д) обеспечение, в пределах данной территории, революционной законности и охраны государственного порядка и общественной безопасности;

е) обсуждение вопросов общегосударственного значения как по собственному почину, так и по предложению вышестоящих исполнительных комитетов.

65. Съезды советов и их исполнительные комитеты осуществляют контроль над деятельностью нижестоящих местных советов и их исполнительных органов.

Постановления местных съездов могут быть отменяемы и изменяемы вышестоящими съездами советов, их исполнительными комитетами и, в надлежащих случаях, президиумами вышестоящих исполнительных комитетов, а также Всероссийским центральным исполнительным комитетом или его Президиумом.

Постановления исполнительных комитетов и их президиумов могут быть отменяемы и изменяемы избравшими их съездами, а также вышестоящими съездами советов исполнительными комитетами, их президиумами, Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов, его Президиумом и Советом народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики.

66. Краевые и областные исполнительные комитеты или их президиумы могут приостанавливать проведение в жизнь распоряжения народных комиссариатов Российской социалистической федеративной советской республики и уполномоченных общесоюзных народных комиссариатов при Российской социалистической

федеративной советской республики лишь в исключительных случаях, на основаниях и в порядке, определяемом Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов.

67. Окружные исполнительные комитеты и их президиумы могут приостанавливать проведение в жизнь распоряжений отделов, управлений или соответствующих им органов краевого или областного исполнительного комитета, а районные исполнительные комитеты—отделов или соответствующих им органов окружного исполнительного комитета на основаниях и в порядке, устанавливаемых Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Глава шестая.

О выборах в советы.

А. Об активном и пассивном избирательном праве.

68. Правом избирать и быть избранным в советы пользуются, независимо от пола, вероисповедования, расы, национальности, оседлости и т. п., следующие граждане Российской социалистической федеративной советской республики, которым ко дню выборов исполнилось 18 лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда;

б) красноармейцы и краснофлотцы рабоче-крестьянских Красных армии и флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пп. «а» и «б» настоящей статьи, потерявшие в какой-либо мере трудоспособность.

Примечание. Из лиц, не вступивших в число граждан Российской социалистической федеративной советской республики, пользуются активным и пассивным избирательным правом лица, указанные в ст. 12 настоящей Конституции.

69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие является профессией, и монахи.

д) служащие и агенты бывш. полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов;

е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными.

ж) лица, осужденные за преступления, с поражениями в политических правах на установленный судебным приговором срок.

Б. О производстве выборов.

70. Выборы производятся в дни, устанавливаемые местными советами или их исполнительными комитетами.

71. О ходе и результате выборов составляется протокол за подписями членов избирательной комиссии.

72. Порядок производства выборов, а равно и участие в них профессиональных союзов и иных рабочих организаций определяется Всероссийским центральным исполнительным комитетом или его президиумом.

В. О проверке и отмене выборов и отзыве депутатов.

73. Проверка правильности выборов в советы производится избирательными комиссиями, а проверка правильности полномочий делегатов, избираемых на съезды советов,— мандатными комиссиями.

74. В случае неправильности выборов в целом вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом советской власти. Высшим органом по кассации советских выборов является Всероссийский центральный исполнительный комитет и его Президиум.

75. Избиратели, пославшие в совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

Глава седьмая.

О бюджетном праве.

76. Все государственные доходы и все расходы Российской социалистической федеративной советской республики, включая сюда все доходы и расходы входящих в нее автономных республик, объединяются в общественном бюджете.

77. Бюджет Российской социалистической федеративной советской республики входит как составная часть в единый государственный бюджет Союза советских социалистических республик в соответствии с Конституцией Союза советских социалистических республик и издаваемыми в порядке общесоюзного законодательства правилами.

78. Распределение расходов, а также доходов, собираемых на территории Российской социалистической федеративной советской республики, на расходы и доходы, вносимые в общесоюзную роспись и в роспись Российской социалистической федеративной

советской республики, устанавливается также в порядке общесоюзного законодательства.

79. Бюджет Российской социалистической федеративной советской республики рассматривается Советом народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики, утверждается Всероссийским центральным исполнительным комитетом и направляется в законодательные органы Союза советских социалистических республик для включения, в порядке Конституции Союза советских социалистических республик, в единый государственный бюджет Союза советских социалистических республик.

80. Государственные доходы и расходы автономных социалистических советских республик, входящих в состав Российской социалистической федеративной советской республики, после принятия их советами народных комиссаров и центральными исполнительными комитетами этих республик и рассмотрения Советом народных комиссаров Российской социалистической федеративной советской республики утверждаются Всероссийским центральным исполнительным комитетом в качестве составных частей бюджета Российской социалистической федеративной советской республики.

81. Ни один расход из средств государственной казны не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или без издания особого постановления законодательных органов Российской социалистической федеративной советской республики.

82. Все расходы по росписи Российской социалистической федеративной советской республики расходуются в пределах сметных подразделений по их прямому назначению.

83. Все местные доходы и все местные расходы объединяются в местных бюджетах в порядке общесоюзного и республиканского законодательства.

84. Местные бюджеты составляются исполнительными комитетами и советами депутатов и утверждаются соответствующими съездами советов или, в подлежащих случаях, исполнительными комитетами, а также городскими советами депутатов под общим контролем соответствующих центральных органов Российской социалистической федеративной советской республики.

85. Отчет по исполнению бюджета Российской социалистической федеративной советской республики утверждается Всероссийским центральным исполнительным комитетом.

86. В порядке законодательства Союза советских социалистических республик и Российской социалистической федеративной советской республики для покрытия расходов, отнесенных по этому законодательству на местные средства, местным бюджетам предоставляются доходные источники: налоговые и неналоговые.

Приложение III.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

(Конституция)

Союза советских социалистических республик.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР.

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма,—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма,—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системой эксплоатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере совегов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападение империалистов всего мира, внутренних и внешних: только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспеяния, и свободу национального развития народов.

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих советов и единодушно принявших решения об образовании Союза советских социалистических республик, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую социалистическую советскую республику.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

ДОГОВОР.

Российская социалистическая федеративная советская республика (РСФСР), Украинская социалистическая советская республика (УССР), Белорусская социалистическая советская республика (БССР), Закавказская социалистическая федеративная советская республика (ЗСФСР — Советская социалистическая республика Азербайджана, Советская социалистическая республика Грузии и Советская социалистическая республика Армении), Туркменская советская социалистическая республика (ТуркССР), Узбекская советская социалистическая республика (УзбССР) и Таджикская советская социалистическая республика объединяются в одно союзное государство—«Союз советских социалистических республик».

Глава первая.

Предметы ведения верховных органов власти Союза сов. соц. республик.

1. Ведению Союза советских социалистических республик, в лице его верховных органов, подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с другими государствами;

б) изменение внешних границ Союза, а также регулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками;

в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик;

г) объявление войны и заключение мира;

д) заключение внешних и внутренних займов Союза ССР и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик;

е) ратификация международных договоров;

ж) руководство внешней торговлей и установление системы внутренней горговли;

з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени союзных республик;

и) руководство транспортным и почтово-телеграфным делом;

к) организация и руководство вооруженными силами Союза ССР;

л) утверждение единого государственного бюджета Союза ССР, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик;

м) установление единой денежной и кредитной системы;

н) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей герритории Союза ССР;

о) общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда;

п) установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза;

р) установление основных законов о труде;

с) установление общих начал в области народного просвещения;

т) установление общих мер в области охраны народного здравия;

у) установление системы мер и весов;

ф) организация общесоюзной статистики;

х) основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев;

ц) право амнистии, распространяемое на всю территорию Союза;

ч) отмена нарушающих настоящую Конституцию постановлений съездов советов и центральных исполнительных комитетов союзных республик;

ш) разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками.

2. Утверждение и изменение основных начал настоящей Конституции подлежит исключительному ведению Съезда советов Союза ССР.

Глава вторая.

О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве.

3. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз ССР охраняет суверенные права союзных республик.

4. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

5. Союзные республики, в соответствии с настоящей Конституцией, вносят изменения в свои конституции.

6. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия, а равно для изменения, ограничения или отмены статьи 4-й требуется согласие всех республик, входящих в Союз ССР.

7. Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство.

Глава третья.

О Съезде советоз советских социалистических республик.

8. Верховным органом власти Союза советских социалистических республик является Съезд советов, а в период между съездами советов—Центральный исполнительный комитет Союза ССР, состоящий из Союзного совета и Совета национальностей.

9. Съезд советов Союза советских социалистических республик составляется из представителей городских советов и советов городских поселений по расчету 1 депутат на 25 000 избирателей и представителей губернских и окружных съездов Советов по расчету 1 депутат на 125 000 жителей.

10. Делегаты на Съезд советов Союза ССР избираются на губернских и окружных съездах советов. В тех республиках, где нет губернских и окружных объединений, делегаты избираются непосредственно на съезде советов данной республики.

11. Очередные съезды советов Союза ССР созываются ЦИК Союза ССР один раз в два года, чрезвычайные съезды созываются ЦИК Союза ССР по его собственному решению, по требованию Союзного совета, Совета национальностей или же по требованию двух союзных республик.

12. При чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих созыву в срок Съезда советов Союза ССР, ЦИК Союза ССР предоставляется право отсрочки созыва съезда.

Глава четвертая.

О Центр. исп. ком. Союза сов. соц. республик.

13. Центральный исполнительный комитет Союза ССР состоит из Союзного совета и Совета национальностей.

14. Съезд советов Союза ССР избирает Союзный совет из представителей союзных республик, пропорционально населению каждой, в количестве, определяемом Съездами советов Союза ССР.

15. Совет национальностей образуется из представителей союзных и автономных советских социалистических республик по 5 представителей от каждой и из представителей автономных областей по одному представителю от каждой. Состав Совета национальностей в целом утверждается Съездом советов союза ССР.

16. Союзный совет и Совет национальностей рассматривают все декреты, кодексы и постановления, поступающие к ним от Президиума ЦИК и Совнаркома Союза ССР, отдельных наркоматов Союза, ЦИК союзных республик, а также возникающие по инициативе Союзного совета и Совета национальностей.

17. ЦИК Союза ССР издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяет работу по законодательству и управлению Союза ССР и определяет круг деятельности Президиума ЦИК и Совнаркома Союза ССР.

18. Все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза ССР, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов Союза ССР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение ЦИК Союза ССР.

19. Все декреты, постановления и распоряжения, издаваемые ЦИК, обязательны к непосредственному исполнению на всей территории Союза ССР.

20. Центральный исполнительный комитет Союза ССР имеет право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК Союза ССР, а также Съездов советов и ЦИК союзных республик и других органов власти на территории Союза ССР.

21. Очередные сессии ЦИК ССР созываются Президиумом ЦИК три раза в год. Чрезвычайные сессии созываются по постановлению Президиума ЦИК Союза ССР, по требованию Президиума Союзного совета или Президиума Совета национальностей, а также по требованию ЦИК одной из союзных республик.

22. Законопроекты, восходящие на рассмотрение ЦИК Союза ССР, получают силу закона лишь при условии принятия их как Союзным советом, так и Советом национальностей и публикуются от имени ЦИК Союза ССР.

23. В случаях разногласий между Союзным советом и Советом национальностей вопрос передается в создаваемую ими согласительную комиссию.

24. При недостижении соглашения в согласительной комиссии вопрос переносится на рассмотрение совместного заседания Союзного совета и Совета национальностей, причем в случае отсутствия большинства голосов Союзного совета или Совета национальностей вопрос может быть передан по требованию одного из этих органов на разрешение очередного или чрезвычайного Съезда советов Союза ССР.

25. Союзный совет и Совет национальностей для подготовки их сессий и руководства работой последних выбирают свои президиумы в составе по 9 членов каждый.

26. В период между сессиями ЦИК Союза ССР высшим органом власти является Президиум ЦИК Союза ССР, образуемый ЦИК в количестве 27 членов, в число которых входят в полном составе Президиумы Союзного совета и Совета национальностей. Для образования Президиумов ЦИК СССР и СНК СССР, согласно ст. ст. 26 и 37 настоящей Конституции, устраивается совместное заседание Союзного совета и Совета национальностей. Голосование на совместном заседании СС и СН производится отдельно Союзным советом и Советом национальностей.

27. Центральный исполнительный комитет избирает по числу союзных республик председателей ЦИК Союза ССР из состава членов Президиума ЦИК Союза ССР.

28. Центральный исполнительный комитет Союза ССР ответственен перед Съездом советов Союза ССР.

Глава пятая.

О Президиуме Центрального исполнительного комитета СССР.

29. Президиум ЦИК Союза ССР в период между сессиями ЦИК Союза ССР является высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза ССР.

30. Президиум ЦИК Союза ССР наблюдает за проведением в жизнь Конституции Союза ССР и исполнением всех постановлений Съезда советов и ЦИК Союза ССР всеми органами власти.

31. Президиум ЦИК Союза ССР имеет право приостанавливать и отменять постановления СНК и отдельных наркоматов Союза ССР, а также ЦИК и совнаркомов союзных республик.

32. Президиум ЦИК Союза имеет право приостанавливать постановления съездов советов союзных республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИК Союза ССР.

33. Президиум ЦИК Союза ССР издает декреты, постановления и распоряжения, рассматривает и утверждает проекты декретов и постановлений, вносимых Советом народных комиссаров, отдельными ведомствами Союза ССР, ЦИК союзных республик, их президиумами и другими органами власти.

34. Декреты и постановления ЦИК, его Президиума и СНК Союза ССР печатаются на языках общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский).

35. Президиум ЦИК Союза ССР разрешает вопросы о взаимоотношениях между СНК Союза ССР и народными комиссариатами Союза ССР, с одной стороны, и ЦИК союзных республик и их президиумами—с другой.

36. Президиум ЦИК Союза ССР ответственен перед ЦИК Союза ССР.

Глава шестая.

О Совете народных комиссаров СССР.

37. Совет народных комиссаров Союза ССР является исполнительным и распорядительным органом ЦИК Союза ССР и образуется ЦИК Союза ССР в составе:

председателя Совета народных комиссаров Союза ССР;
заместителя председателя;
народного комиссара по иностранным делам;
народного комиссара по военным и морским делам;
народного комиссара внешней и внутренней торговли;
народного комиссара путей сообщения;
народного комиссара почт и телеграфов;
народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции;
председателя Высшего совета народного хозяйства;
народного комиссара труда;
народного комиссара финансов;
народного комиссара земледелия;
управляющего Центральным статистическим управлением.

38. Совет народных комиссаров Союза ССР в пределах предоставленных ему ЦИК Союза ССР прав и на основании положения о Совете народных комиссаров Союза ССР издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории Союза ССР.

39. Совет народных комиссаров Союза ССР рассматривает декреты и постановления, вносимые как отдельными наркоматами Союза ССР, так и ЦИК союзных республик и их президиумами.

40. Совет народных комиссаров Союза ССР во всей своей работе ответственен перед ЦИК Союза ССР и его Президиумом.

41. Постановления и распоряжения СНК Союза ССР могут быть приостанавливаемы и отменяемы ЦИК Союза ССР и его Президиумом.

42. Центральные исполнительные комитеты союзных республик и их президиумы опротестовывают декреты и постановления СНК Союза ССР в Президиум ЦИК Союза ССР, не приостанавливая их исполнения.

Глава седьмая.

О Верховном суде Союза ССР.

43. В целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР при ЦИК Союза ССР учреждается Верховный суд, к компетенции которого относится:

а) дача Верховным судом союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства;

б) рассмотрение и опротестование перед ЦИК Союза ССР, по представлению прокурора Верховного суда Союза ССР, постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному за-

конодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик;

в) дача заключений по требованию ЦИК Союза ССР о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции;

г) разрешение судебных споров между союзными республиками;

д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

44. Верховный суд Союза ССР действует в составе:

а) пленарного заседания Верховного суда Союза ССР;

б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного суда Союза ССР;

в) военной коллегии.

45. Верховный суд Союза ССР в составе его пленарного заседания образуется из 15 членов, в том числе председателя и его заместителя, председателей пленарных заседаний верховных судов союзных республик и одного представителя ОГПУ Союза ССР, причем председатель, его заместитель и остальные семь членов назначаются Президиумом ЦИК Союза ССР.

46. Прокурор Верховного суда Союза ССР и его заместитель назначаются Президиумом ЦИК Союза ССР. На обязанности прокурора Верховного суда Союза ССР лежит дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного суда Союза ССР, поддержание обвинения в заседании его и, в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного суда Союза ССР, опротестование их в Президиум ЦИК Союза ССР.

47. Право направления указанных в ст. 43 вопросов на рассмотрение пленарного заседания Верховного суда Союза ССР может иметь место исключительно по инициативе ЦИК Союза ССР, его Президиума, прокурора Верховного суда Союза ССР, прокуроров союзных республик и ОГПУ Союза ССР.

48. Пленарные заседания Верховного суда Союза образуют специальные судебные присутствия (составы) для рассмотрения:

а) уголовных и гражданских дел исключительной важности, затрагивающих по своему содержанию две или несколько союзных республик, и

б) дел персональной подсудности членов ЦИК и СНК Союза ССР.

Принятие Верховным судом Союза ССР к своему производству этих дел может иметь место исключительно по особым на каждый раз постановлениям ЦИК Союза или его Президиума.

Глава восьмая.

О народных комиссариатах Союза ССР.

49. Для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения СНК Союза ССР, образуются 10 народных комиссариатов, указанных в ст. 37 настоящей Конституции, действующих на основе Положений о народных комиссариатах, утвержденных ЦИК Союза ССР.

50. Народные комиссариаты Союза ССР делятся на:

а) общесоюзные народные комиссариаты — единые для всего Союза ССР;

б) объединенные народные комиссариаты Союза ССР.

51. Общесоюзными народными комиссариатами Союза ССР являются народные комиссариаты:

по иностранным делам;

по военным и морским делам;

внешней и внутренней торговли;

путей сообщения;

почт и телеграфов.

Примечание. В области регулирования внутренней торговли НК внешней и внутренней торговли СССР пользуется правами объединенного народного комиссариата СССР.

52. Объединенными народными комиссариатами Союза ССР являются народные комиссариаты:

Высший совет народного хозяйства;

труда;

финансов;

рабоче-крестьянской инспекции и

Центральное статистическое управление

53. Общесоюзные народные комиссариаты Союза ССР имеют при союзных республиках своих уполномоченных, непосредственно им подчиненных.

54. Органами объединенных народных комиссариатов Союза ССР, осуществляющими на территории союзных республик их задания, являются одноименные народные комиссариаты этих республик.

55. Во главе народных комиссариатов Союза ССР стоят члены Совета народных комиссаров — народные комиссары Союза ССР.

56. При каждом народном комиссаре, под его председательством, образуется коллегия, члены которой назначаются СНК Союза ССР.

57. Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия с тем или иным решением народного комиссара коллегия или отдельные ее члены, не приостанавливая исполнения решения, могут обжаловать его в СНК Союза ССР.

58. Распоряжения отдельных народных комиссариатов Союза ССР могут быть отменяемы Президиумом ЦИК и СНК Союза ССР.

59. Распоряжения народных коммисариатов Союза ССР могут быть приостанавливаемы ЦИК или президиумами ЦИК союзных республик при явном несоответствии данного распоряжения союзной Конституции, законодательству Союза или законодательству союзной республики. О приостановке распоряжения ЦИК или президиумы ЦИК союзных республик немедленно сообщают Совету народных комиссаров Союза ССР и соответствующему народному коммиссару Союза ССР.

60. Народные комиссары Союза ССР ответственны перед СНК, ЦИК Союза ССР и его Президиумом.

Глава девятая.

Об Объединенном госуд. полит. управлении.

61. В целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом учреждается при СНК Союза ССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), председатель которого входит в СНК Союза ССР с правом совещательного голоса.

62. ОГПУ Союза ССР руководит работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных при Советах народных комиссаров союзных республик, действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке.

63. Надзор за закономерностью действий ОГПУ Союза ССР осуществляется прокурором Верховного суда Союза ССР на основе специального постановления ЦИК Союза ССР.

Глава десятая.

О союзных республиках.

64. В пределах территории каждой союзной республики верховным органом власти последней являются Съезд советов республики, а в промежутках между съездами — ее центральный исполнительный комитет.

65. Взаимоотношения между верховными органами власти союзных республик и верховными органами власти Союза ССР устанавливаются настоящей Конституцией.

66. Центральные исполнительные комитеты союзных республик избирают из своей среды президиумы, которые в период между сессиями ЦИК являются высшими органами власти.

67. ЦИК союзных республик образуют свои исполнительные органы — советы народных комиссаров — в составе:

председателя совета народных комиссаров;
заместителей председателя;
председателя Высшего совета народного хозяйства;
народного комиссара земледелия;
народного комиссара финансов;
народного комиссара торговли;
народного комиссара труда;
народного комиссара внутренних дел;
народного комиссара юстиции;
народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции;
народного комиссара просвещения;
народного комиссара здравохранения;
народного комиссара социального обеспечения;
управляющего Центральным статистическим управлением, а также с правом совещательного или решающего голоса, по решению ЦИК союзных республик, уполномоченных народных комис-

саров Союза ССР по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней и внутренней торговле, путей сообщения, почт и телеграфов.

68. Высшие советы народного хозяйства и народные комиссариаты торговли, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции и центральные статистические управления союзных республик, подчиняясь ЦИК и Советам народных комиссаров союзных республик, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных народных комиссариатов Союза ССР.

69. Право амнистии, а равно право помилования и реабилитации в отношении граждан, осужденных судебными и административными органами союзных республик, сохраняется за ЦИК этих республик.

Глава одиннадцатая.

О гербе, флаге и столице Союза ССР.

70. Государственный герб Союза советских социалистических республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями; колосья переплетены лентами, на лентах имеются надписи на шести языках, упомянутых в ст. 34: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На верху герба имеется пятиконечная звезда.

71. Государственный флаг СССР состоит из красного или алого полотнища с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

72. Столицею СССР является город Москва.

Приложение IV.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ О ВЫБОРАХ В СОВЕТЫ *).

Определение круга избирателей и круга лиц, лишенных избирательных прав.

10. При составлении и проверке списков как избирателей, так и лиц, лишенных избирательных прав, избирательные комиссии должны иметь в виду, что конституции советских республик лишают отдельных лиц и отдельные группы населения избирательных прав, а именно:

а) лиц, прибегавших или прибегающих сейчас к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лиц, живших или живущих сейчас на нетрудовые доходы, а также занимавшихся или занимающихся сейчас торговлей;

в) лиц, относящихся по своему классовому положению к моменту выборов или по своей прошлой деятельности к категории

*) Собрание зак. и распор. раб.-крест. правительства СССР, № 66, 26 окт. 1926 г., ст. 501.

лишенных избирательных прав, согласно соответствующих статей конституций союзных республик.

11. Из отдельных категорий граждан не могут пользоваться избирательными правами:

а) земледельцы, применяющие наемный труд, сезонный или постоянный, в таком объеме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового;

Примечание. Основным признаком трудового хозяйства в данном случае является подсобный характер наемного труда и обязательное участие в повседневной работе, в хозяйстве, наличных трудоспособных его членов.

б) земледельцы, имеющие наряду с земледельческим хозяйством промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку и т. п.), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда;

в) лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления и его пользование имеющихся у них сельскохозяйственных машин, рабочего скота и пр., или постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях;

г) кустари и ремесленники, прибегающие к найму постоянной рабочей силы;

д) владельцы предприятий промышленного типа, эксплоатирующие население путем сдачи тех или иных работ на дом;

е) частные торговцы и перекупщики;

ж) частные торговые и коммерческие посредники;

з) арендаторы и владельцы предприятий фабрично-заводского типа;

и) бывшие офицеры и чиновники белых армий, а также руководители контрреволюционных банд;

к) все служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего дома, а также все лица, прямо или косвенно руководившие действиями полиции, жандармерии и карательных органов как при царском строе, так равно и при белых контрреволюционных правительствах, как-то: бывшие министры, их товарищи, директора департаментов министерств, генерал-губернаторы, главноначальствующие при чрезвычайной охране, военные и гражданские губернаторы, вице-губернаторы, губернские и уездные предводители дворянства, чиновники для особых поручений, старшие председатели и члены уголовных департаментов, а также прокуроры и товарищи прокуроров судебных палат; следователи по важнейшим делам; председатели и члены военных судов всех наименований; члены губернских правлений, земские, крестьянские и уездные начальники, чины министерства внутренних дел и все служащие тюремного ведомства;

л) бывшие и настоящие служители всех религиозных культов;

м) лица, административно высланные, а также лица, в отношении которых состоялись судебные приговоры, лишающие их, в виду связи с преступной средой, права проживания на месте своего

прежнего жительства; пораженные в правах приговорами судов; находящиеся в местах лишения свободы.

12. По смыслу основных норм конституций союзных республик не могут быть лишены избирательных прав:

а) крестьяне-земледельцы, применяющие в своем хозяйстве наемный труд одного постоянного рабочего, при особых обстоятельствах, как-то: болезнь, мобилизация, избрание на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства, и т. п. на все время данного состояния хозяйства;

б) земледельцы, нанимающие во время страдной поры на короткий срок не более 2 человек для уборки хлебов и трав;

в) кустари и ремесленники, ведущие трудовое хозяйство без применения наемной силы, а также пользующиеся в силу условий производства наемным трудом одного взрослого рабочего или двух учеников;

г) привлеченные в свое время в ряды белых армий путем мобилизации рабочие и трудовые крестьяне, казаки, кустари и ремесленники;

Примечание. Из бывших офицеров и чиновников белых армий, а также руководителей контрреволюционных банд могут пользоваться избирательными правами лишь те, в отношении которых имеются соответствующие акты правительств Союза ССР и союзных республик.

д) лица, получающие проценты с трудовых вкладов и с облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов, при условии, если эти доходы не являются основным источником их существования, или если эти лица не лишены избирательных прав по другим основаниям;

е) лица, в силу особых причин занимающиеся мелкой торговлей, как-то: инвалиды труда и войны, торгующие по бесплатным патентам народных комиссариатов социального обеспечения, безработные рабочие и служащие, выбирающие патенты 1 разряда, если это занятие для них является временным;

ж) лица, которые по найму или по выбору религиозных общин занимаются административно-хозяйственным и техническим обслуживанием зданий религиозных культов и религиозных обрядов, как-то: сторожа, уборщики, звонари, певчие и т. п., а также члены приходских советов, если эти лица не лишены избирательного права по другим статьям конституций союзных республик;

з) лица свободных профессий, занимающиеся общественно-полезным трудом и не лишенные избирательных прав по другим статьям конституций союзных республик;

и) члены семей, лишенных избирательных прав на основании конституций союзных республик и настоящей инструкции, не лишаются избирательных прав в тех случаях, когда они материально не зависят от лиц, лишенных избирательных прав, и источником своего существования имеют самостоятельный общественно-полезный труд.

Приложение V.

СТАТЬИ ИЗ «ПОЛОЖЕНИЯ О ЦИК СССР», НА КОТОРЫЕ СДЕЛАНА ССЫЛКА В ТЕКСТЕ.

К § 377 и 378.

37. Согласительные комиссии образуются из представителей Союзного совета и Совета национальностей, выбираемых ими в равном числе членов.

43. Голосование на совместном заседании Союзного совета и Совета национальностей производится отдельно Союзным советом и Советом национальностей.

44. В случае разногласий между большинством Союзного совета и большинством Совета национальностей в совместном заседании спорный вопрос, по требованию одного из советов, передается на разрешение Съезда советов Союза ССР (ст. 24 Конституции Союза ССР).

На первом заседании Центрального исполнительного комитета Союза ССР образуется его Президиум, согласно ст. ст. 25, 26 и 27 Конституции Союза ССР.

45 *). Центральный исполнительный комитет Союза ССР образует Президиум ЦИК СССР в количестве 27 членов, в число которых входят в полном составе члены президиумов Союзного совета и Совета национальностей, избирает из состава членов Президиума ЦИК СССР председателей по числу союзных республик и секретаря ЦИК СССР и образует, согласно ст. 37 Конституции СССР, Совет народных комиссаров СССР в составе председателя СНК СССР, его заместителей и народных комиссаров СССР.

Приложение VI.

СТАТЬИ ИЗ «ПОЛОЖЕНИЯ О НАР. КОМИССАРИАТАХ СССР», НА КОТОРЫЕ СДЕЛАНА ССЫЛКА В ТЕКСТЕ.

К § 379.

15. Органами объединенных народных комиссариатов, осуществляющими на территории союзных республик их задания, являются одноименные народные комиссариаты этих республик.

Одноименные народные комиссариаты союзных республик, подчиняясь центральным исполнительным комитетам и советам народных комиссаров союзных республик, осуществляют в своей деятельности директивы и задания соответственных народных комиссариатов Союза ССР.

18. Кроме функций, выполняемых, согласно ст. 4 настоящего Положения, объединенные народные комиссариаты:

а) дают директивы и задания одноименным народным комиссариатам союзных республик и наблюдают за выполнением их;

б) приостанавливают и отменяют постановления одноименных народных комиссариатов союзных республик, противоречащие

---

*) В последней редакции (Собр. законов и распор. р.-к. правит. СССР, № 44, в авг. 1927 г., ст. 444).

данным им директивам или общесоюзному зак
временным доведением об этом до сведе
комиссаров соответствующих союзных респ

Примечание. Право это не
случай, когда распоряжение народного к
публики основывается на точном предписании
ных комиссаров данной республики. В последнем случае
соответствующий народный комиссар Союза ССР входит
в Совет народных комиссаров Союза ССР с опротестованием.

в) устанавливают обязательные для одноименных народных комиссаров союзных республик порядок и форму отчетности;

г) согласовывают в установленном порядке основы организации одноименных народных комиссариатов и их местных органов;

д) разрабатывают планы хозяйственной деятельности подведомственных им органов союзных республик, выполняющих задания Совета народных комиссаров Союза ССР;

е) ведают в установленным порядке общесоюзными фондами по данному народному комиссариату.

Приложение VII.

СТАТЬИ ИЗ «ПОЛОЖЕНИЯ О СНК СССР», НА КОТОРЫЕ СДЕЛАНА ССЫЛКА В ТЕКСТЕ.

К § 379.

1. Совет народных комиссаров Союза советских социалистических республик образуется Центральным исполнительным комитетом Союза советских социалистических республик и является его исполнительным и распорядительным органом.

2. Совет народных комиссаров Союза советских социалистических республик составляют:

а) председатель Совета народных комиссаров Союза советских социалистических республик;

б) заместители председателя Совета народных комиссаров Союза советских социалистических республик;

в) народные комиссары: иностранных дел, военных и морских дел, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов, рабоче-крестьянской инспекции, труда, внутренней торговли, финансов и председатель Высшего совета народного хозяйства.

Примечание. На заседаниях Совета народных комиссаров Союза ССР участвуют с совещательным голосом представители союзных республик, члены Центрального исполнительного комитета Союза ССР, председатели Государственного политического управления и Центрального статистического управления, а также могут участвовать председатели Советов народных комиссаров союзных республик и, по особому постановлению Совета народных комиссаров Союза ССР, другие лица.

3. К предметам ведения Совета народных комиссаров Союза советских социалистических республик относятся:

а) руководства деятельностью общесоюзных и объединенных народных комиссариатов.